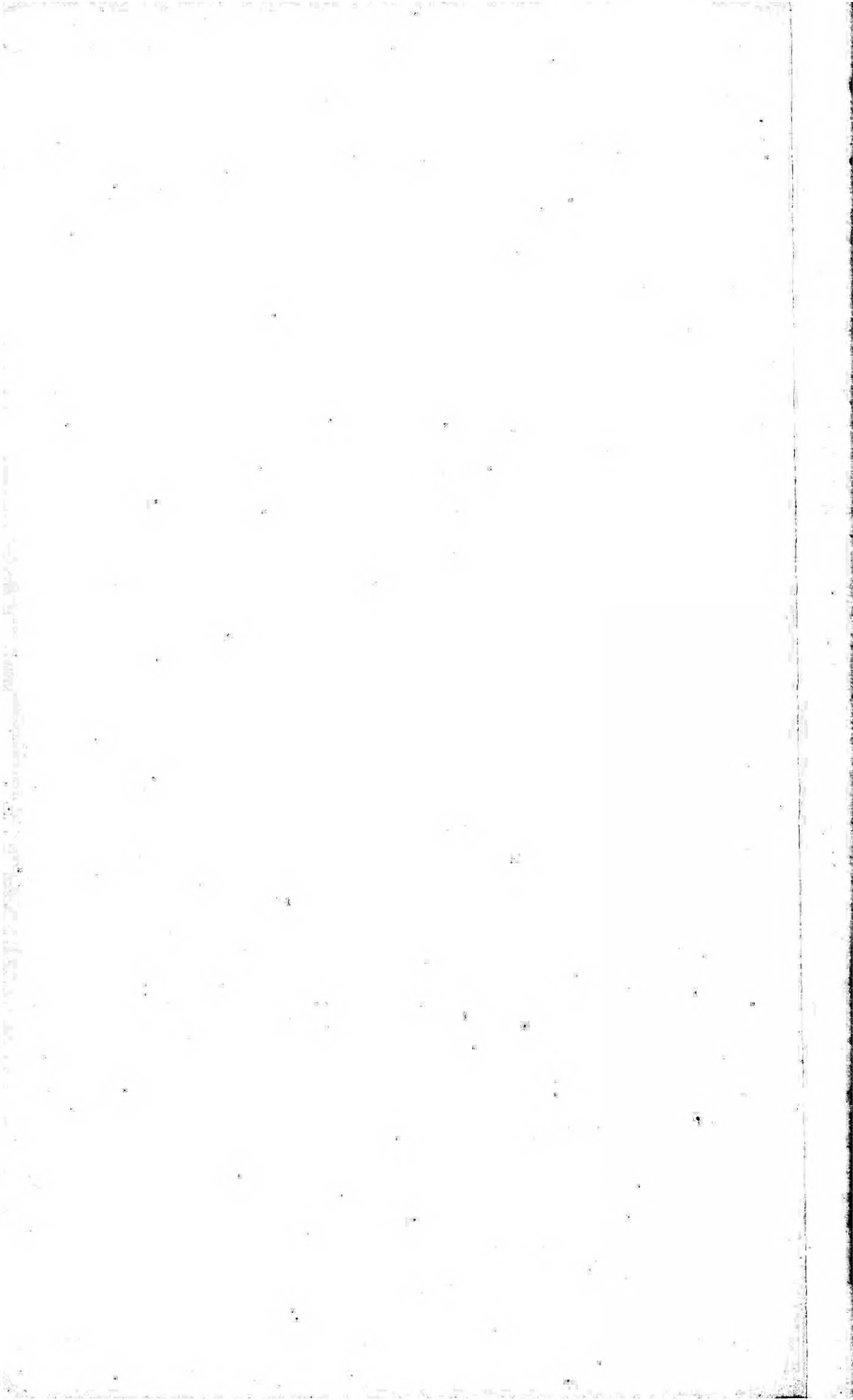

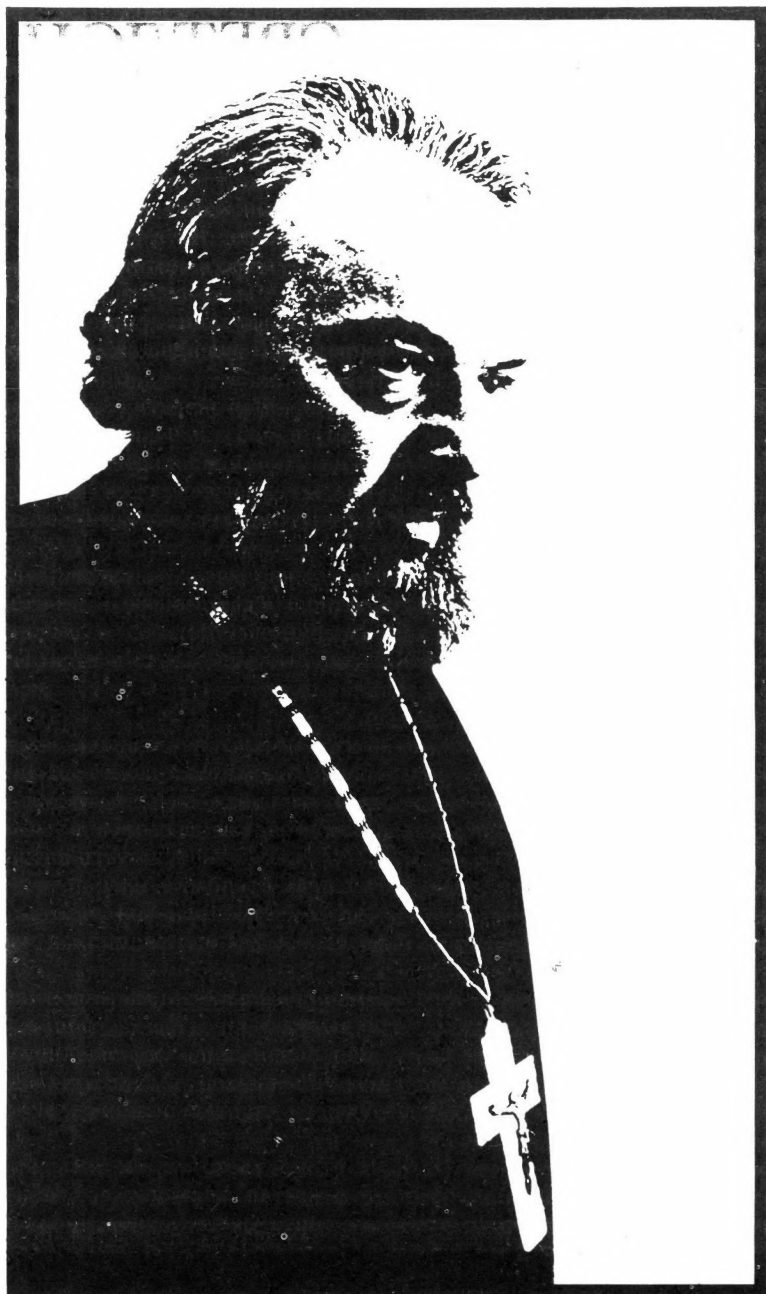
АЛЕКСАНДР
МЕНЬ

СЫН
ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ

ИПЦ «ВИТА»
Москва
1991

СВЕТЛОЙ
ПАМЯТИ
МОЕЙ
МАТЕРИ

Лик
Туринской плащаницы
Фрагмент

АЛЕКСАНДР
МЕНЬ

СЫН ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ

Издание четвертое,
переработанное и дополненное

ИПЦ «ВИТА»

Москва

1991

ББК 86.3
М51

Мень А.

М51 Сын Человеческий.—4-е изд.— М.: Вита, 1991.—
336 с.

«Сын Человеческий» — бестселлер христианской литературы второй половины XX века. В этой книге автор на основе фундаментальных знаний и глубокой Веры в учение Христово ПРОСТО РАССКАЗЫВАЕТ О ХРИСТЕ. Этот рассказ рассчитан в основном на тех, кто прочел Евангелие впервые или даже незнаком с ним. Впрочем, и искушенный читатель, несомненно, найдет для себя нечто новое, особенно в главах, посвященных «теории мифа» и происхождению Евангелия.

ББК 86.3

М 0403000000—000
А17(03)—91

Без объявл.

ISBN 5-86606-001-9

© Подготовка текста, оформление,
ИПЦ «ВИТА», 1991

© Публикация, общество «Культурное
возрождение» имени Александра
Меня, ИПЦ «ВИТА», 1991

ОТ АВТОРА

«Рождество Богоматери»
Вторая половина XVI века,
Псков

Для чего написаны эти страницы? Нужны ли они, если об Основателе христианства было уже столько сказано?

Любая новая книга на евангельскую тему может вызвать подобные вопросы. Кроме того, очевидно, что никакой труд, посвященный жизни и учению Иисуса Христа, не в состоянии заменить своего первоисточника. «Есть книга,— писал незадолго до смерти Пушкин,— коей каждое слово истолковано, объяснено, проповедано во всех концах земли, применено ко всевозможным обстоятельствам жизни... Сия книга называется Евангелием,— и такова ее вечно-новая прелесть, что если мы, пресыщенные миром или удрученные унынием, случайно откроем ее, то уже не в силах противиться ее сладостному увлечению и погружаемся духом в ее божественное красноречие»¹. В самом деле, кто, кроме евангелистов, сумел справиться с этой грандиозной задачей — запечатлеть образ Иисуса Назарянина, причем пользуясь удивительно скудными средствами?

Итак, если мы хотим знать правду о Христе, то должны искать ее прежде всего в Евангелии.

Но тот, кто впервые берет его в руки, может столкнуться с известными трудностями. Ведь авторов Нового Завета отделяют от нас две тысячи лет. Современному человеку бывает нелегко понять многие их намеки, обороты речи, а подчас даже самый ход их мысли, что вызывает необходимость в комментариях, которые давали бы ключ к Евангелию.

Изучение новозаветной письменности уже давно стало целой наукой. Сотни толкователей — богословов, историков, филологов — проделали огромную работу по разбору и сопоставлению текстов, по уточнению их смысла. Они кропотливо исследовали каждую главу и каждый стих Евангелия.

Ценность этих аналитических трудов бесспорна. Они помогли уяснить немало важных подробностей. Однако авторы их следовали методу, который нередко оставлял на втором плане главное. Обширные крити-

ческие экскурсы о Матфее, Марке, Луке и Иоанне почти заслонили Самого Христа. А ведь евангелисты стремились донести до нас именно весть о Сыне Человеческом, который есть альфа и омега христианства; без Него оно лишается души, попросту говоря, не существует.

Вот почему за последние полтора века в евангельской историографии наряду с богословским и литературным анализом стали использовать также и метод *обобщения*, синтеза. Авторы, которые шли по этому пути, хотели, опираясь на данные текстуальной критики, воссоздать целостную картину земной жизни Христа.

Одним из первых этот подход применил известный русский проповедник, архиепископ Иннокентий Херсонский (Борисов). Его очерки вышли в 1828 году под названием «Последние дни земной жизни Иисуса Христа». Книга с тех пор выдержала много изданий и продолжает пользоваться широкой популярностью. Однако она охватывает события только Страстной недели.

Остается сожалеть, что опыт полной «биографии» Христа, написанной в форме связного повествования, был предпринят впервые автором нехристианским. Речь идет об Эрнесте Ренане, французском историке и публицисте, книга которого «Жизнь Иисуса» появилась в 1863 году.

В ней автору удалось нарисовать яркую и правдивую панораму Евангельской эпохи и необычайно живо изобразить Самого Основателя христианства, хотя, будучи по мировоззрению скептиком-позитивистом, Ренан в значительной мере исказил Его облик.

Успеху «Жизни Иисуса» немало способствовало и то, что центральная тайна Евангелия — тайна *Богочеловечества* отступила в христианском сознании на второй план. Это, естественно, привело к реакции, выразителем которой и стал Ренан. Вскоре после выхода в свет его книги соотечественник Ренана пастор Эдмон Прессансе писал: «Человечество Христа очень часто приносилось в жертву Его Божеству, забывали, что

последнее неотделимо в Нем от первого и что Христос... не Бог, скрывшийся под видом человека, но Бог, сделавшийся человеком, Сын Божий, униженный и поруганный, говоря смелым языком ап. Павла, Христос, действительно подчинивший Себя условиям земной жизни... Христа очень часто представляли нам как отвлеченный догмат, и потому бросились в противоположную крайность»².

И поклонников, и противников Ренана сначала больше занимали его философские взгляды; когда же интерес к ним остыл, а страсти, разгоревшиеся вокруг «Жизни Иисуса», стали утихать, отчетливо обнаружилось достоинства примененного в книге метода³.

Характерен случай, который рассказывали о Владимире Соловьеве. Однажды, беседуя с обер-прокурором Синода К. П. Победоносцевым — человеком крайне консервативным, философ попросил у него позволения издать по-русски «Жизнь Иисуса», снабдив ее, разумеется, критическими примечаниями.

— От вас ли я это слышу? — возмутился обер-прокурор. — Что это вам в голову пришло?

— Но ведь надо же наконец народу о Христе рассказать, — ответил, улыбаясь, Соловьев.

Он сам относился к Ренану отрицательно, но хотел подчеркнуть, что, как правило, многословные труды критиков и толкователей мало приближали людей к евангельскому Христу. В этом смысле на их фоне мог выигрывать даже Ренан.

Неудивительно, что вслед за книгами архиеп. Иннокентия Херсонского и Ренана стали выходить другие, написанные в том же жанре, и число их с каждым десятилетием увеличивалось. Нередко, правда, результаты получались спорными и противоречивыми. Одни хотели видеть в Назарянине только реформатора иудейства, другие — последнего из пророков; сторонники насилия изображали Его революционером, толстовцы — учителем непротивления, оккультисты — «посвященным» эсотерического ордена, а враги традиционных обществ

венных устоев — борцом против рутины. «Есть нечто трогательное, — замечает известный историк Адольф Гарнак, — в этом стремлении всех и каждого подойти к этому Иисусу Христу со стороны своей личности и своих интересов и найти в Нем самого себя или получить хотя бы некоторую долю в Нем»⁴. С другой стороны, в таких попытках обнаруживалась узость людей, которые силились разгадать «загадку Иисуса», исходя только из своих, подчас весьма односторонних воззрений.

Между тем личность Христа неисчерпаема, она превосходит все обычные мерки; вот почему каждая эпоха и каждый человек могут находить в Нем новое и близкое им. Об этом, в частности, свидетельствует и история искусства. Если мы сравним фреску в катакомбах или древнерусскую икону с изображением Христа у Эль Греко или Марка Шагала, то легко убедимся, как по-разному преломлялся Его образ на протяжении веков.

Чем же можно проверять и корректировать эти трактовки в живописи, в науке и литературе?

Единственным критерием здесь является *само Евангелие*, на котором основаны все попытки изобразить Сына Человеческого.

Правда, некоторые историки утверждают, что Евангелия слишком лаконичны, чтобы дать материал для «биографии» Иисуса. Действительно, в них опущены многие факты, ряд конкретных деталей остается неясным, но непредубежденный исследователь найдет в них все важнейшие черты жизни и учения Христа. К тому же скудость источников обычно не мешает создавать жизнеописания великих людей, о которых сохранилось куда меньше достоверных данных.

Есть и богословы, отвергающие возможность изложить евангельскую историю лишь на том основании, что Новый Завет не «объективный рассказ», а проповедь о спасении и Спасителе мира. Но если даже Евангелия и возникли как книги церковные, богослужебные, содер-

жащие благовестие веры, это вовсе не исключает их исторической ценности. Созданные не летописцами и не историками, они, однако, содержат свидетельство, пришедшее к нам из первого века Церкви, когда еще были живы очевидцы земного служения Иисуса.

Повествования евангелистов подтверждаются и дополняются античными и иудейскими авторами, а также открытиями современных археологов. Все это позволяет считать задачу «биографов» Иисуса Христа вполне осуществимой.

Разумеется, чисто исторический аспект не может являться главным в Его «биографии».

Сын Человеческий принадлежит не только прошлому. Сегодня, как и в то время, когда Он жил на земле, Его любят, в Него верят и с Ним борются.

Однако нельзя забывать, что путь Христов проходил среди людей определенного времени, что к ним в первую очередь было обращено Его слово. Св. Иоанн Златоуст рекомендовал, читая Евангелие, представлять себе конкретную обстановку, служившую фоном священных событий. Теперь мы можем следовать этому совету успешнее, чем во дни самого Златоуста, поскольку располагаем более подробными сведениями об Иудее I века.

Увидеть Иисуса Назарянина таким, каким видели Его современники,— вот одна из главных задач книги о Нем, если она строится по принципу историко-литературного синтеза. Среди христианских авторов, руководствовавшихся этим принципом, наибольшую известность приобрели Фредерик Фаррар, Коннингем Гейки, Альфред Эдершейм, Анри Дидон, Франсуа Мориак, Дмитрий Мережковский, Анри Даниель-Ропс, Артур Нисин, Гюнтер Борнкам и Чарлз Додд. Но поскольку все они писали для Запада, появление еще одной книги этого направления, ориентированной на русского читателя, может быть оправдано.

В ней автор не ставил себе исследовательских целей, а стремился лишь к тому, о чем говорил Вл. Соловьев в беседе с Победоносцевым,— просто *рассказать о Христе*. Рассказать на основании Евангелий, лучших комментариев к ним, а также других источников. При работе были приняты во внимание важнейшие результаты современной новозаветной критики, но с учетом того, что и сама она нуждается в критическом подходе.

Предназначена эта книга в основном для тех, кто прочел Евангелие впервые или даже совсем незнаком с ним. *Поэтому рассказ начинается с внешних событий, лишь постепенно приближаясь к темам более глубоким и сложным.*

Впрочем, искушенный читатель, быть может, тоже найдет здесь для себя нечто новое, хотя прямо ему адресован только раздел, относящийся к «теории мифа» и происхождению Евангелий.

Автор надеется, что книга окажется небезынтесной и для неверующих. Любому человеку следует иметь представление об Основателе религии, которая стала неотъемлемой частью мировой культуры.

Цитируя Новый Завет, автору пришлось отказаться от общеупотребительного синодального перевода. Достоинства его несомненны, но, сделанный более ста лет назад, он устарел как в научном, так и в литературном отношении. Поэтому в книге использован (с некоторыми поправками) новый перевод, осуществленный в Париже под редакцией архиепископа Кассиана.

Ссылки на литературу приведены только в самых необходимых случаях. Желющие углубить свои знания в этой области могут обратиться к трудам, указанным в библиографии.

Если предлагаемый очерк поможет читателю лучше понять Евангелие, пробудит к нему интерес или просто заставит задуматься, цель автора будет достигнута.

ПРОЛОГ

«Богоматерь Владимирская
с житием Иоакима, Анны и Богоматери»
Середина XVI века,
Псков

Весной 63 года до н. э. на дорогах Палестины показались колонны римских солдат. За ними со скрипом тянулись обозы, грохотали тяжелые осадные орудия, в тучах пыли блестели панцири легионеров и колыхались боевые знамена.

Командовал армией сорокатрехлетний полководец Гней Помпей. Втайне мечтая о мировом господстве, он любил рядиться в тогу международного арбитра и говорил, что явился в Сирию не для захвата чужих владений, а как защитник порядка и освободитель. В эти годы он достиг зенита славы и был окружен любовью военных. То, что Помпей расправился с пиратами — этим бичом мореплавателей — и победоносно завершил кампанию против Митридата Понтийского и Тиграна Армянского, укрепило его позиции как в Риме, так и за его пределами.

Ближний Восток Помпей застал в состоянии войны, которую вели между собой местные царьки и правители. Поэтому он поспешил водворить там мир, раздавая титулы и короны, и в то же время объявил все Сирийское побережье провинцией Рима.

Этот момент совпал с упорной борьбой за иерусалимский престол двух братьев-претендентов — Аристобула и Гиркана. Они обратились к Помпею с просьбой решить их спор. Но пока в Дамаске тянулись переговоры, Аристобул внезапно передумал и отказался от помощи римлян. Узнав об этом, разгневанный Помпей быстрым маршем двинулся на Иерусалим...

Палестина, или Страна Израиля, по которой шли теперь когорты и в которой через сто лет должен был прозвучать голос Христа, расположена на перекрестке Европы, Азии и Африки, что постоянно делало ее яблоком раздора. Многие завоеватели на протяжении веков покушались на ее территорию, хотя она никогда не славилась особым плодородием или природными богатствами.

Эта небольшая полоса земли, протянувшаяся по берегам Иордана и Мертвого моря, включает всевозможные оттенки климата и рельефа. Недаром ее называют краем контрастов. Вечные снега лежат на вершинах израильских гор; зимой снег нередко выпадает даже на юге, а кое-где летом жара достигает почти тропической силы. Пальмы и гранатовые деревья, смоковницы и кипарисы соседствуют с зарослями орешника и ивняка; зеленые равнины чередуются с голыми скалистыми грядками.

В древности наиболее цветущим был северный округ — Галилея, расположенный на запад от озера Кинéрет (Геннисарет),

которое иногда называли Галилейским морем. Среди населения этой местности жило много иноплеменников, из-за чего ее именовали «Галилеей языческой». С юга к ней примыкает область Самария. Когда-то вместе с Галилеей она составляла Северное Израильское Царство, уничтоженное в 722 году до н. э. ассирийцами. Завоеватели угнали в плен жителей городов, а на их место переселили людей из Месопотамии и Сирии. Колонисты смешались с израильтянами и приняли их веру, сохранив, однако, свои старые обычаи. Иудеи отказывались признать в этих *самарянах* братьев, считая их полуязычниками, что вело к конфликтам, о которых упоминают и Евангелия. Несколько сот самарян и сегодня живут в Израиле. Подобно своим предкам, они почитают священной гору Гаризим, где некогда стоял их храм.

Южная часть страны, или собственно Иудея, представляет полную противоположность Северу. (Римляне называли Иудею всю Палестину.) Неприветливая и бесплодная, она похожа на гористую пустыню с оазисами. Ее суровый, но здоровый климат закалил иудеев, сделав их выносливым, чуждым изнеженности народом.

Последним пунктом на пути римлян в Иерусалим, еще сохраняющим прелесть благодатного Севера, был Иерихон; он славился целебными источниками и пальмовыми рощами. Именно там разбил свой лагерь Помпей и оттуда привел солдат к стенам иудейской столицы.

Иерусалим, переживший пятнадцать веков славы и падений, уже давно стал легендарным городом. Он был расположен на горе и представлял собой мощную крепость. Вид его стен смутил Помпея, который знал толк в осадном деле. Однако ему помогли раздоры, бушевавшие внутри города. Аристократ сдался на милость римлян, а партия его брата Гиркана открывала им ворота. Только те, кто не желал мириться с присутствием чужеземцев, заперлись в храмовой цитадели, готовые стоять насмерть.

Целых три месяца шла осада, пока римляне с величайшим трудом не разрушили одну из башен. Когда они хлынули в ограду Храма, то с изумлением увидели, что священники продолжают совершать богослужение. Все время, пока длилась отчаянная оборона, духовенство не покидало алтаря и погибло вместе с защитниками.

Пользуясь правом победителя, Помпей захотел осмотреть знаменитый Храм, в том числе и *Дебир*, Святая Святых, место, куда мог входить, да и то раз в году, только первосвя-

щенник. Переступить запретный порог толкало римлянина неудержимое любопытство: ведь о религии иудеев ходили самые фантастические слухи. Одни рассказывали, что в Дебире находится золотое изображение ослиной головы, другие уверяли, что там прячут человека, обреченного на заклятие. Что же скрывается в нем на самом деле? Каких только сюрпризов не подносил загадочный Восток людям Запада!

В напряженной тишине отодвинута завеса... И что же? Удивлению Помпея и его офицеров не было границ. Они ожидали увидеть нечто необыкновенное, по крайней мере, какой-то образ — прекрасный или отталкивающий. Но там было пусто. Там обитало Незримое...

Со странным чувством, к которому примешивался суеверный страх, покинули римляне Храм, не прикоснувшись ни к чему. Но, наверное, они удивились бы еще больше, если бы узнали, что судьба поставила их лицом к лицу с религией, предназначенной стать колыбелью учения, которое завоюет Восток и Запад, беломраморную Элладу и их родной Рим.

Чем же отличалась эта религия от прочих?

Ответить на вопрос можно, лишь начав издалека.

Уже тогда, когда свет разума впервые вспыхнул в человеке, он ощутил реальность некоей высшей Силы, объемлющей мироздание. Для первобытных охотников было естественно отождествить Ее с тем, что мы теперь называем природой. Поэтому всюду — в облаках и звездах, в реках и живых существах люди искали присутствия Божественного.

Сначала, как правило, это приводило к грубому идолопоклонству, к обоготворению отдельных предметов и явлений. Позднее в Индии, Китае и Греции культ природы породил веру в то, что видимый мир есть единственно подлинная действительность. Но такой взгляд шел вразрез с общечеловеческим духовным опытом и не получил широкого признания.

Напротив, с приходом религиозной и философской зрелости культур укрепилось убеждение, что верховная Реальность в корне отличается от всего частного и ограниченного. Последним словом дохристианской мысли стало учение о Божестве, Чье сокровенное, неисповедимое бытие находится по ту сторону зримого. Как бы ни называть Его — Небом, Отцом, Судьбой — глубина Его не может быть познана никем из смертных. Идея эта не только вытекала из переживаний мистиков, но имела и логическое основание. Поистине — какой разум в состоянии охватить саму Беспредельность?..

Однако таинственный порыв ввысь не погас в человеке.

Он все время стремился преодолеть дистанцию, отделяющую его от Неба, связать свою жизнь с иным миром. В результате продолжали существовать две тесно переплетенные веры: вера в Непостижимого и — в стихийные божества. Последние, казалось, стояли ближе к человеку, и с ними можно было вступить в прямой контакт. Считалось, что есть секретные магические приемы, с помощью которых люди способны влиять на демонов и духов. Подобный утилитарный взгляд оставался господствующим в течение тысяч лет.

Многобожие и *магия* тщетно пытались заполнить пропасть, отделяющую землю от неба.

Впервые эта раздвоенность была снята в библейском Откровении. Оно учило о Боге «святom», то есть несоизмеримом с тварью, и одновременно — о человеке, как Его «образе и подобии». Таинственное родство бесконечного Духа и духа конечного делает, согласно Библии, возможным *Завет* между ними. Завет, или Союз, есть путь к единению человека не с богами, а именно с высшим Началом, пребывающим над Вселенной.

Примечательно, что религию Завета исповедовал народ, который не создал могущественной цивилизации, не выделялся в политическом отношении и лишь на короткое время достиг национальной независимости. Однако верность Богу он сумел пронести через долгие столетия своей мучительно трудной историей.

Предки этого народа с незапамятных времен кочевали между Сирией и Египтом. Предание сохранило память о вожде одного из племени евреев *Аврааме* (1900 г. до н. э.), с именем которого связано начало ветхозаветной религии. Первая ее заповедь указывала на важность человеческих поступков перед лицом Неба. «Я — Бог Всемогущий; ходи передо Мною и будь непорочен». Аврааму было обещано, что через его потомков «благословятся все племена и народы земли», хотя оставалось тайной, что будет означать это благословение¹.

Во II веке до н. э. гонимые голодом евреи переселились на восток нильской дельты, где постепенно подпали под деспотическую власть фараонов. Вера Авраама была почти забыта.

Около 1230 года группа еврейских кланов, носивших имя «Сыны Израиля», или просто *Израиль*, была объединена *Моисеем* — их великим пророком и законодателем. Он вернул народ к «Богу отцов», к «Богу Авраама, Исаака и Иакова» и вывел соплеменников из «дома рабства». В память об «исходе» и освобождении Моисеем был установлен праздник Пасхи.

Скрывшись в Синайской пустыне, израильтяне некоторое время обитали в окрестностях священной горы Синай и оазиса Кадеш, где пророк торжественно провозгласил основы религии Завета.

Моисей заповедал народу чтить лишь одного Бога, Владыку и Создателя мира, Который есть *Ягве*, Сущий, Тот, Кто обладает бытием, будучи Сам превыше всего чувственного². Пророк запретил поклоняться каким-либо природным богам и даже делать изображения Самого Ягве. Знаком Его пребывания среди верных был только ковчег — большой ларец, украшенный фигурами крылатых существ — керубов. Его укрепляли на длинных шестах и во время битвы несли перед воинами.

Моисей учил, что по воле Сущего Израиль должен стать *избранным* Его орудием, «народом святым и царством священников», т. е. общиной людей, предназначенной служить истинному Богу.

Култ кочевников-израильтян был свободен от обилия церемоний, свойственного всем древним религиям³. Учение пророка кратко сформулировано в *Декалоге*, десяти заповедях, которые были начертаны на двух каменных плитах. Суть их сводилась к верности Господу-Избавителю, а также основным нравственным нормам: чти отца и мать, не убивай, не кради, не прелюбодействуй, не клеветай, не завидуй. Из культовых обычаев Декалог упоминает лишь один — закон субботнего дня, посвященного Богу.

Кроме десяти заповедей к той же эпохе, вероятно, относится и молитва-исповедание, начинавшаяся словами: «Слушай, Израиль! Ягве — Бог наш, Ягве — един. И возлюби Ягве, Бога твоего, всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всеми силами твоими!»⁴.

Величественная простота Моисеевой веры и ее заповеди, следовать которым и до сих пор оказывается столь нелегко, знаменовали коренной поворот в религиозном сознании. Неудивительно, что Моисей должен был пережить трагедию непонятого пророка.

Библия повествует о том, с каким трудом воспринимали вчерашние рабы уроки своего учителя, как они восставали против него, как сильна была над ними власть привычных суеверий. Но пророк не отступал даже тогда, когда ему казалось, что дело проиграно. И его усилия не пропадали даром. Религия Завета стала тем прочным корнем, из которого выросли духовная стойкость и единство народа.

Еще при Моисее израильтяне начали проникать в *Ханаан*,

как тогда называли Палестину, а после его смерти большая их часть перешла реку Иордан и завоевала страну. Осуществилась мечта многих поколений: жить на «земле Авраама».

Племя иудейское осело в районе гористого Юга, а остальные колена — на Севере. Но вскоре оказалось, что дети пустыни попали в положение победителей, которым пришлось покориться культуре побежденных. Цивилизация ханаанеев, родственная финикийской, была по тем временам высокоразвитой. Тем не менее ханаанские культы продолжали сохранять древний изуверский характер. В них практиковались и человеческие жертвоприношения, и ритуальные убийства детей, и храмовая проституция. Праздники, связанные с плодородием, сопровождались у ханаанеев чувственными обрядами и оргиями.

Под воздействием народа, среди которого ему пришлось жить, Израиль стал быстро терять свою духовную самобытность. Почитание Ваалов и других земледельческих богов Ханаана незаметно вошло в быт еврейских крестьян. Как говорит Библия, «сыны Израиля уклонились от Ягве, Бога своего».

Около 1100 года на ханаанский берег высадились воины, пришедшие с островов Эгеиды. То были филистимляне, народ, уже овладевший секретом выплавки железа. Они быстро установили власть над страной, и от них впоследствии она получила свое греческое название — Палестина. Израильтяне и ханаанеи, имевшие только бронзовое оружие, не могли противиться завоевателям.

Прошло почти полвека, прежде чем иго чужеземцев было осмыслено как небесная кара за отступничество. И тогда явились проповедники, призывавшие возвратиться к вере отцов. Они пробудили народные силы и возглавили восстание против филистимлян.

Война длилась долго и закончилась победой. В результате ее было образовано независимое еврейское царство. Около 1000 года при царе *Давиде* оно объединило несколько родственных племен и простерло свои границы «от Нила до Евфрата». Религиозной и политической столицей Давид сделал ханаанскую крепость Иерусалим, куда по его приказу перенесли ковчег. Пророк Нафан предсказал царю, что его преданность вере будет вознаграждена: один из потомков Давида станет основателем вечного царства.

По обычаю Востока, когда человека провозглашали монархом, священник возливал на его голову кубок елей. Елей, масло оливы, считали символом прочности. Обряд же «помазания» напоминал о том, что власть даруется от Бога, Дух Ко-

торого отныне будет пребывать на Избраннике. Поэтому каждый властелин Израиля (а иногда и пророк) именовался Помазанником, *Мессией* или по-гречески — *Христом*. Однако со временем этот титул стали относить лишь к великому Царю грядущего.

Для израильтян обетование о Мессии сливалось с общей надеждой на свершение неведомых замыслов Господних. Эта надежда издавна была характерной чертой Ветхого Завета. Она зародилась еще во дни Авраама; потом возжеленной целью стала «земля обетованная», куда указал путь Моисей, и, наконец, пророчество Нафана дало новое направление народным чаяниям.

Не следует, впрочем, думать, что духовная жизнь Израиля оставалась в ту пору незамутненной. В каждой главе библейской истории есть драматические страницы, повествующие о борьбе и соблазнах, падениях и отступничестве. Малодушие и страсти, тяга к чужим культам и расчеты политиков не раз колебали веру.

После Давида контакты с Финикией и Египтом вновь усилили влияние язычества. Хотя в Храме, который, построил царь Соломон, не было изображения Бога (то есть соблюдался Моисеев завет), зато рядом с ним разместились капища иноверцев. Когда же в 922 году распалось царство на Север и Юг, Израиль и Иудею, угроза идолопоклонства стала еще реальней. Повсюду воздвигались алтари в честь Ваалов и Астарты, казалось, еще один шаг — и язычество будет признано второй официальной религией Израиля.

Духовный кризис сопровождался кризисом социальным. Самодержавие монархов, которые все больше расширяли свои привилегии, рост имущественного неравенства, бесправие и разорение крестьян, огромные налоги, проникновение в страну финикийской роскоши — все это не могло не тревожить людей, которые верили в миссию Израиля и ужасались его упадку. Их взоры были обращены к идеалам Синая, к чистой вере патриархальной старины.

Из среды этих оппозиционеров и вышли *пророки*, Божии посланцы, звавшие народ очнуться от спячки.

Обычно они проповедовали в Храме. Не намереваясь создавать новую религию, пророки хотели возродить и очистить ту, что была унаследована от времен Моисея. Пророки отказывались во имя ложно понятного патриотизма лстить толпе и без колебаний начали переоценку всего строя национальной жизни.

Деятельность пророков совпала с той эпохой, когда большинство цивилизованных стран вступило в полосу религиозных революций. Это был исторический перелом, который можно сравнить лишь с появлением христианства. Старое мировоззрение, ставившее в центр ритуал, заклинание, магию, начало колебаться. Повсюду, от Китая до Италии, появились *мировые учителя*, пытавшиеся найти новые ответы на жгучие вопросы жизни и веры. Авторы Упанишад, Будда, Махавира, Лао-цзы, Конфуций, Заратустра и греческие философы — вот те, кто духовно сформировал мир, в который пришел Иисус Назарянин. Они были Его предтечами, но в строгом смысле слова назвать так можно только израильских пророков.

Многое роднит их с великими мудрецами Востока и Запада. Подобно отшельникам Индии, они знали, что Бог как абсолютный источник бытия превосходит все земное; подобно персидскому реформатору Заратустре, верили в Него, как в совершенный Свет и Добро; подобно Гераклиту, они созерцали в Нем динамическую, «огненную» силу; подобно Анаксагору и Платону, говорили о Нем как о вселенском Разуме или Премудрости. Но при этом пророки были далеки от того, чтобы вместе с Буддой считать эту жизнь злом, тягостным маревом, в отличие от элейских метафизиков, не учили, что Творец и мир есть нераздельное целое.

Они знали, что Бог, как бы ни был велик Он, связан узами любви со Своим творением, что человек — Его избранный, которому Он Себя открывает.

Самое непостижимое в пророках — тайна их вдохновения. Они не строили гипотез, не создавали умозрительных систем; Бог *непосредственно* через них возвещал Свою волю. Речь пророков обычно начиналась словами: «Так говорит Ягве». Дух Господень овладевал ими с покоряющей силой, и люди внимали их голосу, как голосу Неба. Это чудо потрясло самих пророков. Иногда им было даже трудно охватить умом все открывшееся.

Пророки отчетливо сознавали себя орудиями, глашатаями и посланниками Всевышнего. Но в то же время они были не похожи на языческих прорицателей, вроде пифий, которые вешали, находясь в состоянии бессознательного транса. В опыте библейских провидцев просветленный человеческий дух предстал Сущему, открывающему Себя как Личность. Бог говорил с миром и ждал от него ответа. Таким образом, в пророках осуществлялось единение твари с Творцом, осуществлялся тот Завет, который был основой веры Израиля.

Пророки не только переживали встречу с Богом в глубине своего существа, но видели Его руку в жизни народов. Это было откровением, уникальным среди других религий.

«Вечный закон, который греки усматривали в стройном развитии и движении материи,— пишет английский историк Кристофер Даусон,— для иудеев осуществлялся в превращениях человеческой истории. В то время как философы Индии и Греции размышляли об иллюзорности или вечности космических процессов, пророки Израиля утверждали нравственную цель истории и объясняли преходящие события своего времени в их отношении к божественной воле»⁵.

Наблюдая неизменные ритмы природы: восходы и закаты, смену времен года и движение планет — большинство древних философов пришло к мысли о *циклическом* характере бытия. Все, полагали они, несется по кругу, все один раз случившееся повторится опять, и ничто не может быть в корне изменено. Рождаясь, умирая и возникая вновь, Вселенная и человек обречены на вечный круговорот. В противовес этому взгляду Библия учит о творении, которое устремлено ввысь, к совершенству. И хотя одновременно с добром возрастают и злые силы, в конечном счете они будут побеждены, и миру откроется свободный путь к Царству Божию. Иными словами, пророки стали первыми, кому открылись *направление и смысл истории*.

Благодаря пророкам, учение Моисея приобрело черты *мировой религии*, так называемой религии универсальной, в противоположность старым чисто национальным культам. По словам Паскаля, единственным выражением библейской веры «должна быть любовь к Богу, и Бог осуждает все остальное»⁶. Эта любовь требовала не столько церковных церемоний, сколько человечности, добра и правды. Поэтому в проповеди пророков такое большое место занимала идея социальной справедливости. Как бы ни различались учителя Израиля по своему характеру, темпераменту и общественному положению, их всех объединяла бескомпромиссность в отношении к отступникам, тиранам и лицемерам, которые надеялись «задобрить» Творца дарами и жертвами.

Вот пламенный *Илия* (ок. 850 г.), защитник гонимых и обездоленных, который без колебания бросает упрек в лицо самому царю.

Вот пастух *Амос* (ок. 770 г.), человек из народа, не желающий даже называть себя пророком; но он не может молчать, когда Господь повелел ему идти по городам и возве-

шать День Суда. Пусть не надеются израильтяне на свою избранность. Ее будут достойны лишь те, кто следует закону правды Божией.

Не подобны ли сынам эфиопов
для Меня вы, сыны Израиля?— говорит Ягве.
Не вывел ли Я Израиль из Египта,
как филистимлян из Крита
и сирийцев из Кира?⁷

Вот левит *Осия* (ок. 750 г.), оплакивающий духовное вырождение Северного царства. Он провозглашает, что любовь между людьми дороже Богу всех пышных ритуалов. «Милосердия хочу, а не жертвы»,— говорит Господь через пророка⁸.

Вот *Исайя*, иерусалимлянин знатного рода, влиятельный советник царя (ок. 730 г.). Его не может обмануть показной блеск двора, не радуют толпы во дворе Дома Господня. Никакие воскурения и молитвы не в состоянии заменить чистоты сердца и справедливых поступков.

К чему Мне множество жертв ваших?—
говорит Ягве...

Когда вы приходите пред лице Мое,
кто требует от вас этого?

Довольно топтать дворы Мои,
и не приносите больше ненужных даров...

Удалите от очей Моих злодеяния ваши,
перестаньте делать зло,
научитесь делать добро,

Ищите правды, удерживайте насильников,
защищайте сироту, вступайтесь за вдову⁹.

Пророков нередко называют социальными утопистами. Но на самом деле они не предлагали никаких политических реформ. Если Платон разработал проект режима с общностью имущества и контролем над всеми сферами жизни, а философ Ямбул мечтал о Городе Солнца, где все будут равны, то пророки ставили на первое место веру и нравственные задачи человека. Они знали, что одних внешних перемен недостаточно, что гармония в мире возможна лишь в результате гармонии между волей Божией и волей людей.

Но именно поэтому пророки не собирались мириться с язвами общества. Их страстный протест был продиктован верой в высокое предназначение человека. Они говорили о «Дне Господнем», когда кончится царство зла среди людей. Духовному взору Исайи преподносилось явление Помазанника, через

Которого Сущий установит Свое Царство. Тогда все народы познают вечную правду, оставят идолов и преступные дела. Бог «отрет каждую слезу», и земле снова будет возвращен Эдем. Пророк *Иеремия* (ок. 630 г.) связывал конец старого мира с *Новым Заветом*, который будет начертан уже не на каменных скрижалях, а в душах людей¹⁰.

Эсхатологические чаяния пророков обостряли в них чувство ответственности за свой народ. Ему дано откровение, и потому его грехи преступны вдвойне. Ему поручена миссия привести человечество к Богу, но если избранные окажутся недостойными, небесный покров покинет их. Из дальних стран придут язычники, чтобы разрушить Израильское и Иудейское царства.

Грозные предсказания скоро сбылись. В 722 году Северная монархия евреев была сметена с лица земли Ассирией, а в 586 году халдейский царь Навуходоносор II взял штурмом Иерусалим, сжег храм и угнал основную массу иудеев в Вавилон.

Казалось, такая катастрофа могла привести к полному исчезновению Израиля и его религии. Но этого не случилось. Закваска пророков была настолько сильна, что и вдали от отчества иудеи продолжали сознать себя народом Божиим. Испытание углубило в них покаянное чувство, и с тех пор языческие соблазны перестали манить их, как прежде. Пророки, жившие среди изгнанников — *Иезекииль* (ок. 580 г.) и *Исайя Второй* (ок. 550 г.) — продолжали дело своих предшественников¹¹. Они проповедовали в молитвенных домах, вели беседы, писали книги. Под их влиянием иудейство постепенно превращалось в сплоченную Общину — Церковь Ветхого Завета.

Через полвека «плен на реках Вавилонских» кончился. Халдея была захвачена персами. В 538 году царь Кир, основатель величайшей державы Востока, разрешил всем переселенным в Вавилон иноземцам вернуться на родину. Одушевленные речами проповедников, многие иудеи направились в землю отцов. Но смелые мечты энтузиастов, вообразивших, что дни Мессии наступят немедленно, разбились о неприглядную действительность. Вместо прежнего Израиля было образовано маленькое княжество, подчиненное Ирану, которое включало лишь Иерусалим с его пригородами. Крепость Давида лежала в руинах; новоприбывшие терпели нужду.

Прошло время пророков; нужно было теперь учиться жить по их заветам, но ни у кого не было ни сил, ни энергии, ни уверенности в будущем. Когда из Вавилона около 400 года прибыл священник Эзра (Ездра), он нашел кое-как отстроенный храм

и народ в состоянии полной апатии. Эзра привез с собой полный текст Закона Божия, именуемый *Торой*, или Пятикнижием Моисеевым. Тора выросла из Десяти Заповедей и дополнялась на протяжении веков. Священники записали устные предания и уставы времен Моисея, а также внесли в книгу богослужебные правила. Отныне ей предстояло служить религиозным, нравственным и гражданским кодексом Израиля.

Опасаясь влияния языческих соседей, Эзра и его продолжатели-*книжники* задумали отделить иудеев от всего мира. Неукоснительное соблюдение субботы, пищевые запреты и другие обычаи преследовали одну цель — ограждение Общины.

На первый взгляд создается впечатление, что законники похоронили наследие пророков под грудой мелочных предписаний. Однако, как показало время, их крутые обособительные меры были тогда оправданы. Именно благодаря их мощному панцирю религия Библии вышла невредимой из той битвы, которая разыгралась в Палестине при греческом царе *Антиохе Епифане*.

Греция к этому времени давно перестала быть островом демократии. Ее погубили партийная борьба, войны и распри. Повсюду народ тяготел к сильному централизованному правительству. Поэтому, когда в IV веке до н.э. Александр Македонский провозгласил себя монархом, он лишь привел к логическому концу процесс, начавшийся уже за сто лет до него.

Чтобы придать царской власти высший авторитет, Александр причислил себя к сонму богов. Так поступили и его наследники, и среди них был Антиох Епифан. Этот царь, всерьез возомнивший себя сверхчеловеком, хотел спаять подвластные ему народы, насаждая среди них единую цивилизацию эллинизма, ее стиль, вкусы, религию. Предприятие Антиоха нигде не встречало преград, и только вера Израиля стала тем камнем, о который он споткнулся.

Рядовое духовенство, книжники и народ сначала оказывали ему лишь пассивное сопротивление, но когда царь осквернил Храм, устроив там жертвенник Зевсу, и начал путем террора вводить многобожие, против него вспыхнуло восстание. Оно быстро переросло в освободительную войну, возглавленную Иудой Маккавеем, полководцем из *Хасмонейского* рода.

В годы борьбы вновь прозвучало пророческое слово. Неведомый пророк, скрывшийся под именем Даниила, написал книгу, где клеймил тиранию и религиозные преследования. Автор, изображая великие державы в виде алчных зверей и чудищ, предсказывал, что настанет час, когда с неба явится Избавитель и положит конец империям-хищникам. В отли-

чие от монстров, олицетворявших царства мира сего, Мессия, согласно Даниилу, будет подобен человеку, «*Сыну Человеческому*»¹². Этот контраст указывает на коренной переворот, который ожидает мир.

Прилив воодушевления творил чудеса. Маккавей нанес армии Антиоха ряд чувствительных ударов, освободил Иерусалим от врагов и выбросил из Храма «мерзость», как называли иудеи языческий алтарь. Когда же Иуда погиб в бою, его дело продолжили братья. В 140 году Симон Хасмонеи был коронован и стал царем-первосвященником. Израиль добился независимости и вернулся к границам, какие имел при Соломоне. Укрепились и общины за пределами страны. Эти «церкви рассеяния» служили связующим звеном между Иудеей и остальным миром. Их трудами Библия была впервые переведена на греческий язык. Ко времени Рождества Христова из четырех миллионов иудеев почти три миллиона жило в чужих землях. Впоследствии существование их очагов, разбросанных повсюду, окажет немалую услугу апостолам христианства.

Хасмонеи не оправдали, однако, ожиданий народа. Новые цари скоро превратились в заурядных деспотов, не желавших считаться с Законом Божиим. Произвол властей вызвал отчуждение ревнителей веры от царствующего дома. К тому же законными монархами по традиции считались лишь потомки Давида. В силу этого Хасмонеи просто терпели как временных правителей.

Душой оппозиции двору стала группа благочестивых людей, которых называли «отделившимися», или *фарисеями*. Сначала они пробовали свергнуть династию, но в 88 году их мятеж был беспощадно подавлен. Сотни фарисеев были распяты на крестах царем Александром Яннаем.

После смерти Янны положение фарисеев упрочилось. Но постепенно они отошли от политики, всецело посвятив себя религиозной деятельности. Многие из фарисеев стали толкователями Закона и учителями, раввинами. В школах и синагогах они вели трудную, но необходимую работу: укрепляли в людях основы веры и нравственности. Непоколебимая преданность Богу, прочные семейные устои, гуманность, любовь к свободе и справедливости — все это было привито народу лучшими представителями фарисейства, среди которых особенно выделялся кроткий мудрец *Гиллель*, прибывший в Иерусалим около 40 года до н.э. По его мнению, сущность Закона заключена в золотом правиле: не делай другим того, чего не желаешь себе, а все остальное Гиллель считал лишь «комментарием»¹³.

Было в законничестве и другое направление. Его вождем стал соперник Гиллея — *Шаммай*. Если первый охотно общал иноплеменников к вере, то второй презрительно гнал их от себя. Шаммай придавал огромное значение так называемым «преданиям старцев». Его ученики умножали число обрядовых предписаний и любили выставлять напоказ свое благочестие.

Фарисеи пользовались большим уважением в народе. Зато *саддукеи* — священническая аристократия, связанная со двором, — относились к ним враждебно и не разделяли их воззрений. В отличие от фарисеев саддукеи считали, что со смертью для человека все кончается. Они признавали только Пятикнижие, а на писания пророков смотрели как на второстепенные. Эти богатые и надменные люди не слишком доверяли предсказаниям о Мессии и ориентировались лишь на земную политику.

Параллельно с фарисейским братством около 160 года в Палестине возник полумонашеский орден «Сынов света», или *ессеев*¹⁴. Не желая иметь ничего общего с греховным миром, ессеи избрали уединенную жизнь в пустыне. Около 140 года их глава, которого они называли *Учителем Праведности*, основал колонию на берегу Мертвого моря в Кумране. Там, вдали от суеты, ессеи трудились сообща, проводя свободное время в ритуальных трапезах, молитвах и чтении Библии. В их общины, насчитывавшие в целом до четырех тысяч человек (число значительное для маленькой страны), стекались всевозможные мечтатели, а также разочарованные и уставшие от жизни люди. Большинство ессеев придерживалось безбрачия, хотя некоторые и сохраняли семейный образ жизни.

Уверенные в скором явлении Христа, «Сыны света» готовились достойно встретить Его приход. Они не сомневались, что в День Суда всех, кроме них, ждет гибель.

Выпады сектантов против Хасмонейского дома привели к гонениям на Учителя Праведности. Его почитатели говорили, что в наказание за это монархию должна постигнуть суровая кара. Предсказание ессеев исполнилось через полвека после смерти их вождя. В 63 году Палестину заняли войска Помпея. Он присоединил ее к империи и оставил Гиркану II только тень верховной власти. А в 40 году Римский сенат даровал титул царя Иудеи идумейскому военачальнику *Ироду*, который после трехлетней гражданской войны вступил на престол Давида.

Между тем евреи «рассеяния» продолжали активно усваивать элементы греческой культуры. Наиболее образованные

среди них стремились согласовать античную философию с Библией. В этом направлении особенно много сделал *Филон Александрийский*, современник Ирода. Он учил о божественной Силе, которую вслед за мудрецами Эллады называл *Логосом*, словом.

Тайна Божества, говорил Филон, необъятна и невыразима, но, когда Оно проявляет Свое могущество и благость, то действует через Слово. Словом Суший творит и поддерживает Вселенную, в нем Он открывается смертным. Филоновская идея Логоса как посредника между Творцом и космосом помогла впоследствии излагать Евангелие на языке философов.

Сближение иудеев с эллинистическим миром привело к тому, что многие язычники заинтересовались их религией. Отрицание идолопоклонства, здоровая нравственность, живое религиозное чувство иудеев — привели им первых новообращенных. Начали наконец сбываться слова пророков о народах, которые придут к Богу истины, добра и справедливости. Кое-где слово «иудей» стало приобретать вероисповедное, а не этническое значение.

Во II и особенно в I веке до н.э. *прозелиты*, то есть люди, перешедшие в иудейство, в большом числе появлялись в разных частях Римской империи. Некоторые из них обратились под влиянием книг, написанных от лица греческой ясно-видящей *Сивиллы*. Это имя было псевдонимом, которым пользовались иудейские миссионеры Египта. Они предрекали миру гибель за то, что он отдал себя во власть истуканов и деспотов. Из уст в уста передавалась весть о том, что из Иудеи выйдет Некто, предназначенный стать властелином народов. Но между тем в действительности мировое господство все больше сосредоточивалось в руках римлян.

Превращение Рима в империю началось уже около 200 года до н.э. после его победы над главным конкурентом — Карфагеном. Однако при этом военная мощь оказалась пагубной для республиканского строя самой Италии. Слишком много земель приходилось держать в повиновении, слишком влиятельной стала армия, чтобы демократические элементы правления смогли сохраниться. Обещая, принуждая, подкупая, диктаторы незаметно свели к нулю большинство политических свобод. Республика была задушена, и Рим на всех парусах шел к единоличной тирании.

После гражданских войн и кровавого террора 30-х годов до н. э. племянник Юлия Цезаря *Октавиан Август* довольно легко установил самодержавный порядок. По словам Тацита,

Август, «именуя себя консулом и якобы довольствуясь трибунской властью для защиты прав народа, сначала покорил своими щедротами воинов, раздачами хлеба — толпу, и всех вместе — сладостными благами мира, а затем, набирая мало-помалу силу, начал подменять собой сенат, магистратов и законы»¹⁵.

Еще Юлий Цезарь запретил все союзы и организации, даже самые безобидные, режим же Августа возвел постоянный надзор за гражданами в принцип. Разыгрывая демократа, Октавиан следил за любым возможным очагом недовольства. Этой цели хорошо служила разветвленная сеть шпионов.

Впрочем, многие полагали, что абсолютизм — вполне умеренная плата за спокойствие, стабильность и длительный международный мир. «Век Августа» называли лучшим периодом Рима, золотым веком его культуры. При Августе Капитолий горделиво вознесся над миром, внушая почтение и страх. Римский орел раскинул крылья от Атлантики до Ближнего Востока и от Британии до африканских берегов. Город на семи холмах превращался в центр, куда «вели все дороги».

Блестящая военная техника, организация и дисциплина завоевали римлянам положение хозяев Средиземноморья. Правительственные чиновники вывозили из покоренных стран несметные богатства. Со всех концов текли они в Рим: рабы, слоновая кость и звери для цирка из Нумидии, мрамор из Греции, хлеб из Египта, стекло и пурпур из Финикии. Коммерческие караваны доставляли ковры, ткани и драгоценности из Вавилона, Аравии, Индии и даже Китая. Столица была перестроена. Говорили, что цезарь принял ее кирпичной, а оставил мраморной.

Превосходные магистрали соединили Рим с окраинами; оживились торговля и контакты между провинциями. Юридическое равенство всех, кто стал «римским гражданином», способствовало сближению народов Востока и Запада. Казалось, мечта философов-стоиков о едином государстве, где человек — гражданин Вселенной, близка была к воплощению.

Неудивительно, что придворные поэты превозносили Августа и не скупились на панегирики. Сам цезарь поощрял льстецов и всеми средствами поддерживал свой авторитет. Для этого исподволь, начиная с восточных провинций, стал создаваться культ императора. Вскоре по всей державе уже действовали храмы Августа; ему пелись славословия, его провозглашали «отцом отечества», «сотером» — спасителем наций.

Зрелище поднимающейся империи с человекобогом во главе поражало современников. Заговорили уже о «нерушимом

царстве», установленном на века. Однако покоренные народы не хотели мириться с этой перспективой. В конце правления Августа начались волнения во многих провинциях, где на Рим смотрели как на поработителя. Иудеи верили, что этот апокалиптический Зверь падет от меча Мессии.

Завоевания не избавили Рим от тяжких внутренних конфликтов. Земельные владения и финансы все больше сосредоточивались в руках олигархии. Разоренные крестьяне Италии толпами шли в Рим, где кормились случайными заработками и подачками правительства. Долгие войны буквально наводнили столицу рабами (их там было около миллиона). Рабы много раз поднимали восстания, пытаясь вернуться в родные края, но эти попытки неизменно кончались расправами. Так, после разгрома гладиаторов Спартака шесть тысяч непокорных были распяты вдоль дороги от Капуи до Рима.

Не менее глубоким был и духовный кризис. Древние верования и мифы у многих стали вызывать насмешку. Религия теряла свое значение, превращаясь в составную часть гражданских обязанностей. Еще Цицерон говорил, что официальный культ нужен только для соблюдения порядка в массах. Находились и люди, которые готовы были идти куда дальше. Поэт Лукреций видел в религии просто вредное заблуждение. В своей книге «О природе вещей» он воскрешал *материализм* старых греческих философов Демокрита и Эпикура. Согласно их доктрине Вселенная есть не что иное, как случайное образование, порожденное пляской атомов. Рано или поздно ее ждет гибель. Лукреций уже видел повсюду симптомы мировой осени, предвещавшей конец и распад мира. Подобные идеи широко распространились не только на Западе, но также в Индии и Китае.

Однако сама природа человеческого духа не позволяла ему слишком легко примириться с идеей бессмысленности бытия. Даже разуверившись во всем, люди не хотели признать жизнь случайным всплеском материи, вслед за которым наступает тьма.

Поэтому, когда римляне познакомились с религиями Востока, они жадно потянулись к ним. Началось подлинное завоевание Запада чужеземными культами. Египетской Исиде стали молиться от Британии до Балкан, в Риме сооружались иудейские синагоги, храмы фригийской богине-матери Кибеле, персидскому богу Митре. Уличные проповедники возвещали истины, принесенные с берегов Ганга, из Парфии и Средней Азии. Возродились греческие мистерии, которые сулили их участни-

кам бессмертие и познание высших миров. Окультиные учения, астрология, магия и ворожба находили последователей во всех классах общества. Погоня за чудесным вызвала рост суеверий и шарлатанства.

Видя это, люди, скептически настроенные, готовы были вообще отказаться от надежды разгадать смысл жизни. По их мнению, на вопрос: «Что есть истина?» — ответа не существует. Словом, разброд в умах был полный. Мистические искания и бездуховность, жажда чистоты и нравственное разложение могли встретиться в одной семье. Нередко отец замыкался в стоическом презрении к суете мира, мать ходила на ночные радения сектантов, а сын изобретал новые виды удовольствий и острых ощущений.

Человек стоял на распутье и со всех сторон слышал призывные голоса: будь равнодушен к печалям и радостям жизни, погрузись в спокойное созерцание, — говорили буддисты и стоики; живи согласно природе, как все существа, — учили киники и эпикурейцы; счастье в знании и размышлении, — возражали им философы-естествоиспытатели; очищай себя тайными обрядами и обретешь бессмертие, — уверяли наставники мистерий; храни верность единому Богу и соблюдай Его закон, — возвещала религия Израиля. А римский орел, высматривая добычу, парил над этим водоворотом духа, где, как в первозданном хаосе, смешались противоборствующие начала.

Время от времени оживала надежда, что появится тот, кто выведет мир из лабиринта. Поэт Вергилий предсказывал рождение младенца, с которого начнется новая Сатурнова эра. Буддисты ждали Будду Майтрею, индуисты — очередное воплощение бога Вишну, персы — Спасителя-Саошианта, иудеи — Мессию...

В Палестине с каждым годом сгущалась атмосфера мистических чаяний. Надеялись, что вот-вот явится с неба пророк Илия и совершит помазание над Посланником Божиим. Многие думали, что Он будет великим воином, который сокрушит языческие царства. Другие же верили в конечное торжество добра над злом, света над мраком, бессмертия над смертью, верили, что «Бог посетит народ Свой»¹⁶.

Наконец, когда все, казалось, было уже испытано и исчерпано, над темным горизонтом истории зажглась утренняя заря. В двадцатый год правления Августа в маленьком селении Назарет галилейская Дева услышала весть: «Ты родишь Сына и наречешь Ему имя ИИСУС. Он будет велик и наречется Сыном Всевышнего, и даст Ему Господь престол Давида, отца Его; и будет царствовать над домом Иакова веки, и Царству Его не будет конца».

[Часть первая]

ОТ ВИФЛЕЕМА
ДО КАПЕРНАУМА

«Рождество Христово»
/из иконостаса/
Начало XVII века,
Псков

Глава первая

ВО ДНИ ЦАРЯ ИРОДА

4 г. до н. э.

Перенесемся теперь мысленно в Иудею последних месяцев Иродова правления.

Жители Иерусалима, привыкшие, что их город часто посещают пилигримы из дальних стран, вероятно, не обратили внимания на караван чужеземцев, который двигался по его улицам зимой 750 года от основания Рима. Но вскоре о них заговорили, так как стало известно, что путешественники разыскивают царя Иудеи, причем вовсе не Ирода, а другого, недавно родившегося. «Мы видели восхождение его звезды и пришли поклониться ему», — объясняли они. Оказалось, что это были восточные маги, обнаружившие в небе знак великого Властелина¹. То, что разыскивать его они пришли в Иерусалим, удивить никого не могло. Все слышали пророчества о таинственном Человеке из Иудеи, Которому надлежало покорить мир².

«Где родившийся Царь иудейский?» — спрашивали волхвы, но вместо ответа испуганные люди торопились пройти мимо. Нужно было хоть немного знать о положении дел в Иерусалиме тех лет, чтобы понять, насколько вызывающим и неосторожным казался сам этот вопрос. Но путники, ехавшие издалека, едва ли догадывались о своей оплошности. Вероятно, они пребывали в полном неведении относительно всего, что творилось в Иудее при Ироде.

Жизнь этого монарха, прозванного лстецами Великим, могла бы дать сюжет для нескольких трагедий в духе «Макбета». Захватив власть при поддержке римлян и против воли народа, он тщетно пытался завоевать популярность. За тридцать три года его царствования, внешне блестящего, враждебность к Ироду только увеличилась.

Человек жестокий и честолюбивый, постоянно терзаемый страстями, Ирод был далек от религиозных проблем, которые волновали тогда иудеев. Дворцовые интриги и женщины, войны и строительство поглощали его целиком. При нем страна вновь получила автономию. Ирод покрыл ее десятками крепостей и воздвиг в городах множество зданий в западном стиле. Он с одинаковым усердием занимался сооружением театров, ипподромов, святилищ в честь своего покровителя Августа и ремонтом иерусалимского храма. Правда, последний был предметом особенных забот царя. В своем тщеславии Ирод хотел затмить древнего Соломона. Он гордился храмом, в который

вложил огромные средства и который превратил в одно из чудес света. Однако даже этим он не мог завоевать доверия подданных.

Отец Ирода был идумейским сановником, а мать — арабского происхождения, поэтому законных прав на корону он не имел. Как все узурпаторы, царь страдал болезненной мнительностью, и ему всюду мерещилась измена. Хасмонеи, потомки свергнутой им династии, вызывали наибольшие опасения Ирода; поэтому он использовал любой повод, чтобы избавиться от них.

Роковую роль в судьбе царя сыграло то обстоятельство, что его жена Мариамна (кажется, единственное существо, которое он искренне любил) была княжной хасмонейского рода. В этой гордой и смелой красавице жил дух воинов, боровшихся за независимость страны. Она не умела скрывать своего презрения к мужу, а ее мать Александра, часто вмешиваясь в их жизнь, возбуждала тревогу и без того подозрительного Ирода.

Когда Александра, используя влияние египетской царицы Клеопатры, добилась для своего семнадцатилетнего сына звания первосвященника, она невольно толкнула его на гибель. Ирод заметил, что юноша стал пользоваться любовью в Иерусалиме, и не мог этого стерпеть. В 35 г. до н. э. во время праздников брата Мариамны утопили ночью на глазах у царя. Его конец был представлен как несчастный случай, но сестра и мать прекрасно понимали, что произошло в действительности.

В 30 году положение Ирода было прочным, как никогда. После Актийской битвы, которая принесла Октавиану полноту власти, царь Иудеи получил надежный политический ориентир. Доверие и поддержка Августа обеспечивали незыблемость его трона. Но чем удачнее шли дипломатические дела Ирода, тем невыносимей становилась жизнь в его собственном доме.

К 29 году семейная драма достигла катастрофической точки. Ненависть Мариамны стала столь явной, что царь заподозрил и ее в причастности к заговору. И однажды, подстрекаемый родственниками, Ирод в припадке ярости вынес приговор той, что была ему дороже всего. Послушные судьи быстро согласились с волей царя.

На казнь Мариамна шла, не прося пощады, и держалась с удивительным достоинством. Мать же в страхе за свою участь публично поносила ее. Эта сцена привела в содрогание всех свидетелей последних минут царицы.

Ирод с трудом пережил роковой день. Когда все было кончено, он почти лишился рассудка. Его преследовал образ убитой,

он без конца звал Мариамну по имени, кричал, чтобы ее привели к нему, напивался до бесчувствия, проводил ночи в оргиях, устраивал бешеные скачки, но призраки не оставляли его. Здоровье царя было настолько подорвано, что, казалось, он на пороге смерти.

Тем не менее Ирод поправился и с удвоенной энергией продолжил вакханалию убийств. Он казнил Александру, казнил мужа своей сестры и многих других близких и царедворцев.

Сыновей от Мариамны, Александра и Аристобула, прибывших из Рима после долгой отлучки, Ирод сначала принял радушно, но вскоре и они вызвали у него недоверие. Фальшивые письма, доносы, показания, вырванные под пытками у слуг, — все было пущено в ход в отвратительной игре, которая кончилась тем, что обоих князей повесили в Самарии.

Последние годы жизни Ирода были особенно мрачными. Хотя партия «иродиан» видела в нем идеального монарха, чуть ли не Мессию, он знал, что ненависть народа к нему только возросла. Эти настроения поддерживались в стране фарисеями, которые бойкотировали любые начинания царя. Многие из них были казнены за то, что предсказывали скорый закат преступного правления.

Легко вообразить, в какое смятение пришел семидесятилетний царь, когда узнал, что какие-то восточные послы расспрашивают в городе о «родившемся Царе Иудейском». Кто этот очередной претендент на престол? Какие силы стоят за ним?.. Самым неприятным в известии было для Ирода то, что он впервые слышал об этом очередном заговоре.

Встретившись с чужеземцами, Ирод выяснил, что речь, по видимому, идет о Ребенке, Которого считают будущим Мессией. С такого рода посягательствами на свою власть царь не раз имел дело и понимал, что здесь нужны быстрота и решительность. Он стал выяснять у священников, где ожидалось рождение Мессии, и, когда ему назвали Вифлеем, послал туда волхвов, прося их сообщить подробные сведения о новоявленном царе Иудейском. Меньше всего Ирода заботило исполнение библейских пророчеств. Помутившийся разум старика строил планы новой расправы.

Вифлеем был расположен недалеко от столицы. Когда чужеземцы прибыли в городок, там уже давно знали о таинственном Младенце, родившемся в укрытии для овец. Местные пастухи — первые, кто видел Его, — рассказывали о необыкновенных знамениях, которые привели их в пещеру.

Плотник Иосиф и Мария, родители Младенца, были выходцами из Галилеи; они появились в Вифлееме года полтора назад во время переписи, проводившейся в связи с присягой Августу³.

Рассказывали, что, когда Мать пришла с Младенцем в Иерусалим для выполнения очистительных обрядов и посвящения первенца, Ее Сыну предсказали великое будущее. Прозорливый старец Симеон, взяв из рук юной Матери Дитя, принес благодарение Богу и сказал, что теперь может умереть спокойно, ибо видел Спасение, которое Бог «уготовал для просвещения язычников и славы Израиля». Праведник благословил изумленных родителей и добавил, обращаясь к Марии: «Вот Он лежит на падение и на восстание многих во Израиле и в знамение пререкаемое, Тебе же самой душу пройдет меч»⁴.

Об этом пророчестве слышали многие находившиеся в Храме. Те, кто ожидал «утешения Израилева», передавали его из уст в уста. Дошло оно, конечно, и до Вифлеема. Поэтому волхвы без труда смогли отыскать Иосифа и Марию. Войдя в их дом, они сложили у ног Ребенка свои дары и, поклонившись Ему, удалились...

Ирод безрезультатно ждал вестей: маги предпочли идти на родину другим путем, минуя Иерусалим.

Убедившись, что его план не удался, царь решил разом покончить с предполагаемой опасностью. В Вифлеем был направлен отряд солдат с распоряжением умертвить там всех младенцев моложе двух лет.

В какой степени приказ был исполнен, неизвестно. Ирод, несомненно, давал его в глубокой тайне. Иосиф Флавий, писавший о тех временах, не упоминает о вифлеемской трагедии. Впрочем, в его глазах она могла быть слишком незначительной в сравнении с бесчисленными зверствами Ирода.

Как бы то ни было, Тот, Кого искали убийцы, был уже далеко от города. Галилейская семья скрылась вскоре после ухода волхвов. Иосиф знал, что разумнее совсем покинуть пределы Иродовых владений, и отправился в Египет — один из ближайших центров, где жили евреи «рассеяния».

Таким образом, мы видим, что с первых же дней мир встретил Мессию ненавистью и угрозами. Но это был не весь мир. Те, кто верил и ждал, кто был чист сердцем и полон надежд, встретили Христа иначе. Вифлеемские пастухи, старец Симеон и восточные мудрецы признали в Нем грядущего Царя.

Весной того же года тяжкая болезнь приковала Ирода к постели. Его продолжали мучить страхи, он то и дело выслушивал донощиков, несколько раз менял завещание. Царю не давала покоя мысль, что народ с нетерпением ждет его конца. Узнав, что какие-то юноши, подстрекаемые раввинами, разбили на Храме золоченого орла — эмблему Рима, он велел их немедленно арестовать и судить со всей строгостью. Невзирая на недуг, Ирод нашел в себе силы даже присутствовать на процессе. Обвиняемых приговорили к сожжению на костре, что вызвало бурю негодования в Иерусалиме.

Умиравшего царя увезли в Иерихон, где пытались лечить водами. Был момент, когда боли чуть не привели Ирода к самоубийству; его едва успели спасти. Шум и крики челяди донеслись до старшего сына царя, находившегося под стражей, тот решил, что отец скончался, и просил тюремщика освободить его. Но стражник донес об этом Ироду, и тот в ярости отдал приказ немедленно умертвить князя. А через пять дней смерть настигла и самого монарха.

Агония его была ужасна, он сыпал проклятиями, бредил новыми казнями. Говорят, будто он велел перерезать группу знатных заложников, чтобы хоть таким образом лишить народ радости и заставить его проливать слезы. День смерти Ирода стал впоследствии национальным праздником евреев.

Семья царя устроила ему пышные похороны. Облаченное в пурпур тело несли на золотых носилках. За ними в сопровождении гвардейцев шли его сыновья: Архелай, Антипа, Филипп и другие, родившиеся от многочисленных жен Ирода. Но не успели смолкнуть вопли наемных плакальщиц, как началась борьба за власть между наследниками. По завещанию Иорданская область и Галилея отходили к Антипе, земли к северу от них — Филиппу, а иерусалимский трон, Иудея и Самария — Архелаю. Однако для утверждения раздела нужно было ехать в Рим. Перед отбытием царской семьи в городе вспыхнули беспорядки: народ требовал наказать соучастников преступлений Ирода. Архелай отверг все петиции и уехал, поручив Иерусалим римскому командованию, которое жестоко расправилось с составшими. Тем не менее страна продолжала бурлить, а к императору отправились делегаты с просьбой о полном устранении ненавистной династии. Август одобрил завещание Ирода. Каждый из трех его сыновей получил свою долю наследства. Но Архелай, вопреки его ожиданиям, вернулся домой без царского титула. Цезарь дал ему только звание «этнарха», правителя народа, хотя при этом обещал, что сделает его царем позднее, если он докажет свою лояльность сенату.

Глава вторая

НАЗАРЕТ

3 г. до н. э. — 27 г. н. э.

Когда известие о смерти Ирода достигло Египта, плотник Иосиф, надеясь, что опасность миновала, стал собираться на родину. Но он боялся преследований со стороны Архелая и не вернулся в Вифлеем. Он предпочел переселиться на Север, в небольшой городок *Назарет*, где еще прежде жил с Марией.

В те времена Галилея была густонаселенной областью, а географическое положение делало ее открытой всем ветрам мира. «Тут,— пишет Фредерик Фаррар,— были вблизи Финикия, Сирия, Аравия, Вавилон и Египет. Острова язычников и все славные страны Европы были почти видны за блестящими водами Западного моря. Знамена Рима развевались на равнине... Фараоны и птолеми, эмиры и арсакиды, судьи и консулы — все боролись за обладание этой прекрасной областью. Здесь блестяли копья амалекитян, тряслась земля под колесницами Сезостриса, по ней шли македонские фаланги, здесь слышались удары широких римских мечей, здесь предназначено было раздаваться крикам крестоносцев, греметь артиллерии Англии и Франции. Казалось, что на этой равнине Изреэль приходили в столкновение Европа и Азия, иудейство и язычество, варварство и цивилизация, Ветхий и Новый Завет, история прошлого и надежды будущего»¹.

Впрочем, сам Назарет стоял в стороне от этих больших исторических дорог; в евангельскую эпоху он считался захолустным селением. Сложилась даже поговорка: «Может ли быть что доброе из Назарета?» И словно для того, чтобы опровергнуть все человеческие оценки, именно этот бедный поселок стал «отечеством» Христа; в нем прошла большая часть Его жизни. Почти четверть века Он ходил по его каменистым улицам и поднимался тропинками на окрестные холмы. Немногие знали о действительном месте Его рождения, но даже те, кто слышал об этом, называли Его *Ханоцри*, Назарянином.

Если бы мы могли очутиться в Назарете тех лет, то увидели бы около сотни белых домов с плоскими крышами, разбросанных на горе, обрамленной виноградниками и оливковыми рощами. С пологих возвышенностей открывается живописная панорама, на которой, вероятно, не раз покоился взор Иисуса: голубые цепи гор, зеленые долины, засеянные поля.

Многое изменилось с тех пор, но природа Галилеи осталась

почти такой же, как две тысячи лет назад. Путешественники в один голос утверждают, что Назарет и его окрестности — неповторимый уголок святой земли, его называют «горной розой» и «земным раем». Воздух высот чист и прозрачен. После зимних дождей назаретские склоны превращаются в сад; их покрывают разнообразные цветы самых нежных оттенков: лилии, горные тюльпаны, анемоны. Иисус любил цветы. Он говорил, что с ними нельзя сравнить даже украшения царя Соломона.

Весной поля Назарета оглашают трели жаворонков, далеко разносится воркование горлинок, в густой синеве неба проплывают стаи розовых пеликанов. Птицы, как и цветы, стали в речах Христовых образом души, возложившей свое упование на Бога. Он приводил их в пример суетным и многозаботливым людям.

Галилеяне — здоровые, сильные, непосредственные люди — в большинстве своем занимались сельским хозяйством. Они выращивали виноград, смоковницы, оливковые деревья, пасли на лугах коз и овец, обрабатывали поля. По утрам назаретские женщины шли с кувшинами к роднику, который и поныне снабжает округу водой. К нему же ходила Дева Мария. Колодец и сейчас носит Ее имя.

Как жила Она в Назарете? Как жил Иисус? Апокрифические легенды рассказывают об этих годах множество подробностей. Но мы не можем считать их достоверными, хотя бы уже потому, что они находятся в резком противоречии с евангельским духом. Матфей же и Лука, касаясь этого периода жизни Христа, предпочли сдержанный лаконизм и говорили лишь о том, что им было хорошо известно.

Только два факта, сообщаемых апокрифами, кажутся заслуживающими доверия. Они утверждают, что Иосиф умер, когда Иисусу было девятнадцать лет². Легенды же обычно склонны приводить символические числа. Иисуса во время Его общественного служения называли Сыном Марии, а это значит, что Иосифа уже не было в живых. Согласно другому сказанию, Иисус, будучи подростком, пас овец³. Интонации, которыми проникнуты Его притчи о пастухах, косвенно подтверждают это. Во всяком случае, назаретский Отрок постоянно видел людей, заботливо охраняющих свои стада. Видел Он и виноградарей, подвязывающих лозы, сеятелей на весенних полях, жнецов с серпами, срезающих колосья. Позднее все эти картины послужили образами для Его притч. Они переносят нас в мир тихого галилейского селения, который с юных лет окружал Иисуса.

По субботам семья Иосифа приходила в назаретский молит-

венный дом, синагогу, где народ слушал Св. Писание и беседы наставников. Чтец произносил славословия, а все присутствующие вторили ему. Иисус любил эти выражения искренней веры, и позднее в Его проповеди не раз прозвучат отголоски молитв, слышанных Им в Назарете с юных лет.

Но было бы неверно рисовать жизнь Галилеи в виде безмятежной идиллии. И там кипели страсти, и там мечтали о свободе. Народ находился под двойным и даже тройным гнетом: мытари выколачивали из него имперские подати, Иерусалим брал свою десятину, а местные землевладельцы притесняли крестьян. Люди, однако, верили, что рано или поздно восторжествует справедливость. Книги пророков, которые читали в синагогах, и апокалиптические писания, ходившие по рукам, вселяли надежду на скорый конец старого мира.

Когда умер Ирод, по Галилее прокатилось восстание. Его возглавил Иуда Гавлонит, предводитель партии *зелотов* — «ревнителей». Анархисты религиозного толка, Иуда и его единомышленник фарисей Садок, отвергали любую власть над народом Божиим, кроме власти Самого Творца. Толпа отчаянных галилеян, воодушевленных теократической идеей, образовали целую армию и с боем взяли город Сепфорис, где находился арсенал. Легионерам Квантилия Вара с трудом удалось подавить мятеж. Сотни повстанцев были распяты на крестах.

В 6 году Архелай, который унаследовал пороки, но не государственные таланты Ирода, был смещен и отправлен в ссылку. Управлять его землями стал первосвященник Иерусалима, а общий контроль над областью был передан прокуратору Копонию. Как и при Помпее, ее включили в состав сирийской провинции Рима. Антипа и Филипп, хотя и сохранили марионеточную власть тетрархов, оказались в еще большей зависимости от империи.

Сразу же после низложения Архелая губернатор Сирии Квирий начал перепись по всей Палестине с целью установить размеры подати. Иуда Гавлонит, воспользовавшись этим, снова поднял Галилею против римлян, но скоро был убит в сражении. Его гибель не смогла, однако, угасить дух воинственного мессианизма. Правитель Галилеи Ирод Антипа, человек, больше всего на свете ценивший свой покой, терял его очень часто. Каждый раз, когда появлялся новый вождь, звавший народ к оружию, галилеяне немедленно устремлялись за ним, уповая, что в критический момент с неба сойдут ангелы и вместе с ними сокрушат римского орла. «Этих бойцов,— пишет Флавий,— никогда нельзя было упрекнуть в недостатке мужества»⁴. Недаром

шестьдесят лет спустя, когда армия Веспасиана шла через Галилею, ей приходилось брать штурмом почти каждую деревню.

В доме Иисуса должны были знать о восстании Иуды, так как Сепфорис находился вблизи Назарета. Быть может, там появлялись некоторые из партизан, и Сын Марии видел их. Сам Он тоже будет говорить о свободе и владычестве Божиим, но между Ним и людьми, избравшими путь насилия, проляжет пропасть. В Назарете готовился духовный переворот, смысл которого останется непонятным зелотам.

Авторы апокрифов не скупились на описание чудес, которыми в детстве якобы поражал всех Иисус. Но из Евангелий видно, что в то время Он ничем не обнаруживал превосходства над другими людьми и, напротив, как бы скрывал от посторонних Свою тайну. Лишь один раз Он дал понять родителям, что принадлежит не им, а иному, высшему миру. Это случилось в пасхальные дни, вероятно, незадолго до галилейского восстания.

Как и все набожные иудеи, Иосиф каждый год ходил в Иерусалим на праздник. Женщинам паломничество в обязанность не вменялось, но Мария, любившая храм, всегда посещала святой город. Когда Ее Сын достиг церковного совершеннолетия, Она взяла Его с Собою.

В те дни по дорогам, ведущим к столице, тянулись пестрые вереницы людей, а над долинами звучало пение псалмов. В Иерусалим прибывали тысячи богомольцев, стража с трудом поддерживала порядок. Площадь перед храмом была запружена толпами народа, непрестанно приносились жертвы, а вечером семьи собирались в домах для праздничной трапезы.

По окончании торжеств Иосиф и Мария отправились в обратный путь. Они шли вместе с родными и соседями, и поэтому первое время их не тревожило, что Иисуса нет с ними. Когда же они поняли, что Он остался в городе, то, охваченные смятением, поспешили в Иерусалим. Время было беспокойное, и сердце Марии сжималось в страхе.

В переполненном городе Сына было найти нелегко. Иосиф и Мария долго ходили по улицам, пока не пришли в одну из галерей, окружавших храм. Там обычно проводили время в богословских беседах и толковании Закона раввины и книжники. Среди них Мать и увидела Иисуса. Он сидел, слушая речи ученых и задавая им вопросы. Знатоки Писания изумлялись «разуму и ответам» безвестного галилейского Отрока, не учившегося в их школах...

— Дитя Мое,— воскликнула Мария,— почему Ты с нами так поступил? Вот отец Твой и Я с болью Тебя ищем.

— Что же вы искали Меня? — ответил Иисус. — Не знали вы, что Мне надлежит быть во владениях Отца Моего?

Казалось, внезапно Он стал далеким и загадочным, и Его слова вызвали у родителей замешательство. Они не поняли, что Он имеет в виду. Однако Иисус тут же поднялся и последовал за ними. Единственный раз неземной луч сверкнул из-за облака и скрылся. Он снова — обыкновенное Дитя, подобное прочим детям.

После происшествия в Иерусалиме Иисус, по словам евангелиста, жил «в повиновении» у родителей, «преуспевая в премудрости и возрасте, и в любви у Бога и людей». Мария же «сохранила в сердце Своем» этот первый знак исполняющегося пророчества⁵.

Иисус не учился в богословской школе, как Его сверстники, имевшие религиозное призвание. Он стал плотником и каменщиком и после смерти Иосифа кормил Мать трудами Своих рук. (Ср. обилие образов, заимствованных из труда строителя, в речах и притчах Христовых.)

Евангелист Лука говорит, что окружающие любили Иисуса; но для них Он был лишь сельским юношей, хотя, быть может, несколько странным, часто погруженным в какие-то Свои, никому неведомые думы. Зная Его близко, сталкиваясь с Иисусом почти каждый день, жители Назарета не замечали в Нем ничего сверхъестественного. Когда Он начал проповедовать Царство Божие, это застало их врасплох и повергло в искреннее удивление. По-видимому, среди земляков у Него не было доверенных друзей. Никто из них, кроме двух-трех женщин, не последовал за Иисусом.

Неверие назарян изумляло Самого Христа. По Его словам, они подтвердили пословицу: «Нет пророка в своем отечестве».

У Марии и Ее Сына было в городке много родных: сестра Марии с семьей, двоюродные братья и сестры Иисуса⁶. Однако и эти люди в большинстве своем остались духовно далеки от Него. Их тесный мир ограничивался своей улицей, домом, работой. Позднее, узнав о проповеди и делах Иисуса в Капернауме, братья Его были встревожены и решили, что Он обезумел.

Душевное одиночество Иисуса отражают и не записанные в Евангелии Его слова: «Те, кто рядом со Мной, Меня не поняли»⁷. Единственным близким существом оставалась лишь Мать.

Евангелисты мало говорят о Ней; но даже если бы они не сказали о Марии ни единого слова, это не умалило бы величия Матери Мессии. Он рос у Нее на глазах, Она давала Ему первые материнские уроки, Она была единственной свидетельницей совершавшегося в Нем чуда.

Марии было открыто, что Ее Сын — Помазанник Господень, но нам сейчас трудно понять, как много нужно было духовных сил, чтобы сохранить веру в это; ведь мы смотрим в другой перспективе. Если же представить себе будничную назаретскую жизнь, то можно догадаться, что между Благовещением и Воскресением Мария прошла долгий путь испытаний.

Франсуа Мориак, тонкий знаток человеческой души, сделал попытку увидеть этот путь. «Ребенок становился юношей, взрослым человеком. Он не был велик, Его не называли Сыном Всевышнего; у Него не было престола, но лишь табуретка у огня в бедной хижине. Мать могла бы усомниться, но вот свидетельство Луки: «Мария сохраняла все в сердце Своем...» Она хранила пророчества в сердце и не говорила о них никому, быть может, даже Своему Сыну»⁸.

Становление любой личности, а особенно — необыкновенной — всегда загадка, тем более не дано нам проникнуть в тайну души Иисуса. Можем ли мы знать, о чем думал Он, работая в маленькой мастерской, о чем молился? Одно только кажется бесспорным: Он был свободен от конфликтов, которые с детских лет терзают человека; над Ним не имели власти демонические стихии. Если и знал Он внутреннюю трагедию, то рождали ее лишь одиночество, сострадание, боль от соприкосновения с миром зла, а не муки греха и борьбы с темными инстинктами. Об этом свидетельствует все, что известно о характере Иисуса.

Даже такой враждебный христианству ученый, как Давид Штраус, после длительных размышлений над Евангелием признал, что гармоничность духа Иисуса была не следствием внутреннего кризиса, а результатом естественного раскрытия заложенных в Нем сил. «Все характеры, — писал Штраус, — очищенные борьбой и сильными потрясениями, например, Павел, Августин, Лютер, сохранили неизгладимые следы такой борьбы, их образ дышит чем-то суровым, резким, мрачным. Ничего подобного нет у Иисуса. Он сразу предстает перед нами как совершенная натура, повинующаяся только своему собственному закону, признающая и утверждающая себя в своем сознании, не имеющая нужды превращаться и начинать новую жизнь»⁹.

В Нем не было чувства греховности, которое присуще каждому святому, не было ничего ущербного. Пусть даже часто Он оставался не понят и одинок, это не омрачало просветленности Его духа; Иисус постоянно был с Тем, Кого Он называл Своим Отцом.

Вероятно, в свободные от труда часы Иисус, как и позднее, в годы проповедничества, любил уходить в уединенные места, где среди тишины звучал в Нем небесный голос. Там, на холмах, Назарета, незаметно готовилось будущее мира...

Кто мог знать об этом в то время? Римские политики не подозревали, что придет день, когда их потомки преклонят колена перед Плотником из далекой восточной провинции.

Великие и малые события сменяли друг друга. Германцы нанесли легионам поражение в Тевтобургском лесу; поочередно вспыхивали мятежи на Дунае и Рейне, в Галлии и Фракии. Умер Август, причислявший себя к сонму богов, а его наследником стал сумрачный и подозрительный Тиберий. Умерли Овидий, Тит Ливий, Гиллель. Родился Плиний Старший; философ Сенека вернулся в Рим из Египта. В Иудею был назначен пятый прокуратор Понтий Пилат.

В Назарете же внешне все, казалось, протекало без перемен. Однако долгий подготовительный период жизни Иисуса близился к концу. Ему было около тридцати лет, когда, полный духовных и телесных сил, Он уже только ждал знака, чтобы бросить в мир первые семена Благой Вести.

И знак был дан.

Глава третья

ПРЕДТЕЧА ИИСУС В ПУСТЫНЕ

27 г.

Однажды группа людей, состоявшая из духовенства и книжников, вышла за ворота Иерусалима и отправилась по дороге, ведущей к берегам Иордана. Предпринять путешествие их побудил слух о молодом пустынноике *Иоанне*. За короткое время о нем стало известно по всей стране. Посольству было поручено выяснить, каковы притязания этого человека, чему он учит и не является ли он опасным возмутителем народа.

Иоанн называл себя «гласом вопиющего», т. е. голосом глашатая, вестника, что само по себе говорило о многом.

Пять веков назад, когда кончились дни изгнания и иудеи смогли вернуться из Вавилона, великий учитель веры Исайя Второй сложил гимн о Богоявлении. В нем описано пасхальное шествие через бесплодную пустыню, которая расцветает перед лицом Господним, превращаясь в сад. Впереди — глашатай. Он призывает расчистить путь Идущему¹.

С тех пор мессианские надежды связывались с этим видением. Ожидали, что предтечей Избавителя станет сам пророк Илия, который вновь будет послан на землю.

Жившие у Мертвого моря есеевские монахи уверяли, что роль глашатаев выпадет именно на их долю². Но им казалось, что мир слишком глубоко погряз в беззакониях и только «Сыны света» достойны встретить Мессию. Обитатели Кумрана смотрели на себя, как на единственных избранных. История мира, по мнению есеев, не удалась, и все, кроме них, обречены. Они жили за стенами своих поселков, пунктуально соблюдая обряды и веря, что только с ними будет заключен Новый Завет, предсказанный пророком Иеремией.

Конечно, и среди сектантов попадались люди, которых заболит жребий «сынов тьмы». Не каждый из них мог радоваться гибели мира или спокойно примириться с ней. Один из кумранских богословов писал: «Разве не все народы ненавидят Кривду?.. Разве не из уст всех народов раздается голос Истины?»³. Но тут же он с горечью признавал, что на деле никто не следует правде Божией. А если так, то рассчитывать грешникам не на что. Святые должны оставаться на страже. Что им за дело, если нечестивцы получают по заслугам?..

Проповедь Иоанна, вероятно, привела есеев в замешательство. Им не в чем было упрекнуть его, и тем более не могли они причислить отшельника к «сынам тьмы». Иоанн вел жизнь аскета, еще более строгую, чем кумранцы. Он одевался в грубую пастушескую власяницу из верблюжьей шерсти, хранил назарейские обеты, то есть не стриг волос и не пил вина. Его пищу составляли: сушеная на солнце саранча и дикий мед. Однако этот пустынный не разделял холодного самодовольства есеев, не отвернулся от мира, а стал проповедовать «всему народу израильскому».

Иоанн происходил из священнического сословия. Он рано потерял родителей, и его вырастили чужие люди. Весьма вероятно, что он был усыновлен не кем иным, как есеями, которые нередко брали сирот на воспитание⁴. Но когда Иоанну исполнилось тридцать лет, Бог призвал его покинуть пустыню. Ему было открыто, что на него возложена миссия стать «гласом вопиющего», предшественником Избавителя.

Из пустыни Иоанн пришел в соседнюю с ней долину Иордана, где и начал свою проповедь. «Покайтесь,— говорил пророк,— ибо близко Царство Небесное!» Его слова упали на подготовленную почву и сразу же нашли широкий отклик. К реке толпами шли люди из окрестных городов и сел. Шли книжники и солдаты,

чиновники и крестьяне. Впечатление от речей и самого облика пророка было огромным. Он говорил о Суде над миром, и, казалось, все вокруг Иоанна дышало предчувствием близости великих событий...

Символом вступления в мессианскую эру Иоанн избрал обряд погружения в воды Иордана, реки, которая издревле считалась рубежом святой земли. Подобно тому как вода оmyвает тело, так и покаяние очищает душу. Когда язычник присоединялся к ветхозаветной церкви, над ним совершали тевила (греч.) — омовение, т. е. крещение. Пророк же требовал этого от самих иудеев в знак того, что они родились для новой жизни. Поэтому Иоанна называли Хаматвилем — *Крестителем*.

Многих израильтян задевало, что им предлагают пройти через омовение, словно они — новообращенные иноверцы. Разве принадлежность к народу Божию не освящена сама по себе? Но Креститель, не колеблясь, объявил подобный взгляд заблуждением. Когда он увидел на берегу книжников, он заговорил с ними резко и сурово: «Отродье змеиное! Кто указал вам бежать от будущего гнева? И не думайте говорить сами себе: «отец у нас Авраам», ибо говорю вам, что может Бог из камней этих воздвигнуть Себе детей Авраама»⁵. Не рождение делает сынами Завета, а верность заповедям Господним.

Иоанн упрекал в легкомыслии и тех, кто рассчитывал, что одного обряда тевила уже достаточно для прощения грехов. Он требовал переоценки всей жизни, искреннего раскаяния. Перед крещением люди «исповедовали грехи свои». Но и этого было мало. Нужны были реальные результаты внутренней перемены. «Сотворите, — говорил пророк, — достойный *плод покаяния!*.. Уже топор лежит при корне деревьев; итак, *всякое* дерево, не приносящее доброго плода, срубается и бросается в огонь»⁶.

Чего же хотел Иоанн? Призывал ли он народ бежать от мира и запереться в монастырских стенах? Это звучало бы вполне естественно в устах аскета. Но Креститель хотел большего: чтобы люди, оставаясь там, где живут, сохраняли верность слову Божию.

По свидетельству Иосифа Флавия, Иоанн учил народ «вести чистый образ жизни, быть справедливыми друг к другу и благоговейными к Предвечному»⁷. Подчеркивая важность этических норм Закона, Креститель тем самым следовал традиции древних пророков. Мало говоря о ритуалах, он ставил на первое место нравственный долг человека: «У кого две рубашки, пусть

поделиться с неимущим, у кого есть пища, пусть так же поступает». Пророк не предлагал солдатам бросать свою службу и говорил, что для них важнее избегать насилия и наущничества. Ко всеобщему изумлению, он не осудил даже презируемое ремесло сборщиков имперских налогов — мытарей, но требовал только, чтобы не брали больше положенного, так как они обычно наживались за счет бедняков.

В то же время по отношению к сильным мира сего Иоанн вел себя настолько независимо, что скоро вызвал недовольство. По преданию, Креститель однажды посетил Иерусалим и там выступил против членов Совета. Когда его спросили, кто он и откуда, Иоанн сказал: «Я человек, и жил там, где водил меня Дух Божий, питая меня кореньями и древесными побегами». На угрозу расправиться с ним, если он не перестанет смущать толпу, Иоанн ответил: «Это вам надо перестать творить ваши низкие дела и прилепиться к Господу Богу своему». Тогда оказавшийся в собрании ессей по имени Симон презрительно заметил: «Мы ежедневно читаем священные книги, а ты ныне вышел из леса, как зверь, и смеешь учить нас и соблазнять людей своими мятежными речами»⁸. После этого Креститель больше никогда не приходил в столицу.

Иоанн обычно жил близ Бетании, или Бетавары, — речной переправы, где и крестил проходящий к нему народ⁹. Вскоре вокруг него образовалась община, которой Иоанн дал свои правила и молитвы. По имени мы знаем только двух из учеников Крестителя — Андрея из Вифсаиды и юношу Иоанна, сына Зеведеева. Оба были рыбаками и пришли с берегов Галилейского моря.

Как смотрели иоанниты на учителя? Скорее всего, они видели в нем эсхатологического Пророка, чей приход ожидался многими¹⁰. Но у некоторых сложилось убеждение, что сам Креститель и есть обетованный Мессия.

Влияние Иоанна возрастало с каждым днем. В своих речах он стал затрагивать и Ирода Антипу, которому принадлежала Иорданская область. В результате, пишет Флавий, тетрарх «начал опасаться, как бы власть Иоанна над массами не привела к каким-нибудь беспорядкам»¹¹.

Был встревожен и Синедрион, и именно поэтому на Иордан были отправлены священники с полномочиями от него.

- Кто ты? Не Мессия ли? — задали они вопрос Крестителю.
- Я не Мессия, — отвечал тот.
- Что же? Ты Илия?
- Я не Илия.

— Пророк?

— Нет.

— Тогда кто же ты, чтобы дать нам ответ пославшим нас? Что ты говоришь о самом себе?

— Я глас вопиющего: «В пустыне выпрямите дорогу Господу», как сказал пророк Исайя.

— Что же ты крестишь,— спросили его,— если ты не Мессия, и не Илия, и не Пророк?

И тогда они услышали ответ, полный смирения и веры, который ясно определил призвание Иоанна как *Предтечи* Христа:

— Я крещу водою, посреди же вас стоит Тот, Кого вы не знаете, Идущий за мною. Который впереди меня стал, Кому я недостойн развязать ремень обуви Его... Он будет крестить вас Духом Святым и огнем. Лопата Его в руке Его, и Он очистит гумно Свое и соберет пшеницу Свою в житницы, а мякину сожжет огнем неугасимым¹².

Все поняли, что это значит. Мир должен пройти через огонь правды Божией, Иоанн же — лишь предвестник очистительной грозы.

О Мессии говорили уже давно, но только иорданский учитель возвестил, что дни Его прихода наконец *наступили*. Слушая Предтечу, народ постоянно «находился в ожидании». Многие знали, что Избавитель долго будет скрываться неузнанным, поэтому слова Иоанна: «Он стоит среди вас», — заставляли учащенно биться сердца.

В это самое время на берегу среди толпы появился Человек из Назарета...

Приход Его едва ли привлек внимание, тем более что Он вместе с другими готовился принять крещение от Иоанна. Однако, когда Он подошел к воде, всех поразили странные слова Пророка, обращенные к Галилеянину: «Мне надо креститься от Тебя». Знал ли Иоанн еще прежде или только теперь почувствовал, что перед ним не простой человек, а Некто больший его самого? Ответ Иисуса: «Допусти сейчас, ибо так подобает нам исполнить всякую правду», — ничего не объяснил окружающим¹³. Хотел ли Он сказать, что «нам», людям, нужно начинать с покаяния? Хотел ли дать пример? Или смотрел на крещение, как на акт, знаменующий начало Его миссии? Во всяком случае, для Иоанна эти слова имели определенный смысл, и он согласился совершить обряд.

Это была символическая встреча. Отшельник во власянице, с почерневшим от солнца, изможденным лицом, с львиной гривой волос, воплощал собой тернистый путь дохристианской

религии, а новое откровение приносил Человек, Который внешне, казалось, ничем не отличался от любого простолюдина из Галилеи.

В тот момент, когда Иисус стоял в реке и молился, произошло нечто таинственное. Впоследствии Иоанн говорил своим ученикам: «Я видел Духа, сходящего с неба, как голубя, и пребывающего на Нем. Я не знал Его; но Пославший меня крестить в воде сказал мне: «На кого увидишь Духа сходящего и пребывающего на Нем, Тот есть Крестящийся Духом Святым». И я видел и засвидетельствовал, что Сей есть Сын Божий»¹⁴.

После крещения Иисус тотчас же покинул Бетанию и углубился в пустыню, лежащую к югу от Иордана. Там, в окрестностях Мертвого моря, среди голых безжизненных холмов, где молчание нарушалось лишь плачем шакалов и криками хищных птиц, Он провел в посте более месяца. По словам евангелистов, в те дни на пороге Своего служения Он был «искушаем дьяволом».

Предстояло ли Иисусу видение, как это обычно любят изображать художники, пытался ли кто-нибудь из обитателей пустыни увлечь Его на ложный путь, или все совершалось в душе Христовой незримо? Об этом не мог рассказать никто, кроме Самого Иисуса. Но Он поведал ученикам только суть происшедшего¹⁵. Сатана предложил Мессии три собственных способа завоевать Мир. Первый заключался в том, чтобы привлечь массы обещанием земных благ. Накорми их, «сделай камни хлебами», и они пойдут за Тобой куда угодно,— говорил искушитель. Но Иисус отказался прибегнуть к подобной приманке: «Не хлебом единым жив человек...»

В другой раз Назарянин стоял на высокой горе. У ног Его лежали пепельные зубцы скал, за которыми угадывались «царства мира сего». Где-то далеко двигались непобедимые римские легионы, плыли по морю корабли, волновались народные толпы. Что правит ими, что царит над миром? Не сила ли золота, не власть ли меча, не стихия ли эгоизма, жестокости и насилия? Кесарь потому лишь повелевает народами, что признал владычество темных начал в человеке. «Тебе дам всю эту власть,— сказал Сатана,— и славу их, потому что мне предана она, и я, кому хочу, даю ее». Стань таким, как повелители империй, и люди будут у Твоих ног. Подобного Мессию-воина ждали иудейские zeloty. Однако Иисус не уступил соблазну меча; не для того пришел Он, чтобы идти по стопам поработителей. «Отойди от Меня, сатана,— был Его ответ,— ибо написано: Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи».

Из пустыни Иисус направился в Иерусалим. Но и там дух зла не отступал от Него. «Бросься вниз», — предложил он, когда Христос стоял на одной из высоких храмовых площадок; ведь толпа, увидев человека, который упал на камни и остался невредим, наверняка сочтет Его великим чародеем. Но и путь кричащего чуда, по которому пошли как ложные мистики, так и поклонники «технических чудес», не мог быть принят Иисусом. Свою силу Он всегда будет стараться скрывать, избегая духовного насилия над людьми.

Евангелия говорят, что побежденный Сатана отступил от Христа «до времени». Иными словами, искушения не ограничивались этими переломными днями Его жизни.

Возвращаясь в Галилею, Иисус на некоторое время снова остановился в Бетании. Когда Иоанн увидел Его, он сказал, обращаясь к окружавшим его людям: «Вот Агнец Божий, Который берет грех мира»¹⁶. Слово «Агнец» напоминало о пророках, которых преследовали и убивали, а в книге Исаии Агнцем был назван Служитель Господень, Чьи муки совершатся ради искупления грехов человечества.

Креститель повторил свое свидетельство и в кругу близких учеников, после чего Андрей и Иоанн стали искать встречи с Иисусом. Однажды, увидев Его, они робко пошли за Ним, не зная, как начать разговор. Иисус обернулся и спросил:

— Чего вы хотите?

— Равви, где Ты живешь? — спросили они, немного растерявшись.

— Пойдемте и увидите.

Они пришли с Ним в дом, в котором Он остановился, и пробыли с Иисусом весь день. Мы не знаем, о чем беседовали они, но на следующий день Андрей отыскал своего брата Симона и с восторгом заявил: «Мы нашли Мессию...».

Поразительная весть мигом распространилась среди галилеян, которые пришли на Иордан. Некоторые колебались. Уже очень все было непохоже на предсказанное. Один из земляков Андрея, Нафанаил, недоверчиво качал головой: Мессия из Назарета? Но ему ответили просто: «Пойди и посмотри». Нафанаил согласился, и первые же слова Назарянина пронзили его душу. Намек, обнаруживший прозорливость Иисуса, рассеял все сомнения.

— Равви, Ты Сын Божий, Ты Царь Израилев! — воскликнул Нафанаил.

— Истинно, истинно говорю вам, — сказал в ответ Иисус, —

увидите небо отверстым и Ангелов Божиих, восходящих и нисходящих на Сына Человеческого.

Он не произнес слова «Мессия», однако выражение «Сын Человеческий» было им понятно; оно означало, что новый Учитель — Тот, Кого все давно с нетерпением ждали.

Скорее всего, эти простосердечные люди решили, что найденный ими Царь скрывается лишь до поры до времени, но придет час, и вокруг Него сплотятся смелые люди, силы небесные возведут Его на престол, а они, первыми *узнавшие* Христа, стяжают славу в мессианском Царстве...

Итак, на Север Иисус пришел уже не один, а в сопровождении приверженцев.

Глава четвертая

ГАЛИЛЕЯ ПЕРВЫЕ УЧЕНИКИ

Весна 27 г.

Вначале могло показаться, что проповедь Христова была лишь продолжением миссии Иоанна Крестителя. Оба говорили о близости Царства Божия, оба звали народ к покаянию и приняли в качестве обряда водное крещение. Тем не менее некоторое различие между двумя учителями стало заметным сразу. Если Иоанн ждал, пока к нему соберутся слушатели, то Иисус сам шел к людям. Он обходил города и селения; по субботам Его речь звучала в молитвенных домах, а в остальные дни — где-нибудь на холме или у моря под открытым небом. Иной раз толпа бывала настолько велика, что Иисус садился в лодку и оттуда обращался к расположившемуся на берегу народу.

Живя в Галилее, Учитель неизменно вставал рано и часто встречал восход на уединенных вершинах. Там ученики находили Его и просили продолжать беседы с пришедшими. День Иисуса был заполнен напряженным трудом: до самой темноты за Ним по пятам следовали больные, ожидая облегчения недугов, верующие жадно ловили Его слова, скептики задавали нелепые вопросы или вступали с Ним в споры, книжники требовали разъяснения трудных мест Библии. Порой Иисусу и Его ученикам некогда было поесть. Однако в Евангелиях только дважды говорится, что Учитель сильно устал¹. Обычно же мы видим Его неутомимым и полным энергии. «Пища Моя,— говорил Он,— творить волю Пославшего Меня и совершать Его дело».

Нас не должно удивлять, что не сохранилось изображений Христа, сделанных Его современниками. Ведь не существует достоверных портретов ни Будды, ни Заратустры, ни Пифагора, ни большинства других религиозных реформаторов, а в Иудее вообще не было принято изображать людей.

Первохристиане не сохранили памяти о внешних чертах Иисуса; им прежде всего был дорог духовный облик Сына Человеческого. «Если мы и знали Христа во плоти,— говорил ап. Павел,— то теперь уже не знаем»².

Самые ранние фрески, где лик Иисуса представлен таким, каким он окончательно установился в церковном искусстве, относятся ко II или даже III веку. Трудно сказать, насколько этот образ связан с устной традицией. Но, во всяком случае, Учитель, совершавший долгие переходы под знойным солнцем Палестины, руки Которого знали тяжелый физический труд, едва ли походил на Христа итальянских мастеров. Он одевался не в античную тогу, а в простую одежду галилеян — длинный полосатый хитон и верхнюю накидку; голова Его, вероятно, была всегда покрыта белым платком с шерстяной перевязью.

В русской живописи XIX века наиболее достоверен внешний облик Христа у В. Д. Поленова, но его картины не передают той духовной силы, которая исходила от Сына Человеческого³.

Именно ее и запечатлели евангелисты. В их рассказах чувствуется покоряющее воздействие Иисуса на самых разных людей. Он почти молниеносно завладел сердцами Своих будущих апостолов. Храмовые стражи, которых послали задержать Назарянина, не смогли выполнить приказ, потрясенные Его проповедью. Было в Нем нечто, заставлявшее даже врагов говорить с Ним почтительно. Книжники называли Его Равви — Наставник. У Пилата один вид и немногие слова Иисуса вызвали против воли тайное уважение.

Какая-то волнующая загадка, необъяснимая притягательность создавали вокруг Него атмосферу любви, радости, веры. Но нередко учеников охватывал рядом с Иисусом священный трепет, почти страх, как от близости к Непостижимому. При этом в Нем не было ничего жреческого, напыщенного. Он не считал ниже Своего достоинства прийти на свадьбу или делить трапезу с мытарями в доме Матфея, посещать фарисея Симона, Лазаря. Меньше всего Он походил на отрешенного аскета или угрюмого начетчика. Святоши говорили о Нем: «Вот человек, который любит есть и пить вино»⁴. Рассказывают, что один средневековый монах проехал мимо живописного озера, не заметив его. Не таков Иисус. От Его взгляда не ускользают даже житейские мелочи; среди людей Он дома.

Глубоко человеческим рисуют Христа евангелисты. На глазах Его видели слезы, видели, как Он скорбит, удивляется, радуется, обнимает детей, любит цветы. Речь Его дышит снисходительностью к слабостям человека, но Своих требований Он никогда не смягчает. Он может говорить с нежной добротой, а может быть строг, даже резок. Подчас в Его словах мелькает горькая ирония («отцеживают комара и проглатывают верблюда»). Обычно кроткий и терпеливый, Иисус беспощаден к ханжам; Он изгоняет из храма торговцев, клеймит Ирода Антипу и законников, упрекает в маловерии учеников. Он спокоен и сдержан, порой же бывает охвачен священным гневом. Тем не менее внутренний разлад чужд Ему. Иисус всегда остается Самим Собой. За исключением нескольких трагических моментов, ясность духа никогда не покидает Христа. Находясь в гуще жизни, Он одновременно как бы пребывает в ином мире, в единении с Отцом. Близкие люди видели в Нем Человека, Который желает лишь одного: «творить волю Пославшего Его».

Христос далек от болезненной экзальтации, от иступленного фанатизма, свойственных многим подвижникам и основателям религий. Просветленная трезвость — одна из главных черт Его характера. Когда Он говорит о вещах необыкновенных, когда зовет к трудным свершениям и мужеству, то делает это без ложного пафоса и надрыва. Он мог запросто беседовать с людьми у колодца или за праздничным столом, и Он же мог произнести потрясающие всех слова: «Я — Хлеб жизни». Он говорит об испытаниях и борьбе, и Он же повсюду несет свет, благословляя и преображая жизнь.

Писателям никогда не удавалось создать убедительный образ героя, если портрет его не оттенялся недостатками. Исключение составляют евангелисты, и не потому, что были непревзойденными мастерами слова, а потому, что они изображали непревзойденную Личность.

Нельзя не согласиться с Руссо, утверждавшим, что выдумать евангельскую историю было невозможно. По мнению Гете, «все четыре Евангелия подлинны, так как на всех четырех лежит отблеск той духовной высоты, источником которой была личность Христа и которая является божественной более, чем что-либо другое на земле»⁵.

В противоположность отшельникам Кумрана, Иисус не отворачивался от мира, не прятал от него сокровищ духа, а щедро отдавал их людям. «Когда, — говорил Он, — зажигают светильник, не ставят его под сосуд, но на подсвечник, и светит всем в доме»⁶. Слово Божие должно быть «проповедано на кровлях» —

такова Его воля. Древнееврейский язык к тому времени чаще употреблялся как литературный. Для разговоров же обычно пользовались арамейским наречием. Именно на нем говорил Христос, беседуя с народом. Об этом свидетельствуют арамейские слова и выражения, сохранившиеся в Новом Завете⁷.

В Своей проповеди Иисус прибегал к традиционным формам священной библейской поэзии. Нередко слова Его звучали величественным речитативом, напоминая гимны древних пророков. Кроме того, Он следовал приемам книжников: выражался афоризмами, ставил вопросы, не пренебрегал и логическими доводами. Особенно любил Иисус примеры из повседневной жизни — *притчи*. В них наиболее полно запечатлелось Его учение.

Притчи издавна были известны в Израиле, но Иисус сделал их основным способом выражения Своих мыслей. Он обращался не к одному интеллекту, а стремился затронуть все существо человека. Рисуя перед людьми знакомые картины природы и быта, Христос нередко предоставлял самим слушателям делать выводы из Его рассказов. Так, избегая абстрактных слов о человеческом братстве, Он приводит случай на иерихонской дороге, когда пострадавший от разбойников иудей получил помощь от иноверца-самарянина. Подобные истории западали в душу и оказывались действеннее любых рассуждений.

Побережье Галилейского моря, куда пришел Иисус, впоследствии сильно пострадало от войн; только сравнительно недавно этот край стал обретать прежний облик. В евангельские же времена Геннисарет отличался, по словам Флавия, «изумительной природой и красотой»⁸. Фруктовые сады, пальмы и виноградники окаймляли голубые воды. За оградами росли акации, олеандры, миртовые кустарники с белыми цветами. Урожай снимали в течение всех месяцев. Озеро давало обильный улов. Днем и ночью его поверхность была усеяна рыбацкими лодками.

Есть глубокий смысл в том, что проповедь Евангелия оказалась тесно связанной с этой страной. Весть о Царстве Божием впервые прозвучала не в душных, пыльных столицах, а у берегов лазурного озера, среди зеленеющих рощ и холмов, напоминая о том, что красота земли есть отражение вечной красоты Неба.

Вокруг Геннисарета тянулся ряд небольших приморских городков, из которых Иисус отдал предпочтение *Капернауму*. Евангелисты даже называют Капернаум «Его городом». Там, рядом с синагогой, построенной римлянином-прозелитом, жил Он в доме Симона, брата Андрея; отсюда Иисус шел проповедовать, направляясь по берегу в Вифсаиду, Хоразин, Магдалу, отсюда

ходил на праздники в Иерусалим и туда возвращался. В Капернауме люди стали свидетелями Его первых исцелений и видели, как Он одним словом остановил конвульсии одержимого, который кричал: «Оставь! Что Тебе до нас, Иисус Назарянин? Ты пришел погубить нас! Знаю Тебя, Кто Ты, Святой Божий!..».

Родные Иисуса, узнав о Его проповеди и чудесах, решили что Сын Марии «вышел из себя». Они поспешили в Капернаум, желая силой увести Иисуса обратно в Назарет; но им так и не удалось проникнуть в дом, который буквально осаждался народом.

С тех пор Марии было уже тягостно оставаться среди назарян, которые смотрели на Иисуса как на безумца. Было высказано предположение, что она переселилась на время в Кану, где какие-то люди, вероятно родственники, дали Ей приют.

Однажды, когда в их семье справляли свадьбу, туда был приглашен Иисус с учениками, и Мать смогла вновь увидеть Его.

В самый разгар скромного торжества, к великому огорчению и стыду хозяев, кончилось вино. Очевидно, все лавки уже закрылись, и нечем было угощать собравшихся. Мария, заметив это, обратилась к Сыну: «Вина нет у них».

На какую помощь Она надеялась? Или просто ждала слов ободрения? Кажется непонятным и ответ Иисуса, произнесенный как бы со вздохом: «Что Мне делать с Тобой? Час Мой еще не пришел», — так примерно можно передать смысл Его слов. Тем не менее Мария поняла, что Он все же готов как-то помочь, и сказала слугам: «Сделайте все, что Он вам скажет». Иисус велел налить воды в большие каменные чаны, предназначенные для омовений, и, почерпнув из них, нести распорядителю пира. Слуги в точности исполнили странное приказание, и когда распорядитель попробовал напиток, то поразившись, сказал жениху: «Хорошее вино всегда подают сначала, а ты сберег его до сих пор...».

Так проявление власти Христа над природой началось не устрашающими знаменьями, а за праздничным столом, под звуки свадебных песен. Он употребил ее, чтобы не омрачился день веселия, как бы невзначай. Ведь Он пришел дать людям радость, полноту и «избыток» жизни.

Галилейские рыбаки были глубоко поражены происшедшим в Кане. Евангелист Иоанн говорит, что именно с этого момента они по-настоящему уверовали в Иисуса. И когда однажды, найдя их на берегу, Он позвал их следовать за Собой, они без колебаний оставили свои сети и отныне целиком принадлежали только Учителю.

Новообразованная община, которую несколько лет спустя стали называть «Назарейской», в отличие от орденов Будды или св. Франциска, не была нищенствующей. Она располагала средствами и была даже в состоянии оказывать помощь бедным. Деньги поступали от учеников и принадлежали всему братству. Этот принцип был позднее усвоен Иерусалимской Церковью.

Вероятно, все первые последователи Иисуса были молоды. Старшинство принадлежало рыбаку родом из Вифсаиды — *Симону бар-Ионе*, т. е. сыну Ионы, по другой версии — Иоанна. Его имя стоит в начале каждого списка апостолов. Когда Учитель о чем-либо спрашивал учеников, Симон обычно отвечал за других. Христос дал ему прозвище *Кифа* — камень, что по-гречески звучит как Петр. Смысл этого имени Иисус объяснил Своему ученику позднее. Порывистый темперамент сочетался в Симоне с робостью. Но он больше остальных учеников был привязан к Наставнику, и эта любовь помогала Петру побеждать свойственное ему малодушие.

Симон жил в Капернауме с братом, женой и ее матерью. Иисус постоянно пользовался их гостеприимством и лодкой Петра. Дом Симона надолго стал Его домом.

Петра привел к Учителю его брат *Андрей*, о котором мы знаем так же мало, как и об *Иакове*, сыне рыбака Зеведея. Зато другой сын Зеведея, *Иоанн*, младший из апостолов, обрисован в Евангелиях полнее. Вероятно, он походил на свою мать Саломею, энергичную, искренне верующую женщину, которая впоследствии тоже присоединилась к Иисусу. Слушая проповеди Крестителя, Иоанн проникся убеждением в близости Царства Мессии. Юноша «не книжный и простой», он, однако, был, по-видимому, знаком с учением *есеев*, что углубило в нем апокалиптическую настроенность. Он хотел видеть в Иисусе громовержца, Который будет поражать молниями Своих врагов. Иоанн и Иаков втайне мечтали занять первые места у трона Христова. Иисус называл обоих братьев *Бенегерез*, «сынами грозы». Пылкий Иоанн стал Его любимым учеником.

В Капернауме у берега находилась таможня. Посетив ее, Иисус встретил там мытаря Левия, по прозвищу *Матфей*, и сказал ему: «Следуй за Мной». Матфей не только сразу же присоединился к назаретскому Учителю, но и привел к Нему других мытарей. Позднее этот человек, вероятно, первым начал записывать слова Христовы.

Кроме четырех геннисаретских рыбаков и Матфея в ближайший круг приверженцев Иисуса вошли *Нафанаил бар-Толомей* (греч. Варфоломей) из Каны, его друг *Филипп*, житель Вифсаи-

ды, лучше других владевший греческим языком; *Симон Зилот*, который оставил ради Христа партию воинствующих экстремистов; рыбак *Фома* (*Фома (арам.)*, или *Дидим (греч.)*, т. е. Ближец, — вероятнее всего прозвище. По первым свидетельствам апостола звали *Иуда*), а также *Иуда Фаддей* и *Иаков Алфеев*. Все они происходили из Галилеи, южанином был только уроженец города Кериота *Иуда бар-Симон*. Последнему Иисус поручил хранение денежных средств Своей общины. Тем самым Он, быть может, хотел подчеркнуть Свое доверие к *Иуде*.

Имя этого человека давно стало символом низости и вероломства. Однако сомнительно, чтобы Христос желал приблизить к Себе морального урода, существо нравственно безнадежное. Вероятно, представления *Иуды* о деле Учителя были превратными, но в этом он мало отличался от *Петра* и других апостолов. Всем им было трудно преодолеть иллюзии, прочно укоренившиеся в сознании. Многие ученики отошли от Иисуса, когда стало ясно, что Он не таков, каким они воображали Мессию. Драма *Иуды* также была связана с потерей веры в Учителя. Но разочарование родило в нем чувство озлобленности и толкнуло на предательский шаг. Быть может, таким образом он желал отомстить за разрушенные честолюбивые планы. Во всяком случае, считать, что *Иудой* руководила только алчность, значит неправильно упрощать евангельскую трагедию.

Все евангелисты утверждают, что люди, которых Иисус приблизил к Себе, первое время плохо понимали Его Самого и Его цели. Подчас им было трудно уловить даже простую мысль Учителя. Это, конечно, должно было огорчать Иисуса, но Он терпеливо воспитывал учеников и радовался каждый раз, когда что-то прояснялось для них. «Славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли,— восклицал Иисус в такие моменты,— что Ты скрыл это от мудрых и разумных и открыл это младенцам!»⁹. Если бы Благая Весть была сначала вручена «мудрецам», возникла бы опасность, что ее суть останется затемненной. Так произошло сто лет спустя, когда новую веру приняли восточные оккультисты и переплели христианство с гностической теософией. В подлинной же чистоте Евангелие смогли сохранить именно простецы, чуждые гордости и «лидерства», не отравленные сухой казуистикой и метафизическими теориями, люди, которые внесли в учение Иисуса минимум своего. Личность, мысль, воля Господа были для них единственным и самым дорогим сокровищем.

Иисус любил эту духовную семью и ставил Свою связь с ней выше кровного родства. Когда во время большого скопления народа Учителю сообщили, что снаружи у ворот Его ждут Мать и братья, Он указал на учеников: «Вот Моя Мать и братья Мои...».

Постепенно молва о галилейском Наставнике и Учителе распространилась по всей округе. За Иисусом постоянно следовали толпы. Стоило Ему удалиться, чтобы побыть одному, как ученики находили Его: «Все ищут Тебя». И тогда Иисус снова и снова шел к ожидавшим Его.

Но были и в этой подвижнической жизни редкие дни или, вернее, часы покоя. Когда думаешь о них, невольно представляется вечер на берегу Геннисарета. Солнце заходит за городом. Массивный силуэт синагоги резко выделяется на фоне заката. Ветер чуть шевелит тростник и ветки деревьев. На востоке раскинулись фиолетовые холмы. Издали доносится пение возвращающихся домой рыбаков.

Иисус сидит на прибрежных камнях, глаза Его обращены к затихшей глади воды. Появляются Симон и другие ученики. Они молча останавливаются, боясь потревожить Учителя. А Он сидит неподвижно, погруженный в молитву, озаренный тихим вечерним светом. Понимают ли, догадываются ли ученики, глядя в этот момент на Иисуса, что в Нем откроется им то Высшее, что созидает и движет Вселенную?..

Короткие южные сумерки, и вот уже над морем загораются звезды. Все идут в дом Симона. Комната освещена колеблющимся огнем глиняной лампы; у стола собрались Учитель и ученики. Женщины подают скромный ужин. Иисус произносит благодарственную молитву и преломляет хлеб. Он говорит о Царстве, ради которого нужно смело и решительно оставить все; тот же, кто «взялся за плуг и оборачивается назад», для дела Божия непригоден.

У Симона, наверное, есть много вопросов, но он робеет, хотя готов идти за своим Господом на край света. Глаза Иоанна сверкают; в его уме проносятся видения всемирного Суда и образ Сына Человеческого, увенчанного короной Давида...

Иисус продолжает говорить.

Над Капернаумом спускается ночь.

Глава пятая

БЛАГАЯ ВЕСТЬ

Учение Христово есть Благая, или радостная, Весть. Так его называл Он Сам: *Бесора* по-арамейски, по-гречески *Евангелие*.

Он принес миру не новые философские доктрины, не проекты общественных реформ и не познание тайн потустороннего. Он в корне изменил самое отношение людей к Богу, открывая им

тот Его лик, который прежде лишь смутно угадывался. Благая Весть Иисуса говорит о высшем призвании человека и о радости, которую дарует ему единение с Творцом.

Неисчерпаемое богатство Евангелия в кратких чертах обрисовать нелегко, поэтому мы остановимся лишь на главном.

Небесный Отец и Богосыновство

Ветхий Завет чаще всего говорил об отношении между Богом и народом. Евангелие же выдвигает на первое место отношение между Богом и душой.

Проповедь Иисуса обращена не к массам, не к безликому муравейнику, а к личности. В толпе духовный уровень людей снижается, они оказываются во власти стадных инстинктов. Поэтому Христос придает такое значение отдельным судьбам. В любом человеке заключен целый мир, бесконечно ценный в очах Божиих.

Если Иисус и пользовался словом «стадо», то в Его устах оно звучало совсем иначе, нежели в наши дни. Для Его слушателей оно связано с предметом любви и постоянной заботы: на овец смотрели почти как на членов семьи. «Добрый пастырь,— говорил Иисус,— каждую овцу зовет по имени» и готов «положить за нее жизнь».

Когда книжники удивлялись, почему Учитель общается с людьми сомнительной репутации, Он отвечал им притчей:

«Кто из вас, имея сто овец и потеряв одну из них, не покидает девяносто девяти в пустыне и не идет за пропавшей, доколе не найдет ее? И найдя, он берет ее на плечи, радуясь; и, придя к себе в дом, созывает друзей и соседей и говорит им: «Порадуйтесь со мною, потому что я нашел овцу мою пропавшую». Говорю вам, что так на небесах радость будет больше об одном грешнике кающемся, чем о девяносто девяти праведниках, которые не нуждаются в покаянии. Или какая женщина, имеющая десять драхм, если потеряет одну драхму — не зажигает светильника, и не метет дома, и не ищет усердно, доколе не найдет? И найдя, она созывает подруг и соседок и говорит: «Порадуйтесь со мной, потому, что я нашла драхму, которую потеряла». Так, говорю вам, бывает радость перед ангелами Божиими об одном грешнике кающемся»¹.

Говоря о Сущем, Иисус подразумевал «Бога Авраама, Исаака и Иакова», т. е. Бога, открывшегося в религиозном сознании Ветхого Завета; и подобно библейским пророкам Евангелие

Христово учит не столько о Боге в самом Себе, сколько о Боге, обращенном к миру и человечеству.

Изю всех имен, которыми Творец называется в Писании, Иисус предпочитал слово *Отец*. В Его молитвах оно звучало как *Авва*. Так по-арамейски обращались дети к своим отцам.

Выбор этот глубоко знаменателен.

Отцом в мировых религиях верховное Начало именовали нередко. Но обычно Его представляли в виде деспотичного и властного повелителя. Такой взгляд, несущий на себе печать страха людей перед бытием и перед земными владыками, сказался даже на ветхозаветном мышлении. Когда иудей произносил слово «Отец», оно, как правило, заключало в себе для него понятие о суровом Господине и Покровителе всего народа.

Только Иисус говорит об Отце, Которого может обрести *каждая* человеческая душа, если захочет этого. Евангелие приносит людям дар *богосыновства*. На тех, кто примет его, исполнятся обетования Христа. Они узнают, что с Создателем Вселенной можно говорить один на один, как с «Аввой», как с любящим Отцом, Который ждет ответной любви.

Любовь Божия не навязывает себя, она оберегает человеческую *свободу*. Господь подобен хозяину дома, который зовет всех к себе на пир и для которого гости — великая радость. Еще яснее выразил Христос эту мысль в притче о своевольном сыне.

Молодой человек потребовал от отца причитающуюся ему долю наследства и уехал в чужую страну. Расставаясь с ним, отец не произнес ни одного слова упрека. Он не хотел вынужденной любви и поэтому не удерживал сына. Когда же юноша промотал все, что имел, и вернулся назад нищим, надеясь стать хотя бы последним слугой в доме, отец не только принял его, но и устроил пир в честь возвращения блудного сына.

Это вызвало зависть и досаду старшего брата.

— Вот я столько лет служу тебе, — сказал он, — и никогда заповеди твоей не преступал, и мне ты никогда не дал козленка, чтобы повеселиться с друзьями моими. А когда пришел сын твой этот, проевший свое имение с блудницами, ты заколол для него откормленного теленка.

— Дитя мое, — возразил отец, — ты всегда со мною, и все мое — твое, но надо было возвеселиться и возрадоваться тому, что брат твой этот мертв был и ожил, пропадал и нашелся².

Вдали от Бога нет подлинной жизни; уходя от Него, человек пожинает горькие плоды греха, но Господь всегда готов принять кающегося — таков смысл рассказа. Небесную волю в нем символизирует не требовательный господин, грозный царь или

строгий судья, но человек, уважающий свободу другого, отец который любит и прощает. Этот образ наиболее точно соответствует откровению Христа о Боге. Как отец терпеливо ожидал сына, сидя у порога, так и Господь ищет свободной любви человека.

Однажды женщины привели к Иисусу детей, чтобы Он благословил их. Ученики, боясь утомить Его, не позволили им войти в дом. Но Учитель сказал: «Пустите детей, не препятствуйте им приходить ко Мне, ибо таковых есть Царство Небесное». А когда ученики спросили Христа, кто больший в Царстве Божиим, Он подозвал ребенка, поставил среди них и, обняв его, сказал: «Истинно говорю вам, если не обратитесь и не станете как дети, не войдете в Царство Небесное»³. Открытость и доверчивость детской души есть образ *доверия* человека к своему Божественному Отцу. («*Эмунá*» (вера) означает не уверенность в какой-то отвлеченной истине, а доверие к Богу, верность Ему. От этого же корня слово *аминь* — верно). Вот почему Иисус любил детское слово «Авва».

«Послал,— говорит ап. Павел,— Бог Духа Сына Своего в сердца наши, Духа, взывающего: Авва, Отче! Так что ты уже не раб, но сын»⁴. Тот, кто познал счастье богосыновства, открывает мир как бы заново. Он вырвался из мертвенных тисков случайности. Господь близок к нему и знает каждый его шаг, «все волосы на голове его сочтены»...

Доверие должно быть беспредельным; оно исключает «служение двум господам». Если человек поглощен погоней за суетным, то он отдает свое сердце во власть идола мамоны (как по-арамейски именовалось богатство). «Какая польза,— говорил Иисус,— человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?»⁵.

Вручив себя Отцу, душа одолевает *заботу* — не ту повседневную заботу, которая необходима, а тягостную, навязчивую, помрачающую разум озабоченность.

Если Отец печется даже о малых птицах, если одарил дивной красотой цветы, то неужели Он забудет о детях Своих? Ведь они для Него дороже всех творений.

Итак не заботьтесь и не говорите: что нам есть?
или что нам пить? или во что одеться?,
ибо всего этого ищут язычники;
знает Отец ваш небесный,
что вы нуждаетесь во всем этом⁶.

Жизнь вблизи Отца изгоняет страх и неуверенность. Молясь, дети Божии открывают Ему свои мысли, надежды и скорби. «Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам»⁷.

Если, как говорится в притче Христовой, даже бессердечный судья не смог отказать бедной вдове, которая неотступно просила его, то откажет ли любящий Отец тем, кто обращается к Нему с мольбой? В молитве важна уверенность, что человек будет услышан.

Есть ли между вами такой человек,
у которого сын его попросит хлеба,
а он подаст ему камень?
Или рыбы попросит,
а он подаст ему змею?
Итак, если вы, будучи злы,
умеете давать дары благие детям вашим,
тем более Отец ваш, Который на небесах,
даст благо просящим у Него⁸.

Язычники полагали, что сами боги нуждаются в приношениях. Ветхому Завету эта мысль была глубоко чужда. Вся природа и так принадлежит Творцу. Самый драгоценный дар Ему — сердце человека. Обряды имеют смысл лишь тогда, когда выражают любовь к Создателю. Поэтому и Иисус не отвергал обычая приносить жертвы на алтаре. Он даже указывал, что делать этого нельзя, не примирившись с братом. Однако примечательно: евангелисты нигде не говорят, что Христос Сам участвовал в жертвоприношениях. Храм для Него был прежде всего «домом молитвы».

Но ни храмовое действо, ни даже совместная молитва не могут заменить общения с Богом наедине, сокровенной беседы с Отцом.

Богу не нужна «дань» формального поклонения, не нужна «респектабельная» религиозность, подчиняющаяся обычаю. Иисус предупреждает:

Когда молитесь, не будьте, как лицемеры,
которые любят молиться в синагогах
и стоя на углах улиц,
чтобы показать себя людям...
Ты же, когда молишься,
войди во внутренний покой твой;
и, затворив дверь твою,
помолись Отцу твоему,

Который втайне;
и Отец твой, видящий втайне, воздаст тебе.
Молясь же, не разглаговльствуйте, как язычники;
ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны.
Итак, не уподобляйтесь им,
ибо знает Отец ваш,
в чем вы имеете нужду⁹.

Если мы и просим чего-либо у Бога, то лишь потому, что исповедуем перед Ним все, что лежит на сердце.

Молиться Иисус учит простыми словами, с любовью и доверием:

ОТЧЕ НАШ, КОТОРЫЙ НА НЕБЕСАХ! Мы дети Твои, и у Тебя наша отчизна.

ДА СЯТИТСЯ ИМЯ ТВОЕ. Пусть пребудет в нас благоговение к Твоей священной тайне.

ДА ПРИДЕТ ЦАРСТВО ТВОЕ, ДА БУДЕТ ВОЛЯ ТВОЯ И НА ЗЕМЛЕ, КАК НА НЕБЕ. Мы ждем, чтобы Ты воцарился во всем Своем Творении, чтобы исполнился Твой замысел и Ты один стал нашим Царем и Господом.

ХЛЕБ НАШ НАСУЩНЫЙ ДАЙ НАМ СЕГОДНЯ. Поддержи нашу жизнь сейчас, ибо мы верим, что о завтрашнем дне Ты позаботишься.

И ПРОСТИ НАМ ДОЛГИ НАШИ, КАК И МЫ ПРОСТИЛИ ДОЛЖНИКАМ НАШИМ. Сыновний долг, который мы так плохо платим Тебе, есть ответная любовь. Научи нас любить и прощать друг друга, как Ты любишь и прощаешь нас.

И НЕ ВВЕДИ НАС ВО ИСКУШЕНИЕ, НО ИЗБАВЬ НАС ОТ ЛУКАВОГО. Огради нас от зла, идущего извне и от нас самих.

Ибо Твое есть царство и сила и слава вовеки. Аминь¹⁰.

Заметим, что на первое место в этой молитве ставятся не человеческие желания, а воля Господа. Обращаясь к Нему, люди не должны искать только своего. Сын готов всегда и во всем полагаться на Отца.

Слова «да придет Царство Твое» указывают, что во всей полноте оно еще не наступило. Христос прямо говорит, что в «веке сем» на земле господствуют демонистические силы. Сатана доныне остается «князем мира сего».

Христос не объяснял, откуда явилось зло, и, следовательно, считал достаточным то, что открыто в Ветхом Завете. Человек призван не столько размышлять о зле, сколько бороться с ним. В Евангелие проблема зла — практическая проблема, жизненная задача, поставленная перед теми, кто ищет согласия с Божиим замыслом.

Заповедь любви

Зло, с которым человек соприкасается теснее всего, живет в нем самом: воля к господству, к подавлению и насилию — с одной стороны, и слепая мятетность, ищущая самоутверждения и безграничного простора инстинктам, — с другой. Эти демоны дремлют на дне души, готовые в любой момент вырваться наружу. Их питает ощущение своего «я» как единственного центра, имеющего ценность. Растворение «я» в стихии общества, казалось бы, ограничивает бунт индивидуума, но при этом — нивелирует, стирает личность. Выход из тупика был дан в библейской заповеди: «Возлюби ближнего, как самого себя». Она призывает к борьбе против звериных эгоцентрических начал, за признание ценности другого «я», к борьбе, которая должна создать высшего человека, «новое творение». Только любовь способна победить Сатану.

Пусть в окружающем человека мире и в нем самом многое восстает против заповеди о любви; силу для ее исполнения люди найдут у Того, Кто Сам есть Любовь, Кто открылся в Евангелии Иисуса как милосердный Отец.

Подлинная вера неотделима от человечности. Люди, которые забывают об этом, похожи на строителей, соорудивших дом без фундамента, прямо на песке. Такое здание обречено рухнуть при первой же буре.

Как основу нравственности Иисус сохранил предписания Декалога. «Если хочешь войти в жизнь, соблюдай заповеди», — говорил Он богатому юноше. Кроме того, Он одобрил принцип Гиллеля: «Не делай другому того, что не любо тебе самому», однако придавал этому изречению оттенок большей активности и действенности. «Во всем, как хотите, чтобы люди поступали с вами, так с ними поступайте и вы»¹¹.

Евангелие далеко от негативного морализма с его формальной схемой «добродетели», которая сводится к одним запретам.

Блаженный Августин писал: «Люби Бога, и тогда поступай, как хочешь», т. е. отношение к людям должно органично вытекать из веры. Познавший Отца не может не любить и Его творение. Более того, Иисус прямо говорит: «То, что вы сделали одному из братьев Моих меньших, — то сделали Мне». Он будет судить не по убеждениям людей, а по их делам. Тот, кто служит ближнему, — служит Богу, пусть даже он этого не осознает.

А как должны поступать ученики Христовы, если сталкиваются с проступками других людей?

Многие иудейские учителя высказывались против греха осуждения. Иисус всецело одобряет это.

Ожидая прощения от Господа, нужно учиться прощать самому. Хорошо ли поступит тот человек, который, получив от царя прощение большого долга, сам окажется безжалостным кредитором и бросит своего товарища в долговую тюрьму?

При виде слабостей ближнего мы должны не выносить ему приговор, а сострадать, памятуя о собственной греховности. «Не судите,— предостерегает Иисус,— чтобы и вы не были судимы, ибо каким судом судите и какою мерою мерите, так и отмерено будет вам. Что ты смотришь на соринку в глазу брата своего, а бревна в твоём глазу не замечаешь?»¹².

Фарисеи привыкли смотреть свысока на «невежд в Законе». Слово «ам-хаарец», деревенщина, было у них синонимом нечестивца. С таким человеком они не желали иметь ничего общего. Вместе с ним нельзя было молиться, сесть за стол и — даже накормить его в случае нужды. «Невежда не боится греха, ам-хаарец не может быть праведным»¹³, — говорили ученые. Иисус в этом отношении был полной их противоположностью. Он скорее предпочитал иметь дело с простыми людьми. Более того, все отверженные, все парии общества находили в Нем друга и заступника. Мытари, которых не признавали за людей, и уличные женщины нередко оказывались в числе тех, кто окружал Его. Это шокировало добропорядочных книжников, кичившихся своей праведностью. Слыша их нарекания, Иисус говорил: «Не здоровым нужен врач, а больным. Пойдите и научитесь, что значит: милосердия хочу, а не жертвы. Я пришел призвать не праведных, но грешных»¹⁴.

Искреннее раскаяние Христос ставил выше успокоенности тех, кто считал себя угодным Богу. Однажды Он рассказал о двух людях, молившихся в Храме. Один — благочестивый фарисей, — благодарил Бога за то, что он «не таков, как прочие люди», часто постится, жертвует на храм и не похож на «этого мытаря». А мытарь стоял вдали, не смея поднять глаз, бил себя в грудь и сокрушенно повторял: «Боже, будь милостив ко мне, грешнику!». «Говорю вам,— заключил Иисус притчу,— этот пришел в дом свой оправданным, а не тот. Ибо всякий, возносящий себя, смирен будет, а смиряющий себя, вознесен будет»¹⁵.

Впрочем, раскаяние не должно ограничиваться только словами. Недаром Иоанн Креститель говорил о «плодах покаяния». И снова Иисус приводит пример из повседневной жизни. «У человека было двое детей, и он, подойдя к первому, сказал: Дитя мое, иди сегодня работай в винограднике. Он же ответил: Иду,

господин,— и не пошел. И, подойдя ко второму, он сказал то же. И тот ответил: Не хочу, а после раскаялся и пошел. Кто из двух исполнил волю отца?»¹⁶.

Когда Иисус посетил дом Матфея, где собрались его товарищи, мытари, это вызвало взрыв негодования. На Учителя посыпались упреки. Как может Он делить трапезу с подобными людьми? Однако Иисус еще раз напомнил, что всякая душа заслуживает заботы и сострадания. Забывающие об этом похожи на старшего брата из притчи о блудном сыне, который не радовался возвращению скитальца.

Приближая к Себе грешников, Христос хотел пробудить в них раскаяние и жажду новой жизни. Нередко Его доброта и доверие совершали подлинные чудеса.

Как-то раз Учитель проходил через Иерихон. У ворот города Его встречало множество народа. Каждому хотелось, чтобы Иисус остановился в его доме. Один из иерихонцев, по имени Закхей, «начальник мытарей», пытался протиснуться через толпу, надеясь хотя бы одним глазом взглянуть на Учителя, но маленький рост мешал ему. Тогда, забыв о приличиях, он забежал вперед и взобрался на дерево, мимо которого должен был пройти Господь.

Иисус действительно приблизился к этому месту и, подняв глаза, заметил человечка, сидевшего на смоковнице. «Закхей,— неожиданно сказал Иисус,— спустись скорее! Сегодня Мне надо быть у тебя».

Не помня себя от радости, мытарь побежал домой встречать Господа, а окружающие стали роптать: «Он остановился у такого грешного человека!».

Но шаг Учителя возымел действие.

— Господи,— сказал Закхей, встречая Его,— половину того, что имею, я даю нищим, а если что у кого несправедливо вынул, возьму вчетверо.

— Ныне пришло спасение дому сему,— ответил Христос,— потому что и он сын Авраамов. Ибо Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее¹⁷.

В Капернауме некий фарисей Симон пригласил Иисуса к себе. Во время обеда в комнату вошла женщина, известная в округе своим распутным образом жизни. В руках ее был алебастровый сосуд с драгоценным благовонием; став молча подле Учителя, она заплакала, потом припала к Его Ногам, орошая их миром и вытирая распущенными волосами. Слышала ли она слова Иисуса о прощении грешников? Хотела ли отблагодарить Его за милосердие к падшим? Но сцена эта неприятно поразила хозяина. «Если бы Он был пророк,— брезгливо подумал фарисей,— то

знал бы, какого сорта женщина прикасается к Нему». Между тем Иисус проник в его мысли.

— Симон, Я имею нечто сказать тебе.

— Скажи, Учитель.

— У некоего заимодавца было два должника: один должен был пятьсот динариев, а другой пятьдесят. Так как им нечем было заплатить, он простил обоим. Кто же из них больше возлюбил его?

— Полагаю, что тот, кому он больше простил.

— Ты правильно рассудил,— ответил Иисус и пояснил, для чего привел эту притчу. Он указал на разницу между Симоном, который считал себя безупречным и для которого беседа с Иисусом была лишь поводом поспорить, и женщиной, сознающей свое падение. Она потянулась к Тому, Кто может простить ее и спасти от прежней жизни.

Когда же Христос прямо обратился к блуднице со словами: «Прощены твои грехи»,— все присутствующие возмутились еще больше. Старый Пророк задал им новую загадку. Разве может отпускать грехи кто-нибудь, кроме Бога? Откуда у этого Назарянина право говорить с такой властью?

Но они пришли бы в еще большее негодование, если бы услышали, как толкует Иисус священные заповеди Закона.

Старое и новое

Многие поколения иудейских богословов пытались точно определить число заповедей, содержащихся в Торе, а некоторые из них полагали, что есть заповеди, которые выражают самую основу веры. Поэтому один из книжников решил узнать мнение Иисуса и тем самым получить ясное представление о взглядах галилейского Наставника.

— Учитель,— спросил он,— какая заповедь первая из всех?

— Первая есть,— ответил Христос,— «Слушай, Израиль! Господь Бог наш есть Бог единый, и возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумом твоим, и всею крепостью твоею». И вот вторая: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя». Нет другой заповеди, большей этих. На этих двух заповедях держатся Закон и Пророки. («Закон и Пророки» — синоним всего собрания книг Ветхого Завета.)

— Прекрасно, Учитель,— вынужден был согласиться книжник. — Истинно Ты сказал, что Он един и нет другого, кроме Него; и любить Его всем сердцем, и всем разумением, и всею крепостью, и любить ближнего, как самого себя, — больше всех всесожжений и жертв¹⁸.

Отвечая книжнику, Христос определил Свое отношение к древнему Моисееву Закону, и из Его слов становится понятным, почему Он хотел сохранить его. Когда речь заходила о Писании, Иисус говорил прямо:

Не подумайте, что Я пришел упразднить Закон или Пророков;

Я пришел не упразднить, но *исполнить*. (Наполнить, восполнить, завершить, придать полноту. См. приложение 3.)

Ибо истинно говорю вам:

пока не пройдут небо и земля,

ни одна йота или ни одна черта не пройдет в Законе, пока все не сбудется...

Если ваша праведность не будет

больше праведности книжников и фарисеев,

не войдете в Царство Небесное¹⁹.

Таким образом, Христос учил о Ветхом Завете как о божественном Откровении и признавал необходимость живого церковного предания, которое раскрывало бы его смысл. Именно поэтому Он говорил народу о фарисеях: «Все, что они скажут вам, исполняйте». Но если книжники часто прибавляли к Закону сотни новых правил, то Иисус возвращал Ветхий Завет к *его истокам*, к Десяти Заповедям Синая, к подлинному Моисееву наследию, сохраненному пророками. Притом Он относился бережно и к внешним предписаниям, не желая соблазнять «малых сих» и порывать с традицией. «Никто,— замечал Иисус,— испив старого (вина), не захочет молодого, ибо говорит: старое лучше»²⁰. Тем не менее, толкуя Тору, Он переносил центр тяжести из сферы церемоний в область духовно-нравственную. Более того, Он углублял и дополнял этические требования Закона.

Если Закон воспрещал убийство, то Иисус призывает изгонять из сердца ненависть — корень преступления. Если Закон осуждал нарушение верности брака, то Иисус говорит об опасности порочных чувств. Если Закон требовал соблюдения клятвы, то Иисус вообще считает ее излишней:

Да будет же слово ваше:

да — да, нет — нет,

а что сверх этого — от лукавого²¹.

В языческих кодексах кара часто была более тяжелой, чем само преступление. Ветхий Завет положил в основу закон справедливости: «Око за око — зуб за зуб». Иисус отделяет уголовное право от высшей этики прощения, где действуют иные принципы. Людям свойственно ненавидеть врагов, но дети Божии

должны побеждать зло добром. Им следует бороться с мстительными чувствами. Мало того, они должны желать добра своим обидчикам. Это нравственный подвиг, проявление подлинной силы духа, уподобление Самому Творцу.

Любите врагов ваших
и молитесь за гонящих вас,
чтобы стать вам сынами Отца вашего, Который на небесах,
потому что солнце Свое Он возводит над злыми и добрыми
и изливает дождь на праведных и неправедных.
Ибо, если возлюбите любящих вас, какая вам награда?
Не то же ли самое делают и мытари?
И если приветствуете только братьев ваших,
что особенного делаете?
Не то же ли самое делают и язычники?

*Итак, будьте совершенны,
как совершен Отец ваш Небесный²².*

Вот — захватывающая дух высота, на которую Христос призывает человека...

Закон считал «ближним» только соплеменника и единоверца. Но Христос не ограничивает это понятие столь узкими пределами. Когда один книжник спросил Его: «Кто мой ближний?», вместо ответа Он рассказал об иудее, который попал однажды в руки грабителей. Ослабев от ран, лежал он у дороги и с горечью видел, как священник и храмовой служитель равнодушно прошли мимо него. Меньше всего он ожидал сочувствия от самарянина, ехавшего вслед за ними. Мог ли этот иноплеменник и еретик оказаться лучше жреца и левита? Однако тот остановился и, не спрашивая ни о чем, помог пострадавшему: перевязал его раны, довез на своем муле до гостиницы и заплатил за него вперед.

— Кто из этих троих, — спросил Иисус книжника, — думается тебе, оказался ближним попавшему в руки разбойников?

— Сотворивший ему милость, — не мог не признать тот.

— Иди и ты поступай так же.

Христос заставил его самого прийти к мысли, что «братом» и «ближним» может быть любой человек²³.

Он постепенно приучал своих последователей и к новому, непривычному для них взгляду на язычников. Так, Он не скрыл Своей радости, узнав об эллинах, которые искали с Ним беседы, а накануне Своих страданий Христос скажет, что Его Евангелие должно быть «проповедано во свидетельство всем народам».

Когда римлянин, офицер капернаумского гарнизона, прося

Иисуса исцелить его слугу, сказал, что для этого достаточно лишь одного Его слова, Христос заметил: «Я и в Израиле не нашел такой веры», а потом добавил: «Говорю вам, что многие придут с Востока и Запада и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом в Царстве Небесном, сыны же Царства низвергнуты будут во тьму внешнюю»²⁴. Эти слова звучали как вызов тем, кто считал только правоверных израильтян достойными любви Божией.

Непрятие «чужаков», в какие бы одежды оно ни рядилось, есть инстинкт, который преодолевается людьми с величайшим трудом. Евангелие же недвусмысленно призывает бороться с национальной исключительностью и тем самым продолжает проповедь Амоса, Исайи и Иоанна Крестителя.

Выдвигая на первое место духовную сущность Закона, Христос вернул первоначальный смысл и предписанию о *субботе*.

Человек наших дней не всегда может оценить значение этой заповеди. Привыкнув к установленным дням отдыха, мы забываем, чем была для древних суббота. Она не позволяла повседневным заботам захлестнуть душу, предоставляя время для молитвы и размышления; она давала перерыв в труде всем: и свободным, и рабам, и даже домашним животным.

Однако была здесь и обратная сторона. Многие набожные люди, храня святость «седьмого дня», стали придавать ему преувеличенное значение.

Во время Маккавейской войны группа повстанцев предпочла умереть, «не бросив камня», чем сражаться в субботу, и была поголовно истреблена. Тогда вдохновитель борьбы за веру священник Маттафия решил действовать иначе. «Будем биться в субботу», — сказал он. И среди фарисеев не раз звучали голоса протеста против утрирования законов о покое. «Суббота вручена вам, а не вы, — субботе», — говорил один из них²⁵. И все же уставные запреты продолжали расти, затемняя цель благословенного Божиего дара. Педанты буквально парализовали жизнь в субботу. Особенно усердствовали ессеи. Они считали, например, что если человек или животное упали в яму в субботу, вытаскивать их можно только на другой день.

Христос видел в подобных взглядах искажение духа Моисеевой заповеди. «Суббота создана для человека, а не человек для субботы», — говорил Он.

Однажды в субботу ученики Иисусовы, проголодавшись, стали срывать колосья, перетирать их и есть зерна. Фарисеи сочли это разновидностью молотьбы и спросили: «Почему ученики Твои нарушают субботу?». Тогда Учитель напомнил им,

что и Давид, когда остался со своей дружиной без пищи, взял жертвенные хлебы, а ведь их полагалось есть только священникам. Царь поступил правильно, потому что человеческая нужда важнее обрядовых запретов.

Несколько раз Иисус совершал исцеления в субботу и тем вызвал протесты законников. Они стали пристально следить за Ним, чтобы публично бросить Ему упрек в неуважении к Закону. Напрасно Он ссылался на то, что и некоторые важные обряды в субботу не отменяются, напрасно объяснял им, что помощь людям всегда есть дело Божие. Он спрашивал фарисеев: «Разве кто из вас, у кого сын или вол упадет в колодец, не вытащит его в день субботний?»²⁶. Они не могли найти убедительных возражений, однако стояли на своем.

Иногда Иисус намеренно вызывал богословов на спор. В синагогу пришел человек с парализованной рукой, надеясь получить исцеление от Учителя. Был праздничный день, и ревнители благочестия ждали: как поступит Назарянин? Он же велел больному выйти на середину и задал присутствовавшим вопрос: «Что дозволяется делать в субботу: добро или зло? Спасти жизнь или погубить?». «Они,— пишет евангелист Марк,— молчали. И, обведя их гневным взором, скорбя об огрублении сердец их, говорит человеку: «Протяни руку твою!» И тот протянул, и восстановилась рука его. И, выйдя, фарисеи тотчас же вместе с иродианами вынесли против Него решение, чтобы погубить Его»²⁷.

Наибольшее негодование вызывали слова Иисуса: «Сын Человеческий — господин и субботы». Из них следовало, что Ему принадлежит власть судить о Законе.

Может показаться, будто Иисус, поступая так, посягал на церковную традицию и исключал для правоверных всякую возможность принять Его учение. На самом же деле основы этой традиции *не были нарушены* Христом. В Ветхом Завете признавался авторитет не только буквы, но и *личного Откровения*. Все пророки учили именно в силу такого исключительного дара и посланничества. Наступление эры книжников не означало, что прекратилось действие Духа Божия. Поэтому-то в Талмуде такое огромное значение придавалось мнениям отдельных учителей. Нередко их высказывания ставились наравне с Торой и *даже выше ее*. Согласно Тосефте (древнему сборнику раввинских толкований) допускалось, чтобы раввин отменял *часть* постановлений Закона.

Следовательно, проповедь Христа не шла вразрез с принципами ветхозаветного учительства даже тогда, когда Он прямо настаивал на *отказе* от некоторых правил Торы. В частности,

это касалось ритуальных ограничений в пище. Эти законы были введены в древности для отделения ветхозаветной Церкви от иноверцев. Но с каждым поколением они усложнялись, став под конец трудновыполнимой системой табу.

Хотя деление пищи на «чистую» и «нечистую» исходило из Библии, Иисус со всей решительностью объявил его устаревшим. «Нечистыми» могут быть только мысли, побуждения и поступки людей.

Слушайте и разумейте:

не то, что входит в уста человека,

оскверняет человека,

а то, что исходит из уст...

Ибо из сердца исходят злые мысли,

убийства, прелюбодеяния,

блудоддеяния, кражи, лжесвидетельства и хулы²⁸.

Столь ясно выраженная мысль оказалась непосильной даже для людей, ближе всех стоявших к Иисусу. Много лет спустя Петр все еще испытывал страх перед нарушением законов о «нечистой пище»²⁹.

Также мало значения Иисус придавал *ритуальному* мытью рук, которое считалось обязательным у набожных иудеев. Что касается постов, то Он хотел, чтобы люди не ставили их себе в заслугу. В древнейшие времена пост был знаком скорби, но в евангельскую эпоху его рассматривали как признак особого благочестия.

Ученикам Крестителя казалось странным, что Иисус не заставлял Своих последователей соблюдать посты, как это делали их наставник. «Могут ли сыны чертога брачного поститься, когда с ними жених?» — возражал им Иисус. Ведь аскеза есть *средство*, а не цель; цель — это близость к Богу. Те же, кто находится рядом с Сыном Человеческим, достигли ее, и поэтому пост им не нужен. Впрочем, Он не порицал аскезы и Сам постился, когда жил в пустыне. Знал Он, что и для учеников Его наступят трудные дни, когда пост станет им необходим.

Так в толковании Ветхого Завета проступали контуры Нового. В свете Евангелия бледнели и теряли значение многие старые правила и обряды. Они отживали свой век, хотя законники всеми силами противились этому, отождествляя Истину с религиозно-национальным строем одного народа. «Никто, — говорил Иисус, — не ставит заплату из новой ткани на ветхой одежде. Пришитый кусок ее разорвет, и дыра будет хуже. И не наливают вино молодое в мехи ветхие, иначе прорываются

мехи, и вино вытекает, и мехи пропадают; но наливают вино молодое в мехи новые, и сохраняется то и другое»³⁰.

Старое не отбрасывается полностью, но рядом с ним возводится *иное здание*, которому прежнее служит лишь эскизом, преддверием. Иисус не лишает религию формы, но всегда указывает на первенство любви, веры, внутреннего духовного устроения.

Был еще один пункт, в котором Евангелие противопоставлялось Ветхому Завету. Закон признавал за мужем право оставлять жену по любому, порой самому ничтожному поводу. Это было отражением патриархального права, царившего на Востоке. Хотя в Библии высоко ставились любовь и женская честь, а мать окружалась почитанием, положение женщины, согласно Закону, немногим отличалось от принятого в других странах. Муж именовался «баал» — господин; жена была почти его собственностью, наряду со слугами и домашним имуществом. Этим объясняется параграф Закона, облегчающий мужу расторжение брака.

Книжники, догадываясь, что Иисус смотрит на развод иначе, вовлекли Его в дискуссию. Ответ Учителя касался бы не только Закона, но и политики, поскольку задевал самого тетрарха. Ведь Антипа оставил свою жену, чтобы жениться на Иродиаде. Иоанн Креститель пострадал именно за то, что осудил поступок правителя.

Иисус в категорической форме отверг мысль, будто Моисеев Закон одобряет развод. По Его словам, Моисей в данном случае сделал уступку «жестокосердию» людей. Это очень важное свидетельство, идущее против народного убеждения, будто *вся* Тора получена Моисеем непосредственно с Неба. (См. приложение 3).

Иисус начертал перед Своими слушателями идеал брака. Брак установлен Творцом и, вопреки ходячему мнению, не является лишь служебным средством для рождения детей. Когда «двое становятся одной плотью» (слово «плоть» в Библии обычно обозначает всего человека), это есть чудо, божественный дар, которым обладают только люди. «Что Бог сочетал, того человек да не разлучает». Супружеское единство может быть разрушено лишь неверностью.

Этот принцип даже ученикам показался невыполнимым. В таком случае вообще лучше не жениться, решили они. «Не все вмещают слово это, но кому дано», — ответил Иисус. Как и Моисей, Он видел несовершенство и слабость человека, однако не намерен был ради этого снижать идеал. Допускал Он и безбра-

чие, которое рассматривал как особое призвание. В то же время многие из Его апостолов, в частности Петр и Филипп, были женаты. Первые христиане именовали семью «домашней Церковью». Сам Христос отказался от брака не для того, чтобы унижить его, а прежде всего потому, что целиком принадлежал Отцу и Своему посланничеству. Его любовь обнимала каждого человека.

Новое отношение к женщине Христос утвердил еще в самом начале Своего служения.

Идя в Галилею из Иерусалима, Он проходил через земли самарян. Знойным полднем, утомившись после пути, Иисус сел отдохнуть у старого колодца, из которого местные жители с незапамятных времен брали воду. Ученики, оставив Его, отправились раздобыть пищи.

В их отсутствие к источнику подошла самарянка с кувшином. Она очень удивилась, когда Странник попросил у нее напиток. Ведь иудеи, подобно нынешним старообрядцам, считали недопустимым пользоваться одним сосудом с иноверными. В ответ Незнакомец сказал, что Сам может дать ей «живой воды», напившись которой она не будет больше испытывать жажды.

Простодушная женщина поняла эти слова буквально.

— Господин,— сказала она,— дай мне этой воды, чтобы мне не жаждать и не приходить сюда черпать.

— Иди, позови мужа твоего и приходи сюда.

— У меня нет мужа.

— Хорошо ты сказала: «У меня нет мужа», ибо было у тебя пять мужей и тот, который у тебя теперь, тебе не муж. Это ты правду сказала.

Самарянка поняла, что Собеседнику открыта печальная повесть ее жизни. Ей тут же пришлось в голову задать Ему вопрос о старой распри между самарянами и иудеями.

— Господин, вижу, что Ты пророк. Отцы наши на этой горе поклонялись Богу, а вы говорите, что в Иерусалиме то место, где должно поклоняться. Самаряне считали законным местом богослужения не Иерусалим, а гору Гаризим.

— Верь Мне, женщина, что приходит час, когда не на этой горе и не в Иерусалиме будете поклоняться Отцу. Вы поклоняетесь тому, чего не знаете, мы поклоняемся тому, что знаем; ибо спасение от иудеев. Но приходит час, и теперь есть, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине, ибо и Отец ищет, чтобы такими были поклоняющиеся Ему. Бог есть Дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине.

— Знаю, что Мессия грядет,— ответила она. — Когда придет Он, то возвестит нам все.

— Это Я, говорящий с тобою,— сказал Иисус...

В этот момент к колодцу подошли ученики. Их поразило, что Учитель беседует с самарянкой. Она же, взволнованная, поспешила в город, чтобы рассказать о встрече соплеменникам.

— Равви, ешь! — предложили ученики.

— У Меня есть пища, которую вы не знаете.

Они переглянулись. Кто мог накормить Его в этом негостеприимном месте? Но еще больше удивились они, узнав, что не им, а этой простой женщине, к тому же блуднице и еретичке, Он впервые прямо сказал о Себе как о Мессии и посвятил ее в сущность вечной религии духа...

Для Сократа женщина была лишь тупым, назойливым существом, а Будда не разрешал своим последователям даже смотреть на женщин. В дохристианском мире женщины чаще всего оставались молчаливыми рабынями, жизнь которых была ограничена изнурительным трудом и домашними заботами. Не случайно в одной из иудейских молитв были слова: «Благодарю Тебя, Боже, что Ты не создал меня женщиной...».

Христос возвращает женщине отнятое у нее человеческое достоинство и право иметь духовные запросы. Отныне ее место не только у семейного очага. Поэтому среди ближайших приверженцев Иисуса мы видим немало учениц, преимущественно галилеянок. Евангелия сохранили имена некоторых из них: это Мирьям из Магдалы, или Мария Магдалина, которую Господь исцелил от «семи бесов»; мать Иоанна и Иакова — Саломея; сестра Девы Марии — Мария Клеопова; Сусанна; Иоанна — жена Хузы, домоправителя Антипы. Самые состоятельные из них оказывали поддержку маленькой общине.

Однако Иисус не хотел, чтобы их роль ограничивалась этим.

При посещении Иерусалима Он сблизился с семьей некоего Элеазара, или Лазаря, который жил близ города в поселке Вифания с сестрами Марфой и Марией. Учитель любил их дом, под кровом которого нередко находил отдых. Однажды, когда Он пришел к ним, Марфа начала хлопотать об угощении, а Мария села у ног Учителя, чтобы слушать Его слова. Видя это, старшая сестра обратилась к Нему:

— Господин, Тебе дела нет, что сестра оставила меня одну служить? Скажи ей, чтобы она мне помогла.

— Марфа, Марфа,— ответил Иисус,— ты заботишься и беспокоишься о многом, а одно только нужно. Мария же благу долю избрала, которая не отнимется от нее ³¹.

Поучительно, что даже противники Иисуса, хотя и видели Его в окружении женщин, не осмеливались клеветать на Него. Это одна из поразительных черт евангельской истории. «Тот, Кто однажды покорит ветер и море,— пишет Франсуа Мориак,— обладал властью воцарять великий покой в сердцах... Он умирлял начинающиеся сердечные бури, ибо иначе в Нем поклонялись бы не Сыну Божию, а человеку среди людей»³².

Впоследствии, когда настал час испытания, первые женщины-христианки не покинули Господа, как прочие ученики. Они были на Голгофе в момент Его смерти, проводили Учителя до места погребения, и им первым была открыта пасхальная тайна...

Евангелие разрушило преграды, издавна разделявшие людей. Тем, кто соблюдал обряды Закона и кто не знал их, иудеям и чужеземцам, мужчинам и женщинам — каждому оно открывало дорогу в Царство Христово, где становилась второстепенной принадлежность к нации, сословию, полу, возрасту. Созерцая это чудо, апостол Павел восклицал: «Здесь нет эллина и иудея, нет обрезания и необрезания, варвара, скифа, раба, свободного, но все и во всех — Христос!»³³.

Земная жизнь и жизнь Вечная

Уверенность в том, что существует иная жизнь, которая продолжается и после распада тела, была свойственна людям с глубокой древности. Такие мыслители, как Платон и Посидоний, впервые дали этому взгляду философское обоснование. Они утверждали, что наш земной путь есть лишь прелюдия вечности. Платон даже называл умение готовиться к смерти главной добродетелью мудреца.

Ветхозаветная религия в этом смысле представляла собой исключение. Очень долго она не находила ответа на вопрос о посмертной участи человека. В результате иудеи вынуждены были заимствовать понятие о загробном мире у других народов. Халдеям и гомеровским грекам он рисовался в виде подземной области, где тени умерших влачат полусонное существование. По этому образцу в Ветхом Завете было создано представление о Шеоле — Преисподней. Настоящее же «продолжение жизни» видели главным образом в потомках.

До тех пор, пока личность еще не отделяла себя от целого, от племени, человек мог мириться с идеей родового бессмертия. Но с углублением индивидуального сознания она стала вызывать протест. Вопль Иова — потрясающее свидетельство о религиозном кризисе, через который пришлось пройти Израилю. Правед-

ники страдают, а злые торжествуют. Где же искать правду Божию? Только в потустороннем? Но этого соблазна Ветхий Завет избежал. Отказаться от веры в справедливость и благодать Сущего было тоже немислимо. Значит, благая воля Творца должна быть неисповедимым образом явлена здесь, на земле...

Таково было состояние умов в Израиле, когда около IV века до н. э. он в первый раз услышал благовестие о вечной жизни. Но не «бессмертие души» открылось ему, а грядущее возрождение, *воскресение* целокупного человека, когда и дух, и плоть, и все творение Божие смогут стать причастными вечности.

Иудейские богословы освоились со столь новым для них представлением не сразу. Автор Экклезиаста и Иисус, сын Сирахов, так и не смогли принять его. Только во II веке до н. э. оно превратилось в догмат иудейства, составную часть его церковного предания. Впрочем, саддукеи решительно отказались переосмыслить взгляд на посмертие и сохранили прежнее понятие о Шеоле.

Иисус Христос полностью подтвердил веру в воскресение из мертвых. Однако, постоянно указывая на реальность будущего века и на победу Бога над тлением, Он не проповедовал спиритуализма, для которого земная жизнь — призрак.

Евангелие учит не только о потустороннем, а и о том, как нам должно жить сегодня.

Бессмертие, воскресение, Царство Божие неотделимы от того, что совершается *в этом мире*. Если человек станет пренебрегать своим земным служением, это будет изменой его призванию. С другой стороны, тех, кто все силы отдает только материальному, ждет неминуемая катастрофа.

Жизнь коротка. В любой момент от нас могут потребовать отчета. Чтобы напомнить об этом, Иисус рассказал притчу о богаче, который помышлял лишь о том, чтобы в его житницах было больше зерна. Однажды, в урожайный год, он задумал построить себе новые амбары, но именно тогда пробил его смертный час, и все хлопоты пошли прахом. «Таков,— заключает Иисус,— собирающий сокровища себе, а не в Бога богатеющий»³⁴.

Алчность, погоня за земными благами делает человека ущемленным; забывая о нетленных сокровищах духа, он обворовывает себя. Нет ничего страшнее этой слепоты.

Горе вам, богатые!.. Горе вам, пресыщенные ныне!..
Горе вам, смеющиеся ныне! Ибо восплачете и возрыдаете...
Не собирайте себе сокровищ на земле,
где моль и тля разрушают
и где воры подкапывают и крадут,
но собирайте себе сокровища на небе,

«И где ни моль, ни тля не разрушают
и где воры не подкапывают и не крадут;
ибо, где сокровище твое, там будет и сердце твое»³⁵.

Христос призывал к внутренней независимости от тленных вещей. «Истина делает вас свободными»,— говорил Он³⁶.

Некогда, во времена пророков, вокруг них группировались люди, которые презирали стяжательство и называли себя «*духовными бедняками*». Они не были нищими в обычном смысле слова, но праведниками, желавшими освобождения от цепей суетности.

Таковыми же, по словам Христа, должны быть и Его ученики. «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царствие Небесное». Они «нищие», ибо сознают, что нуждаются в благодатных дарах Духа и полны надежды получить эти дары.

Однажды к Иисусу подошел юноша из знатной семьи и, низко поклонившись, сказал:

— Учитель благый, что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?

— Что ты Меня называешь благим? — сказал Иисус. — Никто не благ, кроме одного Бога. Христос отклонил титул «благый», сдерживая чрезмерную почтительность юноши, поскольку в его глазах Он был лишь человеком. Ты знаешь заповеди: «Не убей, не прелюбодействуй, не обманывай, почитай отца и мать».

— Учитель, все это я сохранил от юности моей. Чего еще недостает мне?

Иисус пристально посмотрел на молодого человека, который сразу Ему понравился, и сказал:

— Одного тебе недостает. Если хочешь быть совершенным, иди, все, что имеешь, продай и отдай нищим; и будешь иметь сокровище на небе; и приходи, и *следуй за Мной*.

Юноша оказался очень богатым и оставить привычный образ жизни было для него слишком большой жертвой. Призыв застал его врасплох.

Стараясь пробудить его совесть, Иисус добавил:

— Как можешь ты говорить, что исполнил Закон и Пророков? Ведь в Законе сказано: «люби ближнего, как самого себя»,— а вот множество твоих братьев, детей Авраамовых, одеваются в жалкие лохмотья и умирают с голода, а твой дом ломится от богатства, откуда ничего не исходит для них»³⁷.

Но юноша так и ушел, погруженный в печальные мысли.

— Дети,— сказал после этого Иисус ученикам,— как трудно

будет имеющим богатство войти в Царство Божие. Легче верблюду пройти через игольное отверстие, чем богатому в Царство Божие.

Эти слова встревожили их. Ведь и сами они рассчитывали на привилегии и награды при дворе Мессии. Непосредственный Петр выразил общее беспокойство. В отличие от молодого богача они бросили все и пошли за Иисусом. На что же теперь можно им надеяться?

Иисус ответил многозначительной и загадочной фразой: всякий, кто оставил ради Него и Евангелия мать, отца, детей, дом, в будущем обретет во сто раз больше «домов, матерей и братьев».

Христос потребовал от богатого юноши «раздать все», потому что намеревался сделать его своим апостолом. Другим же людям: фарисею Никодиму, начальнику синагоги Иаиру, Иосифу Аримафейскому, Иоанне, жене Хузы, Он не предлагал жить в бедности. Следовательно, она вовсе не являлась обязательным условием спасения. Тем не менее Иисус часто говорил об опасности стяжания. Он видел зло не в самом имуществе, а в порабощении сердца им.

То, чем человек владеет, он должен употреблять для помощи другим. «Блаженнее давать, нежели брать», — говорил Иисус³⁸. Служение ближним здесь, на земле, есть долг Его ученика. Этим еще раз подчеркивается потусторонний характер евангельской этики. Люди будут судимы по своим делам. Господь прежде всего спросит их не «как ли веруеши», а как они поступали с братьями: накормили ли голодных, посетили ли больных и попавших в беду? *Социальный вопрос для Христа — вопрос нравственный*. Вот почему апостолы и Отцы Церкви так горячо протестовали против угнетения неимущих³⁹. Вот почему в истории христианских народов измена Евангелию, отход от его заветов под предлогом надежд на загробную жизнь получили впоследствии неизбежное возмездие, а принципы свободы, справедливости и братства оказались начертанными на враждебных Церкви знаменах...

Не следует, однако, думать, будто Христос предлагал какую-то конкретную программу переустройства общества. Он дал людям свободу *самим* создавать такие проекты, исходя из этики Его учения. Поэтому, когда два брата попросили Иисуса быть арбитром при разделе наследства, Он возразил: «Кто поставил Меня судить или делить вас?»⁴⁰. Верящие Ему и без прямых указаний смогут найти путь. «Ищите прежде Царства Божия и правды его, и все остальное приложится вам». По той же причине Христос не касался и политических проблем эпохи, а говорил о том, что актуально во все времена.

Что же такое Царство Божие, весть о котором занимает столь важное место в проповеди Иисуса?

Сторонники вульгарного мессианизма связывали это понятие с внешним торжеством Израиля и фантастическим благоденствием на земле: солнце умножит свой свет, реки — живительную воду, плоды будут необыкновенной величины. Пророки же верили, что воцарение Бога изгонит всяческое зло и преобразит Вселенную. В апокалиптической литературе последних веков до нашей эры переплетались оба воззрения. А то, что начало Царству положит приход Мессии, было общим чаянием почти всех иудеев.

Иисус говорит о Царстве Небесном как о Своем Царстве. Всем державам мира, всем видам человеческого Града Он противопоставляет владычество Господне. Царство Божие «не от мира сего», оно выше всего преходящего; сокрушая власть Сатаны, оно несет на землю законы Неба.

Эту духовную реальность нельзя ставить в один ряд с каким-либо земным счастьем. Земное счастье хрупко: немного нужно, чтобы развеять его, как сон; но и оно укрепляется и приобретает новый смысл в лучах евангельской радости, которая учит бесстрашию, вселяет уверенность и надежду.

Даже люди, которые, казалось бы, сломлены обстоятельствами жизни или своими грехами, преодолев искус силой веры, обретут блаженство в обетованной земле Царства Божия. Ее наследуют миротворцы и сострадательные, чистые сердцем и гонимые за правду. Там утешатся плачущие, обогатятся «нищие духом», насытятся алчущие правды.

Таким образом, Благая Весть Христова есть весть о *спасении*, о приобщении мира к божественной жизни как высшей его цели.

Когда фарисеи, много размышлявшие о «конце времен», спросили Иисуса о явлении Царства, Он ответил им: *«Не приходит Царство Божие приметным образом, и не скажут: вот оно здесь или там. Ибо вот Царство Божие внутри вас»*⁴¹. Оно незримо уже присутствует среди людей, если в их душах *воцаряется Господь*. Оно приносит вступающим в него не забвение, а светлое, радостное чувство близости Небесного Отца.

Со временем же настанет день, когда Слава Царства будет явлена, как молния, которая «исходит от востока и светит до запада». Говоря об этом, Иисус прибегал порой к образному языку апокалиптических книг, а некоторые Его слова были поняты учениками в том смысле, что день Славы совсем близок.

Однако гораздо чаще Иисус недвусмысленно учил о *долгом, постепенном приближении* Царства и сравнивал его с процессом созревания.

Таково Царство Божие:
оно подобно человеку,
который бросит семя в землю,
и спит, и встает ночью и днем,
а семя всходит и тянется вверх,
он сам не знает как;
земля сама собой дает плод:
сперва зелень, потом колос,
потом полное зерно в колосе.
Когда же созреет плод,
он тотчас посылает серп,
потому что настала жатва...

Подобно Царство Небесное
зерну горчичному,
которое взял человек
и посеял на поле своем.
Хотя оно и меньше всех семян,
но, когда вырастет, оно больше овощей
и становится деревом,
так что птицы небесные прилетают
и вьют гнезда в ветвях его.

Подобно Царство Небесное закваске,
которую взяла женщина и положила в три меры муки,
доколе не вскисло все⁴².

В свете этих притч можно думать, что и сегодня история христианства переживает, скорее всего, только начало. Для осуществления замыслов Божиих две тысячи лет не более чем миг. Процесс роста происходит медленно. Закваска действует не сразу.

Небесный дар не дается праздным. Поэтому Иисус требует неустанной борьбы. «Царство Божие,— говорит Он,— усилием берется»⁴³. Все значительное редко достигается без жертвы, без отказа, без труда, а ради Царства никакой подвиг нельзя считать чрезмерным. Человек должен искать, действовать, выбирать.

Входите узкими вратами,
ибо широки врата и просторен путь,

ведущий в погибель, и многие идут им.
Ибо узки врата и тесен путь,
ведущий в жизнь,
и немногие находят его⁴⁴.

Предание сохранило и другие слова Христовы, указывающие на неизбежность выбора:

Кто близ Меня, тот близ огня,
кто далек от Меня — далек от Царства⁴⁵.

Единение с Отцом превосходит все ценности и идеалы, все священные и благородные цели человечества.

Обретая его, мы обретаем все.

Если соблазнит тебя рука твоя,—
отруби ее;
лучше тебе без руки войти в жизнь,
чем с двумя руками пойти в геенну,
в огонь неугасимый⁴⁶.

Подобно Царство Небесное
зарытому в поле сокровищу,
которое человек, найдя, скрыл,
и от радости идет и продает все, что имеет,
и покупает поле то.

Еще подобно Царство Небесное купцу,
ищущему хорошую жемчужину.
Найдя одну многоценную жемчужину,
он пошел и продал все, что имел, и купил ее⁴⁷.

«Не хорошо человеку быть одному»,— учит Библия. Люди созданы как существа, нуждающиеся друг в друге. И само дело Божие они должны осуществлять совместно. Древнее обетование было обращено к ветхозаветной *Церкви*, т. е. к *Общине* верных. Она была избрана, чтобы стать «народом святым и царством священников», братством людей, посвятивших себя Богу. Когда же народ Завета оказывался недостойным этого призвания, пророки возлагали надежду на тех, кто устоял, кого они называли «Шеаром» — *Остатком*. Но Иисус уже говорит не просто об остатке, а созидает как бы новый народ Божий.

Некоторые богословы высказывали мнение, будто у Христа не было намерения основывать Церковь и что оно было написано Ему лишь позднее. Но в Евангелиях многое говорит против этой точки зрения. Разве можно считать случайным,

что Иисус избрал именно двенадцать апостолов? Несомненно, Он видел в них родоначальников Общины Нового Завета, подобно тому как древний Израиль вел происхождение от двенадцати патриархов. Христос говорит о престолах, на которых воссядут двенадцать Его учеников «судить», т. е. возглавлять, Израиль⁴⁸. Знаменательно, что после измены Иуды апостолы сочли необходимым выбрать на его место другого, чтобы сохранить число двенадцать. Кроме них Иисусом было выбрано семьдесят апостолов, и это тоже знаменательно. По традиции считалось, что все народы земли произошли от семидесяти предков⁴⁹.

Само слово «Церковь» Иисус употреблял редко, вероятно потому, что в те дни оно определенно связывалось с ветхозаветной Общиной. Церковь же Христова полагала основание для *новой* духовной общности, хотя и построенной на почве Ветхого Завета. Иисус дает ей собственные законы, отличные от законов, принятых в земных царствах («Между вами же да не будет так...»). Он ободряет ее: «Не бойся, малое стадо, ибо благоволил Отец ваш дать вам Царство»⁵⁰.

Из малых ручьев Церковь должна превратиться в широкую реку. «Вы соль земли,— говорит Христос,— вы свет мира. Не может укрыться город, расположенный на верху горы»⁵¹.

Поэтому первое дело Церкви Христовой — благовестие. Но в этом ее ожидают немалые трудности. Порабощенность суетой, искушения, легкомыслие, леность души будут противодействовать возрастанию Царства. Однако всегда найдутся люди, «алчущие и жаждущие правды». Благовестников должны радовать даже те, кто отнесется к ним без вражды. Им следует избегать замкнутости и сектантской гордыни.

Однажды Иоанн Зеведеев сказал Иисусу:

— Учитель! Мы видели человека, именем Твоим изгоняющего бесов, и препятствовали ему, потому что он *не следовал за нами*.

— Не препятствуйте ему,— ответил Господь. — Не может человек сотворить чудо именем Моим и вскоре сказать на Меня злое, ибо, кто не против нас, тот за нас⁵².

Многие люди, даже стоящие вне Общины, не потеряны для Царства. «Тот, кто далек от вас сегодня, будет завтра близок»⁵³.

По-разному встречали и Сына Человеческого, а ведь «ученик не больше Учителя». Разве не были столь многие глухи к Его призыву? Но это не остановило Его. Пусть «званные» в Царство Божие отказались прийти, Он терпеливо продолжал отыскивать тех, кто пойдет за Ним.

Однажды, когда Иисус посетил некоего фарисея, кто-то из

гостей, слушая Его слова, воскликнул: «Блажен тот, кто вкусит хлеба в Царстве Божием!» Тогда Иисус рассказал притчу: «Сделал человек большой ужин и позвал многих. И послал раба своего в час ужина сказать приглашенным: «приходите, уже готово». И начали все, как один, извиняться. Первый сказал ему: «я купил землю, и мне нужно пойти посмотреть ее. Прошу тебя, извини меня». И другой сказал: «я купил пять пар волов и иду испытать их. Прошу тебя, извини меня». И третий сказал: «я женился и потому не могу прийти». И придя, раб сообщил это господину своему. Тогда, разгневавшись, сказал хозяин дома рабу своему: «выйди поскорее на улицы и переулки города и введи сюда нищих, и увечных, и слепых, и хромых». И сказал раб: «господин, сделано то, что ты приказал, и еще есть место». И сказал господин рабу: «выйди на дороги и к околицам, заставь людей войти, чтобы наполнился мой дом. Ибо говорю, что никто из мужей тех приглашенных не вкусит моего ужина»⁵⁴.

Памятуя о том, что далеко не все люди готовы откликнуться на призыв, ученики Христовы должны следовать своему Учителю, Который поступал подобно крестьянину, бросающему зерна во вспаханную землю.

Вот вышел сеятель сеять.

И, когда сеял, некоторые зерна упали при дороге,
и прилетели птицы и поклевали их.

Другие же упали на камень,
где у них не было земли,
и тотчас взошли, ибо земля у них была неглубока.
Когда же солнце взошло, они были опалены им
и, не имея корня, засохли.

Другие же упали в терние,
и поднялось терние, и заглушило их.

Другие же упали на землю добрую и дали плод:
какое — сто,
какое — шестьдесят,
какое — тридцать⁵⁵.

На евангельской ниве может вырасти и бурьян. Но это не должно смущать истинных учеников Христовых. Им нужно лишь хранить трезвость и бдительность.

Остерегайтесь лжепророков,
которые приходят к вам в одежде овечьей,
а внутри — волки хищные.
По плодам их узнаете их.

Разве собирают с терния виноград
или с репейника смоквы?..

Не всякий, говорящий Мне: «Господи! Господи!»,
войдет в Царство Небесное,
но исполняющий волю Отца Моего,
Который на небесах⁵⁶.

Сорняки проникнут в Церковь незаметно, и подчас их будет трудно отличить от настоящей пшеницы Божией. «Подобно Царство Небесное человеку, посеявшему доброе семя в поле своем. Когда же люди спали, пришел враг его и посеял между пшеницей плевелы, и ушел. А когда взошла зелень и дала плод, тогда явились и плевелы. И придя, рабы домохозяина сказали ему: «Господин, не доброе ли семя посеял ты на своем поле? Откуда же в нем плевелы?». Он сказал им: «Враг-человек это сделал». Рабы же ему говорят: «Так хочешь, мы пойдем выберем их?». Он говорит: «Нет, чтобы, выбирая плевелы, вы не вырвали с корнем вместе с ними и пшеницу, дайте им всем расти до жатвы, и во время жатвы я скажу жнецам, выберите прежде плевелы и свяжите их в связки, чтобы сжечь их, а пшеницу соберите в житницу мою»⁵⁷.

Только Суд Божий произведет окончательный отсев и отделит доброе от злого. Суд же, как и Царство, уже начался. По слову Евангелия, он «состоит в том, что свет пришел в мир; но люди более возлюбили тьму, нежели свет»⁵⁸. В результате возникает цепь кризисов и катастроф, вызванных столкновением правды Божией и человеческого зла. Последний Суд станет огненным очищением мира, когда руда истории будет переплавлена для Царства. Это новое рождение, трудное, как и всякие роды, принесет плод — обновленную тварь...

Подобно Царство Небесное большой сети,
закинутой в море и собравшей рыб всякого рода.
Когда она наполнилась, ее вытащили на берег
и, сев, собрали хорошее в сосуды,
а плохое выбросили вон.
Так будет и в конце века:
выйдут Ангелы, и отделят злых от праведных,
и бросят их в печь огненную:
там будет плач и скрежет зубов⁵⁹.

Эти притчи подводят нас к теме, которая издавна составляла мучительный вопрос для христианской мысли. Что имел в виду Иисус, говоря о «мuke вечной»?

Тот факт, что образы огня, Геенны, червя взяты Им из иудейской апокалиптики, мало что поясняет⁶⁰. Однако Христос не прибегнул бы к ним, если бы за ними не крылась определенная реальность. Слова об «изгнании во тьму» не подразумевают, конечно, пространства или «места», где пылает физический огонь. Этот символ, передающий атмосферу отверженности, содержит лишь намек на состояние вне Бога, вне света и истинного бытия.

Но главное: может ли Бог любви, возвещенный Христом, бесконечно карать за грехи временной жизни? Неужели могущество зла столь велико, что оно будет существовать всегда, даже тогда, когда «во всем» воцарится Господь? Впрочем, ведь наши нынешние понятия о времени едва ли применимы к вечности. Не обещает ли Слово Божие, что «времени уже не будет»?

Человеку пока не дано проникнуть в эту тайну. Но весь Новый Завет свидетельствует против той мысли, будто Геенна — некая непреложная реальность, противоположная Царству. Она есть «смерть вторая», небытие, уход в ничто. «Жизнь» в эсхатологическом смысле слова есть только «жизнь вечная», Царство Божие.

Толкователи уже давно заметили, что притчу Христову о разделении на «овец и козлищ», на добрых и злых, нельзя понимать буквально, ибо грань между светом и тьмой чаще всего проходит через сердце *одного и того же* человека. Однако, чем больше в нем света, тем полнее сохранится его личность, после того как огонь Суда выжжет все нечистое⁶¹.

Величие человека как образа и подобия Творца в том, что он может стать участником созидания Царства. Когда победа над злом будет полной, тогда осуществится то, о чем грезили, чего жаждали и что приближали миллионы разумных существ. Все самое прекрасное, созданное ими, войдет в Вечное Царство. Наступит эра сынов Божиих, которую лишь в отдаленных подобиях описывала Библия.

Однако уже и теперь, в этом несовершенном, полном ужаса и страданий веке, сила и слава Грядущего могут быть обретенны. Иисус говорил, что Его ученики увидят Царство еще в этой жизни. Оно пришло на землю в лице Сына Человеческого, в Его благовестии, в Его торжестве над смертью и явлении Духа.

Призывный свет Царства горит вдали, но в то же время отблески его рядом с нами: в простых вещах и событиях жизни, в радости и скорби, в самоотверженности и одолении соблазнов. Предчувствие его — в звездах и цветах, в весенней природе и золоте осени, в кипении прибоя и ливнях, в радуге красок и музыке, в смелой мечте и творчестве, в борьбе и познании, в любви и молитве...

Возможно ли, посилено ли для людей то, к чему зовет Евангелие? Ведь человек, даже полюбив идеал, часто не находит в себе сил подняться до него. Другое могучее притяжение владеет им, пригибая к земле; и человек служит мамоне, носит на шее камень заботы, проводит отпущенные ему драгоценные дни, погрязнув в мелочах. Ему более внятн голос того, кто искушал Иисуса в пустыне: он готов жить «хлебом единым», он требует чудес, он опьянен насилием. К Богу человек приходит с сердцем, полным корысти и себялюбия, и странно звучат над нашим мятущимся и заблудшим миром слова: «Будьте совершенны, как Отец ваш небесный совершенен...».

Кто же может проложить путь к Царству? Кто подведет к нему человека?

В Ветхом Завете люди верили, что только Всемогуший творит невозможное. Когда Он пребывает среди Своего народа, Он очищает его, даруя ему духовные силы. Раввины называли это мистическое Присутствие *Шехиной* — незримым излиянием Божественного, приходящего в мир. «Если двое или трое собрались для изучения Закона,— говорили мудрецы,— Шехина обитает среди них»⁶². Это была тайна, у порога которой останавливались величайшие мудрецы Израиля. Ведь близость Божия непереносима для человека. Только побеждающая все преграды любовь Сущего может соединять несоединимое.

Но вот люди слышат слово Иисуса Назарянина: «Где двое или трое собраны во имя Мое, Я там среди них...»⁶³.

Кто же Он, ставящий Себя на место Шехины Господней? Он называет Себя Сыном Человеческим, как нередко называли простых смертных, но при этом Сам Учитель ясно свидетельствует, что на Нем исполнились обетования пророков:

Блаженны очи, видящие то, что вы видите.

Ибо говорю вам:

многие пророки и цари

хотели увидеть то, что вы видите,

и не видели,

и услышать то, что вы слышали,

и не слышали⁶⁴.

Значит — Мессия? Долгожданный Утешитель Израилев? Однако может ли даже Мессия отпускать грехи, как делает Иисус? Может ли Он быть «выше храма»? Почему называет Он Себя «господином субботы» и отменяет то, что завещали отцы и сам Моисей?

Все видели, что Иисус проповедует «как власть имеющий, а не как книжники и фарисеи». В Капернауме с первых же дней жители города «изумлялись учению Его, ибо слово Его было со властью». Но откуда, спрашивали они, эта власть, превышающая авторитет признанных богословов и хранителей церковного предания? Как понимать Его слова: «А Я говорю вам...»? Каким правом отменяет Он постановления Торы и противопоставляет Себя ей?

Трудно заподозрить, будто мудрым, кротким, полным смирения и любви Учителем владеет пустое самообольщение. Что же в таком случае значит притязание быть «возлюбленным Сыном Отца»? Конечно, и всех верных Он называет «сынами», однако недвусмысленно дает почувствовать, что Его сыновство — *иное*. Иисус никогда не говорит «Отец наш». Он — единственный Сын и Господь Царства, нет человека, который стал бы с Ним наравне. Власть Его исключительна.

Все Мне предано Отцом Моим,
и никто не знает Сына, кроме Отца,
и Отца не знает никто, кроме Сына,
и кому хочет Сын открыть.

Придите *ко Мне*, все труждающиеся и обремененные,
и Я дам вам покой.

Возьмите иго Мое на себя
и научитесь от Меня,
ибо Я кроток и смирен сердцем,
и найдите покой душам вашим,
ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко⁶⁵.

Иисус не только Пастырь, но Он — дверь, врата, через которые входят овцы «малого стада», Посредник, или, как говорили в старину, Ходатай, связующий Небо и землю. «Никто,— говорит Он,— не приходит к Отцу, как через Меня»⁶⁶.

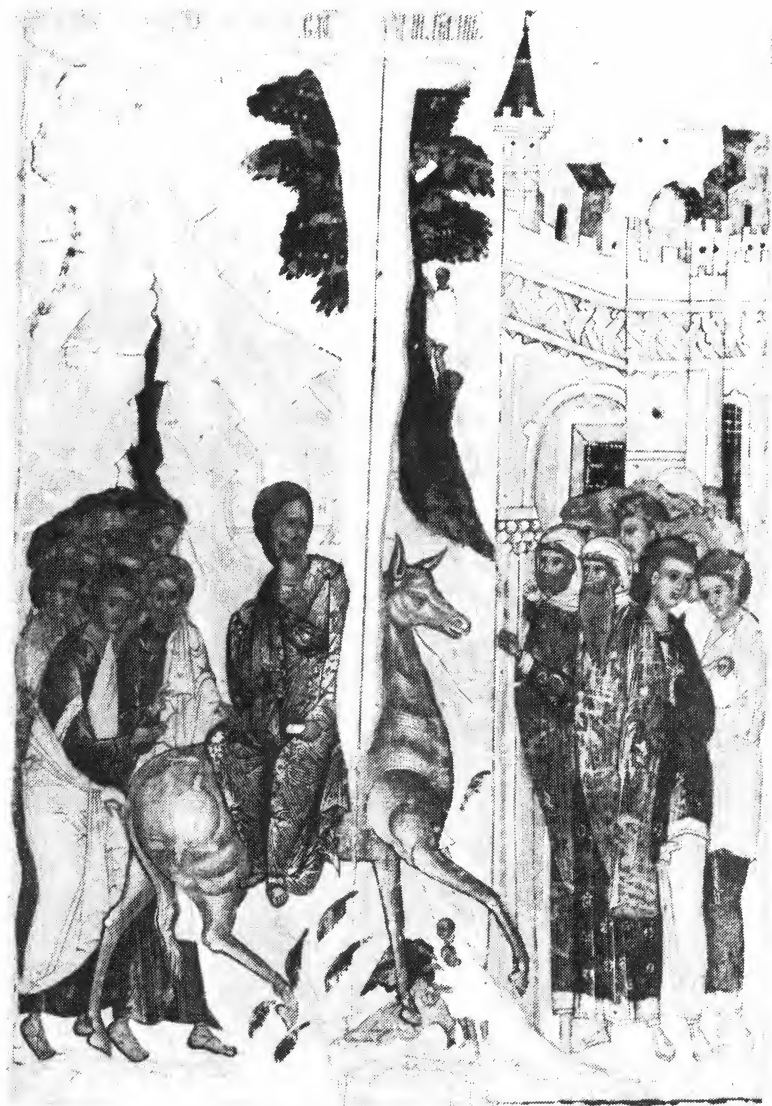
Многие иудеи верили, что кроме Мессии-Царя явятся Мессия-Первосвященник и Мессия-Пророк. Иисус же соединяет в Себе всех трех: Он — и Провидец, и Служитель, и Царь. Он — Помазанник, владеющий всей полнотой власти.

Но почему тогда Он действует столь осторожно, почему скрывает от народа Свой сан, запрещая называть Себя Мессией?

Ученики переходили от недоумений к тревоге и от уверенности к сомнениям. Но любовь, глубокая человеческая привязанность и доверие к Учителю оказались сильнее всего. И они продолжали терпеливо ждать дальнейших событий...

[Часть вторая]

МЕССИЯ

«Вход в Иерусалим»
/из иконостаса/
XVI век,
Псков

Глава шестая

«НЕ МИР, НО МЕЧ...»

Весна 28 г.

«Жизнь Иисуса,— говорит Честертон,— стремительна, как молния. Это прежде всего драма, прежде всего — осуществление. Дело не было бы выполнено, если бы Иисус бродил по миру и растолковывал правду. Даже с внешней стороны нельзя сказать, что Он бродил, что Он забыл, куда идет... История Христа — история путешествия, я сказал бы даже — история похода»¹. И действительно, хотя Иисус часто вел жизнь странствующего проповедника, ученики не могли не чувствовать, что у Него есть некий план, подобно далеко идущему плану полководца. Он требовал от них решимости стоять до конца. Его Евангелие не имело ничего общего с мечтательным благодушием и расслабленностью.

Ныне — суд миру сему,
ныне князь мира сего извергнут будет вон².

Бой с демонскими полчищами, с царством зла будет нелегким. Против Мессии восстанут все безумства, все грехи и предрассудки, укоренившиеся в людях.

Думаете ли вы, что Я пришел дать мир на земле?
Нет, говорю вам, но — меч и разделение;
ибо отныне пятеро в одном доме будут разделены:
трое против двоих и двое против трех³.

Иногда Учитель давал понять близким, с какой силой жаждет душа Его бури, которая начнет очищать мир:

Огонь пришел Я низвести на землю,
и как хочу Я, чтобы он уже возгорелся!
Крещением должен Я креститься,
и как Я томлюсь, доколе это не свершится!⁴.

В этих словах, как в отдаленных раскатах грозы, слышалось приближение Голгофы.

Целеустремленность Иисуса одновременно захватывала и страшила учеников. Впрочем, Его слова они истолковывали по-своему, думая, что Учитель намекает на революционный взрыв, за которым последует Его коронация в Иерусалиме. Поэтому они предполагали, что в ближайшее время Он перенесет Свою деятельность в столицу Израиля. А когда Иисус

направился туда на Пасху, ученикам казалось, что от этого путешествия следует ждать многого,— что настает день, когда Царство Божие будет «взято силой».

Иерусалим был в те годы накален до предела. Действия Пилата, военного человека, не желавшего считаться с местными обычаями, вызывали у всех гнев и возмущение. Свое правление он начал с того, что распорядился ночью внести в Иерусалим щиты с портретами Тиберия. Это лишний раз напоминало народу о римском иге и выглядело как оскорбление Моисеева Закона (Декалог запрещал портретные изображения). Приказ Пилата поставил столицу на грань мятежа. Огромная толпа иерусалимлян двинулась в его резиденцию Кесарию с требованием убрать щиты. Прокуратор отказался, и несколько дней народ сидел перед дворцом, не трогаясь с места. Тогда Пилат велел собрать людей на стадионе и заявил, что перебьет всех, кто не покорится его воле. Но и после того, как вокруг людей сомкнулось кольцо вооруженных солдат, они повторили, что лучше погибнут, чем отступят. В конце концов наместнику пришлось сдаться. Но с тех пор он пользовался любым поводом, чтобы мстить иудеям. Его необузданная жестокость, алчность и самодурство стали известны повсюду. Даже тетрарх Антипа, друг римлян, невзлюбил его. Инциденты, вызванные беззакониями прокуратора, не раз кончались массовой резней. Однако заступничество императорского временщика Сеяна долго оставляло Пилата безнаказанным.

Каждую Пасху правитель ждал восстания и поэтому на праздники старался приезжать в Иерусалим, где мог лично следить за порядком. Опасения Пилата были вполне обоснованными. Он располагал небольшим войском в три тысячи человек. А zeloty и их сторонники ждали только вождя, который поднял бы народ против римлян.

По-видимому, ученики Иисуса втайне хотели, чтобы именно Он стал этим вождем. Однако их ожидания не сбылись. Учитель, казалось, полностью игнорировал проблему чужеземного владычества. Его тревожило не политическое, а духовное состояние народа. Все поняли это, когда Иисус появился на площади, окружавшей Дом Божий.

Храм был религиозным центром всех иудеев. Опоясанный зубчатыми стенами, украшенный колоннами и золотым гребнем, высился он на горе Мориа как знак пребывания Бога в сердце Израиля, как заветная цель миллионов паломников Палестины и диаспоры.

Город жил храмом. Служители алтаря, продавцы жертвенных животных, содержатели гостиниц собирали в дни праздника богатую дань. Саддукеев, в чьих руках находилось святилище, мало тревожило, что культ превращался порой в коммерческое предприятие. Архиереи заключили молчаливое соглашение с торговцами, которые расставляли под навесами у храма скамьи с товарами, столы для размена денег, приводили скот. Все давно уже привыкли к тому, что базарный шум не стихает в святом месте.

Но вот в воротах появляется Иисус Назарянин, окруженный группой последователей. Новый Учитель сразу же приводит всех в замешательство. Свив из веревок бич, Он гонит за ограду овец и волов; Он властно требует покончить с бесчинством вблизи святыни: «Не превращайте Дома Отца Моего в дом торговли!..».

Возразить Ему нечего. Уже и прежде благочестивые люди сетовали на беспорядки в храме. Однако иерархию задело, что этот никому не известный Галилеянин распоряжается в их вотчине как господин, да еще претендует на особую близость к Богу, называя Его Своим Отцом.

— Какое знамение можешь Ты дать нам, что властен так поступать?— спросили они Иисуса.

— Разрушьте Дом этот, и Я в три дня воздвигну его,— был ответ.

Слова Иисуса показались насмешкой.

— В сорок шесть лет был построен храм этот,— возразили Ему,— а Ты в три дня воздвигнешь его?

Не могли разгадать сказанного и сами ученики. От них еще был скрыт невидимый храм, который вознесется над миром в те три дня, что пройдут от Креста до Воскресения.

А как отнеслись к Иисусу фарисеи — эти столпы традиционного благочестия?

Мы уже могли убедиться, что их взгляды не были диаметрально противоположны учению Христа, что Он одобрял главные положения их веры. Кроме того, нравственные понятия многих фарисеев отличались возвышенным характером и были близки к Евангелию. Достаточно привести хотя бы некоторые изречения раввинов, вошедшие в Талмуд, чтобы убедиться в этом: «люби мир и водворяй его повсюду»; «кто подает милостыню тайно, тот выше самого Моисея»; «лучше краткая молитва с благоговением, чем длинная без усердия»; «не будь скор на гнев»; «подражайте свойствам Божиим: как

Он милосерд, так и вы будьте милосердны»; «ханжей следует обличать, ибо они оскорбляют имя Божие»⁵. Когда читаешь эти строки, становятся понятными слова Христа о фарисеях: «Что они скажут вам,— исполняйте и храните»⁶. Евангельское «восполнение» Закона не уничтожало старого; по словам Христовым, «всякий книжник, наученный Царству Небесному, подобен хозяину дома, который выносит из сокровища своего старое и новое»⁷. Беседа с одним богословом, Иисус сказал, что тот недалек от Царства Божия»⁸.

Почему же в таком случае между Ним и фарисеями возник конфликт?

Важнейшей его причиной было понимание благочестия,— которое господствовало среди фарисеев. Их «верность Закону» являлась не только целой философией жизни, но и подробным ее планом, продуманным до последних деталей. Цель этого плана — освятить каждую сторону повседневности, во всем исполняя волю Божию,— Христос не отрицал и не мог отрицать. Но в способах ее достижения, получивших признание у книжников, крылась опасность окостенения религии. Мало того, что любым правилам «старцев» приписывали без разбора божественный авторитет; регламент поглощал все внимание людей, выхолащивая подчас основное содержание веры.

Мысль, будто есть некий «список дел», выполнив которые можно стяжать абсолютную праведность, не давала законникам покоя. Они соревновались друг с другом в стремлении пунктуально соблюсти все обычаи, освященные веками. И, как то часто бывало в истории религий, набожность превращалась в мрачный гротеск.

Некоторых фарисеев народ прозвал *шикмй* — «крепкоплетчими» — за то, что, они вечно ходили согбенными, показывая, какую огромную тяжесть душеспасительных подвигов им приходится нести. Приходя в храм, Иисус мог видеть, как через площадь пробирались фарисеи, то и дело натыкавшиеся на встречных. Они боялись поднять глаза, чтобы не взглянуть случайно на женщину. Их шутливо называли *хиц'ай* — «не-разбей-лба».

Естественно, что таких людей свобода Христова должна была раздражать и пугать; они видели в ней соблазн и угрозу для добрых нравов. В ту эпоху, по замечанию одного еврейского историка, фарисеи-шаммаиты настойчиво проповедовали бегство от мира и аскетизм. Считалось, например, смертным грехом, оторвавшись от богословской книги, сказать: «Как прекрасно это дерево!». Большое место фарисеи отводили постам. Иисус же,

хотя и признавал эти внешние проявления веры, но не делал их средоточением религиозной жизни.

Когда Он толковал Закон в духе учения пророков, книжники обвиняли Его в покушении на «предание старцев». Когда Он говорил, что милосердие угоднее Богу, чем обряды, в глазах фарисеев это был подрыв всей «подзаконной» системы.

Многим может показаться странной такая слепая преданность букве и форме. Однако нужно учитывать, что обрядоверие — упорный недуг, корнящийся в глубинах человеческой психики. Потому-то в истории бушевало столько страстей вокруг ритуалов и было пролито столько крови из-за церемоний. Сходная болезнь, подобная навязчивому неврозу, поражала нередко и христиан, которые забывали, что для Христа любовь к Богу и людям несравненно выше любых внешних предписаний.

Приверженцы буквы, ритуалов и старины во все времена отличались одинаковой косностью. Драма фарисеев связана с типичным проявлением того, что впоследствии стали называть фарисейством. Иерусалимские старейшины, как брахманы Индии, жили в постоянном страхе «осквернения». Про них говорили, что они готовы «очистить само солнце». Но, думая своей набожностью приблизить времена Мессии, вожди Израиля, сами того не сознавая, отвернулись от Того, Кто принес им весть о спасении.

Следует учесть еще одну причину вражды книжников к Иисусу. Евангелист Марк проницательно замечает, что она коренилась в зависти. Фарисеи привыкли считать себя мерилom правоты, и вдруг явился какой-то неведомый провинциал и покушается на их привилегии. Его деятельность не санкционирована никем из признанных авторитетов. Он не прошел их школы, не изучал богословия и Закона.

Людям, за плечами которых стоит многовековая традиция, нередко свойственна особая гордыня. Поэтому даже на Крестителя, хотя он был аскетом, фарисеи смотрели как на самозванца, и тем более дерзким казался им Назарянин.

Иисус говорил, что все это напоминает Ему детскую песенку:

Мы играли вам на свирели, а вы не плясали,
мы пели вам печальные песни, а вы не били себя в грудь.

В самом деле: «Пришел Иоанн, и не ест, и не пьет, и говорят: «в нем бес»; пришел Сын Человеческий, ест и пьет; и говорят: «вот человек, любящий есть и пить вино, друг мытарей и грешников»⁹.

Однако, повторяем, далеко не все фарисеи были ограниченными и узкими начетчиками. И среди них находилось немало людей

живой и искренней веры, и среди них поднимались голоса протеста против ханжества и лицемерия¹⁰. Поэтому первая проповедь Христа в Иерусалиме произвела на некоторых законников глубокое впечатление.

Во главе фарисеев стоял в то время внук Гиллеля — Гамалиил. Из Деяний Апостольских известно, что он проявил большую терпимость к новому учению, а многие фарисеи, воспитанные им, влились впоследствии в новозаветную Церковь. Сложилась даже легенда, что в конце жизни Гамалиил стал христианином и принял мученическую смерть. Эта легенда, безусловно, вымысел, но само ее появление не случайно¹¹.

У раввинов была поговорка: «Слова человека, в котором есть страх Божий, будут услышаны». Исцеления, совершенные Иисусом, заставили наиболее честных из фарисеев задуматься. От их лица к Нему пришел для беседы *Никодим*, член Совета старейшин. Но он предпочел встретиться с Иисусом ночью, чтобы не вызвать насмешек у более строгих собратьев.

— Равви!— сказал он, войдя в дом.— Мы знаем, что Ты от Бога пришел Учителем, ибо никто не творит те знамения, которые Ты творишь, если Бог не с ним.

— Истинно, истинно говорю тебе,— ответил Иисус,— если кто не родится свыше, не может увидеть Царство Божия (т. е. мало признать Иисуса — нужен духовный переворот, изменяющий жизнь).

— Как может человек родиться, будучи стар?— не понял Никодим.— Может он вторично войти в утробу матери своей и родиться?

— Если кто не будет рожден от воды и Духа, не может войти в Царство Божие. Рожденное от плоти есть плоть, и рожденное от Духа есть дух. Не удивляйся, что Я сказал тебе: нужно, чтобы вы родились свыше. Ветер веет, где хочет, и голос его слышишь, и не знаешь, откуда приходит и куда уходит. Так и рожденный от Духа.

— Как это может быть?— продолжал недоумевать старик.

— Ты — учитель израильский, и этого не знаешь?..

О ветре Христос говорил не случайно. Он сравнивал его вольный порыв со свободой человека, который обрел истинное богопознание. Для того, кто «родился в Духе», вера уже есть нечто большее, чем просто система обрядов. Он — сын Господень, дитя Его Царства.

После этой беседы Никодим, по-видимому, стал тайным последователем Иисуса. Среди них Евангелия называют также Иосифа Аримафейского — знатного старейшину из Иерусалима — и некоторых «начальствующих» лиц, которые, скорее всего, принадлежали к фарисеям. И все же они ос-

тались в меньшинстве. Подавляющее число законников встретило Иисуса подозрительно. А по мере того, как они знакомились с Его учением, их недовольство и враждебность возрастали.

Когда Иисус покинул Иерусалим, ученики поняли, что Он не только не приблизился к царскому трону, но вооружил против Себя влиятельные партии города. Простые крестьяне, они были приучены относиться с пиететом к духовенству и книжникам. Видя тревогу друзей, Учитель сказал: «Всякое растение, которое не Отец Мой Небесный насадил, искоренится. Оставьте их. Они слепые поводыри слепых. Если же слепой поведет слепого, оба упадут в яму»¹².

С тех пор Иисус еще не раз посетит Иерусалим, но признан там не будет. В Его общину войдут преимущественно галилеяне, а жителям Юга Он останется чужд. Характерно, что для евангелиста Иоанна слово «иудей» есть почти синоним человека, враждебного Христу.

На обратном пути в Капернаум Иисус свернул к берегам Иордана. Там Он продолжил Свою проповедь, а ученики крестили народ. Исцеления стали привлекать к Назарянину больше людей, чем к Иоанну, который не совершал чудес. Чувство соперничества невольно овладело учениками Крестителя. Они пошли на западный берег реки, в деревню Энон, где в то время жил пророк, и, найдя его, стали жаловаться: «Равви, Тот, Кто был с тобой по ту сторону Иордана и о Ком ты засвидетельствовал, вот Он крестит, и все идут за Ним».

Однако Иоанна весть эта не могла опечалить. Ведь он не называл себя ни пророком, ни Мессией. Если Галилеянин послан свыше, если Он и есть Грядущий, то не ревновать должны, а радоваться. Сам пророк считает себя лишь гостем на празднике Другого. «Имеющий невесту есть жених,— сказал он,— а друг жениха, стоящий и внимающий ему, радостью радуется голосу жениха. Эта радость моя теперь полна. Ему должно расти, а мне умаляться»¹³.

Предтеча Христов как будто предвидел свою близкую участь. Очень скоро деятельность его была прервана *насилием властей*. В последние месяцы религиозное брожение на Иордане стало беспокоить правителя Галилеи. Тетрарх боялся, что еще немного, и будет поздно. Ироду могли донести о выпадах Иоанна против него лично и о словах пророка, который обещал народу «указать путь освобождения от всех земных владык»¹⁴.

Словом, поводов для ареста было вполне достаточно.

Иисус еще находился у Иордана, когда в Энон явились солдаты. Креститель был закован в цепи и отвезен к Тетрарху. Антипа приказал держать его под стражей в крепости Махерон, стоявшей у моря на краю пустыни.

Почему правитель не распорядился арестовать также и Иисуса, мы не знаем. От фарисеев он мог уже слышать, что Назарянин «больше приобретает учеников и крестит, чем Иоанн». Но, по-видимому, Антипа не считал нового Проповедника опасным и решил не трогать Его до поры до времени.

Когда же Иисус узнал о том, что Креститель схвачен, Он покинул Иорданскую область.

Час Его страданий еще не пробил.

Глава седьмая

ЗНАМЕНΙΑ ЦАРСТВА

Весна — лето 28 г.

Евангелисты свидетельствуют, что народ «дивился» учению Иисуса; но не меньшее впечатление производила Его сила, побеждающая стихии и недуги. О Нем рассказывали в первую очередь как о Чудотворце. Впоследствии и христиане нередко были готовы видеть в чудесах главное доказательство сверхчеловеческой природы Иисуса. Однако Сам Он недвусмысленно отклонял подобную мысль:

Имейте веру в Бога.

Истинно, истинно говорю вам:

кто скажет горе этой: «поднимись и бросься в море»,

и не усомнится в сердце своем,

но будет верить, что совершится то, что он говорит, — будет ему¹.

Тем самым Иисус давал понять, что власть над природой входит в замысел Божий о человеке, соответствует его призванию. Если он достигает единения с Духом, для него «нет ничего невозможного».

Чудо, однако, — нечто гораздо большее, чем простое нарушение естественного порядка. В нем открывается глубина вещей, иное измерение, где преодолены законы тленного мира и царствует свобода. Если люди соприкасаются с этим измерением, то, по слову Христа, их «достигло Царство Божие».

Истинных Своих учеников Иисус избавляет от рабства «плоти».

Вот знамения, которые будут сопровождать уверовавших:

...Именем Моим будут изгонять бесов,
будут говорить на новых языках,
будут брать змей;
и, хотя бы смертное что выпили,
не повредит им;
на больных будут возлагать руки,
и они будут здоровы².

Это как бы заданность космического масштаба, свершение которой началось в жизни апостолов, а за ними — великих святых и мистиков, хотя полностью цель будет достигнута лишь в Царстве Божием, когда человек станет наконец подлинным венцом творения.

Есть толкователи, которые доказывают, что слова Писания о чудесах нужно рассматривать не буквально, а иносказательно. Бывали, конечно случаи, когда библейские метафоры принимались за реальные факты. Но это отнюдь не означает, что все сказанное в Ветхом и Новом Заветах о чудесах — вымысел или «символ». Если так думают сторонники догматического материализма («этого не может быть, потому что не может быть никогда»), удивляться нет оснований, но совсем странно звучит подобное мнение в устах некоторых теологов, желающих во всех чудесах Евангелия непременно видеть аллегорию.

Вот, склонившись над безжизненным телом, Иисус произносит: «Талита, кум!» (девочка, встань!), или касаясь уха глухого, говорит: «Этфатах!» (откройся!). Перед нами вовсе не символ, а подлинные арамейские слова Господа, которые врезались в память очевидцев.

Тот, кто хочет доказать, что явления, называемые чудесами, немислимы, не учитывает, как мало еще известно о тайнах бытия. Но почему даже люди, которые склонны верить самым удивительным сообщениям о йогах, рассказы Нового Завета встречают скептически. На это есть духовная причина. Принятие Евангелия требует внутреннего решения, выбора, перемены всех жизненных установок.

Иисус называл Свои чудеса «знамениями» — признаками наступления иной эпохи. Совершенный Человек, Он одолевает законы падшего мира, указывает пути борьбы с нравственным и физическим несовершенством.

Нередко Его власть проявлялась в повседневной жизни как бы мимоходом, неожиданно, вызывая у учеников страх. Так, однажды, еще до призвания апостолов, когда Петр с друзьями безуспешно рыбачили целую ночь, Иисус указал им, где следует закинуть сеть; и, к изумлению всех, она наполнилась сразу. Большие скопления рыб всегда бывают в Галилейском море; люди постоянно ходившие на промысел, знали об этом³. Но как мог Учитель определить нужное место сквозь толщу воды? Симон был настолько поражен, что просил Иисуса выйти из его лодки. Он ощутил себя грешником, недостойным того, чтобы находиться рядом с Господом...

В другой раз Христос с учениками переправлялись на закате дня через озеро. Они покинули толпу поспешно; утомленный Иисус сел в лодку «как был», оставив на берегу плащ, и, расположившись на корме, тотчас заснул. Тем временем внезапно налетел шквал. Но ни шум волн, ни качка не могли разбудить Учителя. Тогда испуганные рыбаки сами прервали Его сон: «Равви, Тебе все равно, что мы погибаем?». Иисус поднялся и, взглянув на волны, сказал: «Молчи, стихни!». Все сразу почувствовали, что ветер стал ослабевать.

Когда буря прекратилась, Христос упрекнул учеников: «Что вы так боязливы? Как у вас нет веры?». Но теперь их ужасала сама наступившая тишина: «Кто же Он, что и ветер и море повинуются Ему?».

Чаще всего, однако, могущество Иисуса проявлялось в воздействии на людей. Его чудеса были актами милосердия. Телесные недуги и безумие Он называл проявлениями власти Сатаны, которую Ему нужно сокрушить. Покорившееся зло человечество есть больной, который ждет исцеления. Исцелять — значит идти против дьявольских сил. И в Своих последователях Иисус хотел видеть соучастников великой битвы, протягивающих руку страдающему миру. «Истинно, истинно говорю вам: верующий в Меня будет творить дела, которые Я творю, и больше этих будет творить». Когда ученики не смогли помочь больному, Он, глубоко скорбя, назвал их «родом неверным».

Иисус нередко указывал на тесную связь между состоянием тела и души. Исцелив параличного, Он предупредил его: «Вот ты стал, больше не грешь, чтобы не случилось с тобой чего худшего»⁴.

Для Учителя одно из главных условий выздоровления была *вера* больного, он должен был активно содействовать процессу исцеления. Маловерие препятствует победе над болезнью. Наглядно убедиться в этом ученики смогли после того, как

Иисус побывал в Своем отечестве, в Назарете. Некоторое время Он избегал приходить в городок, «где был воспитан», но теперь, видимо, решил, что настал час подвергнуть назарян испытанию.

Была суббота, и в молитвенный дом стеклоь почти все население Назарета. Когда, согласно обычаю, наступило время читать Библию, Иисус поднялся на амвон, и Ему протянули свиток Писания. Он развернул его и прочел строки из Книги Исаяи.

Дух Господень на мне,
ибо Он помазал меня благовествовать бедным
и послал меня исцелять сокрушенных сердцем,
проповедовать узникам освобождение,
возвещать прозрение слепым,
отпускать пленников на свободу,
проповедовать время Господне благословенное.

Вернув свиток служителю, Иисус сел. В наступившей тишине глаза всех были прикованны к Нему. Он знал, что собравшиеся полны сомнений, что даже Его братья, бывшие тут, не верят в Его посланничество. Тем не менее Иисус заговорил, объясняя прочитанные Им слова пророка: « Не исполнилось писание это, слышанное вами...»

По рядам односельчан пробежал ропот. Когда это Он, еще вчера выполнявший их заказы, успел стать учителем, раввином? Многие презрительно пожимали плечами: «Не плотник ли Он, сын Марии, брат Иакова, Иосии, Иуды и Симона? Не здесь ли среди нас Его сестры?».

Нашлись и такие, что, желая проверить слухи, дошедшие из Капернаума, предложили Ему совершить какое-нибудь чудо. Они даже привели больных. Но исцеления не произошло. Сила Иисусова натолкнулась на глухую стену неверия. Он Сам был поражен безнадежной черствостью этих людей.

«Нет пророка в своем отечестве... Ни один пророк не бывает принят в отечестве своем»,— сказал Он, покидая Назарет.

Иногда при исцелениях Иисус прибегал к внешним действиям: накладывал руки на больное место или мазал его смоленной землей, а потом посылал человека смыть ее. В некоторых случаях Он желал остаться наедине с исцеляемым. Но все это делалось для того, чтобы помочь людям укрепить

в себе веру. «Вера твоя спасла тебя... Не бойся, только веруй»,— говорил Учитель.

Подчас даже слабых проблесков веры было достаточно. Так, отец мальчика-эпилептика терзался сомнением, но всеми силами хотел побороть его. «Верую, Господи,— стонал он.— Помоги моему неверию!» И его отчаянный вопль был услышан. Это показывает, что доверие близких могло как бы заменять веру самого больного. Как-то раз в Капернауме родственники принесли к Учителю человека, разбитого параличом, но из-за толпы не смогли протиснуться в дом. Тогда они разобрали плоскую кровлю и спустили носилки прямо к ногам Иисуса. И чудо свершилось, потому что, как говорит евангелист Марк, Господь «увидел веру их». А по просьбе римского центуриона и одного из царедворцев Антипы Христос исцелил их слуг, даже не видя больных в лицо.

Не следует, впрочем, думать, что Иисус всегда с легкостью совершал исцеления. Свой земной путь Он проходил, еще не имея «всякой власти на небе и на земле»; к тому же немалым препятствием оказывались сами люди, их малодушие и сомнения. Мы читаем, как Он «с тяжким вздохом», обратив лицо к небу, словно одолевая преграду, изгоняет недуг.

Иисус почти физически ощущал силу, исходящую от Него. Однажды Он шел среди огромной толпы, и некая женщина, страдавшая кровотечением, тайком дотронулась до кистей Его плаща. Быстро оглянувшись, Иисус спросил:

— Кто прикоснулся ко Мне?

— Наставник,— удивился Петр,— народ окружает Тебя и теснит...

— Прикоснулся ко Мне некто,— возразил Иисус,— ибо Я почувствовал силу, исходшую от Меня.

Тогда женщина в смущении припала к ногам Учителя и призналась, что это она.

— Дочь Моя,— сказал Он,— вера твоя спасла тебя, иди с миром и будь здорова от недуга твоего.

В ту бурную переломную эпоху, как и в наши дни, широкое распространение получили психические болезни. Если Ветхий Завет почти не знает их, то Евангелия наводят на мысль о какой-то эпидемии душевных недугов. Особенно страшен был загадочный вид безумия — одержимость, или беснование⁵. Человек, страдавший им, чувствовал мучительное раздвоение личности: казалось, в него вселялся кто-то чуждый и враждебный. Больной кричал неестественным голосом, говорил от лица бесов,

живущих в нем, уверяя иногда, что в нем живет целая армия демонов. Многие из одержимых были подвержены припадкам лишь иногда, другие совсем не приходили в себя и убегали из населенных мест в дикие пустыни. Порой они жили в заброшенных гробницах, и люди в страхе слышали по ночам их завывания и хохот.

Христос одним Своим присутствием поразительно действовал на этих несчастных; иной раз достаточно было одного Его властного слова или прикосновения, и душа освобождалась от владевших ею темных сил.

Возвращая к новой жизни, Иисус требовал от исцеленных полной внутренней перестройки. Демоны паразитируют на грехах. Если в дальнейшем дух новой жизни не заполнит человека, одержимость вернется с удвоенной силой.

Современники Христа представляли себе бесов натуралистически, в виде злокозненных существ, обитающих в пустыне. Поэтому, чтобы быть понятым, Учитель облек Свою мысль в такую притчу: «Когда нечистый дух выйдет из человека, то бродит по безводным местам, ища покоя, и, не находя, говорит: «Возвращусь в дом мой, откуда вышел», и, придя, находит его выметенным и убранным. Тогда он идет и берет других духов, злейших себя, числом семь, и, войдя, они поселяются там, и становится для человека того последнее хуже первого»⁶.

Слух об исцелениях в Галилее с самого начала стал вызывать беспокойство у иерусалимских блюстителей Закона. Только что были пресечены подозрительные сборища на Иордане, и вот снова нужно принимать меры для охраны правоверия и вразумления невежд. Уже не в первый раз Галилея доставляла хлопоты столице. Кое-кто хорошо помнил партизан Иуды Гавлонита. Темный народ на севере всегда готов верить лжепророкам и шарлатанам.

Однако, прибыв в Капернаум, книжники поняли, что им трудно оспаривать реальность совершаемых чудес. Поэтому они стали всячески изощряться в поисках удобного объяснения. Ведь не могли же они, как Никодим, верить, что Бог действует через презираемого ими Назарянина. Одни из них решили, что Иисус научился магии в Египте, а другие пытались убедить народ в том, что Он изгоняет бесов, заключив союз с их «князем» Веельзевулом. (Баал-Зебул, т. е. Владыка дворца, был древним языческим божеством. Позднее так стали называть главу злых духов.) Но Иисус сразу же поставил в тупик изобретателей этих хитроумных гипотез. Он спросил книжников: как может бес изгонять

беса, не будет ли это похоже на междоусобную войну, гибельную для всего царства демонов? Он прямо обвинил Своих противников в хуле на Духа Божия, силою Которого творятся чудесные дела милосердия. Как могут они выдавать себя за служителей веры, если неспособны отличить добра от зла?

Или назовите дерево добрым и плод его добрым,
или назовите дерево плохим и плод его плохим,
ведь по плоду познается дерево.

Отродье змеинное, как можете вы говорить доброе,
будучи злы?

Ибо от избытка сердца говорят уста⁷.

Стрела попала в цель. Надменные богословы были посрамлены перед всем народом. Гневу их не было предела, и, собравшись тайно, они решили, что необходимо положить конец соблазну, который сеет Иисус.

Когда Учитель в следующий раз посетил Иерусалим на праздник, Своими поступками и речами Он вызвал еще большее негодование. На этот раз Он уже открыто возвестил, что чудеса его знак Его высшего посланничества. Вступая в поединок с державой тьмы, Он выполняет волю Отца. Жизнь и благословение исходит от Бога, поэтому и Тот, Кто послан Им на землю, призван исцелять и давать жизнь.

Отец Мой доныне делает, и Я делаю...

Истинно, истинно говорю вам:

не может Сын творить Сам по Себе,

если не видит Отца творящим,

ибо, что Он творит, то и Сын творит так же...

Кто не чтит Сына, не чтит Отца, пославшего Его.

Истинно, истинно говорю вам:

слово Мое слушающий

и верящий Пославшему Меня

имеет жизнь вечную⁸.

Этих речей правоверные уже не могли стерпеть. Мало того, что Назарянин нарушает Закон, Он еще и называет Себя Сыном Божиим. Книжники обступили Его и потребовали, чтобы Он дал такое «знамение с неба», которое бесспорно убедило бы всех. Но Иисус отверг это требование. «Род лукавый и прелюбодейный знамения ищет,— со вздохом сказал Он.— Но не будет дано ему знамения, кроме знамения Ионы, ветхозаветного пророка, проповедника покаяния. Ибо как оказался Иона знамением для

ниневитян, так будет и Сын Человеческий для этого рода. Царица Юга будет воздвигнута во время суда вместе с людьми рода этого и осудит их, потому что она пришла от пределов земли послушать мудрость Соломонову; и вот то, что здесь,— больше Соломона. Люди ниневийские восстанут во время суда вместе с родом этим и осудят его, потому что они пока-зались от проповеди Ионы, и — вот то, что здесь,— больше Ионы»⁹.

Для того ли Сын Человеческий отверг искушителя в пустыне, чтобы теперь демонстративными чудесами доказывать Свою власть? Напротив, Он постоянно скрывал от толпы совершаемые Им исцеления. «Не рассказывай никому»,— часто просил Он человека, которому возвратил здоровье. И обычно лишь против Его воли люди разносили повсюду весть о небывалых событиях. Тем более не хотел Христос делать чудеса орудием пропаганды и этим способом заставлять врагов слушать Его. Пусть они судят о Нем, как подсказывает им совесть. Только поверившим в Иисуса, только духовно исцеленным чудеса будут открываться как признак вхождения Бога в мир.

«Знамения Царства» волновали не одних ученых богословов. Был человек, чья душа страдала в те дни, раздираясь между сомнением и надеждой, человек, который размышлял об Иисусе и задавал себе вопрос: кто же Он?

В Махероне Крестителя содержали в своего рода почетном заточении. Антипа даже вел с Иоанном беседы и терпеливо выслушивал его обличительные речи. Иногда в крепость допускались ученики Крестителя. Они приносили ему вести из внешнего мира. От них Иоанн узнал о событиях в Галилее, о проповеди и чудесах Человека из Назарета. Пророк, конечно, помнил видение на Иордане и был уверен, что Иисус — истинный Посланник Божий. Но следует ли считать Его именно Мессией? Ведь прошло уже много месяцев, а Назарянин все еще живет в Капернауме в окружении рыбаков и простого люда. Где же величие и слава Царства, глашатаем и предвестником которого был Иоанн?

Чтобы рассеять недоумение, Иоанн послал из Махерона двух своих учеников к Иисусу. «Ты ли Грядущий или ожидать нам другого?»— спрашивал он¹⁰.

Посланные отправились в Капернаум и нашли Иисуса, как всегда, окруженного толпой. На заданный вопрос Он не ответил прямо, а только сказал: «Пойдите и возвестите Иоанну, что вы видели и слышали: слепые прозревают, хромые ходят, прокаженные очищаются, глухие слышат, нищим благовестуется, и блажен тот, кто не соблазнится из-за Меня».

После ухода иоаннитов Иисус обратился к народу и заговорил с ним о Крестителе.

К кому ходили иудеи в пустыню? К пророку? Да, Иоанн был пророком, но он имел и иное, более высокое призвание: стать Предтечей Мессии. Он — избранный Небесами вестник. «Говорю вам, среди рожденных женами нет ни одного большего, чем он». (Эти слова не касаются Девы Марии, так как подлинный текст имеет в виду лиц мужского пола.) «Закон и Пророки», Ветхий Завет, простирается до Иоанна. Отныне наступает иная пора, когда людям открыто Царство. Однако Иоанн остановился на границе двух Заветов, не перейдя ее. Поэтому «меньший в Царстве Божиим больше его». По-видимому, Христос имел в виду, что представления Иоанна о Помазаннике не были свободны от идей земного мессианизма. И, следовательно, Иисус не мог ответить ему определенно: «Да, Я — Тот, кого ты ждал». Истинный Мессия явился не повелевать, а служить, не карать, а исцелять и проповедовать Благоую Весть. Он — Спасающий, и Его дела есть знамения Царства.

Глава восьмая

ДВЕНАДЦАТЬ АПОСТОЛОВ.

СМЕРТЬ ПРОРОКА

Осень 28 г. — весна 29 г.

Если не считать коротких путешествий в Иудею, Иисус в течение года не покидал Геннисаретской области, проповедуя в поселках, расположенных на северо-западной стороне озера. В Тивериаде, столице Ирода Антипы, где жили по большей части язычники, Он не появлялся. Около Гадары Его встретили враждебно. Единственным городом на восточном берегу, где Он учил беспрепятственно, была Вифсаида. Однако уже с самого начала Христос стал готовить учеников к мысли о более широкой проповеди Евангелия. «Поднимите глаза ваши,— говорил Он,— и взгляните на нивы, как они уже побелели к жатве... Жатвы много, а работников мало»¹. Из преданных слушателей ученики должны превратиться в «ловцов человеков», в деятельных сподвижников своего Учителя.

Именно для этой цели и были избраны *Двенадцать*.

В ветхозаветной Церкви существовали «шелухим», посланники, или, по-гречески, *апостолы*. Они были представителями общин, развозили письма, решали спорные вопросы, собирали

пожертвования, сообщали о днях праздников. По двое ходили они из города в город, обеспечивая связь между рассеянными очагами Израиля. Новозаветной Церкви тоже надлежало иметь таких апостолов.

Накануне их избрания Иисус молился всю ночь, уединившись на горе, а утром собрал учеников, чтобы поименно назвать Двенадцать и разъяснить им их миссию. Он говорил о Царстве Божием, о новой жизни, которую оно приносит, о блаженстве призванных. В этот день поистине было положено основание Церкви-благовестницы. Она должна явиться ответом на чаяния мира.

Евангелист Матфей пишет, что незадолго до призвания Двенадцати Иисус, полный сострадания, смотрел на толпы, «которые были изнурены и полегли, как овцы без пастыря». Апостолы пойдут к этим страждущим, неся им духовное и телесное исцеление. Каждый их день и каждый шаг отныне принадлежат только Богу и людям. Они станут вольными путниками и будут жить, подобно птицам небесным, не заботясь ни о чем. Им не нужно брать с собой ни денег, ни запасов, ни лишней одежды. Кров и хлеб они получают от тех, кто примет посланцев, ибо «трудящийся достоин пропитания своего».

Миссионерский поход апостолам надлежит начать с народа Господня. Время для обращения мира еще впереди; пока же Иисус заповедует:

На путь к язычникам не идите
и в город самарянский не входите.
Идите лучше к овцам погибшим
дома Израилева².

Даже Себе Он ставит эти границы. Израильтянам первым был дан Завет через Моисея и пророков, и поэтому они первые должны оказаться перед выбором: принять благовестие или отринуть его?

Ученикам не следует думать, что им поручено легкое дело. Многие с радостью встретят их, но еще больше появится у них противников.

Вот Я посылаю вас, как овец посреди волков:
итак, будьте разумны, как змеи,
и бесхитростны, как голуби.
Берегитесь же людей:
ибо они предадут вас в судилища,
и в синагогах своих подвергнут вас бичеванию,
и к правителям и царям поведут вас за Меня

во свидетельство им и язычникам.

И, когда предадут вас,
не заботьтесь, как или что вам сказать,
ибо не вы будете говорить,
но Дух Отца вашего будет говорить в вас.

Продаст же брат брата на смерть,
и отец дитя свое;
и восстанут дети на родителей,
и умертвят их;
и будете ненавидимы всеми за имя Мое.
Претерпевший же до конца,
он и будет спасен...

И не бойтесь убивающих тело,
души же не могущих убить,
а бойтесь лучше могущего и душу и тело
погубить в геенне.

Не два ли воробья продаются за ассарий?
И ни один из них не упадет на землю
без воли Отца вашего.
У вас же и волосы на голове все сочтены.
Не бойтесь же:
вы лучше многих воробьев³.

Те, кто вручил себя Иисусу, освобождаются от рабства «миру сему». Господь всегда с ними, Он сделал их Своими «друзьями» с того момента, как они пошли за Ним. Царство, которое им предстоит возвещать, есть Царство Сына Человеческого. Верить Богу — значит верить Иисусу.

Всякого, кто исповедует Меня перед людьми,
исповедую и Я перед Отцом Моим,
Который на небесах.
И кто отречется от Меня перед людьми,
отрекусь и Я от него перед Отцом Моим,
Который на небесах.

Нередко бывает справедлива пословица: «Враги человеку домашние его». Пусть даже самые близкие люди будут отвращать апостолов от их служения, они должны помнить, что обрели иное, высшее родство и ему, прежде всего, должны хранить верность. «Любящий отца или мать более Меня недостойн Меня»⁴.

Эти суровые слова, вероятно, заставили содрогнуться даже самых мужественных из апостолов, но они сумели понять их

смысл, понять, что Учитель говорит лишь о том, насколько полным и окончательным обязан стать их выбор.

Если посланцы проникнутся духом Иисусовым, Он Сам будет действовать через них и в них. «Принимающий вас — Меня принимает, слушающий вас — Меня слушает»⁵.

Апостолы Христовы получают власть примирять души с Богом.

Как послал Меня Отец,

и Я посылаю вас...

Если кому отпустите грехи — отпущены им;

если на ком удержите — удержаны...

Что свяжете на земле — будет связано на небе,

и что разрешите — будет разрешено на небе⁶.

По образу Сына Человеческого ученики Его станут сеятелями Слова и целителями. Отныне их жизнь отдана служению, как жизнь их Наставника и Господа. Впоследствии апостол Павел, хотя он и не был одним из Двенадцати, засвидетельствовал это таинство «преображения во Иисуса». «Живу больше не я, но живет во мне Христос,— говорил он.— Подражайте мне, как я Христу»⁷. И это были не слова превозношения, а призыв отдавать себя Богу и миру, как отдал себя Иисус Назарянин.

Когда Двенадцать, разделившись по двое, ушли в окрестные города, Иисус остался один. А вскоре Ему сообщили о трагедии, которая разыгралась в Махероне.

У Иоанна Крестителя был в доме тетрарха враг, уже давно добивавшийся его смерти,— Иродиада, жена Антипы. Первый раз она была замужем за его братом, которого Ирод Великий лишил наследства. Честолюбивая женщина тяготилась своим униженным положением и мечтала о власти. Когда в 26 году Антипа гостил в доме брата, она сумела обворожить тетрарха. Тому было уже за пятьдесят, но он влюбился в родственницу и решил жениться на ней. Препятствий для этого было немало. Предстояло развестись с первой женой, дочерью союзника, набатейского царя Ареты IV. Узнав о планах Антипы, его супруга с помощью верных бедуинов бежала к отцу в Набатею. Это привело к дипломатическому разрыву с Аретой. В самой Иудее поступок Ирода вызвал единодушное осуждение: Иродиада была его племянницей и женой брата — таким образом, тетрарх дважды нарушил Закон. Но правителя ничто не могло остановить.

Иоанн Креститель, еще будучи на свободе, открыто высказывался против этого кровосмесительного брака. Он не перестал упрекать Ирода и после того, как тот заточил его в крепость. Поэтому узник продолжал быть опасным для Иродиады. Она

искала повода разделаться с ним, но видела, что слабохарактерный муж едва ли решится осудить и казнить Иоанна. Долгожданный случай все же представился.

Ирод справлял день своего рождения, и в махеронском дворце собралось много почетных гостей — военачальников и старейшин Галилеи. Когда пир был в разгаре, на середину зала выбежала Саломея, дочь Иродиады, и, к неописуемому восторгу всех, исполнила зажигательный сирийский танец. «Проси у меня, что хочешь!» — кричал пьяный тетрарх. Он призвал в свидетели присутствующих, что клятвенно обещает выполнить любое пожелание девушки. Саломея, посоветовавшись с матерью, повторила слова, подсказанные ей Иродиадой: «Подай мне сейчас же на блюде... голову Иоанна Крестителя».

Лицо Антипы помрачнело. Пророк всегда внушал ему уважение, и к тому же он опасался реакции народа. Да и римляне не любили внесудебных расправ. Однако Ирод, не желая нарушать слово, данное при знатных гостях, приказал телохранителю спуститься в темницу. Скоро тот вернулся с окровавленной головой Иоанна в руках. Ее положили на блюдо, а Саломея отнесла страшный дар матери...

Так погиб «величайший из рожденных женами». Ему было немногим более тридцати лет. Успел ли он получить ответ Иисуса? Мы не знаем. Но он умер, как жил, — несгибаемым свидетелем правды Божией.

Тело пророка отдали ученикам. Похоронив его они поспешили в Галилею сообщить о случившемся Иисусу. Иоанниты знали, что в последние дни мысли их наставника постоянно возвращались к Человеку из Назарета.

С тех пор Антипу стал преследовать страх. Услышав об Иисусе, он уверял окружающих, что это восстал из мертвых казненный им праведник. Когда Арета IV напал на Ирода и захватил Махерон, люди говорили, что Бог наказал тетрарха за убийство Иоанна.

Тем временем в Капернаум вернулись Двенадцать. Успех вдохновил их, и они в восторге описывали Иисусу «все, что сделали и чему научили». Однако радость их была омрачена печальной новостью. Теперь, после казни Иоанна, любой из них подвергался опасности. Тетрарх мог перейти к враждебным действиям и против новых проповедников. Учитель должен был сохранить Свою зарождающуюся Церковь. «Пойдите вы, — сказал Он апостолам, — отдельно от других в пустынное место и отдохните немного». Сам же Он сел в лодку и переправился на восточный берег к границам владений Ирода Филиппа.

Вскоре за Ним последовали и ученики.

Глава девятая

«ХЛЕБ ЖИЗНИ»

Весна — лето 29 г.

В то время как над маленькой общиной впервые нависла реальная угроза со стороны властей, проповедь Иисуса достигла наибольшего успеха. Его постоянно сопровождали жители Галилеи и Декаполиса, Иудеи и Иорданского округа и даже Финикии. Молва о нем «прошла по всей Сирии». Никогда раньше такие толпы не стекались к Учителю. Хотя неизвестно, сколько из этих людей вошло позднее в первую Церковь, но та весна бесспорно принесла Евангелию обильную жатву.

Когда Иисус скрылся из Капернаума, народ стал разыскивать Его. Невзирая на близость Пасхи, многие галилеяне, вместо того, чтобы собираться в Иерусалим, отправились в обход озера к Вифсаиде, надеясь встретить там Учителя. И вновь Иисус увидел «овец дома Израилева», блудущих, как стадо без пастуха. Среди пустынных холмов Он казался им новым Моисеем, который поведет их по дороге свободы. «Сжалившись над ними», Иисус долго беседовал с людьми и исцелял приведенных к Нему больных...

Незаметно спустился вечер, и скоро ночь должна была окутать побережье. Ученики забеспокоились:

— Это место пустынно, и час уже поздний,— сказали они Иисусу.— Отпусти их, чтобы они пошли в окрестные деревни и селения и купили себе поесть.

— Вы дайте им поесть,— ответил Он.

— Не пойти ли нам купить хлебов динариев на двести и дать им поесть?— спросил один из апостолов. Ведь община имела свои сбережения, а некоторые из пришедших, вероятно, взяли с собой деньги. Филипп, впрочем, выразил сомнение, будет ли и этого достаточно. Тогда Иисус спросил:

— Сколько у вас хлебов? Идите, посмотрите.

— Есть тут мальчик,— сказал Андрей,— и у него пять хлебов ячменных и две рыбки. Но что это для такого множества?

Вместо ответа Учитель велел им рассадить собравшихся рядами на зеленой весенней траве и, взяв хлебы, произнес над ними молитву благодарения. Торжественным жестом Он преломил их и раздал ученикам. Смущенные, они стали разносить по рядам скудную пищу, но скоро, к своему изумлению, убедились, что хватает на всех...

На первый взгляд может показаться, что Христос в этом случае как бы уступил искустителю, который некогда предлагал

Ему превратить камни в хлеб. Но на самом деле в том, что Он совершил, не было компромисса. Слова «не хлебом единым жив человек» оставались в силе. Учитель хотел, чтобы толпа шла к Нему прежде всего за духовной пищей. Если люди будут искать Царства Божия, «все остальное приложится им». Предание сохранило знаменательные слова Христа: «Просите о великом, и Бог даст вам сверх того и малое»¹.

Мы никогда не узнаем, как именно произошло умножение хлебов, но важно совсем не это. Накормив народ, Иисус показал, что подлинная живая вера и единение душ в благодати могут стать залогом не только небесного, но и земного благословения.

Не случайно, что это событие описано у всех четырех евангелистов, а ранние христиане любили изображать его на стенах катакомб. Мистерия праздничной трапезы братьев явилась предвосхищением Евхаристии, таинства Благодарения, которое Сын Человеческий сделал средоточием Своей Церкви.

В тот вечерний час окрестности Вифсаиды стали свидетелями первых шагов к открытому *признанию* Царства. Вера, хоть и на короткое время, казалось победила. Лжепророк и святотатец, по мнению богословов, опасный возмутитель черни в глазах политиков, Иисус был восторженно встречен тысячами людей, которые провели с Ним предпасхальные дни и участвовали в священном Преломлении хлеба.

Когда спустилась ночь и огни костров зажглись в долине, людям было трудно заснуть. Всех охватило радостное возбуждение. «Воистину Он — Пророк, который грядет в мир!» — раздавались повсюду крики. Хотя Иисус не требовал для Себя царских почестей, галилеяне были уже готовы увести Его *силой* и провозгласить своим повелителем. Их мысли приняли обычное направление. Свет Царства, евхаристический «знак» богообщения вновь заслонились ожившими иллюзиями...

Энтузиазм толпы мог передаваться ученикам, что было опаснее всех гонений Ирода. И снова нужно скрываться, бежать. Иисус не медлит ни минуты. Он приказывает Двенадцати сесть в лодку Симона и плыть вдоль берега к Вифсаиде. Не понимая причины такой поспешности, они молча повинуются, а Он, не замеченный никем, под покровом ночи, один уходит на гору, откуда в свете луны Ему видна лодка, которая борется со встречным ветром.

Ученики ждали, что Иисус скоро спустится к берегу, однако, Он не покидал Своего убежища. К трем часам ночи их отнесло почти на середину озера. Теперь приходилось думать только о том, чтобы лодка не опрокинулась. Внезапно апостолы увидели нечто, заставившее их вскрикнуть. Прямо среди волн двигалась фигура человека, который, как им казалось, хотел пройти мимо.

Рыбаки, оцепенев, побросали весла. Все ужасы народных поверий припомнились им. Не предвещает ли этот признак близкую гибель? И в этот момент из темноты раздался знакомый голос: «Это Я, не бойтесь!»...

Они еще не знали, радоваться им или страшиться, как порывистый Петр, всмотревшись во мглу, крикнул: «Господи, если это Ты, повели мне пойти к Тебе по воде!».

Что владело им? Детское любопытство? Или желание, прикоснувшись к Учителю, избавиться от страха? Скорее всего рыбак не отдавал себе отчета в своих побуждениях, когда, услышав: «иди», смело шагнул за борт. И случилось невероятное. Несколько мгновений сила веры действительно удерживала Петра на воде. Но тут же он, ощутив волны под ногами, в испуге осознал, что происходит, и начал тонуть.

— Господи, спаси меня!— отчаянно закричал Симон.

— Маловерный, почему ты усомнился?— сказал Иисус, протягивая ему руку.

Ученики лежали на дне лодки, не смея шевельнуться. Теперь они окончательно поняли: судьба связала их с Кем-то нездешним.

Никто из них не успел заметить, как лодка коснулась прибрежных камней...

Между тем утром народ, узнав, что Двенадцать отплыли одни, без Учителя, терялся в догадках и недоумевал: куда Он мог исчезнуть? Группы галилеян растерянно бродили вдоль берега. Некоторые вышли в море на лодках и перекликались с рыбаками Тивериады. Наконец кто-то подал мысль отправиться в «Его город».

И в самом деле они нашли Назарянина в Капернауме.

Какие причины побудили Его вернуться в тетрархию Антипы? Хотел ли Он еще раз попытаться найти там понимание и не потому ли медлил покинуть Галилею? Это наиболее вероятное предположение. Иисус как бы *закрывал* от Самого Себя грядущее. В этом заключался непостижимый для нас трагизм Его жизни. Пусть семена Евангелия часто падали на бесплодную почву, Сеятель продолжал трудиться «для спасения многих». По проникновенному слову русского писателя, Христос «должен был сохранять искру надежды до конца, до креста»².

В капернаумскую синагогу явились тем временем книжники из Иерусалима. На сей раз они обвиняли Иисуса не в колдовстве, а в неуважении к «преданиям старцев». Как может Он, претендующий на роль наставника, так легко относиться к несоблюдению заповеданных обрядов? Ведь все видели, что, садясь за стол, Его ученики не совершали *ритуальных* омовений. Иисус не стал

оправдываться перед ними. «Хорошо пророчествовал Исая о вас, лицемерах,— заметил Он,— как написано:

Этот народ устами Меня чтит,
сердце же их далеко отстоит от Меня;
но тщетно воздают Мне почитание,
уча учениям предписаниям человеческим.

Оставив заповедь Божию, вы держитесь предания человеческого».

Велика ли цена обрядам, если главное в Законе забыто? Учитель тут же привел пример фальшивого благочестия этого рода. Нередко люди, завещавшие свое имение храму, отказывали на этом основании в помощи родителям. Воображая, что проявили набожность, они впадали в грех против одной из первых заповедей Моисея.

Спор был прерван галилеянами, прибывшими из окрестностей Вифсаиды. Они окружили Учителя, взволнованные и удивленные:

— Равви, как Ты сюда пришел?

Но встреча с ними уже не радовала Христа.

— Истинно, истинно говорю вам, вы ищете Меня не потому, что *видели знамение*, а потому, что поели хлебов и насытились. Трудитесь не для пищи тленной, но для пищи, пребывающей в жизнь вечную, которую даст Сын Человеческий. Ибо Его запечатлел Отец, Бог.

В их душах «знамение», чудо Богоприсутствия, явленное за трапезой, потускнело в сравнении с тем, что Иисус смог накормить их в пустынном месте. Однако галилеяне все же старались уяснить, чего ждет и требует от них Учитель.

— Как нам поступать,— спросили они,— чтобы делать дела Божии?

— В том дело Божие,— был ответ,— чтобы вы верили в Того, Кого послал Он.

Но разве они не верили? Разве не хотели сделать Его царем за то, что Он, подобно Моисею, дал им новую небесную манну?

— Не Моисей,— возразил Иисус,— дал вам хлеб с неба. Ибо хлеб Божий ест Тот, Кто сходит с неба и дает жизнь миру.

— Господин, давай нам всегда этот хлеб!— снова не поняли они. Как и женщина из Самарии, люди восприняли иносказание буквально, хотя некоторые из них могли знать, что книжники называли «хлебом» Премудрость Божию.

И тогда Иисус произнес слова, которые привели собравшихся в полное замешательство.

Я — хлеб жизни.

Приходящий ко Мне не будет алкать,
и верующий в Меня не будет жаждать никогда...

Отцы ваши ели в пустыне манну и умерли.

Этот хлеб с неба сходит,

чтобы человек от него вкусил и не умер...

Хлеб, который Я дам, есть *плоть Моя*,

которую Я даю за жизнь мира...

Едящий Мою плоть и пьющий Мою кровь

во Мне пребывает, и Я в нем.

Хлеб, вода, вино символизируют пищу, необходимую для поддержания жизни тела. Трапеза же с Сыном Человеческим есть пища духа. Через Него, Существо из плоти и крови, совершается *причастие* божественному бытию, достигается полнота Завета, соединения Творца и твари.

В день умножения хлебов народ был свидетелем и участником этого *знамения*, но не устоял перед земным соблазном. Теперь же подъем той необыкновенной ночи, когда Иисуса хотели провозгласить царем, миновал. Людям показалось, что они очнулись ото сна и пришли в себя. «Не он ли Иисус, сын Иосифа, отца и мать Которого мы знаем?— с сомнением спрашивали одни.— Как же Он теперь говорит: «Я сошел с неба?». А другие считали себя обманутыми: «Как Он может дать нам есть плоть?».

Даже учеников Его все сказанное смутило до крайности. Некоторые из них роптали: «Трудно это слово. Кто может его слушать?». Иисус пытался объяснить им, что Его речь следует понимать в духовном смысле. «Слова, которые Я сказал вам,— это дух и это жизнь. Но есть между вами такие, которые не веруют».

Евангелист Иоанн поясняет, что под «неверующими» Господь подразумевал Иуду. В самом деле, вполне возможно, что этот честолюбивый человек, убедившись, что Иисус не желает становиться царем, именно тогда пережил разочарование в своих надеждах. А как понимал он происшедшее ночью на озере? Сомнение всегда найдет ответ: сон, волшебство, игра расстроенного воображения. Вера в Иисуса надломилась, однако, не только у Иуды. Тот же евангелист сообщает, что «с этого времени многие из учеников Его оставили и больше с Ним не ходили».

— Не хотите ли и вы уйти?— спросил Иисус у Двенадцати.

Все молчали, только Петр сумел выразить общее чувство:

— Господи, к кому мы пойдем? Ты имеешь слова жизни вечной...

Ошеломленные тем, что видели и слышали, ученики как бы испытывали муки нового рождения. Многие они были еще не в состоянии вместить. Но в конце концов на кого они могли надеяться, кроме Учителя? А Он печально смотрел на Своих сбившихся в кучку последователей:

— Не Я ли вас, Двенадцать, избрал? И один из вас дьявол.

Если Иуда и вздрогнул от этих слов, то не подал вида, что они относятся к нему; остальные же замерли в ужасе.

Им было нелегко, но еще труднее было Самому Иисусу. Ему предстояло духовно пересоздать людей, разделявших многие заблуждения своей среды. Будучи избраны апостолами Царства, они все же пока оставались бесконечно далеки от Христа. Услышав Его предостережение: «Берегитесь закваски фарисейской и закваски Иродовой», они решили, что Учитель запрещает им в случае нужды принимать хлеб от Его врагов. «Неужели вы все еще не понимаете?»— огорчился Иисус.

Тем не менее Он не употребил Своей власти, не захотел совершать насилия над душами. Снова и снова Он будет настаивать на них, следить за их сомнениями, ждать с неиссякаемым терпением. Им нужно будет переживать второе обращение, еще раз узнать Мессию в рабби Иешуа, но не Мессию zelотов и суетной толпы, а Того, Кто есть духовная пища мира, Хлеб, дарованный небом...

Глава десятая

ТАЙНА СЫНА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО

Лето — осень 29 г.

По-видимому, для того чтобы переждать, пока стихнет народное волнение, Иисус совсем покинул пределы земли Израильской. Он удалился в соседнюю Финикию, где жил некоторое время стараясь оставаться неузнанным. Проповедь Его умолкла в те дни: вокруг Него были одни язычники, час которых еще не наступил¹. Оттуда Он пошел на юго-восток в Декаполис и лишь после этого возвратился наконец в тетрархию Филиппа. Но у Вифсаиды Его уже поджидала толпа, хотя и значительно поредевшая, и Иисус снова вынужден был скрыться. На этот раз Он ушел в Голан, а потом дальше, к верховьям Иордана.

Путь Его лежал близ увенчанной снегами Ермонской горы, через окрестности города Кесарии, названного так Филиппом в честь кесаря Августа.

Апостолы безропотно всюду следовали за Учителем, недоумевая, почему Он не воспользовался энтузиазмом галилеян. Впрочем, странствуя по дорогам Заиорданья, они получили возможность спокойно обдумать события минувших месяцев и утвердиться в решимости никогда не оставлять своего Господа. Они догадывались, что Наставник ждет откровенного разговора, что пришло время ясно определить их отношение к Нему.

Однажды, после уединенной молитвы, Иисус обратился к Двенадцати с вопросом:

— За кого Меня почитают люди?

— Одни за Иоанна Крестителя,— сказали они,— другие за Илию, а иные за Иеремию или одного из пророков.

— А вы за кого Меня почитаете?

Раньше Учитель никогда не требовал от апостолов столь прямого исповедания. Но слова Его уже не застали их врасплох. От лица всех ответил Симон:

— *Ты Мессия, Сын Бога Живого!*

— Блажен ты, Симон бар-Иона,— торжественно проговорил Иисус, потому что не кровь и плоть открыли тебе это, а Отец Мой, Который на небесах. И Я говорю тебе: Ты — Скала (или «Камень»: араб.— Кифа, греч.— Петр), и на этой скале Я построю Мою Церковь, и врата адовы не одолеют ее. Я дам тебе ключи Царства Небесного; и что ты свяжешь на земле, будет связано на небесах; и что разрешишь на земле, будет разрешено на небесах².

Эти слова о Церкви явились как бы ответом на поворот, происшедший в их сознании. Хотя и прежде некоторые апостолы называли своего Наставника Мессией, но тогда они были еще целиком в плену ложных представлений. Иное дело теперь. Даже убедившись, что Иисус пренебрег земной властью и скитается, как изгнанник, на чужбине, они все же нашли в себе веру и мужество, чтобы признать Его Христом. И пусть Симон был пока не в состоянии полностью объять смысл слов, сказанных им самим, его исповедание станет отныне символом веры всей новозаветной Церкви.

Вопрос Иисуса: «За кого Меня почитают люди?»— звучит и сегодня; и сегодня, как две тысячи лет назад, многие готовы видеть в Нем только пророка или учителя нравственности. Они не могут объяснить, почему именно Иисуса Назарянина, а не Исаяю и даже не Моисея миллионы людей признали «единосущным Отцу».

В чем же заключалась неповторимая притягательность Христа? Только ли в Его моральной доктрине? Ведь возвышенную этику предлагали и Будда, и Иеремия, и Сократ, и Сенека. Как же в таком случае могло христианство победить своих соперников? И наконец, самое главное: Евангелие отнюдь не похоже на простую нравоучительную проповедь.

Здесь мы вступаем в область наиболее таинственного и решающего во всем Новом Завете, здесь внезапно разverzается пропасть между Сыном Человеческим и всеми философами, моралистами, основателями религий.

Пусть Иисус жил и действовал подобно пророку, но то, что Он открыл о Себе, не позволяет ставить Его в один ряд с другими мировыми учителями. Любой из них сознавал себя лишь *человеком*, обретшим истину и призванным возвещать ее. Они ясно видели дистанцию, отделявшую их от Вечного³. А Иисус? Когда Филипп робко попросил Его явить ученикам Отца, Он ответил так, как не мог ответить ни Моисей, ни Конфуций, ни Платон: «Столько времени Я с вами, и ты не знаешь Меня, Филипп? Видевший Меня видел Отца». Со спокойной уверенностью этот Учитель, чуждый фальши и экзальтации, провозглашает Себя единственным Сыном Божиим, Он говорит уже не как пророк — от имени Сушего, — но как Сам Суший...

Неудивительно, что теперь многим Христос кажется неразрешимой загадкой. Можно даже понять тех, кто пытается рассматривать Его как миф, хотя эти попытки потерпели неудачу. (См. приложение «Миф и действительность?».) В самом деле, трудно предположить, что в Израиле был Человек, Который осмелился сказать: «Я и Отец — одно»; куда легче представить себе, каким образом греки или сирийцы соткали легенду о Сыне Божием из обрывков восточных поверий.

Язычники полагали, что боги иногда рождаются на земле и посещают смертных; но Иисус проповедовал в обществе, где подобные мифы никто не принимал всерьез, где знали, что Божество несоизмеримо с человеком. За эту истину ветхозаветная Церковь заплатила слишком дорогой ценой и слишком долго боролась с язычеством, чтобы измыслить Пророка, утверждавшего: «Я в Отце и Отец во Мне». Пытались объяснить все ссылкой на св. Павла, который якобы создал догмат Воплощения. Но «апостол народов» был иудей до мозга костей и сам по себе никогда не пришел бы к идее богочеловечества.

Парадокс явления Иисуса в том, что Он — невероятен и в то же время Он — историческая реальность. Тщетно бьется над

Его загадкой плоский «эвклидов» рассудок. Когда прославленного знатока античности Теодора Моммзена спросили, почему он не упомянул в своих трудах о Христе, он ответил: «Я не могу понять Его и поэтому предпочитаю молчать». Философ Спиноза, хотя и не был христианином, признавал, что божественная Мудрость «более всего проявилась через Иисуса Христа»⁴. Наполеон, много думавший в своем заточении о путях истории, к концу жизни говорил: «Христос хочет любви человека — это значит, Он хочет того, что с величайшим трудом можно получить от мира, чего напрасно требует мудрец от нескольких друзей, отец — от своих детей, супруга — от своего мужа, брат — от брата, словом, Христос хочет сердца; этого Он хочет для Себя и достигает этого совершенно беспрельдно... Лишь одному Ему удалось возвысить человеческое сердце к невидимому до пожертвования временным, и при помощи этого средства Он связал небо и землю»⁵. «Язычник» Гете сравнивал Иисуса с Солнцем. «Если меня спросят,— говорил он,— соответствует ли моей натуре благоговейное преклонение перед Ним? Я отвечу: конечно! Я склоняюсь перед Ним, как перед божественным откровением высшего принципа нравственности»⁶. Индуист Махатма Ганди писал, что для него Иисус «мученик, воплощение жертвенности, божественный учитель»⁷.

Таковы суждения историка, философа, политика, поэта и мудреца, размышлявших о личности Христа. Но если Он не миф и не только реформатор, то кто же Он? Не следует ли в поисках ответа прислушаться к тем, кто ходил с Ним по городам и весям Галилеи, кто был всего ближе к Нему, с кем Он делился самым сокровенным? А они на вопрос: «За кого вы почитаете Меня?»— отвечают словами Симона-Петра: «Ты — Христос, Сын Бога Живого»...

Чтобы лучше понять самую суть этого исповедания, мы должны еще раз вернуться к далекому прошлому.

Мессия: Царь и Спаситель

Моисеева религия зародилась вместе с идеей *спасения*. Первая заповедь Декалога напоминает, что Ягве освободил Свой народ, томившийся в неволе. Широкие массы чаще всего понимали спасение вполне конкретно, как избавление от врагов и стихийных бедствий. Пророки же одухотворили эту надежду, вложив в нее эсхатологическое содержание.

Согласно Библии, мир уже давно пребывает в состоянии упадка и нуждается в исцелении. Жизнь человеческая коротка, как сон, она проходит в бесплодной борьбе. Люди погруже-

ны в суету. «Рождаясь в грехе», они неизбежно влекутся к гибели. Как мало похоже это царство мрака и страданий на осуществление воли Божией!..

К подобным же выводам пришли и многие древние философы Запада и Востока. По их мнению, смертный — игрушка слепых страстей и обстоятельств; неумолимый рок господствует над всем, обрекая Вселенную биться в замкнутом круге.

Осознание несовершенства мира привело к развитию «учений о спасении».

Их можно свести к трем типам.

Для одних (Платон) выход заключался в лучшей организации общества, для других (Будда) — в мистическом созерцании и бегстве от жизни. Оба решения объединяла, однако, общая предпосылка: ни человек, ни Божество не в силах внести радикальных изменений в устройство мира. Можно лишь достигнуть частичного облегчения страданий или надеяться на упразднение самого бытия. Третий тип сотериологии возник в Израиле и в Иране. Только там существовала уверенность, что зло одолимо, что в грядущем наступит преображение, которое есть высшая цель жизни человека. При этом персы считали, что Добро и Зло суть два равных полюса бытия, как бы два Бога-соперника; библейские же пророки отказались принять эту заманчивую теорию. Ягве явил им Себя как единый и единственный. Он «не сотворил смерти», Его воля — привести все мироздание к гармонической полноте.

Но откуда тогда несовершенство, идущее вразрез с божественным замыслом? Оно, по учению Ветхого Завета, — результат отпадения. Власть Божия не похожа на власть диктатора. Бог оставляет за тварью *свободу* в избрании пути. Мир призван сам, на своем опыте познать, что подлинная жизнь лишь с Тем, Кто дарует ее; отход от Него влечет к провалу в бездну небытия. Только добровольно следуя призыву Творца, создание будет достойно Создателя.

Авторы Библии, пользуясь языком священной поэзии Востока, изображали дух разрушения, противящийся Божией Премудрости, в виде Змея или Дракона, неукротимого и мятежного, как морские волны. А впоследствии Писание дало этому черному демоническому потоку, возникшему в творении, имя Сатаны, т.е. Противника. Через него «*вошла в мир смерть*»⁸.

Природа, какой ее мы видим сейчас, не является всецело соответствующей высшему предначертанию. Поэтому в ней буйствуют пожирание, борьба, смерть и распад. Именно среди такого двуликого, искаженного мира и оказался первозданный человек, которого Библия олицетворяет в образе Адама.

Он стал отображением Бога в природе, «подобием» Самого Сущего.

Древний псалмопевец, потрясенный величием ночного неба, не мог скрыть своего изумления: что есть человек, что Ты помнишь его? Почему поставлен он столь высоко?⁹ В Книге Бытия говорится о царственной роли Адама, о его «владычестве» над тварями. По словам Библии, он пребывал в «саду Эдема», т. е. был огражден близостью Божией от природного зла. Однако, наделенный свободой и могуществом, Адам поддался искушению поставить свою волю выше воли Творца.

Писание изображает эту духовную катастрофу в рассказе о Грехопадении людей, которые вняли голосу Змея и пожелали властвовать над миром *независимо* от Создавшего их, иными словами, «быть как боги».

Тем самым разрушился первоначальный Завет между ними и Сущим.

Грех уничтожил или ослабил многие дарования человека, он распространялся как эпидемия, он пускал всюду свои ядовитые корни. «Возделыватель и хранитель» природы, Адам стал ее врагом и насильником. Над самим же человеческим родом приобрели власть темные стихии, подчиняя его себе и превращая землю в ад...

И все же — как Сатана не смог полностью извратить облик мира, так и семя греха не уничтожило порывов человека к высшему и тоски об утраченном.

Центральное благовестие Библии заключено в том, что Бог не покинул падшего мира. Он призывал праведников, которые среди тьмы и безумия сохраняли верность Ему, и возобновлял через них священный Завет. Они-то и дали начало избранному народу, ставшему орудием при достижении целей Промысла.

Сущность этих целей лишь постепенно прояснялась в сознании Израиля. Сначала он должен был просто довериться Господу, отдать себя Его водительству. Из поколения в поколение вожди, пророки и мудрецы укрепляли веру в грядущее, углубляли понимание Царства. Они знали, что наступит день, когда чудовище Хаоса будет повержено и падет преграда, отделившая мир от Бога. Предварит же вселенский переворот явление Мессии — Христа. Он будет потомком Давида, сына Иессеева, но родится тогда, когда царский дом лишится земной славы.

И вырастет Ветвь из срубленного дерева Иессеева,

И Побег — из корня его.

И дух Господень почиет на Нем,

дух Премудрости и дух Разума.

В сердце Божиим Мессия пребывал «от века», а в грядущем царстве Его не будет конца. Явление Его восстановит согласие между людьми и природой, между миром и Творцом.

Однако эсхатология пророков не исчерпывалась ожиданием Христа. «День Господень», говорили они, будет днем величайшего Богоявления. Сам Запредельный войдет в мир, Сам Сокровенный станет явным и близким для сынов человеческих.

Но не дерзость ли, не безумие ли надеяться на это? Ведь Бог бесконечно выше всего созданного! «Видевший Его не может остаться жив». Мудрецы ветхозаветной Церкви отвечали и на этот вопрос. По их учению, есть лики Неисповедимого, которые как бы обращены к природе и человеку. Употребляя земные понятия-символы, их можно называть Духом, Премудростью и Словом Господним¹⁰. В них заключена та мера божественности, которая соотносима с тварью. Ими даруется существование Вселенной, и через них Сушый откроет Себя человеку.

Но когда пророки пытались описать явление Слова или Духа они представляли его в виде мирового катаклизма, потрясающего небо и землю. Точно так же и Мессия рисовался большинству из них в облике могучего триумфатора, окруженного силами небесными. Лишь немногие пророки, например Исайя Второй, изображали Его без ореола внешнего блеска.

Вот Служитель Мой, Которого воздвиг Я,
Избранник Мой, желанный души Моей!
Даровал Ему Дух Мой,
Он принесет справедливость народам.
Не станет кричать и не возвысит голоса,
не даст его услышать на улицах;
Надломленной тростинки не сломит,
тепящегося огонька не потушит.

Вплоть до евангельских времен вера в Мессию-воина говорила народу куда больше, чем идеи мистического мессианизма. В римскую эпоху боевой революционный дух получил явное преобладание. Мечта о Спасителе стала земной утопией, вдохновлявшей партизан Гавлонита.

Почему Иисус прямо не осудил это направление?

Скорее всего причина здесь крылась в том, что оно черпало свои идеи из пророческих книг. *Отделить* же в них подлинное прозрение от традиционных метафор, в которые оно облекалось, люди были еще не готовы. Поэтому Христос, не затрагивая *формы* пророчества, лишь стремился оттенить их духовный смысл, указать на то основное, что содержалось в библейской эсхатоло-

гии. Когда Он называл Себя Сыном Человеческим, когда говорил о Себе, как о благовестнике свободы и исцеления, когда давал понять, что пребывал в ином мире «прежде Авраама», — все это означало, что именно Он и есть Грядущий, Чей приход предрекали пророки.

Но Христос открыл и то, чего *не предвидел ни один из них*. Богоявление совершилось в Нем Самом, в обетованном Мессии. Безмерное и всеобъемлющее обрело человеческий лик и голос в Плотнике из Назарета, «Сыне Бога Живого».

Сын Божий

В Библии мы нередко встречаемся с такими выражениями, как «сын благословения», «сын гнева», «сын пророческий». Они обозначают свойства, характер и призвание человека. Под «сынами Божиими» израильтяне обычно подразумевали духовные существа, ангелов, иногда же — праведников народа Господня или монархов, помазанных на престол. Поэтому наименование «Сын Божий» прилагалось естественно и к Мессии.

Христос постоянно называл Себя Сыном небесного Отца. Но из Его слов явствовало, что Его отношение к Богу не похоже на отношение других. «Никто не знает Сына, кроме Отца, и Отца не знает никто, кроме Сына». Когда Он говорил: «Мой Отец», то касался неповторимой тайны Своей внутренней жизни: «Во Мне Отец, и Я в Отце». Однако — это не иступленное слияние мистика с божественной Глубиной, а нечто совсем иное.

Богосыновство становится во Христе *Богочеловечеством...*

Книга Царств повествует, как пророк Илия ожидал на Синае явления Славы Господней. Пылал огонь, ревел ураган, колебания почвы сотрясали все вокруг, но в этом не было Бога. И лишь когда в раскаленной пустыне внезапно повеял тихий прохладный ветер, — пророк ощутил наконец присутствие Сущего. Нечто подобное произошло и в священной истории. Ждали катастроф и падающих звезд, а вместо этого на земле родилось Дитя, слабое, как любое из детей мира. Ждали небесного витязя, сокрушающего врагов, а пришел назаретский Плотник, Который призвал к себе «всех труждающихся и обремененных». Ждали могущественного Мессию и грозного Богоявления, а земля увидела Богочеловека, умаленного, принявшего земную «плоть и кровь»...

Весть о Христе приводила в смятение и иудеев, и эллинов.

Желая заключить Его в привычные для них мерки, одни утверждали, что Иисус был лишь обычным смертным, на которого сошел Дух Божий, а другие, — что Он имел призрачное тело, оставаясь в действительности только божественным Существом¹¹. Между тем Евангелие говорит о Человеке, Который ел и пил, радовался и страдал, познал искушения и смерть, и в то же время Он, сам не ведая греха, прощал грешников, как прощает Бог, и не отделял Себя от Отца. Поэтому Церковь исповедует во Иисусе Сына Божия, Слово Сущего, Бога в действии, Который как бы проникает в самые недра творения.

В начале было Слово,
и Слово было с Богом,
и Слово было Бог.

Оно было в начале с Богом.
Все через Него возникло,
что возникло.

В нем была жизнь,
и жизнь была свет людям.
И свет во тьме светит,
и тьма его не объяла...

И Слово стало плотью,
и обитало среди нас,
и мы увидели Славу Его,
Славу как Единородного от Отца,
полного благодати и истины...
Ибо Закон был дан через Моисея,
благодать же и истина через Иисуса Христа.

Бога никто не видел никогда:
Единородный Сын, сущий в лоне Отца,
Он открыл¹².

Богочеловечество Христа есть откровение и о Боге, и о человеке.

Уже пророки знали, что Первопричина всего — не безликая Мошь или космический Порядок, равнодушный, как любая из сил мироздания, но — *Бог Живой*, говорящий с людьми, даровавший им Свой образ и подобие. Он ищет согласия с человеком, призывает его к высшей жизни. Явление Иисуса приближает Творца к людям, через Мессию мир должен познать, что Сущий «есть любовь», что Он может стать для каждого Отцом. Блудные дети земли призываются в дом Отчий, чтобы там обрести потерянное сыновство.

Ради этого в мир рождается Сын Человеческий и Сын Божий,

Который в Самом Себе примиряет небо и землю. В Новом Завете стало реальностью то, что было лишь неясной надеждой Ветхого. Отныне духовное единение с Иисусом есть единение с Богом.

«Бог стал человеком, чтобы мы стали богами», — эти слова св. Афанасия передают самую суть таинства Воплощения.

Искупитель

«Сын Человеческий, — говорит Христос, — не для того пришел, чтобы Ему послужили, но чтобы послужить и дать душу Свою как выкуп за многих»¹³. Слова «выкуп», «искупление» были в Библии синонимом спасения, ибо само понятие выкупа связано с освобождением от рабства и с «приобретением для себя». Как некогда Господь спас ветхозаветный Израиль и сделал его «своим народом», так и Церковь Нового Завета должна стать Его «уделом».

Искупление есть и нечто большее — возврат твари на пути, предначертанные свыше. Порабощенная злу, вся она, по словам ап. Павла, «стенает и мучается, ожидая откровения сынов Божиих»¹⁴. Искупленный человек не изымается из остального творения, а идет впереди него к «новому небу и новой земле».

Пламя Логоса горит «во тьме», постепенно пронизывая мироздание. Царству вражды и разложения Бог несет животворную силу единства, гармонии и любви. И, подобно растению, которое тянется к солнцу, природа внемлет этому призыву и повинуется Слову.

Чем больше узнаем мы сегодня о процессе миротворения, тем яснее обрисовывается картина Вселенной, восходящей по ступеням ввысь. Сначала — упорядоченность структур, потом — жизнь, и наконец — человек. Борьба не стихает ни на миг. С каждым шагом Змей Хаоса отступает во тьму, с каждым шагом все шире разливается сияние.

Когда же человек не выполнил своего предназначения, Само Слово явило Себя миру, воплотившись в «новом Адаме».

«Так возлюбил Бог мир, что дал Сына Единородного...»

Но самоотдача Иисуса не могла стать трагедией. Тот, кто соединяется с падшим миром, неизбежно становится причастным его страданию. Отныне боль любого существа — Его боль. его Голгофа. Среди людей Иисуса ждет не торжество, а муки и смерть.

Безгрешный, Он берет на Себя все последствия греха. Поэтому и призывает Церковь всех идущих за Ним: «Будем с терпением проходить предлежащее нам поприще, взирая на Началь-

ника и Свершителя веры Иисуса. Который, *вместо предлежащей Ему радости*, претерпел Крест»¹⁵.

Его предтечами были святые и мученики минувших веков, которых гнали и предавали смерти. Их лики слились в одном мессианском образе, представшем мистическому взору Исаяи Второго. Цари и народы, полагаясь на земную силу, с презрением смотрели на истинного *Служителя Господня*. Но им пришлось убедиться, что именно этого отверженного Страдальца избрал Бог.

Кто поверит слышанному нами?
и кому открылась сила Ягве?
Перед Ним Он взошел, как росток,
как побег из корня в земле сухой.
Не было в Нем ни вида, ни величия,
что к Нему нас влекли бы,
Ни благолепия,
что пленило бы нас.
Презираем и отвергнут людьми был Он,
Муж скорбей, издевавший мучения.
И как человека отверженного
мы ни во что ставили Его.
Он же взял на Себя наши немощи
и понес наши болезни.
Думали мы, что Он поражен, наказан и унижен Богом,
а Он изранен был за грехи наши
и мучим за беззакония наши.
Он принял на Себя кару для спасения нашего,
и ранами Его мы исцелились.
Все мы блуждали, как овцы,
каждый своею дорогой,
но Ягве возложил на Него грехи наши.
Истязуемый, был Он покорен
и в муках не отверз уст;
как агнец, ведомый на заклание,
и как овца перед стригущими ее — безгласна,
так и Он не отверзал уст Своих.

Мессия — страдалец!.. Казалось этого нельзя было принять, понять, вместить. Мало кто из людей Ветхого Завета решался вслух говорить о возможности столь невероятной. Она представлялась кощунством. Но слово было сказано и запечатлено в Писании, оставляя людей в смущении и соблазне. Иудейские толкователи обходили это место, как бы стараясь забыть его.

Иисус же, напротив, изъяснял Свою миссию, ссылаясь на пророчество о Слуге Господнем. «Ныне исполнилось Писание это перед вами...»

Он проходил по земле, не покаяя людей очевидностью Своего могущества. Он был *умален* в глазах «века сего», сохранив этим неприкосновенной человеческую свободу. Не рабов, а сынов искал Иисус, братьев, которые *бескорыстно* полюбят Его и пойдут за Ним, презиравшим и отверженным. Если бы Мессия явился «во славе», если бы никто не смог отвернуться от Него, это было бы принуждением. Но Христос учил иному: «Вы познаете истину, и истина сделает вас свободными».

Ради свободы человека Он заключил Себя в границы тленного, Он стал в те дни «менее Отца», Он нуждался в пище и отдыхе, Он закрыл от себя грядущее и на Себе Самом пережил всю скорбь мира.

Ремесленник из провинциального городка, окруженный людьми невежественными и зачастую носящими клеймо порока, Он проводил Свои дни среди бедняков, мытарей, блудниц и прокаженных. У него не было ни вооруженных отрядов, ни влиятельных союзников. Это ли Мессия, о Котором веками грезили люди?

Камнем преткновения явилось и то, что проповедь Назарянина не была одобрена официальными церковными властями. Фарисеи упрекали его за свидетельство о «Самом Себе». На это Он ответил: «Я Сам свидетельствую о Себе, и свидетельствует о Мне Отец, пославший Меня»¹⁶. Чтобы принять Сына Человеческого, нужен *подвиг веры*. Только чистые сердцем «узрят Бога». Он откроется им во Христе Иисусе, Которого «начальники» осудили как лжеучителя.

Теологи и иерархи ветхозаветной Церкви остались глухи к Его Евангелию — и в этом не было случайности. Они оказались в плену у традиции, данной, по их мнению, раз и навсегда. Они не допускали сомнений в своей непогрешимости, а в результате стали врагами дела Божия. Произошло это не потому только, что Анна и Кайафа были худшими из первосвященников. Самый факт приговора, вынесенного Христу иерархией, — величайшая трагедия религиозной истории мира, вечное предостережение. Страшная правда звучит в «легенде» Достоевского, где он изобразил Христа вновь пришедшим на землю и вновь осужденным «князьями» Своей же Церкви...

В мире Он был,
и мир через Него возник,
и мир Его не познал.
К своим пришел, и свои Его не принял,

Всем же, кто принял Его,—
дал Он власть стать детьми Божиими,
верующими во имя Его¹⁷.

Ученики перед тайной

Но если даже люди «церковные» — книжники и богословы — не узнали Его, как случилось, что Иисус все же нашел Себе учеников? Человеческая логика, «плоть и кровь» были тут поистине бессильны. Это тайна веры, святая святых, где душа встречается своего Спасителя. Разум апостолов мучили сомнения, но просветленная любовь принесла победу вере, и они склонились перед гонимым Странником, как перед Мессией, Сыном Бога Живого.

Ответом на исповедание Петра было пророчество Христова о Церкви, которая устоит, даже если все силы зла ополчатся против нее¹⁸. А самого Симона Иисус назвал Скалой, на которой она будет поставлена. Как бы ни понимать эти слова, трудно сомневаться в том, что Господь возложил на апостола какую-то исключительную миссию. Поэтому и в Церкви он был признан «первоверховным»¹⁹. Иногда возражают против этого, ссылаясь на отсутствие у Петра абсолютного авторитета в первой общине. Действительно, ни диктатором, ни «князем» Церкви в *земном* смысле слова он не был. Но разве не отверг Сам Христос со всей определенностью любые претензии на такое господство? Пусть цари владychествуют над народами, говорит Иисус, а «между вами да не будет так». Поэтому не честолюбивому «лидеру», а скромному рыбаку было сказано: «Паси агнцев Моих». Только действие Духа Божия превратило его потом в пастыря Христова. Тогда же, во время беседы у Кесарии Филипповой, Петр отнюдь еще не стал «скалой» Церкви. Поэтому Иисус сразу же дал иное направление его мыслям. Запретив разглашать мессианскую тайну, Он завел речь о Своих страданиях и смерти.

Услышав это, Петр опечалился. Он отозвал Иисуса в сторону и с присущей ему непосредственностью решил ободрить Его:
— Бог милостив к Тебе, Господи! Не будет этого с Тобой!

Но слова ученика могли только ранить душу Иисуса. Разве и Сам Он не хотел бы, чтобы «чаша миновала Его»? Разве стремился к тому, чтобы люди оказались убийцами Мессии? Но ему предстояло добровольно испытать чашу искупления...

— Отойди от Меня, сатана,— сказал Он, оглянувшись на учеников.— Ты Мне соблазн, потому что думаешь не о Божием, а о человеческом.

Смущенный Петр умолк, а Иисус начал говорить, обращаясь уже ко всем Двенадцати. Они должны быть готовы ко всему. Приближается время испытаний. «Если кто хочет за Мной пойти, да отречется от самого себя, и возьмет крест свой, и следует за Мной». Путь к Царству лежит через победу над собой. Мессия станет жертвой, но и Его последователи должны учиться подражать Ему. Только тогда они смогут стать участниками мессианского торжества. «Истинно, истинно говорю вам: есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, доколе не увидят Сына Человеческого, грядущего в Царстве Своем»²⁰.

Значило ли это, что конец мира настанет уже при этом поколении? Многие ученики именно так и поняли Иисуса. Между тем Он говорил не столько о грядущем, сколько о том, что совершается *ныне*, что началось еще в первые дни Его проповеди. Посеянное Христом семя растет, зерно становится деревом, а тем временем Суд уже происходит, новая эра *уже наступила*.

Прошло несколько дней. Близился праздник Суккот, или Кущей, который по обычаю следовало проводить в шатрах, сделанных из ветвей. Богомольцы готовились идти в Иерусалим. Иисус же оставался за Иорданом. И там произошло еще одно необыкновенное явление. Трем апостолам — Петру, Иакову и Иоанну дано было на миг увидеть завесу приоткрытой и созерцать сверхчеловеческую славу Христа. Быть может, в преддверии Страстей Он хотел духовно укрепить самых близких, зная, какие испытания ждут их впереди.

Однажды, взяв их с Собой, Иисус поднялся на высокую гору, в то время как остальные отдыхали внизу. Пока Он молился, Петр, Иаков и Иоанн, расположившись рядом с Ним, заснули. Когда же они пробудились, их поразила перемена, произошедшая с Учителем. Лицо его после молитвы лучилось неземным светом, даже одежда Иисуса стала ослепительно белой. Два незнакомца вели с ним беседу. Непостижимым образом апостолы поняли, что это явились к Нему из иного мира древние пророки. Страх уступил ощущению мира, счастья, близости Божией... Увидев, что те двое уходят, ученики затрепетали, боясь потерять невыразимое блаженство этой минуты. «Равви! — проговорил Петр. — Хорошо нам здесь быть. Сделаем три шатра: Тебе один, и Моисею один, и Илии один». Он не знал, что сказать, ему почудилось, что наступил час совершения обряда Кущей...

Что произошло потом, никто из учеников отчетливо не помнил. Это была сама Слава Предвечного, светлое облако Бо-

гоприсутствия, и над всем звучали слова: «Это — сын Мой возлюбленный: слушайте Его».

А в следующее мгновение сияние померкло; апостолы увидели Учителя прежним.

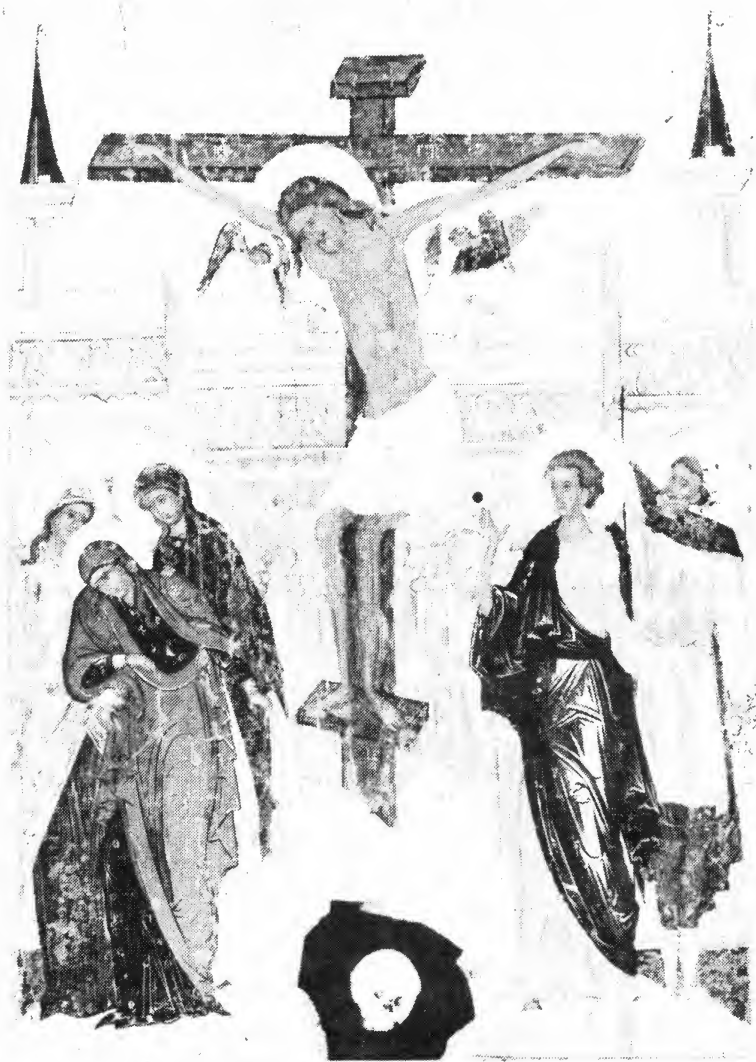
Он стоял один на вершине горы.

Петр, Иаков и Иоанн едва могли опомниться. Иисус же, подойдя к ним, сказал: «Встаньте, не бойтесь», — и начал спускаться вниз. Как во сне, они последовали за Ним. По дороге Иисус нарушил молчание и велел хранить виденное в тайне, «доколе Сын Человеческий не воскреснет из мертвых».

Не решаясь обратиться к Нему, ученики шепотом спрашивали друг у друга: «Что значит воскреснуть из мертвых?»...

[Часть третья]

НАВСТРЕЧУ ГОЛГОФЕ

«Распятие»
/из иконостаса/
XVI век,
Псков

МНОГО ЗВАННЫХ — МАЛО ИЗБРАННЫХ

Сентябрь — декабрь 29 г.

Если даже после исповедания Петра, апостолы не были готовы к восприятию богочеловеческой тайны, то что, в таком случае, вкладывали они в слово «Мессия»? Кем был для них Иисус на третий год их ученичества?

Хотя каждый день, который Двенадцать проводили с Ним, был наполнен чувством близости Бога, истинный смысл этого чуда ускользал от них. Не разделяя политического радикализма zelотов, апостолы продолжали верить, что Христос — это «Тот, Кто должен избавить Израиль». Мысль о страждущем Спасителе мира не укладывалась в сознании учеников. Им был ближе грозный Мессия апокалипсисов, и они надеялись, что, основав Царство Божие в Иерусалиме, Сын Человеческий явится народам в несокрушимой мощи земного торжества. Одним словом, в те дни Двенадцать остановились на полдороге — от мессианизма народных поверий — к мессианизму евангельскому.

Сам Христос не отрицал, что приход Его предсказан в пророчествах, что в Нем осуществились чаяния Ветхого Завета; Свое служение Он нередко изъяснял с помощью священных текстов Библии. Это помогало Его последователям сохранить связь с традицией и постепенно углубить свои представления о Мессии.

Впрочем, иногда их раздумья над Писанием приводили к неясностям. Так, еще в Голане, апостолы задали Иисусу вопрос об Илии-пророке. Считалось, что этот древний борец за веру не умер, а пребывает в лоне Божиим; когда же придет назначенный час, он вновь предстанет перед Израилем и укажет Ему на Избавителя. Ученики недоумевали: если Иисус — Мессия, то почему не является Илия? «Говорю вам, — ответил Иисус, — что Илия *уже пришел*, и не узнали его, но сделали с ним все, что им захотелось».

Было ясно, что речь идет об Иоанне Крестителе. Но учеников насторожили слова, которые вслед за тем произнес Наставник: «Так и Сыну Человеческому предстоит страдать от них»¹. Зачем Он снова говорит об этом? С какой стороны грозит Ему опасность? Решится ли Ирод Антипа на новое преступление? Но ведь он и без того вызвал гнев народа! А если не тетрарх, то кто же? Неужто поставленные Богом пастыри? Правда, многие из них относились к Иисусу с недоверием, но допустит ли Бог, чтобы служители Его ополчились на Мессию? Быть может, прой-

дет некоторое время, и они опомнятся, поймут, что галилейский Наставник воистину послан с неба.

Зная об этих недоумениях, Христос объяснил ученикам, что отныне «первые стали последними», и пастыри превратились в волков. Прежде чем поверить в Иисуса, как в живое откровение Бога, иерархи и законники должны были признать в Нем хотя бы Пророка. Однако сделать это им помешали устоявшиеся взгляды и уязвленная сословная гордость. Единственным их желанием стало теперь — как можно скорее избавиться от Назарянина.

В связи с этим Христос по-новому пересказал ученикам притчу о званых на пир. Некий царь справлял свадьбу своего сына. Он отправил слуг пригласить на праздник знатных гостей. Те же в ответ оскорбили посланных, а некоторых убили. Разгневанный властелин покарал обидчиков, однако брачного торжества отменять не захотел. Он приказал слугам звать во дворец всех, кого придется, включая случайных прохожих и нищих, чтобы они заняли места на его пиру.

Ученые и пастыри не приняли Евангелия, а вместо них ко Христу стекаются «ам-хаарецы», бедные люди из народа, «мытари и грешники».

Впрочем, не все пришедшие на зов удостоятся благословения Божия. Об этом говорит заключительный эпизод притчи. Когда царь заметил, что один из гостей сел за стол, не надев вопреки обычаю чистого платья, он усмотрел в этом пренебрежение к себе и к наследнику и приказал выгнать невежу из дворца. Следовательно, Царство Божие предназначено не просто для бедняков, а для тех, кто готов исполнять завет Христов. Вот почему «много званых, но мало избранных».

На вопрос: «Верно ли, что мало спасаемых?» Иисус ответил:

Подвизайтесь войти узкой дверью,
ибо многие, говорю вам, будут стараться войти
и не смогут.

Когда встанет хозяин дома и затворит дверь,
и вы, стоя снаружи, станете стучаться в дверь
и говорить: «Господи, отвори нам»,
и Он ответит вам: «не знаю вас, откуда вы» —
тогда вы начнете говорить:

«Мы ели перед Тобой и пили,
и на улицах наших Ты учил»,
и скажет Он вам:

«не знаю вас, откуда вы.

Отойдите от Меня, делатели неправды».

Там будет плач и скрежет зубов,
когда увидят Авраама, Исаака и Иакова
и всех пророков в Царствии Божием,
а себя изгоняемыми вон.

Христос от каждого требовал духовного и нравственного подвига, «усилия». Он вовсе не был, как порой пытались изобразить, «демократом», для которого сама принадлежность к обездоленным классам есть уже заслуга. Этим объясняется холодность Иисуса к шумным проявлениям народного восторга. Массовый энтузиазм вспыхивает легко и легко делает своей добычей тех, кто жаждет подчинения и ищет кумиров. Не таковы должны быть чада Царства.

Отказ Иисуса идти навстречу страстям толпы и согласиться на роль популярного вождя, по-видимому, способствовал упадку Его влияния в Галилее. На этом поспешили сыграть противники и скоро добились своего. Когда Учитель вернулся из Голана, атмосфера резко переменилась. Было ясно, что чья-то рука направляет против Него людей. Его уже не допускали, как прежде, свободно проповедовать в синагогах. Церковному отлучению Он подвергнут не был, но этой карой грозили всем Его приверженцам.

С тех пор Иисус вынужден был навсегда покинуть Капернаум. Побоялись принять Его и соседние приморские города. Что там произошло — неизвестно, но из слов Христовых явствует, насколько энергичными были проiski Его врагов:

Горе тебе, Хоразин! Горе тебе, Вифсаида!
Ибо, если бы в Тире и Сидоне
совершились чудеса, совершившиеся в вас,
то давно бы в рубище и пепле покалялись.
Но говорю вам: Тиру и Сидону легче будет в день суда,
чем вам.
И ты, Капернаум, до неба ли ты будешь вознесен?
До ада ты будешь низвергнут;
ибо если бы в Содоме были совершены чудеса,
совершившиеся в тебе,
он остался бы до сего дня.
Но, говорю вам, что земле Содомской легче будет в
день суда,
чем тебе².

В Назарет путь Христу был также закрыт. Когда Он вторично пытался проповедовать там, Его едва не убили. Кольцо быстро

сжималось. Теперь уже можно было ожидать вмешательства тетрарха, но осторожный Антипа предпочел остаться в стороне. От своего управляющего, жена которого была ученицей Иисуса, Ирод мог знать о трудностях, Его постигших. Был момент, когда ему захотелось увидеть Назарянина, но потом он решил, что лучше всего будет, если Тот покинет его владения.

С этой целью Ирод сообщил некоторым из фарисеев, что готовится арестовать и казнить Иисуса. Они же, поспешив к Учителю, сказали Ему: «Выйди и уходи отсюда, потому что Ирод хочет Тебя убить». Однако Иисус сразу заметил уловку тетрарха.

Пойдите, скажите этой лисице:
вот я изгоняю бесов
и исцеления совершаю сегодня и завтра,
и в третий день — свершение Мое...
Ибо не может быть,
чтобы пророк погиб вне Иерусалима³.

Фарисеи поняли, что Иисус и Сам намерен покинуть Галилею, что Его цель — город Давидов, где Он готовится принять мученическую смерть.

Трудно проследить путь Христа после того, как Он стал гонимым Скитальцем. Он находил убежище то в одном, то в другом селении, но нигде не задерживался подолгу. Когда один книжник сказал Ему: «Равви, я буду следовать за Тобой, куда бы Ты ни шел», он услышал исполненный горечи ответ: «У лисиц есть норы, и у птиц небесных гнезда, Сыну же Человеческому негде голову преклонить»⁴.

Судьба Иисуса стала беспокоить родных. Хотя братья и относились скептически к Его деятельности, они отнюдь не желали Ему зла. Когда Он был популярен, это, вероятно, даже льстило им. Теперь же, видя, что в Галилее Иисуса постигла неудача, они предложили Ему идти с ними в Иерусалим на праздник Кушай и заявить там о Себе.

— Пойди отсюда и иди в Иудею,— сказали братья с плохо скрываемой иронией,— чтобы и ученики Твои видели дела Твои, которые Ты творишь. Ибо никто ничего не делает втайне, а хочет сам быть на виду. Если Ты это делаешь — яви Себя миру...

— Я еще не пойду на этот праздник,— ответил Иисус,— потому что Мое время еще не исполнилось.

Тем не менее, когда братья ушли, Иисус отправился в Иерусалим, но «не явно, а как бы втайне».

Свое намерение посетить столицу Он объяснил ученикам, прибегнув к притче.

«Была у человека смоковница, посаженная в винограднике его, и пришел он искать плода на ней, и не нашел, и сказал виноградарю: «Вот *три года*, как я прихожу искать плода на этой смоковнице и не нахожу. Сруби ее, к чему она и землю истощает?» Но тот сказал ему в ответ: «Господин, оставь ее и на этот год, а я тем временем окопаю ее и унавожу, не даст ли плода на будущий год. Если же нет — ты ее срубишь»⁵.

Одним словом, Иисус хотел еще раз испытать Иерусалим, прежде чем наступят роковые дни.

Не желая привлекать внимания, Он выбрал для путешествия дорогу, по которой паломники ходили редко. Они опасались враждебности самарян и предпочитали идти по восточному берегу Иордана. Иисус же отправился с учениками не в обход, а прямо через Самарию.

Когда наступил вечер, Он послал вперед апостолов приискать ночлег. Но в самарянской деревне в них узнали иудеев, идущих на богомолье, и отказались впустить в дом. Иоанн и Иаков, усталые и раздраженные, сказали Учителю:

— Господи, хочешь ли, мы скажем, чтобы огонь сошел с неба и истребил их, как и Илия сделал?

— Вы не знаете, какого вы духа,— возразил Иисус.— Сын Человеческий пришел не губить души, а спасать⁶.

В конце концов им все же дали приют в каком-то селении, А через несколько дней путники, смешавшись с толпой, никем не замеченные, вошли в ворота столицы.

Праздник Кущей длился уже четыре дня и был в самом разгаре. Неустанно звучала музыка, трубили трубы, перекрывая людской гомон; над горой Мориа стелились клубы жертвенного дыма. Справляя конец жатвы, народ веселился и пел, пировал и молился. Все свободные места в городе были усеяны шатрами, наскоро сооруженными из веток. Рядом с ними стояли верблюды, повозки и мулы. Иерусалим был подобен кочевому лагерю.

По вечерам богомольцы располагались в многочисленных пристройках храма послушать речи мудрецов, отдохнуть, поделиться новостями. А новостей было много: стычки евреев и египтян в Александрии, казнь Сабина, обвиненного в «оскорблении величества», восстание фризов, расправа Пилата над галилеянами. Предметом оживленных толков был также Равви из Назарета. «Он добрый»,— говорили одни, а другие пожимали плечами: «Он вводит народ в заблуждение». Впрочем, с

некоторых пор эту тему в Иерусалиме стали считать опасной. Люди боялись навлечь на себя осуждение старейшин.

Внезапно внимание присутствующих привлек спор, который вели книжники в одном из уголков галерей. Всех поразил неизвестный Человек с галилейским выговором. «Каким образом Он знает Писания, не пройдя учения?» — удивлялись книжники. «Мое учение — не Мое, но Пославшего Меня», — отвечал Он.

«Не Тот ли это, Кого ищут убить?» — догадывались иерусалимляне. Но почему Он действует открыто? Те, кому важнее всего было мнение власть имущих, встревожились: «Неужели же воистину узнали начальники, что Он — подлинно Мессия?», Их перебили пришедшие из Галилеи:

— Этого мы знаем, откуда Он. А когда Мессия придет, никто не будет знать, откуда Он.

— И Меня знаете, и знаете, откуда Я, — сказал, обернувшись к ним, Учитель, — и не от Себя Я пришел, но истинен Пославший Меня, Которого вы не знаете.

Мнения разделились. Одни предлагали схватить еретика и вести к архиереям, другие, бывшие свидетелями Его исцелений, защищали Назарянина. Он же продолжал говорить о неведомом для них пути, по которому Ему надлежит следовать, исполняя волю Отца.

— Будете искать Меня, и не найдете, и, где Я, туда вы не можете пойти.

— Куда Он собирается? — с усмешкой заметили книжники. — Не в рассеяние ли к грекам, учить их?

Они поспешили сообщить Кайафе, что Иисус появился в городе. Тот немедленно отправил храмовую стражу с приказом задержать Его. Наконец-то самозванец у него в руках! Однако посланные вернулись ни с чем.

— Почему вы не привели Его? — строго спросили их.

— Никогда еще не говорил человек, как этот Человек, — оправдывались служители.

— Неужели и вас ввели в заблуждение? Разве кто-нибудь из начальников или из фарисеев уверовал в Него? Но толпа эта, не знающая Закона: прокляты они.

Фарисей Никодим оказался свидетелем разговора.

— Разве Закон наш судит человека, не выслушав его прежде и не узнав, что он делает? — заметил он.

— Ты что, сам галилеянин? — ответили ему. — Исследуй Писания и убедишься, что из Галилеи не может прийти пророк.

Однако на сей раз первосвященник Кайафа не осмелился больше ничего предпринять. Иисус же, когда спустилась ночь, вышел восточными воротами по направлению к Елеонской горе.

Если в самом Иерусалиме Его окружала обстановка чуждая и враждебная, то на Елеоне Он должен был ощущать Себя как в лучшие галилейские дни. Здесь, среди маслиничных садов, в небольших поселках жили Его друзья и последователи. Вифания уже давно, со времени Его первого посещения, стала своего рода христианским центром. Сюда сходились верные Иисусу люди. В доме Лазаря и у Симона Прокаженного Он мог отдохнуть среди близких и любящих Его.

Время от времени Учитель приходил в Иерусалим, расположенный всего в трех километрах. Там Он старался держаться в тени, как бы затерянный среди других наставников и раввинов. Рядом с Ним были только ученики и несколько галилеян, иногда к ним присоединялись случайные слушатели. Власти пока отказались от попыток взять Иисуса под стражу. Либо они не находили удобного случая, либо надеялись, что новая секта распадется сама собой.

Только один раз проповедь Иисуса привела к открытому конфликту.

Праздник Кущей заканчивался 22 числа осеннего месяца тишри. В этот день левиты в последний раз зажигали огромные светильники, огни которых озаряли город во время торжеств. Сидя в одном из притворов, Христос говорил о символах праздника — свете и воде. Обряд возливания воды напоминал о странствиях в пустыне, когда Моисей открыл родник для жаждущих. Вода — знак жизни, которую дарует Премудрость Господня. Но отныне Сам Мессия будет давать воду жизни вечной. Он призывает к Себе людей, как некогда звала Премудрость: «Кто жаждет, да идет ко Мне и да пьет».

Светильники обозначают свет Закона. Однако свет, исходящий от Мессии, горит еще ярче. «Я — свет миру. Тот, кто следует за Мною, не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни».

После таких слов набожные люди, не желая участвовать в беседе, ушли, полные негодования. Остались лишь те, кто готов был выслушать Учителя. Однако и они не выдержали долго.

— Если пребудете в Слове Моем,— сказал Иисус,— воистину вы ученики Мои, и познаете истину, и истина освободит вас.

Такое выражение показалось им странным и обидным.

— Мы — потомки Авраама и никому не были рабами никогда. Как же Ты говоришь: «вы сделаетесь свободными?».

— Истинно, истинно говорю вам, всякий, делающий грех, есть раб греха. Но раб не пребывает в доме вовек, сын пребывает во-

век. Итак, если Сын вас освободит, вы действительно свободны будете.

— Отец наш Авраам,— упрямо повторили они гордый девиз патриотов, не понимая, о чем идет речь. Раздражение их возрастало с каждой минутой.

— Если бы вы были дети Авраамовы, вы делали бы дела Авраама. Теперь же вы ищете убить Меня: Человека, Который сказал вам истину. А услышал Я ее от Бога. Этого Авраам не делал. Вы делаете дела *отца вашего*.

Они снова не поняли. Одним казалось, что Он преувеличивает опасность, нависшую над Ним: «Не бес ли в Тебе, кто Тебя ищет убить?» Другие же были глубоко задеты.

— Мы не были рождены в блуде. Один у нас Отец — Бог.

— Если бы Бог был Отец ваш, — возразил Иисус, — вы любили бы Меня, ибо Я от Бога исшел и пришел... Почему вы речи Моей не понимаете? Потому что не можете слышать слова Моего. Вы — от отца вашего, диавола, и хотите делать похоти отца вашего. Он — человекоубийца был от начала...

— Не правильно ли мы сказали, что Ты — самарянин и бес в Тебе?

Их уже охватила настоящая ярость.

— Во Мне беса нет, но Я чту Отца Моего, а вы бесчестите Меня. Я же не ишу славы Моей. Есть Ищущий и Судящий. Истинно, истинно говорю вам: если кто слово Мое соблюдет — *не увидит смерти вовек*.

— Теперь мы знаем, что в Тебе бес... Неужели Ты больше отца нашего Авраама, который умер? И пророки умерли. Кем Ты, Себя делаешь?

— Если Я Сам Себя прославляю, слава Моя — ничто: Отец Мой — вот Кто прославляет Меня. Он, о Ком вы говорите, что Он — Бог ваш. И вы не познали Его. Я же знаю Его... Авраам, отец ваш, возликовал, оттого что ему предстояло видеть день Мой: и увидел, и возрадовался.

— Тебе нет еще пятидесяти, и Ты видел Авраама?

— Истинно, истинно говорю вам: прежде чем Авраам был, Я есмь.

Я ЕСМЬ... Так мог говорить один Предвечный. Это — Его тайное имя, которое произносил первосвященник в дни Кушей, когда святые слова заглушал трубный звук и клики народа⁷. И вот теперь они на устах Назарянина! Подобно древним пророкам, исполненный неземной силы, стоит Он перед людьми. Колебаниям нет больше места. Либо Он лжец и богохульник, либо Сам Бог говорит Его устами.

И выбор был сделан. Поверившие теснее сплотились вокруг Иисуса, а остальные с угрозой взялись за камни...

По-видимому, людей, которые признали в Назарянине Посланца Божия, нашлось немало, и это предотвратило покушение на Него в Праздник Кущей. Впрочем, большинство из них было богомольцами, прибывшими в город на торжества. Евангелист Иоанн говорит лишь об одном иерусалимлянце, который обратился в те дни. Случилось это при необычных обстоятельствах.

Однажды прошел слух, будто Иисус вернул зрение человеку, родившемуся слепым. Многие знали его, так как он всегда сидел у ворот, прося милостыню. Сначала подозревали, что произошла ошибка, но скоро сомнения рассеялись. Исцеленного привели к фарисеям, и те потребовали рассказать, как было дело.

— Человек по имени Иисус смесью положил мне на глаза, и умылся я, и вижу.

— Не от Бога этот Человек, потому что субботы не соблюдает,— объяснили ему (чудо произошло в священный день покоя). Некоторые же фарисеи были сами в раздумье: «Как может грешный человек творить такие знамения?». После долгих споров они снова обратились к прозревшему:

— Что скажешь о Нем ты? Ведь Он тебе открыл глаза.

— Он пророк.

Тогда потребовали позвать его родителей.

— Ваш это сын, о котором вы говорите, что он родился слепым? Как же он теперь видит? — спросили испуганных стариков.

— Мы знаем, что это наш сын,— робко отвечали те,— и что он родился слепым, а как он теперь видит — не знаем, или кто открыл ему глаза — не знаем. Спросите его; он взрослый, сам о себе скажет.

Те фарисеи, что решили твердо стоять на своем, начали увещевать исцеленного.

— Воздай славу Богу. Мы знаем, что Человек тот — грешник.

— Грешник ли Он, я не знаю. Одно знаю, что слеп был и теперь вижу.

— Что Он сделал тебе? Как открыл тебе глаза?

— Я уже сказал вам,— ответил находчивый иерусалимлянин,— и вы не слушали. Почему снова хотите услышать? Не хотите ли и вы сделаться Его учениками?

— Ты ученик Его, а мы ~~то~~ Моисеевы ученики! — закричали в досаде книжники. — Мы знаем, что Моисею говорил Бог, а об Этом мы не знаем, откуда Он.

— Это и удивительно, что вы не знаете, откуда Он, а Он открыл мне глаза. Мы знаем, что грешников Бог не слушает, но, если боится Бога и волю Его творит, того слушает. От века не было слышно, чтобы кто открыл глаза слепорожденному. Если бы не был Он от Бога, не мог бы творить ничего.

— Во грехах ты весь родился, и ты учишь нас! — окончательно вышли из себя фарисеи и выгнали его вон. Узнав об этом Иисус нашел исцеленного и спросил:

— Веруешь ли ты в Сына Человеческого?

— Кто Он, Господи, чтобы я уверовал в Него?

— И видел ты Его, и Говорящий с тобою — Он.

— Верую, Господи! — ответил тот, склоняясь перед Иисусом.

Это событие поколебало, однако, и некоторых фарисеев. То, что странный Учитель обладал такой силой, не могло быть случайностью. Откуда же тогда у Него подобный дар? Они решили вступить с Иисусом в беседу и услышали суровые слова:

— На суд пришел Я в мир сей, чтобы невидящие видели и видящие стали слепы.

— Неужели и мы слепы? — удивились фарисеи.

— Если бы вы были слепы, не имели бы греха. Ныне же вы говорите: «мы видим». Грех ваш пребывает.

В самом деле, они считали себя стражами Предания и Завета, преемниками великих отцов: Симона, Абталиона и Гиллеля. Они верили, что Дух Божий помогает им давать точнейшее толкование Торы, что Он и поставил их духовными пастырями Израиля. Но, упоенные чувством собственного превосходства, эти люди не смогли распознать живую Истину, пришедшую к ним в лице Иисуса Назарянина.

Между тем Он послан народу Божию как небесный Пастырь, не похожий ни на высокомерных книжников, ни на зелотского лжемессию.

Истинно, истинно говорю вам:

Я — дверь овцам.

Все, кто ни приходил до Меня, —

воры и разбойники,

но не послушали их овцы...

Я — Пастырь добрый,

Пастырь добрый душу Свою
полагает за овец.

Наемник, а не пастырь —
тот, кому овцы не свои,
видит, как волк приходит,
и оставляет овец и бежит
(и волк их похищает и разгоняет),
потому что он наемник
и нет ему дела до овец.
Я — Пастырь добрый,
и знаю Моих,
и знают Меня Мои.
Как знает Меня Отец,
знаю и Я Отца;
и душу Мою полагаю за овец.
И другие овцы есть у Меня,
не из этого двора,
и тех Мне надлежит привести,
и голос Мой
они услышат,
и будет одно стадо и один Пастырь.

«Снова, — повествует евангелист Иоанн, — произошло разделение между иудеями из-за этих слов. Говорили многие из них: в Нем бес, и Он безумствует, Что Его слушаете? Другие говорили: это — слова не бесноватого, Может ли бес открывать глаза слепым?»

До середины декабря Иисус беспрепятственно приходил из Вифании в храм, окруженный толпой учеников. Обычным местом, где они собирались, был притвор Соломонов у восточной стены. Однако в праздник Ханука произошло новое столкновение.

День этот всегда пробуждал воинственный дух народа, напоминая о победах Маккавея над язычниками. Героические подвиги освободителей давали пищу мечтам, если не о Мессии, то по крайней мере о могучем вожде, который опрокинет власть Рима. Вот почему внимание опять было привлечено к Иисусу. Его настойчиво стали спрашивать:

— Доколе будешь Ты томить душу нашу? Если Ты — Мессия, скажи нам открыто.

— Я сказал вам, — ответил Он, — но вы не верите. Дела, Которые Я творю во имя Отца Моего, свидетельствуют обо Мне.

Однако они ждали от Него других «дел». Если бы Он поднял мятеж, как Иисус бар-Абба (Варавва), если бы он собрал

вооруженных людей и двинулся на гарнизон Пилата, они бы пошли за Ним. А вместо этого Он говорит им о вещах малопо-
нятных и трудноисполнимых.

Вы не верите,
потому что вы не из овец Моих...
Овцы Мои голос Мой слышат,
и Я знаю их, и они следуют за Мной,
и Я даю им жизнь вечную,
и не погибнут они вовек,
и не похитит их никто из руки Моей.
Отец Мой, Который дал Мне дар,— больше всех;
и из руки Отца не может похищать никто.
Я и Отец — одно.

Ропот ужаса прошел по толпе. Он делает Себя Сыном Божи-
им! Нужно немедленно покарать Его за богохульство. Напрасно
Иисус указывал им на слова Писания, где все верующие наз-
ваны «сынами Божиими». Фанатики не хотели входить в рассу-
ждения. Аргументом их были только камни. На этот раз Иисус,
лишь чудом избежав смерти, ушел на Елеон.

Его прощание с городом было печальным:

Иерусалим, Иерусалим, убивающий пророков
и камнями побивающий посланных к нему!
Сколько раз Я хотел собрать детей твоих,
как птица свой выводок под крылья,
и вы не захотели.
Вот оставляется дом ваш пуст.
Говорю вам: не увидите Меня,
доколе не скажете:
Благословен Грядущий во имя Господне!

Глава двенадцатая

ЧАС БЛИЗИТСЯ

Декабрь 29 г. — 2 апреля 30 г.

До Пасхи осталось около трех месяцев, но жить вблизи столи-
цы Иисус уже больше не мог. Не желая возвращаться в Гали-
лею, Он ушел на время зимних дождей в Заиорданскую область.
Она подчинялась Антипе, но поскольку Тивериада, его резиден-

ция, была далеко, Учитель и ученики находились за Иорданом в сравнительной безопасности.

Прибыв в Бетавару, Иисус в последний раз оказался в местах, где начинал Свое служение. Еще так недавно слышен был здесь голос Предтечи и Дух Божий осенил Сына Человеческого; здесь впервые стал Он учить о наступлении Царства. Теперь на берегах Иордана царила тишина, нарушаемая лишь шумом дождя; исчезли толпы, приходившие слушать Крестителя...

Четвертое Евангелие очень скупо говорит о пребывании Христа в том поселке, где почти три года назад два рыбака впервые подошли к Нему и смущенно спросили: «Равви, где Ты живешь?». Тогда Андрей и Иоанн лелеяли грандиозные мечты, но с тех пор многое изменилось. Изменились и сами апостолы. Они стали свидетелями небывалых событий, научились по-другому смотреть на вещи. Но все же неудача в Галилее и в Иерусалиме была для них неожиданной. Сцены на праздниках Кушей и Ханука, казалось, свидетельствовали о полном поражении. Конечно, ученики приготовились делить с Наставником все невзгоды, но тем не менее они были рады, что Он привел их в этот спокойный край, подальше от недружелюбного города.

Вскоре, однако, уединение их было нарушено. Окрестные жители узнали о приходе Христа, и Бетавара стала наполняться народом. Все слышали, что Учитель в опале, но это не остановило ищущих Слова Божия. Многие вспоминали о судьбе Крестителя, повторяли его слова об Иисусе и говорили, что, хотя сам пророк не совершил ни одного чуда, его свидетельство было истинным. Человек из Назарета, освобождающий людей от недугов и являющий дивные знамения, может быть послан только Небом.

Весной, все еще находясь у Иордана, Христос избрал кроме Двенадцати еще *Семьдесят апостолов*. Они должны были обойти места, которые Ему предстояло посетить на пути в Иерусалим. Число их напоминало о семидесяти праотцах всех народов Земли и служило как бы указанием на расширение деятельности новой Общины. Посланные были наделены даром исцеления и призваны благовествовать Царство Божие.

По-видимому, путешествие их было недолгим, но вернулись они «с радостью», окрыленные успехом.

— Господи, и бесы покоряются нам во имя Твое!

— Я видел Сатану, как молния, с неба упавшего,— сказал Иисус.— Вот Я дал вам власть наступать на змей и на скорпионов и — над всею силою врага; и ничто не повредит вам.

Служа Сыну Человеческому, они стали бойцами священного воинства, идущего против тьмы. Для мира их Учитель — отверженный и бездомный Странник, но именно сейчас пришло время Его славы. «Муж скорбей», перед Которым бессильны дьявольские соблазны, Он в Своем унижении сокрушает державу врага...

Апостолы не должны гордиться дарованной им силой. Самый великий дар — это приобщение к свету Царства. «Тому не радуйтесь, что духи вам покоряются, а радуйтесь, что имена ваши вписаны на небесах»¹.

Едва ученики начали обретать уверенность и надежду, как пришло новое испытание. Друзья из Иудеи сообщили, что опасно болен Лазарь, брат Марфы и Марии.

«Болезнь эта не к смерти», — сказал Иисус. Однако через два дня объявил, что собирается в Вифанию.

— Равви! — огорчились ученики, — только что хотели иудеи побить Тебя камнями, и Ты снова идешь туда?

Но когда из Его слов они поняли, что Лазарь скончался и Учитель непременно желает побывать в его доме, апостолы смирились. Если Господу грозит опасность — они не оставят Его.

— Идем и мы, чтобы умереть с Ним, — сказал решительно Фома.

Им потребовалось не более двух дней, чтобы достигнуть Вифании. Иисус еще не вошел в селение, как навстречу Ему выбежала Марфа.

— Господи, — плача проговорила она, — если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой...

— Воскреснет брат твой, — сказал Иисус.

— Знаю, что воскреснет — в Воскресение, в последний день.

— Я — Воскресение и Жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет... Верить ли в это?

— Да, Господи, я уверовала и верю, что Ты — Мессия, Сын Божий, грядущий в мир...

Мария тем временем оставалась дома в окружении родных и соседей, утешавших ее. Вошла сестра и шепнула: «Учитель здесь и зовет тебя». Мария встала и поспешила из дома. Друзья последовали за ней, думая, что она идет на могилу. Они нашли ее у ног Иисуса; Мария в слезах повторяла слова сестры: «Господи, если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой». Глубокое волнение отразилось на лице Учителя. Все увидели, что Он плачет. «Вот как Он любил его», — переговаривались вифанцы. А кто-то сказал: «Не мог ли Он открывший глаза слепому, сделать, чтобы и этот не умер?..»

«Где вы похоронили его?» — спросил Иисус. Люди повели Его к склепу, заваленному по обычаю каменной плитой. Прошло уже четыре дня, как Лазарь был погребен здесь.

«Отвалите камень», — приказал Учитель. Марфа робко запротестовала, говоря, что тело уже тронут тлением. «Не сказал ли Я тебе, что, если уверуешь, увидишь славу Божию?» — ответил Господь.

Вход в пещеру открыли. Иисус поднял глаза к небу и погрузился в молитву...

Что произошло в следующее мгновение? Что вообще известно нам о тайне жизни и смерти, о состоянии духа, покинувшего свою оболочку? Мы знаем, что тело оказывает влияние на дух, но умеем ли верно определить силу обратного воздействия духа на плоть? Впрочем, для Единосущного Отца нет преград и необратимых процессов...

«Лазарь, выходи!» — воскликнул Иисус, и голос Его, словно удар грома, отозвался в иных мирах.

Когда у порога пещеры показался умерший, люди в ужасе попятились. А он стоял, как жуткий призрак, с ног до головы закутанный в погребальный саван. «Развяжите его и пустите идти», — сказал Христос среди наступившей тишины².

При чтении этого евангельского рассказа невольно возникает вопрос: для чего Господь вернул Своего друга к жизни? Ведь в дальнейшем он так же, как и прочие люди, все равно остался обреченным на смерть. Существует много попыток объяснить вифанское чудо. Но скорее всего правы те, кто видит в этом событии намерение Иисуса показать ученикам Свою власть над жизнью и смертью. Воскрешение Лазаря должно было подготовить их к пасхальной тайне.

В Вифании многие и прежде верили в Царствѡ Божіе. Теперь же, вероятно, почти весь поселок принял Иисуса как Мессию. Однако и там нашлись люди, которые сочли своим долгом донести о происшедшем Синедриону. Члены его, конечно, подумали, что имеют дело с обманом, но расценили сообщение как признак нового роста популярности Назарянина.

Немедленно был созван совет. Для участия в нем были приглашены и фарисеи, но их обвинения против Иисуса касались области чисто религиозной; между тем правящую партию тревожило другое; саддукеи опасались, что галилейское движение перерастет в мятеж и вызовет карательный поход римлян. Иосиф Кайафа заявил, что лжеессию следует устранить без колебаний. Лучше смерть одного человека, чем бедствие,

которое обрушится на весь народ. Фарисеи, хотя и враждовали с духовенством, на сей раз, вероятно, согласились с мнением Кайафы и были рады, что иерархия готова проявить твердость. Теперь им не нужно было подвергать Иисуса отлучению, поскольку Синагедрион доведет дело до конца собственными средствами.

Неизвестно, был ли сразу послан отряд в Вифанию или власти отложили дело, узнав, что Иисус оставил деревню. Но решение было принято. Все полагали, что на Пасху Галилеянин обязательно появится в Иерусалиме. Поэтому первосвященник распорядился, чтобы каждый, кто узнает о Его местонахождении, сообщал об этом властям.

Между тем Иисус направился из Вифании в безлюдную местность близ Иудейской пустыни. Середину марта Он провел в глухом городке, называвшемся Эфраим, а потом снова ушел за Иордан в Перею.

После вифанского чуда апостолы еще больше воспрянули духом. Если Господь может совершать такое, значит, все козни Его противников окажутся тщетными. Их удивляло лишь, как люди могут не верить Иисусу после подобных знамений. Он же рассказал им притчу.

Жил некогда один богач, черствый и равнодушный к чужому горю. Пировал он день и ночь, а у ворот его дома сидел нищий Лазарь, который кормился объедками со стола богача. Оба умерли, один обрел покой «на лоне Авраама», а другой — возмездие за грехи. В тоске думал богач о своих братьях и взмолился к Аврааму, прося, чтобы тот послал на землю Лазаря предупредить их, куда ведет путь зла. Но Авраам возразил: «Есть у них Моисей и Пророки: пусть слушают их». Богач счел это недостаточным:

— Нет, отец Авраам, но если кто из мертвых придет к ним — покаются.

— Если Моисей и Пророков не слушают, то, *когда бы и воскрес кто из мертвых*, не убедятся они³.

Этой притчей Христос хотел сказать, что когда неверие поселяется в сердце человека, никакие чудеса не могут обратить его.

Дней за десять до Пасхи Иисус объявил ученикам, что намерен прибыть в Иерусалим раньше праздника. В путь собрались быстро, шли, почти не останавливаясь. Иисус словно спешил навстречу смерти. Его суровая сосредоточенность вселяла в апостолов страх, но, идя позади Него, они все же думали, что приближаются к победе.

Дорога вилась среди пологих холмов. Кое-где стали появляться люди, направляющиеся в Иерусалим. В числе гали-

леян была и Дева Мария, но Она покорно держалась вдали от Сына.

Постепенно Христос оказался во главе большой толпы богомольцев. Многие узнавали Его и радостно приветствовали. А иные приближались и просили принять их в число учеников. Но теперь Иисус сразу же начинал говорить им о жертвах, которые нужно принести для Царства Божия, и о том, что времени для колебаний больше не осталось. Один человек, который желал присоединиться к Иисусу, сказал, что прежде должен похоронить отца. «Предоставь мертвым хоронить своих мертвых», — был ответ. Другого, хотевшего сначала проститься с родными Иисус предостерег: «Никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не пригоден для Царства Божия»⁴.

Все больше народа двигалось вслед за Христом. Шествие превращалось в настоящий мессианский поход. Реку пересекли у Иерихона. В городе жители спорили, кто примет Его, но Иисус выбрал не почтенную, всеми уважаемую семью, а дом мытаря Закхея. Нищий слепец, сидевший у ворот, кричал: «Иисус, Сын Давидов, помилуй меня!». Его останавливали, но Христос, подойдя к нему, сказал: «Прозри! Вера твоя спасла тебя»⁵.

Это чудо воспламенило энтузиазм народа. Все угрозы властей были забыты. Он снова их галилейский Мессия, посланный в мир Сын царя Давида. Повсюду раздавались возгласы: «Благословен Грядущий во имя Господне!..»

Апостолы уже не сомневались в том, что «Царство Божие должно теперь же явиться»⁶. Близость этого чудесного события стала для них настолько реальной, что Саломея, мать Иоанна и Иакова, попросила у Господа посадить ее сыновей по правую и левую руку от Своего престола, когда Он будет «во славе». Обернувшись к братьям, Иисус спросил:

— Можете ли пить чашу, которую Я пью, или крещением которым Я крещусь, креститься?

— Можем, — простодушно отвечали они.

— Чашу, которую Я пью, будете пить, и крещением, которым Я крещусь, будете креститься. А сесть по правую Мою сторону или по левую — не Я даю, но кому уготовано.

Остальные ученики зароптали. Всем хотелось занять эти почетные места. Но Иисус остановил их:

Вы знаете, что те,
которые считаются начальниками у язычников
(греч.— буквально «народов»),
господствуют над ними,
и вельможи их проявляют над ними свою власть.

Но не так — между вами.
Но кто хочет стать великим между вами,
пусть будет всем слугой,
и кто хочет между вами быть первым,
пусть всем будет рабом.
Ибо и Сын Человеческий не для того пришел,
чтобы Ему послужили,
но чтобы послужить
и дать душу Свою как выкуп за многих⁷.

Тем не менее мысли учеников были поглощены ожидавшим их торжеством.

В тот час Иисус был среди них одинок, как никогда...

В пятницу 31 марта путники вошли в Вифанию, где был устроен праздник в честь прибытия Учителя. Собрались многие Его друзья. За столом прислуживала Марфа, а сестра ее, не зная, как выразить свою любовь и благодарность, помазала ноги и голову Иисуса дорогим миром. Комната наполнилась благоуханием, а Иуда недовольно сказал: «К чему эта трата? Лучше было бы продать это миро и раздать деньги нищим». И самое удивительное — его поддерживали другие ученики. Очевидно, они думали, что несмотря на все чудеса, будущему монарху следует позаботиться о деньгах, чтобы с самого начала явить Свою щедрость народу...

— Оставьте ее, — сказал Иисус, — что ее смущаете? Доброе дело сделала она Мне... Заранее помазала тело Мое для погребения⁸.

Но печальный смысл этих слов ускользнул от апостолов.

Когда миновала суббота, Христос стал готовиться к вступлению в город. Прежде Он никогда не путешествовал верхом, но нынешний день был исключительным. Впрочем, конный всадник напоминал бы о войне, о древних царях, возвращающихся из кровавых походов, о римских солдатах, гарцевавших на улицах покоренного Иерусалима; поэтому Иисус выбрал животное, которое издавна было символом мира⁹. Придя в соседнее селение Виффагию, Он послал учеников, чтобы они нашли молодого осла. Хозяева, узнав, что он нужен Учителю, с радостью отдали его. Вместо седла на спину ослу положили одежды, и, сев на него, Иисус стал спускаться с Елеона.

Царь, возвещающий мир, Он ехал безоружным, в окружении пилигримов, которые кричали: «Осанна Сыну Давидову! Благословенно грядущее царство отца нашего Давида!...»

Галиляне и вифанцы старались, как могли, украсить триумф Мессии. Под копыта бросали побеги маслин, стелили одежды;

дети бежали за Иисусом, размахивая пальмовыми ветвями.

Апостолы ликовали. Наконец-то настал долгожданный день! Они громко славили Бога, вторя толпе.

Едва показалась залитая вечерним светом панорама Иерусалима, как грянул мессианский псалом:

Благословен Грядущий,
Царь во имя Господне!
На небесах мир
и слава в вышних!

Навстречу бежали другие паломники. Среди них оказались фарисеи. Слыша возгласы: «Осанна Сыну Давидову!», они пришли в ужас. Значит, действительно бунт может вспыхнуть в любую минуту!

— Равви! — кричали они. — Запрети Твоим ученикам!

— Говорю вам, — отозвался Иисус, — если они умолкнут — камни возопиют...

Однако, несмотря на радостное возбуждение вокруг, лицо Иисуса было печально. Шедшие рядом с Ним видели на глазах Его слезы. Он оплакивал Иерусалим, город Обетования и город слепцов.

— Если бы ты познал в сей день, что ведет к миру! — сказал Он. — Но теперь это сокрыто от глаз твоих. Ибо придут на тебя дни, когда враги твои возведут против тебя укрепления... и повергнут на землю тебя и детей твоих в тебе, и не оставят в тебе камня на камне за то, что ты не узнал времени посещения твоего.

Когда солнце уже близилось к закату, шествие достигло стен города.

Глава тринадцатая

ВИНОГРАДНИК ОТЦА

2—4 апреля

Шум у восточных ворот привлек любопытство многих горожан. Увидев Человека, Который ехал во главе процессии, распеваящей гимны, они с удивлением спрашивали: «Кто это?». Паломники с гордостью объясняли им: «Это Иисус, Пророк из Назарета Галилейского...»

Иерархия пришла в полную растерянность. Такого бурного проявления народной любви никак не ожидали. «Мир пошел за Ним», — в тревоге говорили друг другу старейшины. Казалось,

все их усилия пропали даром. Пока нельзя было предпринимать никаких открытых действий против Назарянина. Это значило бы самым толкнуть народ к мятежу. В Иерусалим на Пасху съехались сотни тысяч иудеев; в переполненном взбудораженными людьми городе любой неверный шаг мог привести к взрыву.

Между тем Иисус проехал по праздничным улицам и, сойдя с осла, вошел с учениками в ограду храма. От Него ждали каких-нибудь необычайных слов и поступков, но Он молча осмотрел святилище, как царь, желающий проверить свои владения, а с приближением ночи отправился обратно в Вифанию.

Спутники Иисуса испытали, вероятно, некоторое разочарование. Ничего не случилось, не было никаких знамений. Однако они надеялись, что приняв царские почести, Иисус должен скоро проявить Свою мессианскую власть и открыть им Свои дальнейшие намерения.

Утром в понедельник Христос снова пришел в храм. Но вместо того, чтобы призывать приверженцев к борьбе с язычниками, Он сделал то же, что три года назад: велел торговцам покинуть пределы Дома Божия. Продающие и покупающие начали было возмущаться, однако Иисус, не слушая их, опрокинул столы, менял с деньгами и скамьи с птицами, предназначенными на продажу. Он потребовал, чтобы перестали нарушать Закон, воспреещающий носить товары через двор храма. По-видимому, большинство тех, кто находился на площади, одобрило столь решительный натиск.

Это было первым деянием Мессии, открыто явившегося народу. Оно было обращено против унижения веры и профанации культа. Ведь многие думали, что, принеся жертву и отдав ее священникам, можно считать себя чистым от грехов. Поэтому рынок близ алтаря не смущал их.

Вторым делом стало исцеление больных, которые со всех сторон облепили Иисуса. Спаситель страждущих, Он пришел возвестить о новой жизни, о милосердии Отца...

Священники не знали, как поступить, и только спросили Иисуса: кто дал Ему право распоряжаться в храме?

— Спрошу вас и Я об одном: если скажете Мне, то и Я вам скажу, какую властью это делаю. Крещение Иоанново откуда было: с неба или от людей?

— Не знаем,— последовал уклончивый ответ. Ведь они называли Иоанна бесноватым, но сейчас, в присутствии народа, саддукеи не рискнули открыто поносить казненного пустытника.

— И Я вам не скажу, какую властью это делаю.

Иисус не случайно упомянул о Крестителе, в лице которого духовенство и книжники отвергли вестника Божия.

— Пришел к вам Иоанн путем праведности,— продолжал Он,— и вы не поверили ему, а мытари и блудницы поверили ему, вы же, увидев, не раскаялись после, чтобы поверить ему¹.

Все пророки встречали противодействие и ненависть лжепастырей. Гордость и властолюбие ополчались на избранных Духа. Тем более трудно было ждать, что старейшины поверят Человеку, Которого простой народ называл Мессией.

По обыкновению Иисус пояснил Свою мысль притчей, сюжет которой был навеян Исайей, любившим сравнивать Израиль с виноградником, а Бога — с хозяином.

Однажды, рассказывал Иисус, владелец большого виноградника отлучился, надеясь на усердие своих работников. Когда же пришло время уборки урожая, он послал слуг «взять плоды свои». Но работники иных, избив, прогнали, а иных умертвили. Так происходило несколько раз. Наконец господин отправил к ним собственного наследника, говоря: «устыдятся сына моего». Однако виноградари не одумались. Они теперь решили завладеть всем имением, и едва юноша пришел к ним, вытащили его из виноградника и убили.

— Итак,— спросил Иисус служителей храма,— когда придет господин виноградника, что он сделает с виноградарями теми?

— Предаст их, как злодеев, заслуженной ими злой смерти, а виноградник отдаст другим виноградарям, которые будут отдавать ему плоды в свои сроки,— отвечали они.

— Разве никогда не читали вы в Писании:

Камень, который отвергли строители,
он сделался главою угла:

От Господа это,
и дивно в очах наших?

Старейшины поняли, что в притче говорится о них, что у них будет отнят виноградник народа Божия. «И намеревались,— говорит Марк,— Его схватить, но побоялись народа». Иисус же после этого объявил уже без иносказаний: «Царство Божие будет отнято у вас и дано приносящему плоды народу»². Господь не только лишает власти духовных вождей Израиля, но и делает чадами Царства всех исполняющих волю Его, независимо от происхождения.

И как бы в ответ на пророчество пришла неожиданная новость — Филипп и Андрей сообщили: какие-то греки-прозелиты,

приехавшие в Иерусалим на богомолье, узнали о Христе и попросили Филиппа свести их с Ним.

«Пришел час быть прославленным Сыну Человеческому», — сказал Иисус. Но, чтобы ученики не подумали, что Он говорит о земной славе, снова напомнил им, какая участь ждет Его. «Истинно, истинно говорю вам: если зерно пшеничное, упав на землю, не умрет, оно останется одно. Если же умрет — принесет много плода». Ради Своего искупительного подвига Мессия отказывается от всего, что дорого людям в этом мире, от самой жизни.

А прозелиты? Откликнулся ли Христос на их просьбу? Евангелия об этом не говорят, но, очевидно, беседа состоялась, и они, быть может, стали первыми Его последователями из числа иноплеменников. Это косвенно подтверждается словами Иосифа Флавия, которые можно считать подлинными. Он пишет, что Иисус «учил людей, охотно принимавших истину, привлекая к Себе многих, в том числе и эллинов»³.

Но радость Христа и Его учеников, вызванная появлением этих «новых овец», омрачала мысль о самодовольных вождях, которые завладели виноградником Отца. Они не желали внять призыву Господню, и вновь мрачная тень нависла над народом Божиим. Между двумя Заветами прошла трещина.

Христос не скрывал Своей скорби от апостолов: «Душа Моя смущена сейчас. И что Мне сказать: Отче, спаси Меня от часа сего? Но ради этого Я пришел — на час сей...»

Когда Он произнес эти слова, в небе раздался звук, подобный раскату грома. Некоторые решили, что приближается весенняя гроза, но остальных охватил мистический ужас. Им слышался голос незримого вестника Божия.

«Отче, прославь имя Твое!» — молился Иисус. Обратившись к людям. Он говорил о Судном дне, о дьяволе, который будет свергнут Сыном Человеческим со своего престола. Однако Мессия обретет победу над ним, только став Жертвой. «Когда вознесен буду от земли, всех привлеку к Себе»⁴.

Во дворце Кайафы тем временем словно забыли об Иисусе. С часу на час ждали прибытия Пилата с большим отрядом. Вообще, в пасхальные дни у клириков бывало много забот. Но на самом деле Синедрион не оставил мысли расправиться с опасным Пророком. Было только решено: во избежание смут отложить дело, пока не минет праздник. Сам Иисус, удалив базар из Храма, больше никак не проявлял Себя. Это успокаивало саддукеев, позволяло им не спешить.

Однако группа лиц, настроенных наиболее непримиримо, продолжала плести паутину вокруг Иисуса. Удобнее всего было спровоцировать Его на какой-нибудь политический шаг или высказывание, чтобы привлечь к Нему внимание прокуратора; тогда Пилат сам займется Галилеянином, а церковные власти останутся в глазах народа неповинны.

Осуществить это намерение взялись «иродиане», сторонники партии, опиравшейся на римлян. К ним присоединились и слушатели фарисейских школ, несмотря на то, что всегда враждовали с «иродианами». Придя к Иисусу, эти люди сделали вид, что относятся к Нему уважительно и хотят знать Его мнение о налоге, выплачиваемом императору. Само по себе такое обращение к Учителю казалось вполне естественным. На Востоке мудрость наставников измерялась тем, как они разрешают спорные проблемы, предложенные на их рассмотрение. Но в данном случае явно готовилась западня. Если Иисус скажет, что платить дань следует, — значит, Он враг Израиля, если же нет, — Его можно будет изобразить перед Пилатом как одного из подстрекателей против Рима.

— Учитель, — вкрадчиво заговорили подосланные, — мы знаем, что Ты истинен и не считаешься ни с кем, ибо не смотришь на лица людей, но воистину учишь пути Божию. Можно ли платить подать кесарю или нет? Платить нам или не платить?

— Что Меня испытываете? — сказал Иисус. — Покажите Мне динарий.

Ему подали монету, одну из тех, которые шли на подати. На ней был профиль императора и слова: «Тиберий, кесарь, сын Августа бога».

— Чье это изображение и надпись?

— Кесаря.

— Отдавайте же кесарю кесарево, а Божие Богу.

Ответ изумил их. Они поняли, что устроить ловушку не удалось. Иисус поставил в тупик их самих, указав на языческую монету. Поскольку иудеи употребляют императорские динарии, то для этих денег нет лучшего применения, чем отдавать их неверным. А что же принадлежит Богу? Это явствовало не только из учения Иисуса, но из всех книг Ветхого Завета. Богу человек должен отдавать *всего себя*.

Впоследствии слова Христовы о Божием и кесареve понимали в расширительном смысле, относя их к вопросу о церкви и государстве. Но такое толкование едва ли обосновано⁵. Единственное, что могло вытекать из ответа Христа «иродианам», — это отказ от zelотского пути к свободе. Положение было иным, нежели во времена Маккавея. Рим не вмешивался в духовную

жизнь народа. Восстание же могло только принести Израилю новые беды. Это стало очевидным сорок лет спустя, когда вовлеченные «ревнителями» в безнадежную войну иудеи лишились и храма, и государства.

С каждым днем апостолы все яснее сознавали, что несмотря на триумфальную встречу, Мессия находится в Иерусалиме, как во враждебном лагере. Они чувствовали себя спокойно только под вечер, когда, миновав Кедрон, поднимались на Елеонскую гору.

Ночь проводили в разных местах: чаще в Гефсимании, иногда в доме Лазаря или его друзей. Но по утрам Иисус снова приходил в шумный город, где Его ждали слушатели и подстерегали противники.

Законники из саддукеев считали ниже своего достоинства говорить с Галилеянином. Лишь один раз, встретившись с Ним в храме, эти надменные люди решили смутить Его каверзным вопросом. Они знали, что Иисус, как и фарисеи, признает грядущее воскресение мертвых, вера в которое была для них пустой фантазией. По мнению саддукеев, вера в воскресение противоречила Писанию; те же книги Библии, где о нем было сказано, они отвергали.

Что будет, спросили саддукеи, с женщиной, если она пережила семь мужей, умиравших один за другим? Чьей женой она должна считаться в грядущем веке?

Уверенные, что поставили мужицкого Равви втупик, они уже приготовились было смеяться, но Иисус сказал: «Не потому ли вы заблуждаетесь, что не знаете ни Писаний, ни силы Божией? Ведь, когда из мертвых воскреснут, не женятся и замуж не выйдут, но пребывают, как ангелы на небе. О мертвых же, что они воскреснут, разве не читали вы в книге Моисея, в повествовании о купине, как сказал ему Бог: Я Бог Авраама, и Бог Исаака, и Бог Иакова? Он не есть Бог мертвых, но — живых. Вы весьма заблуждаетесь»⁶.

Бывшие тут фарисеи не могли не порадоваться, что их старых соперников заставили замолчать. Иисус показался им теперь Учителем, вполне достойным уважения. Фарисеи собрались вокруг Него и вступили с Ним в беседу. Когда же Иисус сказал им, что основа Закона — любовь к Богу и к ближнему, некоторые из них почти готовы были признать в Нем единомышленника.

Однако те, кто не спешил менять своего мнения о галилейском Пророке, захотели подвергнуть Его еще одному испытанию⁷.

Они привели к Иисусу женщину, уличенную в измене мужу, и спросили: следует ли побить ее камнями, как повелевал древний Закон?

В то время обычай этот едва ли соблюдался; его могли защищать лишь саддукеи, сторонники суровых уголовных наказаний. Но фарисеи хотели воспользоваться инцидентом. Они надеялись, что Иисус, проповедник милосердия, теперь недвусмысленно выступит против Закона.

Учитель долго не отвечал им и, опустив в задумчивости голову, чертил что-то на песке. Но поскольку они продолжали настаивать, сказал: «Кто из вас без греха — первый брось в нее камень», а потом снова стал писать на земле какие-то знаки. Воцарилось молчание. Когда же немного погодя Иисус вторично поднял глаза, то увидел, что женщина стоит перед Ним одна. Обличаемые совестью обвинители незаметно скрылись.

— Женщина,— спросил Иисус,— где они? Никто тебя не осудил?

— Никто, Господин.

— И Я тебя не осуждаю. Иди, отныне больше не греши.

Никто из фарисеев не смел после этого испытывать Иисуса. Казалось, они были даже согласны примириться с Ним. Неприемлемым для них осталось лишь одно: как может Человек из народа считать Себя Мессией или хотя бы допускать, чтобы так называла Его толпа? Зная об этих недоумениях, Иисус подозвал к Себе фарисеев и спросил:

— Что вы думаете о Мессии? Чей Он Сын?

— Давидов,— отвечали они.

— Как же Давид в Духе называет Его Владыкой, говоря:

Сказал Господь Владыке моему:

воссядь по правую руку Мою,

доколе Я не положу врагов Твоих

под ноги Твои?

Итак, если Давид называет Его Владыкой, как же Он — сын его?⁸.

Тем самым вопрос о человеческом происхождении Мессии отодвигался на второй план. Мессианская тайна заключена не столько в принадлежности к царскому дому, сколько в том, что Избавитель пребывает одесную Отца и является Сыном Божиим, Господом мира.

Фарисеи ничего не смогли возразить. Слова псалма действительно были загадочны. Но сказанное Иисусом им было принять еще труднее.

Глава четырнадцатая

СУД МЕССИИ

5 апреля

День спустя Иисус появился на внутренней площади храма, именовавшейся «Двором женщин», и сел под навесом у кружек для пожертвований. В пасхальные дни люди обычно совершали ежегодный церковный взнос. Многие, проходя, сыпали деньги горстями, но внимание Иисуса привлекла убого одетая женщина, которая опустила в кружку две мелкие монеты. Подозвав учеников, Он сказал: «Истинно говорю вам: эта бедная вдова положила больше всех, клавших в сокровищницу. Ибо все от избытка своего положили, она же от скудости своей все, что имела, положила. Все, что у нее было на жизнь»¹. Жертва бедной женщины — единственное, что порадовало и тронуло сердце Христа в Иерусалиме.

Находясь в самом центре церковной жизни, Он видел ее болезни, замаскированные показным благолепием. Мимо Него, снисходительно отвечая на поклоны, *шествовали надменные законники*. Их «тефиллин», повязки на лбу с текстами Торы, и другие атрибуты набожности каждому бросались в глаза, но как мало соответствовали они духовному состоянию этих людей! Иисус видел и ученых, которые часами обсуждали ничтожные оттенки устава; видел и фарисеев, спотыкавшихся на пути о камни, чтобы продемонстрировать свою полную отрешенность от мира. Иисус знал, как легко проникают в эту среду честолюбцы, которые потом упиваются властью над душами. О подобных пастырях еще пророк Иезекииль говорил, что они «пасут самих себя». Кажется, даже свет Библейского Откровения тускнел в этой затхлой атмосфере самодовольства и ханжества.

Почему еще в Галилее большинство книжников противилось Иисусу? Ведь тогда Он скрывал Свое мессианство. А благовестие об Отце, взыскающем заблудших детей, должно было пробудить всех, кто остался верен учению пророка. Следовательно, книжники утратили главный смысл пророческой проповеди. Признавая на словах, что основа Торы — любовь к Богу и к человеку, они продолжали подменять дух Закона Божия системой формальных обязанностей и культовых правил.

Пророк Михей учил:

Тебе сказано, человек, что есть добро
и что Господь требует от тебя:
Только поступать справедливо,

и любить милосердие,
и в смирении ходить перед Богом твоим.

Между тем фарисеи, особенно ученики Шаммая, с головой погрузились в дебри ритуализма и казуистических толкований. Знатоки канонов, они обратили их в орудие господства над «невеждами». На этой почве возникало множество злоупотреблений, доходивших почти до цинизма.

Христос хотел предостеречь Церковь от этого соблазна, от «закваски фарисейской», и показать на примере пастырей Израиля, *какая опасность может ей угрожать*. Обращаясь к ученикам, Он заговорил:

На Моисеевом седалище сели книжники и фарисеи.
Итак, что они скажут вам,— исполняйте и храните,
по делам же их не поступайте.

Ибо, говоря, они — не делают.

Связывают ноши тяжелые и неудобноносимые
и возлагают на плечи людей;

сами же пальцем своим не хотят двинуть их.

Все же дела свои совершают с тем,
чтобы видели их люди.

Расширяют «тефиллин» свой и увеличивают кисти;
любят же первое место на званных обедах,
и первые сидения в синагогах,
и приветствия на площадях,
и чтобы звали их люди: «равви»...

Поедающие дома вдов и для вида молящиеся,
эти примут большее осуждение...

Вас же пусть не называют «равви»,
ибо один у вас Учитель, вы же все — братья.

И отцом своим не называйте никого,
ибо один у вас Отец — Небесный.

И пусть не называют вас наставниками,
потому что Наставник у вас один — Мессия.

Больший из вас да будет вам слугою.

Ибо, кто вознесет себя, тот смирен будет,
а кто смирит себя, тот вознесен будет².

Отказавшись от авторитарной власти над людьми, Иисус и Своим апостолам завещал лишь одну власть — власть любви и служения.

Но это не значило, что Он был готов на компромисс с двуличием и неправдой. Когда Христос въехал в Иерусалим под

крики «Осанна», Он явил Себя кротким Царем примирения; отвечая на вопросы богословов, действовал как мудрый Наставник; теперь пробил час, когда Он должен был выступить как Пророк-обличитель.

В Своей речи Он не стал касаться zelотов и саддукеев, дни которых и без того были уже сочтены. Первые сами готовили себе гибель, раздувая пламя войны, вторые представляли собой горстку богатых клерикалов, с каждым годом терявших поддержку народа. Подлинными представителями ветхозаветной Церкви были книжники, раввины, толкователи, принадлежавшие к фарисеям. Иисус не отрицал и не умалял их заслуг; Он прямо говорил, что апостолы сеяли на почве, вспаханной прежде наставниками веры: «Другие потрудились, и вы вошли в труд их»³. Но именно это признание книжников возлагало на них величайшую ответственность и делало их грех тяжким вдвойне.

Обличение Христово было подлинным судом Мессии над теми, кто хотел «откупиться» от Бога с помощью обрядов и даров, кто считал себя кастой, которая одна владеет ключами спасения.

Над городом и столетиями, над религиями и церквями прозвучало слово Сына Божия, разящее как меч:

Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры,
что затворяете Царство Небесное перед людьми!
Вы и сами не входите,
и входящим не даете войти...

Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры,
что обходите море и сушу,
чтобы сделать хотя бы одного прозелитом;
и, когда это случается,
делаете его сыном геенны,
вдвое худшим, чем вы...

Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры,
что даете десятину с мяты, аниса и тмина
и обошли более важное в Законе:
правосудие, и милосердие, и верность.
Это надлежит исполнять,
и того не опускать.
Вожди слепые!
Отцеживающие комара
и проглатывающие верблюда!
Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры,

что очищаете снаружи чашу и блюдо,
внутри же они полны хищения и невоздержания.
Фарисей слепой!

Очисти прежде чашу и блюдо внутри,
чтобы и снаружи они стали чисты.

Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры,
что вы подобны гробницам побеленным,
которые снаружи кажутся красивыми,
внутри же полны костей мертвых и нечистоты.
Так и снаружи кажется людям праведными,
внутри же наполнены лицемерием и беззаконием.

Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры,
что строите гробницы пророков
и украшаете памятники праведных,
и говорите:

«если бы мы жили во дни отцов наших,
мы не были бы сообщниками их в крови пророков».

Тем самым вы свидетельствуете против себя,
что вы — сыновья тех, которые убили пророков.

Доведите же до полноты меру отцов ваших!

Змеи, отродье змеиное,
как бежать вам от осуждения в геенну?

Поэтому и премудрость Божия сказала:

«Вот Я посылаю вам пророков, и мудрых, и книжников.

Иных вы убьете и распнете,
иных будете бичевать в синагогах ваших
и гнать из города в город.

Да придет на вас вся кровь праведная,
проливаемая на земле:

от крови Авеля до крови Захарии, сына Варахии,
которого вы убили между храмом и жертвенником».

Истинно говорю вам: все это придет на род этот⁴.

Со страхом, затаив дыхание, должны были слушать люди Иисуса. Удар, нанесенный по маске, расколол ее, и за ней открылась духовная пустота.

Ни о ком еще Иисус не говорил с такой резкостью. Он сострадал грешникам и заблудшим; впоследствии Он простит ученикам их малодушие, а Петру — отречение. Он не упрекает и самого Иуду. Даже «хула на Сына Человеческого», по словам Иисуса, может быть отпущена. Лишь к одному не знает Он снисхождения: к фарисейской карикатуре на благочестие, которая равносильна кощунству против Духа Божия...

Евангелие не говорит, как восприняли ученики обличительную речь Господа, но, по-видимому, она вселила в них тревогу. Хотя и раньше апостолы слышали от Учителя нечто подобное, но одно дело говорить это в Капернауме, а другое — здесь, в Иерусалиме, где фарисеи были влиятельной партией. Теперь трудно было надеяться даже на частичное примирение.

Но может ли быть, чтобы Мессия навсегда остался в конфликте с признанными вождями народа? Или пророчество об Иерусалиме как столице Грядущего — должно? Для чего же тогда Иисус пришел в этот город?

Апостолам так хотелось верить, что святое место и Дом Божий станут уделом Христа, где утвердится Его Царство! Ведь Он Сам оградил храм от святотатцев и назвал «домом молитвы».

Не решаясь признаться в своих сомнениях, они завели с Иисусом разговор о храме. Один из Двенадцати надеялся вызвать у Него восхищение видом грандиозных построек святыни.

— Учитель, посмотри, какие камни и какие здания!

— Видишь ли эти великие здания? — сурово сказал Иисус. — Не останется здесь камня на камне, который бы не был опрокинут.

Апостолы были поражены; меньше всего они ожидали такого ответа. Им стало ясно, что это — приговор, и приговор последний.

Подавленные, не говоря ни слова, вышли они вслед за Христом из ворот. Мрачные мысли владели ими, а в душе Иуды, вероятно, поднялся настоящий бунт. Если раньше в нем уже едва теплилась искра веры в Учителя, то теперь она окончательно погасла. Человек, Который пророчит гибель храму, не может быть Мессией! Он обещал Своим ученикам торжество, а на деле лишь оскорбил блюстителей Закона и восстановил против Себя весь город. Он либо безумец, либо обманщик! Рано или поздно власти расправятся с Назарянином. Но что будет с ними, Его сторонниками? Их, разумеется, тоже не пощадят. Нужно как можно скорее обезопасить себя и помочь архиереям задержать Иисуса...

Тем временем Христос стал подниматься на Елеон. По дороге Он остановился и сел на склоне. Большинство учеников, не дождавшись Его, ушли; с Ним остались только Симон, Андрей и сыновья Зеведеевы.

Иисус молчал, глядя на засыпающий город, который раскинулся у Его ног. Вечерняя тишина царила над холмами; отблеск заката пламенел на гребне храма, золотил башни; в воздухе стоял запах весенних трав и свежей листвы.

Ученики догадывались, что Иисус думает об Иерусалиме. Им было страшно и тоскливо. Город, где каждый камень мог рассказать о мудрецах и пророках, о казнях и боях, о горячих молитвах и упованиях,— как долго ждал он Избавителя и,ждавшись, не узнал Его!..

Наконец апостолы нарушили молчание. Когда это будет? Когда свершится суд над храмом? Быть может, после этого наступит День, которого они страстно желали: Сын Человеческий явит славу Свою и воздвигнет над миром вечный мессианский храм.

И тогда Христос заговорил о Конце.

«Образом да будет вам смоковница,— сказал Он.— Когда ветвь ее становится уже мягкой и пускает листья, вы знаете, что близко лето». Так и близость катастрофы ветхозаветного мира обозначится цепью примет⁵. Появятся лжепророки и лжемессии, увлекаая многих. «Предстоит же вам в будущем слышать о войнах и военных слухах. Смотрите, не ужасайтесь, ибо это должно произойти. Но это еще не конец». Верные Иисусу подвергнутся жестоким преследованиям. «И тогда соблазнятся многие, и будут друг друга предавать и ненавидеть друг друга... И от умножения беззакония во многих охладее любовь».

И наконец, явится последний зловещий признак: «Где будет труп, там соберутся орлы». Труп — это обреченный Иерусалим, не нашедший в себе сил духовно возродиться, а орлы — имперские знамена Рима.

Быть может, в этот самый момент, когда Иисус говорил о них, к западным стенам уже стягивались отряды Пилата, которые обычно прибывали в город на Пасху. Среди них были и солдаты, чьи руки два дня спустя пригвоздят ко кресту Сына Человеческого, и, быть может, даже некоторые из тех, кому через сорок лет суждено будет совершить казнь над градом Давида...

«Когда же увидите,— продолжал Иисус,— что Иерусалим окружен войсками, тогда знайте, что близко запустение его. Тогда находящиеся в Иудее да бегут в горы». На месте алтаря, оставленного Богом за грехи людей, явится «мерзость запустения», о которой говорит книга Даниила: идолопоклонники захватят и осквернят святыню⁶. Их власть будет длиться до тех пор, пока не окончатся «времена народов», т. е. язычников.

Крушение цитадели Ветхого Завета увидят сами апостолы и их современники. «Истинно говорю вам: не пройдет род сей (т. е. нынешнее поколение), доколе все это не сбудется».

Но не одна Иудея испытает великое потрясение. «После скорби дней тех» весь мир будет охвачен бурями. Христос изобразил их красками апокалиптических писаний. Наступят времена бес-

просветного мрака, ужаса и агонии. «Восстанет народ на народ и царство на царство. Будут и великие землетрясения, и по местам мор и голод. Будут страшные явления, и с неба великие знамения... и на земле томление народов, и смятение от шума морского и волнения (волны моря — библейский символ сатаны), когда люди будут бездыханны от страха и ожидания того, что надвигается на вселенную, ибо силы небесные будут поколеблены».

Как гибель Иерусалима есть «начало мук рождения», так всемирные катаклизмы — лишь предвестие последнего Суда. Он приходит внезапно. Никто, даже ангелы, не знают ни дня, ни часа его. Сам Сын Божий, умаливший Себя, отказался от этого знания. Верным же следует не высчитывать «времена и сроки», а стоять на страже, пребывая в постоянной молитве и готовности дать отчет Господу. Для них приход прославленного Иисуса означает радость встречи, окончательное соединение с Господом. «Увидите Сына Человеческого, грядущего на облаке с силою и славою великою. Когда же начнет это сбываться, встаньте и поднимите головы ваши, ибо приближается избавление ваше».

Пророчество Христа, произнесенное на Елеоне, — одна из труднейших загадок Евангелия. Первые христиане под влиянием иудейской апокалиптики решали ее просто; через короткий срок после падения храма Христос явится, чтобы царствовать над миром. Даже когда убедились, что слова Его были поняты неверно, многие верующие продолжали жить под знаком близкого конца мира. Несчетное число раз появлялись сектанты, которые возвещали наступление Страшного Суда и даже указывали его срок. Люди бросали работу, дома, уходили в леса и пустыни, охваченные мистическим ужасом. Порой эсхатологическое чувство заражало почти всю Церковь. Однако неизменно сбывалось слово Христово о тайне последнего часа, ведомой только Отцу.

Что же породило это многовековое недоразумение?

Некоторые экзегеты думают, что пророчество о конце принадлежит не Христу, а евангелистам, или, вернее, тем источникам, из которых они черпали; что слова Иисуса об участи храма слились в умах первых христиан с идеей светопредставления. Действительно, Евангелия — не стенограммы, и при передаче речей Господних в них могли отразиться верования ранних общин⁷. Но что породило сами эти верования? Только ли народная фантазия? И разве могли бы они удержаться столь прочно, если бы Христос не дал для них основания? Вспомним, что уже начало Его проповеди в Галилее было связано с вестью о при-

ходе Царства Божия. Вычеркнуть эсхатологическую тему из Его учения — значит зайти слишком далеко.

Иные богословы, считая, что Иисус Христос по-человечески мог заблуждаться, склонны видеть ошибку у Него Самого. «Иисус,— говорят они,— жил чаянием скорого конца». Но такой взгляд неприемлем для христианского сознания и противоречит Евангелию. Благовестие Иисуса, взятое *во всем объеме*, подразумевает впереди длительное время, предваряющее явление Царства. Это видно, как мы уже говорили, хотя бы из притч о зерне, нивах, дереве, закваске. Да и сама Елеонская речь Господа включает эту перспективу. «Времена народов», указанные Им,— период совершенно неопределенный. Разорение Иерусалима и всемирные бедствия названы Им «началом мук рождения». Слова «близко при дверях» скорее следует понимать в масштабе пророчеств, которые обычно рисуют «тысячу лет как один день». Это не земные, а божественные масштабы.

По словам Христа, Он явится во славе не раньше, чем «будет проповедано это Евангелие Царства по всей вселенной во свидетельство всем народам». Трудно представить себе, чтобы Христос в данном случае имел в виду всего несколько десятилетий. Мы знаем, что условие это и через двадцать веков далеко не исполнилось. Ведь даже страны, казалось бы, христианизированные нередко остаются в неведении о сущности Евангелия.

Но если Христос говорил об отдаленном будущем, для чего призывал Он учеников быть в готовности? Какое отношение к ним имело то, что свершится через тысячи лет?

Ряд авторитетных современных толкователей полагает, что в Евангелии мы имеем дело с «осуществленной эсхатологией»⁸. То, что Христос называл «явлением Сына Человеческого», судящего мир, есть Его собственная жизнь, смерть и воскресение. Приход Сына Божия поистине был судом, который продолжается в веках.

Эту мысль можно, по-видимому, подтвердить многими изречениями Иисуса: «На суд пришел Я в мир сей»; «*Ныне* суд миру сему...»⁹. И все же те, кто внимательно читает Евангелия, должны признать, что Христос говорил о Суде не *только* в смысле Своего служения. Его благовестие неотделимо от ветхозаветных пророчеств, которые указывают на путь человечества к полноте времен, к совершенному торжеству Царства.

Почему в Евангелии тема конца Ветхого Завета переплетена с темой Суда и темой конца истории? Вероятно, Христос сознательно сблизил их, ибо существует таинственная связь между тремя событиями: Воплощением, гибелью храма и последним кризисом мира.

Явление Спасителя было началом «мессианской эры»: Бог вошел в жизнь человечества, приблизился к нему столь непосредственно, как никогда прежде. Эта встреча и явилась Судом, который вступил в силу с того момента, когда униженный Мессия, вестник любви и правды, поставил людей перед выбором: принять или отвергнуть Его.

Ветхозаветная Церковь как носительница Откровения уже не раз была судима Богом. Когда люди отказывались слушать Его слово, возвещенное через пророков, они лишались небесного покрова и попадали в рабство к язычникам. В 70 году этой трагедии суждено будет произойти вновь, ибо «Иерусалим не узнал времени посещения своего». Но — жребий Иерусалима есть прообраз длящегося Суда Божия; его испытывает на себе и христианский мир: Рим, Александрия, Константинополь...

Новый народ Божий, приняв Завет Христов, несет ту же ответственность, что и древний Израиль. Поэтому он будет постоянно переживать «судные дни», доколе борьба добра и зла не достигнет высшей точки напряжения, и тогда произойдет последний Суд, перелом, прорыв истории за свои пределы, очищение и преображение мира...

Древние люди не могли представить себе Богоявления иначе, как в ореоле космических катастроф. Поэтому, следуя обыкновению пророков, и Сам Иисус говорил о гаснущем Солнце и падающих звездах. Однако, символику этой апокалиптической иконы не всегда следует принимать за точное описание событий.

По существу, евангельская эсхатология не сосредоточена на *явных* знамениях Суда. Он совершается «неприметным» образом. С того времени как Бог стал человеком, судится каждая душа. Беспечные и праздные застигаются врасплох, как были застигнуты старейшины Иерусалима. Говоря об этом, Иисус указывает не на отдаленное будущее, а на то, что происходит сегодня и всегда. «Наблюдайте же за собою, чтобы сердца ваши не отягощались хмелем, и опьянением, и заботами житейскими и чтобы не настиг вас внезапно день тот, как сеть». Близость Господа открыта лишь бодрствующим, прочие же остаются слепыми и неподготовленными. «Как во дни Ноя перед потопом ели и пили, женились и выходили замуж до того дня, как Ной вошел в ковчег», так и в любую эпоху люди живут, не подозревая о близости Судии.

Заповедь быть постоянно собранными и готовыми предстать перед Господом Иисус выразил в нескольких притчах, которые рассказывал вслед за пророчеством о Конце¹⁰. Их главный мотив:

приход или внезапное возвращение Того, Кто отсутствует. Это относилось и к ожиданию Мессии, и к Суду над миром после Его земного служения. Христос как бы готовил учеников к разлуке, во время которой они не должны поддаваться расслабленности и духовной спячке.

«Если бы,— говорил Он,— ведал хозяин дома, в какую стражу, т. е. время суток придет вор, он бодрствовал бы и не позволил подкопать дома своего». Человек должен быть также подобен слуге, которого господин оставил распоряжаться в доме. Благословен он, если будет исполнять волю господина в его отсутствие. «Если же скажет дурной раб в сердце своем: «медлит господин мой» и начнет бить других рабов, таких же, как он, есть и пить с пьяницами,— придет господин раба того в день, в который он не ожидает, и в час, которого не знает, и рассечет его надвое, т. е. изобличит, и подвергнет его одной участи с лицемерами: там будет плач и скрежет зубов».

Царство Божие, приходящее неожиданно, Христос уподобил в другой притче жениху, которого ждали однажды подружки невесты. По обычаю, им нужно было встретить его с горящими светильниками. Но из десяти девушек лишь пять запаслись маслом для ламп. Жених задержался в пути, и они заснули. В полночь раздался крик: «Жених идет!». Предусмотрительные вышли к нему навстречу, а у остальных светильники погасли: в них кончилось масло. Когда же они поспешили купить его и вернулись, дверь была уже заперта, и жених не впустил их.

Быть готовым — значит трудиться для Господа. Об этом учит четвертая эсхатологическая притча. Хозяин, уехав в далекую страну, оставил трем слугам разное количество талантов. (Талант — мера, равная 26 кг серебра.) Двое постарались приумножить полученное, а третий зарыл талант в землю. Вернувшийся господин по достоинству оценил труд рачительных слуг, а нерадивого наказал.

В чем же заключается этот труд? Ответ на вопрос содержит притча о Царе, Сыне Человеческом, Который отделяет злых от добрых, как пастух отделяет белых овец от черных коз.

Тогда скажет Царь тем, кто по правую сторону Его:

«Придите, благословенные Отца Моего,
наследуйте Царство,
уготованное вам от основания мира.
Ибо голоден был Я, и вы дали Мне есть,
жаждал, и — напоили Меня,
наг, и — одели Меня,
странником был, и — приняли Меня,

болен был, и — посетили Меня,
в тюрьме был, и — пришли ко Мне».

Тогда ответят Ему праведные:
«Господи, когда мы Тебя видели голодным, и накормили:
Или жаждущим, и напоили?
Когда же мы видели Тебя странником, и приняли,
или нагим, и одели?
Когда же мы видели Тебя больным или в тюрьме,
и пришли к Тебе?»

И ответит им Царь:
«Истинно говорю вам:
Сделав для одного из братьев Моих меньших,
вы для Меня сделали».
Тогда скажет и тем, кто по левую сторону:
«Идите от Меня, проклятые, в огонь вечный,
уготованный диаволу и ангелам его.
Ибо голоден был Я, и вы не дали Мне есть,
жаждал, и — не напоили Меня,
странником был, и — не приняли Меня,
наг, и — не одели Меня,
болен и в тюрьме, и — не посетили Меня».

Тогда ответят и они:
«Господи, когда мы видели Тебя голодным,
или жаждущим, или странником, или нагим,
или больным, или в тюрьме, и не послужили Тебе?»

Тогда Он ответит им:
«Истинно говорю вам:
не сделав для одного из этих меньших,
вы и для Меня не сделали».
И пойдут эти в муку вечную,
праведные же в жизнь вечную.

Итак, если для мира в целом время Суда скрыто непроницаемым покровом будущего, то каждый человек и сегодня уже стоит перед Сыном Человеческим и каждый испытывается Им. Царство Его здесь, «среди нас». Тонкая грань отделяет нас от горнила Божия. «Не знаете, — говорит Христос ученикам, — когда придет господин дома: вечером, или в полночь, или в пение петухов, или утром. Чтобы, придя внезапно, не нашел вас спящими: и что вам говорю — всем говорю: БОДРСТВУЙТЕ!»

Глава пятнадцатая

ПАСХА НОВОГО ЗАВЕТА

С вечера 5 апреля до ночи на 7-е

В то самое время, когда на Елеоне Христос вел с учениками беседу о последних днях, Иуда тайно проник во дворец Кайафы, чтобы встретиться с представителями власти. Он предложил саддукеям свой план: схватить Иисуса ночью вне города, не привлекая внимания толпы. Иуду, конечно, стали расспрашивать о замыслах Учителя и Его приверженцах. Вероятно, Искарriot сообщил, что Иисус, по его мнению, намерен провозгласить Царство Божие в день Пасхи¹.

Опасаясь, что это будет какой-нибудь новый дерзкий акт, вроде изгнания торговцев из храма, иерархи ухватились за возможность своевременно предотвратить соблазн. Хотя арест был сначала отложен на послепраздничные дни, содействие Иуды заставило Синедрион изменить решение, тем более, что он вызвался сам провести стражу к месту, где обычно укрывался Иисус. Раз вступив на путь предательства, Искарriot не мог остановиться. Теперь уже он был намерен извлечь и выгоду из своей измены. «Что хотите дать мне?» — спросил он, после чего архиереи немедленно заплатили ему за помощь². Получив деньги, Иуда как ни в чем не бывало вернулся к Учителю.

Утром в четверг Иисус велел апостолам готовиться к *седеру*, пасхальной трапезе. По уставу ее следовало начинать вечером 14 нисана, которое в том году приходилось на пятницу; но Господь знал о предательстве, знал, что Ему осталось быть на свободе меньше суток, и поэтому хотел успеть встретить Пасху в кругу учеников. Он придавал особое значение этому последнему в Его земной жизни празднику.

«Великим желанием возжелал Я вкусить эту пасху (в данном контексте — синоним пасхального агнца) вместе с вами прежде Моего страдания, — сказал Иисус, — ибо говорю вам: не буду вкушать ее, доколе не исполнится она в Царстве Божием»³. Апостолы поняли эти слова по-своему. Даже когда накануне Он говорил: «Вы знаете, что через два дня будет Пасха, и Сын Человеческий предан будет на распятие», они не верили в трагическую развязку и продолжали думать, что нынешний *седер* станет кануном Его торжества.

— Где нам приготовить пасху? — спросили ученики. Было бы надежней оставаться в Вифании, но Иисус послал их в город к одному из Своих тайных последователей. Пасха должна была совершиться по Закону — в Иерусалиме.

— Идите в город к такому-то, — велел Он Петру и Иоанну, — и скажите ему: «Учитель говорит: время Мое близко. У тебя Я совершу пасху с учениками Моими».

Оберегая эти драгоценные часы, Он принял меры предосторожности. Имя владельца дома было названо только двоим, Христос дал им знак: у ворот они встретят человека с кувшином, который и проводит их.

Обстановка секретности начинала беспокоить учеников: двое из них даже вооружились на случай внезапного нападения.

Неизвестно, можно ли было приобрести ягненка и совершить положенное жертвоприношение за день до праздника. Не исключено, что обычай позволял это, ибо тысячи и тысячи паломников желали принять участие в обряде⁴. Во всяком случае, неведомый друг Учителя позаботился обо всем.

На исходе дня Иисус с учениками пришел в Иерусалим. Впервые за эту неделю Он готовился провести там ночь. Хозяин уже ждал их. Большая верхняя комната была выметена и выстлана циновками. Все остатки квасного хлеба, по обычаю, были уничтожены. На столе находились лишь глиняные тарелки с опресноками, кувшины с вином, кубки. Об агнце, или самой «пасхе», евангелисты не упоминают, это традиционное блюдо. Каждая трапеза, сопровождавшаяся молитвами, считалась у иудеев своего рода обрядом. В ней участвовали только члены семей или маленькие братства, «хабурот». Места во время таких вечеров занимали по старшинству, которое строго соблюдалось. Поэтому апостолы, войдя, стали спорить: кто будет ближе к Учителю. Однако Иисус напомнил им, что не только в эту торжественную минуту, но и в любое время они должны побеждать всякое честолюбие.

Ветхозаветные пророчества нередко изображали мессианское Царство в виде пира⁵. Если судить по многим притчам Христа, Он дорожил этим символом. Для Него собравшиеся за праздничным столом братья олицетворяли мессианскую общину, Главой которой был Он Сам.

По тогдашнему обыкновению все возлегли на низких ложах: Иоанн рядом с Господом, Симон — напротив Него, поблизости находился и Иуда.

Священное событие Великого Четверга, которому предстояло жить в Таинстве Литургии, стать средоточием Церкви и которое будет запечатлено в молитвах и гимнах, в творениях Джотто, Дионисия, Леонардо, происходило в обстановке неприятельской простоты. Только присутствие Искарота, если бы апостолы знали о предательстве, могло омрачить вечерю. Но они пока ни о чем не догадывались.

Хотя законный срок седера наступал лишь на другой день, Христос, вероятно, во всем следовал пасхальному чину⁶. Это был Его праздник. Его «новая Пасха», знаменовавшая уже не исход на свободу и усыновление Богом одного народа, а искупительный дар всему миру.

В начале вечера полагалось в знак благоговения омыть руки. После этого Христос неожиданно встал, и, сняв верхнюю одежду, опоясался полотенцем. Двенадцать замерли в недоумении. Он же налил воду в кувшин и приготовился мыть ноги ученикам. На Востоке это делали слуги, встречавшие гостей после путешествия по пыльной дороге; но в Общине Христовой слуг не было и не должно было быть. Обязанности раба исполнил Сам Господь.

Невозможно описать крайнее смущение, в которое Иисус поверг присутствующих. Кифа, когда Он приблизился к нему, воскликнул:

— Ты ли мне моешь ноги?

— Что Я делаю, ты не знаешь теперь, но поймешь потом.

— Не умоешь ног моих вовек! — протестовал Симон.

— Если не умою тебя, ты не имеешь части со Мною.

Петр огорчился еще больше:

— Господи, не ноги мои только, но и руки, и голову!

— Омытого, — ответил Иисус, — нет нужды мыть, разве только ноги, но он чист весь. И вы чисты. Но не все⁷.

Это был первый в тот день намек на изменника, находившегося рядом с ними.

Когда Иисус вернулся на Свое место во главе стола, Он сказал: «Знаете ли, что Я сделал вам? Вы называете Меня Учителем и Господом, и правильно говорите, ибо Я действительно Учитель и Господь. Итак, если Я умыл ноги вам — Я, Господь и Учитель, — и вы должны друг другу умывать ноги. Ибо Я дал вам пример...

Я посреди вас — как служащий... Но вы — те, которые пребывали со Мною в испытаниях Моих, и Я завещаю вам — как завещал Мне Отец Мой — Царство, чтобы вы ели и пили за трапезою Моею в Царстве Моем»⁸.

По обыкновению вино смешали с водой, и каждый, наполнив свою чашу, читал над ней благодарственную молитву: «Благодарю Тебя, Господи Боже наш, Царь вселенной, создавший плод лозы виноградной». Затем слушали пасхальное словословие, рассказ об Исходе и ели агнца с горькими травами.

Спустилась ночь. В горнице зажгли светильники. Все заметили, что Учитель погружен в глубокую скорбь. Когда Он произнес слова псалма: «Ядущий со Мною поднял на Меня пяту»,

апостолы поняли, что Ему грозит неведомая, но близкая опасность. Наконец Иисус сказал прямо: «Один из вас предаст Меня. Он ест со Мною». В горестном смятении и страхе все стали переглядываться. «Не я ли?» — посыпались вопросы. Иуда, которого раздирали противоречивые чувства, тоже осмелился спросить: «Не я ли?..»

Что ответил ему Господь, никто не слышал, но Иуда понял: его замысел раскрыт. Иисус же, обратившись к остальным, сказал: «Сын Человеческий ждет, как написано о Нем. Но горе человеку тому, через которого Сын Человеческий предается. Лучше было бы не родиться человеку тому».

Неизвестность томила Петра. Не выдержав, он сделал знак своему молодому другу, возлежавшему с Учителем, чтобы тот спросил, кто предатель. На вопрос Иоанна Иисус чуть слышно ответил: «Тот, кому Я дам этот кусок хлеба, обмакнув его».

Кусок был протянут Искарриоту. Этот жест считался на трапезах признаком расположения и любви. Господь в последний раз хотел спасти гибнущую душу. Однако Иуда ожесточился еще больше. «Вошел в него сатана», — говорит евангелист. Теперь предатель уже ненавидел свою Жертву.

«Что делаешь, делай скорее», — твердо сказал Иисус, глядя на Иуду. Все подумали, что Он посылает его купить необходимое к завтрашнему празднику. Иуда встал и молча вышел. Ночной мрак поглотил его. Мосты были сожжены. Архиереи уже ждали своего сообщника.

Тревога не покидала Петра и Иоанна с того момента, как за Иудой закрылась дверь; но мрачная туча, нависшая над учениками, несколько рассеялась. Может быть, и Сам Иисус ощутил облегчение.

Вновь были омыты руки и разлито вино. Христос произнес молитву над лежащим перед Ним опресноком: «Благословен Ты, Господи Боже наш, Царь вселенной, выводящий хлеб из земли». В тот миг, когда Он преломил его, на апостолов словно повеяло ветром Галилеи. Казалось, они не в ночном Иерусалиме, а на берегу моря, где Иисус насытил пять тысяч. Но обряд напоминал и о другом. «Это хлеб страдания, который ели отцы наши в земле Египетской», — повторил Учитель традиционные слова седера. На сей же раз Пасха возвещает о страдании Служителя Господня, Мессии. Как разломлен этот священный хлеб, так будет отдана Его плоть в руки палачей.

«Возьмите — это тело Мое, ломимое за вас», — проговорил Христос и добавил: — Это делайте в воспоминание обо Мне...»

С трепетом принял каждый свою часть пасхального опреснока. Потом, стоя, пропели начало «халлела»:

Хвалите слуги Господа, хвалите имя Господне!
Да будет имя Господне благословенно
отныне и вовек,
От восхода солнца до запада
да прославится имя Господне.
Высок над всеми народами Господь,
над небесами слава Его...

Но вот Христос взял в руки «общую чашу благодарения», которую обычно пили в конце вечери.

— Благословим Бога нашего,— произнес Он.

— Благословен Господь Бог наш, Бог Израилев, Бог Саваоф, восседающий среди херувимов, за пищу, которую мы приняли,— отвечали по уставу апостолы.

— Благословим Того, Чью благодать мы вкушали.

— Благословен Ты, Чью благодать мы вкушали и Чьей благодатью мы живем...

В заключение славословия Иисус сказал:

— *Эта чаша есть Новый Завет в Моей крови. Пейте из нее все. Это есть кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая для отпущения грехов... Делайте это всегда в воспоминание обо Мне.*

Апостолы передавали чашу по кругу...

Так совершилась Пасха Завета, заключенного в крови Агнца.

Иисус не случайно сохранил в обряде жертвенную символику, ибо все древние алтари были призывом к небу и означали жажду общения с Высшим; последняя же трапеза Христова соединила верных с Ним, с воплощенным Сыном Божиим. На языке Библии «кровь и плоть» — синоним живого существа.

Кровь в Библии считалась символом жизни, над которой властен один Творец. Именно поэтому ее запрещалось употреблять в пищу. Между тем теперь Сам Спаситель мира отдавал Свою жизнь, Свою кровь людям.

Издавна заключение Завета сопровождалось окроплением верующих кровью животного, посвященного Богу. Все, на кого падали ее капли, обретали новое духовное родство и связь с Богом. Таков был смысл заклания пасхального агнца. Подобные обряды знал не только Израиль, но и большинство древних народов. Христос заменяет кровь жертвы соком виноградной лозы, вином трапезы, которая знаменует богочеловеческую жертву, страдания и торжество Мессии-Искупителя.

Пасхальное воспоминание об Исходе было перенесением

прошлого в настоящее. Мудрецы Израиля говорили, что *каждая* Пасха есть освобождение от рабства, совершающееся вновь и вновь. Точно так же и новозаветная Евхаристия означает причастность к спасению, которое Христос приносит людям, пребывание Господа с любящими Его. «Всякий раз,— скажет позднее апостол Павел,— когда вы едите хлеб и пьете эту чашу, вы смерть Господа возвещаете, доколе Он придет».

Время побеждено. Остается лишь таинство Воплощения. Присутствие Бога, явившегося в мир...

Только глубокая укорененность Евхаристии в культовой традиции Ветхого Завета позволила апостолам пережить ее в ту великую ночь как священнодействие, как таинство. Пусть они не могли еще выразить этого словами, но полнота единения с Господом и между собою стала для них реальностью.

«Дети Мои,— сказал Иисус,— еще недолго Я с вами... *Заповедь новую* даю вам: да любите друг друга. Как Я возлюбил вас, и вы да любите друг друга. По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою»⁹.

Это звучало как прощание. Тоска охватила апостолов. Они долго не решались задавать вопросы, но сегодня, во время седера, сам Закон повелевает спрашивать. Первым осмелился Петр.

— Господи, куда Ты идешь?

— Куда Я иду, ты не можешь *теперь* последовать за Мною, но последуешь после.

— Господи, почему я не могу за Тобою последовать теперь?

— Симон, Симон, вот сатана добился того, чтобы просеять вас, как пшеницу; но Я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя, и ты, некогда обратившись, утверди братьев твоих.

— Господи,— со свойственной ему горячностью вскричал Петр,— с Тобой я готов и в тюрьму, и на смерть идти! Я душу мою за Тебя положу!

— Душу твою за Меня положишь? — печально отозвался Иисус.— Истинно, истинно говорю тебе: петух не пропоет, как ты отречешься от Меня трижды.

Другие ученики тоже задавали вопросы. Иисус отвечал каждому. Он ободрял Своих растерянных друзей: «Да не смущается сердце ваше; веруйте в Бога и в Меня веруйте. В Доме Отца Моего обителей много. А если бы не было, разве Я не сказал бы вам: иду приготовить место вам? И когда пойду и приготовлю место вам, снова приду и возьму вас к Себе, чтобы, где Я, и вы были. А куда Я иду, вы знаете, и путь знаете».

— Господи,— сказал Фома,— мы не знаем, куда Ты идешь, и как нам знать путь?

— Я — путь, и истина, и жизнь. Никто не приходит к Отцу иначе, как через Меня. Если бы знали Меня, то и Отца Моего знали бы. И отныне вы знаете Его и видели Его.

— Господи, покажи нам Отца, и этого довольно нам,— сказал Филипп.

— Сколько времени Я с вами, и ты не познал Меня, Филипп? *Кто Меня увидел, увидел Отца...* Верьте Мне, что Я в Отце и Отец во Мне... Если любите Меня, заповеди Мои соблюдайте. И Я умолю Отца, и другого Утешителя даст вам, чтобы был с вами вовек,— Духа Истины, Которого мир не может принять, потому что не видит Его и не знает. Вы же знаете Его, потому что Он с вами пребывает и в вас будет. Не оставлю вас сиротами, приду к вам. Еще недолго, и уже мир Меня не увидит, но вы увидите Меня, потому что Я живу, и вы жить будете.

Иуда-Фаддей спросил:

— Господи, что это, что Ты нам хочешь являть Себя, а не миру?

— Если кто любит Меня, слово Мое соблюдет; и Отец Мой возлюбит его, и к нему мы придем, и обитель Себе у него сотворим. Не любящий Меня слов Моих не соблюдает. А слово Мое, которое вы слышите,— не Мое, но пославшего Меня Отца. Это Я сказал вам, с вами пребывая. Утешитель же, Дух Святой, Которого пошлет Отец во имя Мое. Он вас научит всему и напомним вам все, что я сказал вам.

Действительно, только много позже им открылась вся глубина слов Учителя. Он знал, что они понимают Его лишь сердцем, что разум их в смятении, а воля поколеблена. Он хотел подготовить их. Времена изменились, впереди борьба и искушения.

— Когда Я посылал вас без мешка, и сумы, и обуви,— спросил Он,— имели ли в чем недостаток?

— Ни в чем,— признали ученики.

— Но теперь, у кого есть мешок — пусть возьмет его; также и суму. И у кого нет — пусть продаст одежду свою и купит меч.

— Господи, вот здесь два меча...

— Довольно,— прервал Он, видя, что они не понимают.— Я уже не буду много говорить с вами, ибо идет князь мира и во Мне не имеет ничего... Вставайте, идем отсюда.

С пением псалма они покинули дом и по спящим улицам города направились к воротам.

— Все вы соблазнитесь из-за Меня в эту ночь,— сказал по пути Иисус,— ибо написано: «Поражу пастыря, и будут

рассеяны овцы». По восстании же Моем Я предварю вас в Галилее».

Петр продолжал настаивать:

— Если и все соблазняются, я никогда не соблазнюсь.

Точно так же и другие говорили Учителю о своей преданности.

Глава шестнадцатая

НОЧЬ В ГЕФСИМАНИИ

С 6 на 7 апреля

Покидать дом в ночь пасхальной трапезы не полагалось, но Иисус нарушил это правило, вероятно заботясь об учениках. В горнице их легко могли взять вместе с Ним. Не исключено, что Иуда сначала удостоверился, что дом опустел, лишь потом повел стражу в глухой сад за Кедром, где Учитель часто уединялся с Двенадцатью.

По пути Христос продолжал беседовать с учениками. Он объяснял им смысл таинства Чаши, которое слило причастников в единое целое. «Я — истинная виноградная лоза, — говорил Господь, — и Отец Мой — виноградарь. Всякую ветвь на Мне, не приносящую плода, Он удаляет, и всякую, приносящую плод, — очищает, чтобы больший плод приносила... Как ветвь не может приносить плода сама собой, если не пребывает на лозе, так не можете и вы, если во Мне не пребываете. Я — лоза, вы — ветви»¹.

Иисус говорил о Духе — Заступнике и Утешителе, Чья сила преобразит апостолов, когда Сына Человеческого не будет с ними. «Еще многое имею вам сказать, но теперь вам не под силу. Когда придет Он — Дух Истины, Он введет вас во всю истину».

Церкви предстоит, как и Христу, пройти через крещение скорбью и испить чашу страданий. Но разлука будет временной. Ученики не должны унывать, расставаясь с Христом. Он вернется к ним. «Истинно, истинно говорю вам: вы будете плакать и рыдать, а мир будет радоваться. Вы печальны будете, но печаль ваша в радость обратится. Женщина, когда рождает, печаль имеет, потому что пришел час ее. Когда же родит дитя, уже не помнит скорби от радости, что родился человек в мир. И вы теперь печаль имеете, но Я снова увижу вас, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отнимет у вас. И в тот день вы не спросите Меня ни о чем».

Посланцы Мессии избраны для великого служения, и Он при-

ведет их в Царство Отца. «Сам Отец любит вас, потому что вы Меня возлюбили и уверовали, что Я от Бога исшел; исшел от Отца и пришел в мир. Снова оставляю мир и иду к Отцу».

Им показалось, что они начинают прозревать.

— Вот теперь Ты открыто говоришь и притчи никакой не говоришь. Теперь мы знаем, что Ты знаешь все и не имеешь нужды, чтобы кто Тебя вопрошал, т. е. подвергал испытанию, как испытывают того, в чьей мудрости сомневаются. Поэтому веруем, что Ты от Бога исшел.

— Теперь веруете? — сказал Иисус. — Вот приходит час — и пришел, что вы рассеетесь, каждый сам по себе, и Меня оставите одного. Но Я не один, потому что Отец со Мною.

Он не упрекал учеников, напротив, хотел вселить в них стойкость. «В мире скорбь имеете, но дерзайте: Я победил мир».

Когда проходили близ храма, Иисус остановился. Безмолвно застыли темные громады крепости и святилища. Утром здесь будет совершаться богослужение и тысячи людей принесут пасхальных агнцев к алтарю. Но спящий город не подозревал, что в эту ночь у стен Дома Божия окруженный одиннадцатью робкими галилеянами молился вселенский Первосвященник и Спаситель. Он просил Отца сохранить Свое малое стадо среди враждебного ему мира. «И не только о них молю,— говорил Он,— подняв глаза к звездному небу,— но и о верующих в Меня по слову их, чтобы все едино были, как Ты, Отче, во Мне и Я в Тебе, чтобы и они в нас были. Чтобы веровал мир, Ты послал Меня». Грядущий храм Церкви Христовой озарялся лучами божественного Троиинства...

В Иерусалиме до наших дней сохранились стертые ступени древней каменной лестницы. Быть может, именно по ней спускался Иисус, направляясь из города к Елеону. Перейдя Кедронский овраг, Он не пошел в Вифанию, а предпочел остаться в Гефсиманском саду. Это было небольшое частное владение, обнесенное стеной, где находилась оливковая роща².

Полная луна серебрила листву и рождала отблески на изогнутых стволах деревьев. Ничто не нарушало молчания холодной весенней ночи. Ученики, войдя в ограду, стали располагаться на отдых. «Посидите здесь, а Я тем временем пойду туда и помолюсь», — сказал Иисус, указывая в глубину сада.

Петр, Иаков и Иоанн, которых Он взял с Собой не могли не заметить внезапной перемены в Учителе. Только что Он был исполнен силы и просветленного покоя, теперь же весь Его облик выражал безмерную муку. «Душа Моя скорбит смертельно,— проговорил Он.— Побудьте здесь и бодрствуйте». Впервые апос-

толы ощутили, что Ему нужна человеческая поддержка, но были не в состоянии исполнить просьбу Иисуса. Как это порой бывает в момент крайней тревоги, дремота, похожая на оцепенение, сковала их³.

Христос отошел в сторону и, упав на колени, начал горячо молиться. Ученики находились недалеко, как говорит Евангелие, «на расстоянии брошенного камня», и отдельные слова Иисуса долетали до них. «Авва, Отче,— слышали они в полузабытьи,— все возможно тебе! Пронеси эту чашу мимо Меня. Но не чего Я хочу, а чего Ты... Не Моя воля, но Твоя да будет».

Он молился. Апостолы спали.

А на улицах Иерусалима уже раздавались шаги стражи...

Что испытал Сын Человеческий, когда лежал на холодной земле в томлении духа? Мог ли то быть лишь естественный страх перед пытками и смертью? Но ведь его побеждали и более слабые. Почему же поколебался Тот, Кто будет опорой для миллионов?

Нам не дано проникнуть в глубину смертного борения, свидетелем которого был старый оливковый сад. Но те, кому Христос открылся в любви и вере, знают самое главное: Он страдал за нас. Он выбрал в Себя боль и проклятие веков, мрак человеческого греха, пережил весь ужас и ад богооставленности. Ночь, лишенная надежды, обступала Его; Христос добровольно спускался в пропасть, чтобы, сойдя в нее, вывести нас оттуда к немеркнущему свету...

Что проносилось перед Его мысленным взором? Картины будущего? Гонения, войны, насилия? Отступничество Его последователей, их неблагодарность и маловерие, их жестокосердие и фарисейство? Это было искушение более тяжкое, чем то, через которое Он прошел в пустыне. Никогда еще человеческое сознание Христа с такой силой не противилось ожидавшему Его кресту, как в час Гефсиманской молитвы. Вот почему Он просил любимых учеников не оставлять Его.

«Симон, ты спишь? — пытался разбудить Иисус Петра. — Не мог ты один час пободрствовать?» Тот поднимался, видел лицо Учителя, изможденное, покрытое, как кровью, каплями пота, но дремота вновь одолевала его. Другие попытки оказались тоже напрасными.

Так, всеми покинутый, страдал Иисус один на один с надвигающимся мраком. Евангелист Лука говорит, что лишь ангел укреплял Его. Это значит, что, не найдя земной поддержки, Он обрел ее в Небе.

Наконец Иисус поднялся. Любовь к Отцу восторжествовала и утвердила в Нем согласие человеческой и божественной воли.

Теперь его заботили только апостолы. Подойдя, Он заставил их стряхнуть с себя сон. «Что вы спите? Встаньте и молитесь, чтобы не впасть вам в искушение... Идем. Вот предающий Меня близко». Они встали, ошеломленно озираясь.

В это мгновение сад осветился фонарями и факелами, послышались шум и голоса. У входа показалась толпа людей. Впереди шел римский трибун с солдатами, за ними — вооруженные храмовые служители⁴.

Иисус двинулся навстречу.

— Кого ищите? — спросил Он.

— Иисуса Назарянина.

— Я *есмь*, — ответил Христос священной формулой имени Божия.

Иудейская стража, услыша ее, шарахнулась в сторону. Он же сказал:

— Если Меня ищите, оставьте этих, пусть идут.

Тогда вперед протиснулся Иуда. Он обещал дать знак, чтобы при аресте в ночном саду не произошло ошибки.

— Приветствую Тебя, Равви! — сказал он, целуя Учителя.

— Друг, вот для чего ты здесь! — промолвил Иисус. — Поцелуем предаешь Сына Человеческого?

Стража немедленно окружила Христа.

— Господи, что если мы ударим мечом? — сказал Петр и, не дожидаясь ответа, бросился на одного из тех кто начал вязать Учителя. Удар вышел неловким. Рыбак лишь отсек ухо архиерейскому слуге. Его, конечно, тут же схватили бы, но все внимание было сосредоточено на Христе.

«Оставьте, довольно! — сказал Он апостолам. — Чашу, которую дал Мне Отец, неужели Я не стану пить ее?» Он повернулся к отряду: «Как на разбойника вышли вы с мечами и кольями задержать Меня. Каждый день сидел Я и учил в храме, и вы не взяли Меня. Но этот час ваш, и власть — тьмы».

Быть может, ученики ждали в этот момент чуда, но чуда не произошло.

Грубые руки скручивали Иисуса веревками...

Иуда, боясь, что шум привлечет ненужных свидетелей и может подняться возмущение, торопил воинов: «Возьмите Его и ведите под надежной охраной». После этого пытались задержать и остальных, но они, воспользовавшись темнотой и сумятицей, разбежались.

Когда Иисуса выводили из сада, все, казалось, было спокой-

но. Замысел врагов удался вполне. Однако неожиданно появился какой-то юноша. Он шел сзади, завернувшись в покрывало. Конвойные, думая, что это один из учеников, схватили его, но он вырвался и, оставив покрывало, убежал нагой. По-видимому, он только что встал с постели. Не был ли тем юношей сам Иоанн-Марк, будущий евангелист? Только он упоминает об этой подробности.

Согласно славянской версии «Войны» Иосифа Флавия, при аресте Иисуса погибло множество народа⁵. Не оказались ли вблизи некоторые галилеяне, сделавшие попытку отбить Учителя? Однако в Евангелиях без всякого смягчения сказано, что, когда Иисус был схвачен врагами, все друзья Его скрылись. При виде Учителя, Который покорно дал увести Себя, их охватила паника, и они забыли, как обещали идти за Ним на смерть. Только Петр и Иоанн, придя в себя после первого потрясения, осмелились последовать за стражей на безопасном расстоянии.

[Часть четвертая]

ЧЕРЕЗ
СТРАДАНИЯ
И СМЕРТЬ
К ВЕЧНОМУ
ТОРЖЕСТВУ

«Спас»
Первая половина XVI века,
Псков

Глава семнадцатая

САДДУКЕЙСКИЙ ТРИБУНАЛ

Ночь и утро 7 апреля

Пятнадцать лет прошло с тех пор, как первосвященник Ханан бен Шет был смещен римлянами, тем не менее фактически все это время он находился у власти. Национальное правительство Иудеи поочередно возглавляли его сыновья и родственники. Кайафа, зять Ханана, стал игрушкой в руках тестя. Влиятельный саддукейский клан подчинялся только прокуратору.

В народе Ханан не завоевал популярности, архиереев вообще недолгоблюдали. Они же в свою очередь с подозрением относились к любым признакам оппозиции. Появление Иисуса в городе и встреча, устроенная Ему богомольцами, были расценены саддукеями как начало беспорядков, которые следует подавить в зародыше. Проще всего, казалось, было донести Пилату о новой мессианской секте и предоставить ему расправиться с Галилеянином. Но Ханан, видимо, боялся выпустить инициативу из рук и хотел действовать наверняка, подготовив заранее все улики. Чтобы арест Иисуса не выглядел самоуправством, о нем сообщили Пилату, и тот послал свой отряд в помощь храмовым служителям¹. Эти меры предосторожности были вызваны опасением властей, думавших, что приверженцы Назарянина будут сопротивляться.

В эту ночь Ханан, вероятно, не сомкнул глаз, ожидая исхода акции, организатором которой он был. Он успокоился лишь тогда, когда конвой доставил к нему связанного Узника.

До сих пор саддукеи мало интересовались самой проповедью Иисуса. Они слышали от фарисеев, что Он нарушил некоторые религиозные обычаи, но с такими обвинениями вести Его к прокуратору не имело смысла. Поэтому Ханан стал спрашивать Иисуса «об учениках Его и об учении Его». Старому жрецу хотелось знать подробности, чтобы быстрее составить план следствия и завершить его до начала пасхального богослужения.

— Я все открыто сказал миру,— ответил Иисус.— Я всегда учил в синагогах и в храме, где все иудеи собираются, и тайно не говорил ничего. Почему ты Меня спрашиваешь? Спроси слышавших, что Я говорил им. Они знают, что сказал Я.

Стоявший рядом слуга ударил Иисуса по лицу:

— Так-то отвечаешь Ты первосвященнику?

— Если Я плохо сказал, свидетельствуй о том, что плохо. Если хорошо, почему ты Меня бьешь?

Ханан знал, что обычай разрешает только публичный допрос, и отложил дознание до утра, когда можно будет собрать Синедрион во главе с Кайафой.

Остаток ночи Иисус терпел издевательства архиерейской челяди. Ему плевали в лицо и развлекались тем, что били Узника, закрыв Ему глаза, а потом спрашивали: прорекли, кто ударил Тебя?..

Между тем Петр и Иоанн подошли к дому первосвященника. Юноша, которого здесь знали, попросил, чтобы и Петра пропустили с ним во двор. Там находилась жаровня, около нее сидели, греясь, слуги. Продрогший Симон присоединился к ним. Привратница стала подозрительно вглядываться в его лицо.

— И ты с Назарянином был, с Иисусом,— внезапно сказала она.

— Не знаю и не понимаю, что ты говоришь,— пробормотал Петр и отошел в другое место².

Наступило утро. Город просыпался. У Кайафы был собран «Малый Синедрион». В него входили священники и старейшины. На «Великий Синедрион» допускались и представители фарисейской партии, но сейчас судьями были только саддукеи. Поэтому мы напрасно стали бы искать в талмудических кодексах подробностей, которые помогли бы увидеть процесс в деталях. О саддукейском же праве известно только одно: оно отличалось неумолимой жестокостью³.

В присутствии фарисеев речь обязательно зашла бы о субботе и толковании Торы; кроме того, в их среде были колебания относительно Иисуса. Год спустя глава фарисейского Совета Гамалиил скажет об апостолах: «Если от людей начинание это или дело это — оно будет разрушено. А если от Бога, то вы не можете одолеть их. Как бы вам не оказаться богоборцами». Позднее фарисейская партия в Синедрионе открыто выступит в защиту апостола Павла⁴. Но совершенно иной была атмосфера на экстренном заседании «Малого Синедриона» утром 7 апреля 30 года. Судьба Назарянина была предопределена заранее при полном единодушии всей коллегии.

Вероятно, трибунал хотел одновременно соблюсти видимость законности и дискредитировать Иисуса в глазах иудеев. Если бы Он оказался виновен только перед римскими властями, это привлекло бы к Нему симпатии народа.

Разбирательство началось с допроса свидетелей. Но тут Синедрион постигла неудача. Требовалось согласное показание хотя бы двух лиц, но именно этого не смогли сразу добиться. Очевидно, поспешность ареста все же помешала тщательно под-

готовить сценарий суда. Лишь одно обвинение сочли доказанным: Иисус обещал «разрушить храм рукотворный». Но подобные слова были явно недостаточны для осуждения, тем более для ходатайства перед Пилатом о смертной казни⁵. Кайафа надеялся, что Сам Обвиняемый, защищаясь, невольно даст улики против Себя. Но Иисус не произнес ни слова. Тогда первосвященник вышел на середину зала и спросил:

— Ты не отвечаешь ничего? Что они против Тебя свидетельствуют?

Иисус продолжал хранить молчание.

Ждать дольше Кайафа не мог.

— Заклинаю Тебя Богом Живым,— воскликнул он,— скажи нам: Ты ли Мессия, Сын Благословленного?

— Я,— был ответ.— Но Я говорю вам: отныне увидите Сына Человеческого, восседающего по правую сторону Силы и грядущего на облаках небесных.

Это было беспримерное свидетельство. Редко когда Иисус говорил столь прямо о Своем мессианстве. Он скрывал его даже в те дни, когда народ готов был венчать Его на царство. Но сейчас, в этот страшный миг, связанный, подвергнутый оскорблениям, жертва лживого судилища, Он открыто возвестил о неземном торжестве Сына Человеческого, Которого испупительные страдания возведут на престол...

Кайафа, как и все саддукеи, не очень-то верил в мессианские пророчества, да и вообще нельзя было вменять человеку в вину только то, что он объявил себя Мессией. Однако повод для приговора был найден. Подсудимый произнес сокровенное имя Господне — «Я есмь». Но кто Он такой? Безвестный простолудин, бунтовщик, хулитель храма, несущий ответ перед Законом! И Он притязает на божественную власть! Это ли не насмешка над святыми чаяниями народа?

— Итак, Ты — Сын Божий?— спросил Кайафа.

— Ты сказал.

Называть Мессию Сыном Божиим вполне допускалось, но первосвященнику этих слов было достаточно, чтобы обвинить Иисуса⁶. Разодрав одежды, как принято было делать при горестном известии или кошунстве, Кайафа вскричал в лицемерном ужасе:

— Какая нам еще нужда в свидетелях? Вы слышали хулу? Как вам кажется?

— Повинен смерти,— решили члены Синедриона.

Таким образом, приговор саддукеев был подведен под параграф о святотатцах. Виновного полагалось побивать камнями,

но архиерейский Совет не имел права казнить кого бы то ни было. Оставалось передать Иисуса в руки Пилата для суда по римским законам. Все это время Петр не покидал двора. Но напрасно надеялся он остаться в тени; слуга, приходивший в Гефсиманию с отрядом, узнал его.

— Не тебя ли я видел в саду с Ним?

— Точно, ты один из них,— подтвердили стоявшие рядом,— и говор твой обличает тебя: ты ведь галилеянин?

Безумный страх овладел Симоном. Он стал клятвенно уверять, что «не знает Человека того». В эту минуту наверху по галерее проводили Иисуса. Его глаза встретились с глазами Кифы. Стыд и боль пронзили апостола. Еле сдерживая рыдания, он поспешил на улицу...

Среди людей, ждавший у ворот, был еще один из Двенадцати. Что пережил он, когда увидел дело своих рук? Все было кончено. Холодная озлобленность ренегата сменилась неподдельным отчаянием. Пусть Иуда и обманулся в своих ожиданиях, но заслужил ли Иисус те мучения, которые ждут Его, заслужил ли смерть? Быть может, Иуда втайне ждал, что сторонники освободят Христа или Он Сам чудом ускользнет от врагов. Но ничего подобного не произошло. От слуг бывшему ученику стал известен приговор, мог он и видеть, как связанного учителя повели в резиденцию прокуратора. Не вынеся этого, Иуда отправился к тем, кто вручил ему деньги, чтобы вернуть их.

— Согрешил я, продав кровь невинную,— заявил он. Но в ответ услышал равнодушные слова:

— Какое нам дело? Смотри сам.

Иуда, бросив деньги в Храме, выбежал вон. Вскоре, как сообщает евангелист Матфей, он сам вынес себе приговор и сам исполнил его⁷.

Глава восемнадцатая

СУД ПРОКУРАТОРА

7 апреля

Преторию, временную резиденцию Понтия Пилата, опоясывали толстые стены; внутри же крепость была оборудована с роскошью, подобающей царскому дворцу. Там были просторные галереи, покои, богато обставленные залы для приемов. Дорогая утварь и украшения сохранились еще со времен Ирода Великого. Иосиф Флавий, видевший ансамбль до его разрушения, в востор-

женных словах описывал это детище последнего тирана Иудеи. Теперь здесь останавливался прокуратор, когда необходимость вынуждала его покидать Кесарию.

Утром в пятницу Пилату доложили, что Мятежник, Который с его согласия был арестован накануне вечером, доставлен под вооруженной охраной¹. Приказав сторожить Его в претории, Пилат вызвал к себе обвинителей и свидетелей. Однако ему сказали, что они не желают войти: быть в доме язычника в день пасхальных обрядов считалось у иудеев осквернением. Раздраженный правитель вынужден был сам выйти к ним на открытый помост, с которого обычно обращался к народу.

У помоста стояли священники и старейшины в сопровождении толпы. Хотя город был занят приготовлениями к Пасхе, архиереям удалось найти праздных зевак, чтобы те криками поддерживали их петицию.

— Какое обвинение вы выставляете против этого Человека?— спросил Пилат. Когда же он понял, что Назарянин является в их глазах проповедником ложных теорий, он сказал:

— Возьмите Его вы и по Закону вашему судите.

Однако Ханан и Кайафа были уже готовы к такому повороту дела. Прокуратору объяснили, что речь идет о политическом преступлении, поскольку Иисус «запрещает платить налоги кесарю и называет Себя Мессией, Царем». Пилат насторожился. В том, что архиереи озабочены престижем римского правительства, не было ничего удивительного. Прожив в Иудее четыре года, он уже знал, что интересы иерархии совпадали с интересами Рима. Она боялась собственного народа. По-видимому, действительно предстоит серьезный процесс.

Пилат вернулся в преторию, чтобы допросить Арестованного. Собравшиеся напряженно ждали. Минуты шли за минутами.

Результат допроса оказался неожиданным. Став на возвышении, Пилат сказал:

— Я не нахожу вины в этом Человеке.

Это могло показаться странным. Почему прокуратор, известный своей беспощадностью, проявил сегодня столь необычную мягкость? Что произошло в претории?

Разговор Пилата с Иисусом не мог остаться тайной. Он шел при свидетелях — слугах и карауле. Кто-то из них рассказал о подробностях, которые были бережно сохранены первым поколением христиан.

Прежде всего прокуратор задал вопрос:

— Ты Царь иудейский?

— От себя ли ты это говоришь?— в свою очередь спросил Иисус.— Или другие сказали тебе обо мне?

— Разве я иудей?— презрительно заметил Пилат.— Народ Твой и первосвященники предали Тебя мне. Что Ты сделал?

— Царство Мое не от мира сего,— сказал Иисус.— Если бы от мира сего было Царство Мое, служители Мои боролись бы за то, чтобы Я не был предан иудеям. Теперь же Царство Мое не отсюда.

Прокуратор из всего этого уловил лишь одно: Подсудимый действительно претендует на какую-то власть.

— Ты все-таки Царь?— пожелал уточнить он.

— Ты говоришь, что Я Царь.

Это была обычная на Востоке форма утвердительного ответа. Но тут же, чтобы рассеять заблуждение Пилата, Иисус добавил:

— Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать об истине. Всякий, кто от истины, слушает Моего голоса.

Слова Иисуса показались римлянину лишены смысла. Как многие его соотечественники, Пилат был скептиком.

— Что есть истина?— усмехнулся он.

Он решил, что имеет дело с Проповедником, Который едва ли опасен для режима. К тому же прокуратор вовсе не хотел вмешиваться в религиозные распри и тем более идти на поводу у иерусалимских интриганов. Довольно он делал уступок этим варварам! Настал для них случай убедиться, что такое нелепое имперское правосудие. Его часто обвиняли в незаконных расправах. Так вот теперь он будет безупречен и заодно покажет, кто подлинный хозяин в Иерусалиме...

Однако Синедрион не собирался брать назад свои требования. Снова посыпались обвинения, приводились новые улики. Кричали, что Иисус «возбуждает народ, уча по всей Иудее, начав с Галилеи».

— Этот Человек из Галилеи?— спросил Пилат. У него возникла мысль если не избавиться от процесса, то хотя бы подтвердить свое мнение у компетентного лица, лучше знающего местные обычаи. Он приказал отвести Иисуса в Хасмонейский дворец, куда на время Пасхи прибыл тетрарх Галилеи.

Все эти годы отношения между прокуратором и Антипой были натянутые. Оба подчинялись легату Сирии, но Антипа хотел бы видеть себя единственным хозяином страны. Отсылая Галилеянина к Ироду, правитель Иудеи достигал двух целей: примирялся с соперником, происки которого были для него опасны, и облегчал себе задачу в запутанном деле.

Тетрарх был польщен жестом римлянина. Его обрадовала также возможность увидеть Назарянина, молва о Котором будила его любопытство и тревогу. Вот Он наконец перед ним, загадочный Пророк, превзошедший, как говорили, самого Иоанна! Быть может, Он покажет какое-нибудь знамение, чтобы скрасить Ироду скучные дни в Иерусалиме? Но его постигло разочарование. Иисус не ответил ни на один его вопрос, и никакого чуда от Него нельзя было добиться. Антипа сразу потерял к Нему интерес. Обвинения архиереев он пропустил мимо ушей. Поиздевавшись со своими воинами над Иисусом, он велел одеть его в шутовской царский наряд и отослать обратно к Пилату. Это был знак примирения между двумя представителями власти.

Пилат пришел к выводу, что духовенство просто из зависти мстит популярному Проповеднику, согласно же римскому закону, осудить Его на смерть нет оснований. Он опять вышел на помост и, сев в судейское кресло, объявил: «Вы привели ко мне этого Человека, как смущающего народ. И вот я, произведя расследование в вашем присутствии, не нашел за этим Человеком никакой вины из тех, что вы выставляете против Него. Но не нашел и Ирод, ибо он отослал Его к нам. И вот ничего достойного смерти Он не совершил. Итак, *наказав* Его, отпускаю».

Он считал бичевание достаточной мерой устрашения для Человека, Который Своими словами нарушил общественное спокойствие.

Архиереи поняли, что их план близок к крушению. Они стали шумно протестовать. Пилат же, надеясь найти поддержку в толпе, сказал, что освободит Иисуса хотя бы ради праздника. В тюрьме ждали казни на кресте три бунтовщика, в числе которых находился некий Иисус бар-Абба, узник, хорошо известный в городе². Обвинители воспользовались этим и стали требовать, чтобы был отпущен именно он. Подстрекаемая ими толпа начала выкрикивать это имя. Варавву в Иерусалиме не только знали, но и считали героем, а Иисус был пришелец, имя которого мало что говорило горожанам. Даже когда Пилат назвал Галилеянина «Царем иудейским», это не повлияло на толпу, хотевшую избавить Варавву от казни.

Пилат, однако, не спешил. Против собственной воли он проникся сочувствием к Обвиняемому. Его желание настоять на своем еще больше окрепло после того, как жена прислала к нему слугу, прося за «Праведника». Она уверяла, что во сне ей было грозное предостережение о Нем, а римляне, даже неверующие, придавали большое значение снам. Словом, все сходилось к тому, что Пилату не следует менять своего приговора.

По его приказу Узник был отведен в караульное помещение претории и отдан в руки палачей. Там собралась вся когорта, вероятно, та самая, которая участвовала в задержании Иисуса. Его привязали к столбу и подвергли бичеванию. В ход были пущены римские бичи с шипами, которые раздирали тело до крови. После такой экзекуции человек обычно находился в полу-обморочном состоянии, но солдат это только забавляло.

У Пилата служили в основном греки, самаряне и сирийцы, ненавидевшие иудеев³. Пользуясь случаем, эти люди выместили всю свою злобу на Страдальце. Затем один из воинов накинул на Него свой красный плащ, другой сунул Ему в руки палку, чтобы Он походил на шутовского царя. На голову Иисуса надели импровизированную «корону», сплетенную из терновника. Все это время Он не проронил ни слова. Солдаты же кланялись Ему до земли и кричали: «Да здравствует Царь иудейский!». Некоторые из них плевали на Иисуса и били Его палкой по лицу и по голове.

Пилат думал, что можно ограничиться этим наказанием, но пока длилось бичевание, архиереи не теряли времени и возбудили толпу до крайности. Сейчас уже все в один голос требовали, чтобы Назарянин был отдан на распятие вместо Вараввы.

Едва на помосте появился Иисус, жестоко избитый, израненный, в кровавом плаще, как над площадью пронесся крик: «На крест! Распни Его!» — «Вот он перед вами!» — воскликнул прокуратор пытаясь, вероятно, сказать, что именно Он достоин быть освобожденным. Но в ответ слышались вопли: «Варавву! Отпусти нам Варавву!...» Пилат не знал, что и подумать. Он велел снова увести Иисуса.

— Какое же зло сделал Он? Возьмите Его вы и распните, ибо я не нахожу в Нем вины,— с досадой сказал он.

— У нас есть Закон,— ответили книжники,— и по Закону Он должен умереть, потому что сделал Себя Сыном Божиим.

Суеверный страх закрался в душу римлянина. Он отказывался понимать происходящее.

— Откуда Ты?— спросил он Христа, вернувшись в преторию. Иисус молчал.

— Мне ли не отвечаешь? Разве Ты не знаешь, что я власть имею отпустить Тебя и власть имею распять Тебя?

— Ты не имел бы надо Мной никакой власти,— сказал Узник,— если бы не было дано тебе свыше. Поэтому тот, кто Меня предал тебе, больший грех имеет.

Эти слова понравились Пилату. Он больше был не намерен торговаться и ронять свой престиж. Однако, когда он в последний раз занял судейское кресло, его ждал неприятный сюрприз.

Обвинители выдвинули новый, но самый веский аргумент: Галилеянин называл Себя Мессией, за это одно Его следует считать бунтовщиком. «Если ты Этогопустишь, ты не друг кесарю,— говорили они.— Всякий, делающий себя царем, восстает против кесаря».

«Пилат отлично уловил угрозу и понял, что речь идет о его собственном благополучии. Зная строгость Тиберия, пристально наблюдавшего за спокойствием провинций, он и без того имел основания опасаться. Жалобы на его бесчинства все чаще стали приходить в Рим. Недруги прокуратора могли использовать этот процесс против него, а Пилат отнюдь не хотел лишаться выгодной должности и нести ответ перед легатом Сирии или самим императором. Уже колеблясь, он сделал слабую попытку еще раз повлиять на чувства толпы. Иисус был поставлен на возвышение — Габатту, или Лифостротон, и, указав на Него, прокуратор воскликнул:

— Вот Царь ваш!

— Долой, долой! Распни Его!— завывала чернь.

— Распятъ вашего царя?

— Нет у нас царя, кроме Цезаря!— ответили архиереи.

Такое верноподданническое заявление не оставило Пилату выбора. В конце концов, что для него судьба какого-то еврейского Пророка, когда на карту поставлено его, Пилата, благополучие? Желая показать, что он действует не по Закону, а в угоду просьбам, прокуратор велел принести воды и, как требовал восточный обычай, демонстративно умыл руки: «Не виновен я в крови Праведника». Но люди у помоста по-прежнему бушевали, нисколько не смущаясь жестом судьи. «Кровь Его на нас и на детях наших»,— кричали они, давая понять, что все совершается по их настоянию⁴.

Весть о помиловании Иисуса Вараввы была встречена шумными овациями; и в них потонули слова приговора, обращенные к Иисусу Назарянину: «Ты будешь распят».

Осужденный был передан в руки солдат.

Глава девятнадцатая

ГОЛГОФА

7 апреля

В Иерусалиме до сих пор показывают «Скорбный путь», по которому люди вели на смерть Спасителя мира. С евангельских времен многое изменилось в топографии города, и поэтому трудно отстаивать достоверность предания. Несомненно, однако,

что именно по такой же узкой восточной улице двигалась процессия, вышедшая из претории в полдень пасхальной пятницы 14 нисана¹.

Никого из близких не было рядом с осужденным. Он шел в окружении угрюмых солдат; два преступника, вероятно сообщники Вараввы, делили с Ним путь к месту казни. Каждый имел табличку с указанием его вины. Та, что висела на груди Христа, была написана на трех языках: еврейском, греческом и латинском, чтобы все могли прочесть ее. Она гласила: «Иисус Назарянин, Царь иудейский».

Синедрион пытался протестовать против такой надписи, видя в ней оскорбление патриотических чувств народа. Но Пилат на этот раз остался непреклонен. «Что я написал — то написал», — ответил он, довольный, что хотя бы таким образом смог досадить людям, принудившим его к уступке.

По жестокому правилу обреченные сами несли перекладки крестов, на которых их распинали... Иисус шел медленно. Он был истерзан бичами и ослабел после бессонной ночи. Власти же стремились кончить с делом поскорее, до начала торжеств. Поэтому центурион задержал некоего Симона, иудея из Киренейской общины, который шел со своего поля в Иерусалим; и приказал ему нести крест Назарянина. Впоследствии сыновья этого человека стали христианами и, вероятно, от него узнали основные подробности Голгофской трагедии².

У Эфраимских ворот шествие окружили люди. Послышались плач и причитания женщин. Иисус повернулся к ним и впервые за долгое время заговорил: «Дочери иерусалимские, — сказал Он, — не плачьте обо Мне, но о себе плачьте и о детях ваших. Ибо вот приходят дни, когда скажут: «Счастливы неплодные и утробы, никогда не рождавшие, и сосцы, никогда не питавшие!». Тогда начнут говорить горам: падите на нас! — и холмам: покройте нас! Ибо если с зеленеющим деревом это делают, то с сухим что будет?». В эти последние часы он продолжал думать об участи, которая постигнет Иерусалим через сорок лет...

Выйдя из города, повернули к крутому главному холму, расположенному недалеко от стен, у дороги. За свою форму он получил название *Голгофа* — «Череп», или «Лобное место»³. На его вершине должны были поставить кресты. Римляне всегда распинали осужденных вдоль людных путей, чтобы их видом устрашать непокорных. На холме казнимым поднесли напиток, притупляющий чувства. Его делали еврейские женщины для облегчения мук распятых. Но Иисус отказался от питья, готовясь перенести все в полном сознании.

Распятие на кресте не только считалось позорным концом, но и было одной из самых бесчеловечных казней, какие изобрел древний мир. Оно соединяло физическую пытку с нравственным унижением. Не случайно в империи от этого «ужаснейшего и гнуснейшего» вида смерти избавляли всех, кто имел римское гражданство. Распинали обычно мятежных варваров и рабов. Заимствованная римлянами из Карфагена казнь широко применялась уже в дни Республики.

Осужденного нагим привязывали, а иногда и прибавляли к столбу с перекладной и оставляли на медленное умирание⁴. Удушье мучило его, солнце жгло голову, все тело затекало от неестественного положения, раны воспалялись, причиняя нестерпимую боль. Он звал смерть, как освобождение, но она не приходила. Бывали случаи, когда люди висели на крестах много дней; иногда им, еще живым, птицы выклевывали глаза...

Чтобы близкие не могли спасти распятых, у крестов выставлялась вооруженная охрана. И на этот раз было выделено четыре солдата с приказом привести приговор в исполнение и остаться у «Лобного места» в качестве караула. Конвоем командовал уже не трибун, как в Гефсимании, а только центурион. Власти поняли, что тревога оказалась напрасной: никаких беспорядков процесс не вызвал. Сторонники Галилеянина разбежались, а многие, наверно, узнали о случившемся, когда было поздно. Арест, суд и казнь были проведены быстро, как и планировал Синедрион. Если кто и поверил в мессианство Иисуса, то сейчас они были парализованы. Ведь крест значил только одно: Назарянин — лжемессия. О Его притязаниях на поминала теперь только ироническая надпись, прибитая ко кресту.

Издалека за казнью следила толпа галилейских женщин. То были: Мария Магдалина, Мария Клеопова, Саломея и другие. Среди них находилась и Мать Господа со Своей сестрой. Горе и отчаяние их были беспредельны. Вот он — «престол Давидов», уготованный Мессии! Из всех пророчеств исполнилось только одно: «оружие пронзило душу Марии». Как могло случиться, что Бог допустил это? Иисус, воплощенная Вера и воплощенная Любовь, стоял беззащитный перед Своими палачами. Давно ли Саломея просила у Него почетного места для сыновей? А сейчас Он должен умереть вместе с преступниками...

Женщины видели, как солдаты сорвали с Иисуса одежды, оставив на Нем лишь набедренную повязку; видели, как был приготовлен крест и Осужденного положили на него⁵. Послышался страшный стук молотков, которыми вгоняли в запястья рук и ступни огромные гвозди. Это был ни с чем не сравнимый ужас. Стоявший рядом Симон Киренейский слышал слова Иисуса:

«Отче, прости им, ибо не знают они, что делают». Поистине, ни бездушные палачи, ни иерархи, добившиеся осуждения Иисуса, не понимали, что совершается в этот час. Для одних казнь была просто перерывом в скучных казарменных буднях, а другие были уверены, что оградил народ от «месита», опасного богохульника и соблазнителя.

После того как кресты с повешенными были водружены, их завалили у подножий камнями. Теперь конвою предстояло ждать последнего вздоха осужденных. Чтобы скоротать время, солдаты перекидывались шутками, играли в кости. По обычаю им полагалось забирать себе одежду смертников. Они разорвали ее на части, только цельнотканый хитон Иисуса решили не портить и бросили жребий — кому он достанется.

Нередко говорят, что смерть Христа была событием, которое прошло почти незамеченным в тогдашнем мире. Это вполне справедливо. Даже сто лет спустя римский историк Тацит посвятил ему только одну короткую фразу, отметив, что «основатель христианства был в царствование Тиберия казнен прокуратором Понтием Пилатом»⁶. Однако и в Иерусалиме распятию Иисуса Назарянина не придавали слишком большого значения. Переполненный богомольцами город жил своей жизнью. За четыре года правления Пилата народ привык к многочисленным казням.

Люди, спешившие в Иерусалим, не удивлялись, видя кресты на холме. В дни праздников показательные расправы были нередки. Прохожие останавливались и с холодным любопытством читали надписи. Некоторые слышавшие о Назарянине, злорадно кричали: «Эй! Разрушающий храм и воздвигающий его в три дня! Спаси Себя самого, сойди с креста!».

Те члены Синедриона, которые не могли отказаться от мстительного удовольствия видеть конец Осужденного, тоже пришли на Голгофу. «Других спасал, — со смехом переговаривались они, намекая на крики «Осанна!» («Спасай нас!»), — а себя Самого не может спасти! Царь Израилев, пусть сойдет теперь с креста, чтобы мы видели и уверовали. Он возложил упование на Бога; пусть избавит Его теперь, если Он угоден Ему. Ибо Он сказал: Я Божий Сын».

Между тем подул ветер и хмурые тучи заволокли небо. Казалось, само солнце скрылось, чтобы не видеть безумия людей. А они продолжали глумиться над Христом, безмолвно терпевшим нечеловеческую муку. Глумились солдаты, глумились старейшины, глумились случайные зрители. Даже один из мятеж-

ников, повешенный рядом с Ним, присоединился к злобному хору...

Три года, проходя по этой земле, Иисус учил людей быть сынами Отца Небесного, облегчал страдания, проповедовал Евангелие Царства. Но люди не захотели войти в это Царство. И язычники, и иудеи верили в царство мира сего, а Христово Царство сходило с Неба и вело к Небу.

Но вот теперь Он умолк. Он побежден и никогда больше не будет вселять в них тревогу.

Вдруг произошло нечто неожиданное. Второй осужденный сказал своему товарищу, который вместе с толпой насмехался над Галилеянином: «Не боишься ты Бога! Ведь сам ты приговорен к тому же. Мы-то — справедливо, ибо достойное по делам получаем. Он же ничего дурного не сделал». Быть может, человек этот еще раньше слышал проповедь Иисуса; быть может, лишь в этот миг ощутил какую-то силу, исходящую от Распятого рядом с ним, только в душе его внезапно вспыхнул луч веры, исторгнутый предсмертной тоской.

— Вспомни меня,— сказал он, взглянув на Христа,— когда Ты придешь как Царь.

Запекшиеся уста Иисуса разомкнулись, и Он ответил:

— Истинно говорю тебе, сегодня со Мною будешь в раю.

Толпа постепенно редела. Стоявшие поодаль женщины осмелились, невзирая на солдат, приблизиться. Крест был высок, однако с Распятием можно было говорить. Увидев Свою Мать, подошедшую с Иоанном, Иисус в последний раз обратился к Ней. «Вот сын Твой,— сказал Он, а потом взглянул на любимого ученика.— Вот Мать твоя». И после этого Он умолк...

Тучи сгустились; к трем часам дня стало темно, как в сумерках. Неимоверная тяжесть, которая начала спускаться на Иисуса еще в Гефсиманскую ночь, достигла предела. Уже давно ждал Мессия этой последней встречи со злом мира, окутавшим Его теперь, как черная пелена. Он поистине сходил в ад, созданный руками людей.

— *Элахí, Элахí, лемá шабактанí!* Боже Мой, Боже Мой, для чего Ты Меня оставил!

В этом вопле псалмопевца Христос излил всю глубину Своего беспредельного томления. Конца молитвы Он не дочитал...

Стоявшие на Голгофе не разобрали Его слов. Солдаты решили, что Распятый призывает Гелиос — Солнце, а иудеям по созвучию послышалось имя Илии-пророка. «Вот, Илию зовет!» — сказал кто-то⁷.

Начиналась агония. «Шахена!», «Пить!» — просил Иисус.

Один из воинов, движимый состраданием, подбежал к кувшину с «поской», кислым напитком, который солдаты постоянно носили с собой, и, обмакнув в него губку, протянул на палке Умирающему. Более черствые отговаривали его: «Оставь, посмотрим, придет ли Илия спасти Его».

Едва только влага коснулась воспаленных губ Иисуса, Он проговорил: «Совершилось». Он знал, что смерть уже рядом, и снова стал молиться, повторяя слова, которые Мать учила Его произносить перед сном: «Отче, в руки Твои предаю дух Мой...»

Внезапно у Страдальца вырвался крик. Потом голова Его упала на грудь. Сердце остановилось. Он был мертв.

Сын Человеческий выпил Свою чашу до дна.

В это мгновение люди почувствовали, как вздрогнула земля, и увидели трещины, пробежавшие по камням. Воздух был душным, как перед грозой. Центурион, который долго всматривался в лицо Распятого, воскликнул: «Поистине этот Человек — сын Бога!». Что-то таинственное открылось римлянину в последние минуты казни.

Грозные явления природы действовали на всех угнетающе. Смущенные и испуганные возвращались люди в город. Они били себя в грудь в знак скорби, догадываясь, что совершилось нечто ужасное.

На фоне сумрачного неба высились контуры трех крестов. Но не только о жестокости и злобе человеческой говорили они. Отныне это орудие казни станет символом Искупления, символом жертвенной любви Бога к падшему человечеству...

Глава двадцатая

ПОСЛЕ РАСПЯТИЯ

7—8 апреля

Голгофа опустела. Люди разошлись по домам, где их ждали родные для совершения праздничной трапезы. Только солдаты по-прежнему сидели у холма. Они не имели права покинуть пост, пока не умрет последний из осужденных.

Римляне часто оставляли тела на крестах, чтобы трупы долго напоминали о каре, которая ждет их врагов. Но Синедрион ходатайствовал перед Пилатом, прося снять казненных, пока не зашло солнце, так как субботний покой начинался с вечера пятницы. Этого требовал иудейский обычай, а соблюсти его

было особенно необходимо ввиду вечера, совпадавшего с седером¹. Пилат дал согласие.

Двое разбойников были еще живы. Солдаты, получив приказ, перебили им голени, чтобы ускорить смерть. Потеряв опору, распятые повисли на руках и через несколько минут задохнулись. Сомнения в том, что Иисус мертв, не было, но один из воинов для проверки пронзил Ему грудь копьем. В ране показались «кровь и вода» — бесспорный признак наступившего конца². Теперь оставалось только, выдернув гвозди, снять мертвецов и опустить в общую яму. Так обычно хоронили преступников³.

В это самое время к прокуратору явился Иосиф Аримафейский — богатый, уважаемый в городе человек, член Совета. Он не принимал участия в суде «Малого Синедриона», потому что сам был тайным приверженцем Иисуса. Как и апостолы, Иосиф «ожидал Царства Божия», но сейчас он думал, что обманулся. Тем не менее, преодолев страх, он пришел попросить у Пилата тело Усопшего для погребения. Иосиф не хотел допустить, чтобы Иисуса лишили даже отдельной могилы.

Пилат удивился, узнав, что Назарянин умер так скоро. Может быть, Он только в обмороке? Но центурион подтвердил, что в три часа пополудни Иисус действительно скончался. У Пилата не было причин отказывать Иосифу. Возможно, он даже по своему обыкновению получил от него мзду. Так или иначе, наместник предоставил Иосифу поступить с телом, как он пожелает. Времени для необходимых приготовлений оставалось совсем мало. Если бы наступил вечер, похороны пришлось бы отложить на сутки. Но Иосиф успел купить полотняный саван, а фарисей Никодим, тот, что прежде приходил ночью беседовать с Иисусом, принес большие сосуды с благовонным раствором смирны и алоэ, которым пропитали материю.

При помощи слуг тело положили на носилки и перенесли в соседний сад. Участок принадлежал Иосифу, который недавно заготовил себе здесь склеп. Искать другую могилу возможности не было, так как каждая минута была дорога. Но, вероятно, Иосиф был рад хотя бы таким образом в последний раз послужить Учителю.

Усопшего завернули в благоухающие пелены, внесли в пещеру, прочли заупокойные молитвы и завалили вход круглой каменной плитой, для которой был вытесан специальный желоб. Исполнив печальный долг, оба удалились для совершения седера.

Мария Магдалина и Мария Иосифова тоже присутствовали в саду при погребении. Они стояли «напротив гробницы» и, плача,

смотрели на поспешный обряд. Им хотелось самим умастить тело Господа ароматами и долго оплакивать невозвратимую утрату. Но было уже поздно. Правда, теперь они знали место могилы и надеялись по прошествии субботы снова прийти сюда.

Между тем первосвященники, услышав, что Назарянина похоронили в саду у Голгофы, а не с другими казненными, встревожились. Что если почитатели станут устраивать паломничества к Нему на гроб и похитят тело, а потом заявят, будто Он жив? Желательно было искоренить самую память о Нем. Поэтому группа старейшин снова пришла к Пилату с просьбой, чтобы на первые дни у пещеры была поставлена охрана.

«Имеете стражу,— недовольно ответил им прокуратор,— идите и охраняйте, как знаете». Он больше не желал иметь ничего общего с этим неприятным делом.

Однако от Пилата ждали только санкции. Получив ее, Ханан приказал опечатать склеп и выставить в саду стражу⁴.

Иерархия могла теперь спокойно проводить праздник и воссылать молитвы к Богу. Все прошло лучше, чем ожидали власти. А ученики? Они ничего не знали ни о месте погребения, ни о караульных у могилы. Ужас сковал их. Им казалось, что всех сторонников Учителя могут схватить в любую минуту. Пока их не трогали. Но долго ли это продлится? Если бы не суббота и праздник, они, конечно, бросили бы все и поспешили назад, в родную Галилею.

То была самая мрачная Пасха в их жизни.

«Я и спутники мои,— читаем мы в апокрифическом Евангелии от Петра,— были в тоске и с болью в сердце скрывались, ибо нас искали как преступников, намеревавшихся поджечь храм. Мы пребывали в посте, скорби и в слезах день и ночь»⁵. Пусть это и не подлинные слова апостола — они верно передают состояние галилеян после распятия.

Но еще больше, чем боязнь преследований и укоры совести, терзала их мысль, что Сын Человеческий отнят у них. Он, Который ходил с ними по зеленым холмам у озера. Кто был так добр и могуществен. Кто одним словом мог исцелять болезни, Кто свидетельствовал об истине и обещал привести учеников в Царство Божие, лежит теперь бездыханный. Им не услышать больше знакомых слов: «Истинно, истинно говорю вам», не увидеть рук, преломляющих хлеб...

Ученики были в отчаянии: зачем Бог покинул Его, покинул их всех?

Некоторые раввины говорят, что Мессия должен быть смер-

тен, как и прочие люди. Но почему Иисус погиб в расцвете сил, а не отошел в мире, «насыщенный годами»? Почему он так мало успел сделать? Ведь Он не оставил скрижалей, как Моисей, не написал книг, как пророки, не создал школы, как Гиллель. Единственное Его наследие — они сами: простые, слабые люди, которые оказались недостойными Учителя и бросили Его в решительный час. Синедрион, когда торопился, знал, что делал. Дерево срублено, не поднявшись высоко над землей, не успев принести плода.

Он умер. Но умер не как Помазанник Божий, а как отверженец, ибо сам Закон почитает проклятыми тех, кого настигла подобная смерть. Его осудил и еврейский, и римский суд.

Он умер даже не как мудрец, перешагнувший грань обычных человеческих чувств, победивший страдание силой духа. Он мучился как миллионы людей, как каждый ребенок или раненая птица, как любое живое существо. Никто не помог Ему, когда Он истекал кровью на страшном кресте. Никакой ангел не облегчил агонии. Правы оказались те, кто говорил: «Других спасал, а Себя не может спасти».

Но, значит, Иисус не тот, за кого они Его принимали? Не Избавитель Израиля и мира? И, следовательно, напрасной была их вера в Него, а Петр, сказав: «Ты Мессия», произнес лишь пустые слова? Это было крушение окончательное, непоправимое. Рухнули надежды и ослепительные мечты. Никогда еще люди не испытывали более тяжкого разочарования.

Что оставалось им делать? Бежать! Скорее бежать из этого зловещего города! Вернуться в Галилею к своим домам и лодкам. Забыть о Человеке, Который обманулся Сам и ввел в заблуждение Своих простодушных последователей...

Глава двадцать первая

ПОБЕДА НАД СМЕРТЬЮ

9—14 апреля

С заходом солнца 8 апреля кончился срок субботнего покоя, но женщинам еще нужно было купить душистые порошки и мази, из которых приготавлилась смесь для бальзамирования. Поэтому посещение гробницы было отложено до утра следующего дня. О страже они не знали; их беспокоила только мысль: кто поможет им откатить тяжелый камень.

Мария Магдалина пришла раньше своих подруг. В предрас-

светном сумраке, подойдя к склепу, она в смятении остановилась: камень был сдвинут. Что это значит? Неужели даже после смерти Учителя враги Его не успокоились?..

Тем временем подросли Саломея с Марией Клеоповой и, заглянув в пещеру, убедились, что она пуста. Магдалина в слезах побежала к Петру и Иоанну и сообщила им горестную весть: «Взяли Господа из гробницы, и не знаем, где положили Его». Оба ученика, немедленно покинув дом, в котором скрывались, поспешили за Марией в сад Иосифа.

Сначала они бежали вместе, но потом Симон отстал, и Иоанн достиг пещеры первым. Видя, что Мария права, он терялся в догадках: кто мог, нарушив Закон, оскорбить место вечного успокоения? Юноша наклонился к отверстию, но решимости войти у него не хватило.

Когда в ограде показался Петр, он еле переводил дыхание. Но не таков был этот человек, чтобы долго размышлять. Не останавливаясь, Кифа тотчас вошел в темный склеп. Это ободрило Иоанна, и он последовал за Симоном. Рядом с каменным ложем они увидели саван и покров для лица.

Погребенный исчез.

Распрашивать, протестовать, искать тело ученики побоялись. Они побрели назад в город, полные печального недоумения. Видно, недруги решили глумиться над ними до конца...

У могилы осталась одна Магдалина. Погруженная в свою горе, она не заметила, что остальные женщины куда-то ушли. Словно не веря несчастью, Мария еще раз приблизилась к отверстию пещеры и неожиданно увидела там двух неизвестных в белых одеждах.

— Женщина, почему ты плачешь?— спросили они.

— Потому что взяли Господа моего, и не знаю, где положили Его.

В ней проснулась надежда: может быть, эти люди объяснят ей случившееся? Но в тот же миг Магдалина почувствовала, что сзади нее кто-то стоит, и оглянулась.

— Женщина, почему ты плачешь? Кого ищешь?— спросил Незнакомец.

Думая только о своем, Мария решила, что перед ней садовник, который наверно должен знать, где тело.

— Господи,— умоляюще заговорила она,— если ты унес Его, скажи мне, где ты Его положил, и я Его возьму.

— Мирьям!— прозвучал до боли знакомый голос. Все всколыхнулось в ней. Сомнений не было. Это Он...

— Раввунни!— вскричала Магдалина и упала к Его ногам.

— Не прикасайся ко Мне,— предостерег ее Иисус,— ибо Я еще не взшел к Отцу Моему; но иди к братьям моим и скажи им: «Восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему, и Богу Моему и Богу вашему».

Обезумевшая от радости, едва сознавая происходящее, Мария бросилась из сада...

Вестницей неслыханного, небывалого вбежала она в дом, где царил траур, но ни один из друзей не принял ее восторженных слов всерьез. Все решили, что бедная женщина с горя потеряла рассудок. То же самое подумали они, когда вслед за ней появились Иоанна, жена Хузы, Мария Клеопова и Саломея и стали, перебивая друг друга, уверять, что Учитель жив, что они видели Его своими глазами. Они рассказали, как спустились в пещеру, когда Магдалина уходила позвать учеников, и нашли там юношу в белой одежде. «Не ужасайтесь!— сказал он,— Иисуса ищите Назарянина, распятого. Он восстал. Его нет здесь. Вот место, где положили Его. Но идите, скажите ученикам Его, и Петру, что Он предвещает вас в Галилее. Там вы Его увидите, как Он сказал вам». Женщины признались, что сначала им было страшно говорить о виденном, но потом Сам Иисус явился им на дороге и повторил повеление всем идти в Галилею.

Апостолы, переглядываясь, слушали рассказ. «Показались им,— замечает св. Лука,— слова эти бредом, и они не верили женщинам»¹. После того что стряслось, ученики были далеки от надежд на чудо и меньше всего они предполагали, что скоро Бог превратит их самих из трепещущих, раздавленных катастрофой людей в провозвестников новой веры.

Много непостижимого хранят анналы истории, но можно смело сказать, что самое невероятное в ней — жизнь Иисуса Назарянина и тайна, которой Его жизнь увенчалась. Справедливо считают, что эта тайна выходит за пределы, доступные человеческому знанию. Однако есть и осязаемые факты, находящиеся в поле зрения историка. В тот самый момент, когда Церковь, едва зародившись, казалось, навсегда погибла, когда здание, возведенное Иисусом, лежало в развалинах, а Его ученики потеряли веру,— все внезапно коренным образом меняется. Ликующая радость приходит на смену отчаянию и безнадежности; те, кто только что покинул Учителя и отрекся от Него, смело возвещают о победе Сына Божия.

Что-то произошло, без чего не было бы самого христианства...

Самое раннее и непосредственное свидетельство об этом событии принадлежит человеку, в жизни которого встреча с Иисусом произвела полный переворот. Встреча же произошла

спустя пять-шесть лет после Голгофы. Этот человек — Савл Тарсийский, впоследствии апостол Павел, — писал христианам Коринфа: «Я передал вам, во-первых, то, что и принял: что Христос умер за грехи наши, по Писаниям, и что Он погребен, и что Он воздвигнут в третий день, по Писаниям, и что Он явился Кифе, потом — Двенадцати, затем свыше чем пятистам братьям одновременно, из которых большая часть доныне в живых, а некоторые почили; затем явился Иакову, потом всем апостолам, а после всех явился и мне, словно недоноску. Ибо я — наименьший из апостолов, я, который недостойн называться апостолом, потому что гнал Церковь Божию»².

Это Павлово свидетельство вместе с пасхальными повествованиями Евангелий приводит нас к реальному факту, который духовно воскресил учеников и подвиг их на проповедь Благой Вести.

Архиереи думали, что с галилейским Мессией покончено, но теперь они оказались бессильны остановить новое движение. Рассказ стражников о необычайных феноменах, сопровождавших исчезновение тела, мог, конечно, смутить Синедрион. По-надобилась своя, официальная версия. Как сказано в Евангелии от Петра, жрецы решили, что лучше прибегнуть к обману, чем «попасть в руки народа иудейского и быть побитыми камнями»³. Было объявлено, что ночью, когда стража задремала, ученики Иисуса похитили Его тело и стали говорить, будто Он жив. Века спустя это обвинение все еще повторялось теми, кто хотел «рационально» объяснить пасхальную веру христиан⁴. Они не приняли во внимание одну психологическую трудность: если апостолы участвовали в подлоге или знали о нем, откуда взялась бы у них сила духа и смелость отстаивать сознательный обман даже перед лицом смерти? За проповедь Воскресшего был распят Кифа, обезглавлен Иаков Зеведеев, побит камнями Иаков Праведный; за нее многие другие апостолы выдержали бичевание, тюрьмы, преследования властей Рима и Иудеи и пожертвовали жизнью.

Но не могло ли случиться, что тело Распятого было унесено кем-то другим, разумеется, не по приказу Пилата или Синедриона, — ибо тогда они могли бы легко разоблачить обман, — а людьми неизвестными? Сторонники этого мнения забывают, что то же самое думали ученики, увидев опустевшую гробницу, и впали в еще большее уныние.

Перемена же наступила в них лишь *после* того, как они воочию *увидели* Господа.

Галлюцинация? Плод расстроенного воображения? Оставим это объяснение тем, кто думает, что в мире все можно познать

одними средствами науки⁵. В действительности же гипотеза, сводящая начало христианства к умственному помрачению нескольких галилеян, маловероятна. Иисуса видели самые разные лица. Он являлся при различных обстоятельствах и во многих местах отдельным людям, группам и большим толпам. Эти явления с полной достоверностью убедили их в том, что смерть не властна над Иисусом, что она «не могла удержать Его». Если это был бред душевнобольных, как мог он охватить сотни столь не похожих друг на друга очевидцев и дать столь прочные результаты? И наконец, были ли серьезные предпосылки для иллюзий такого рода? Ведь подавленные смертью Иисуса ученики разуверились в Его мессианстве. Слова Учителя о Воскресении остались ими непонятыми, а смысл служения Христова открылся им гораздо позднее.

Сводить все к субъективным переживаниям апостолов — значит преувеличивать их роль в возникновении христианства. Евангелия были написаны в среде, где авторитет апостолов был неоспорим, но евангелисты отнюдь не изображали Петра и его друзей натурами могучими и гениальными, пророками, способными создать мировую религию. Они любили своего Равви — это правда, тем не менее одной любви для такого переворота недостаточно. Недостаточно и ссылки на «впечатление», которое произвела личность Иисуса на их души. Никто не говорил, что Исайя, Будда или Конфуций воскресли. А ведь этих людей тоже окружала любовь последователей, о чем свидетельствуют саркофаги над их останками.

Только о гробе Господнем было сказано: «Его здесь нет...»

Некоторые скептики предполагали, что Иисус не умер на кресте, а был без сознания и, очнувшись в пещере, пришел к Своим ученикам. Но совершенно непонятно, как человек, ослабевший от потери крови и пыток, нуждающийся в уходе, полуживой, мог выглядеть триумфатором. И где тогда скрывался Он впоследствии? Да и вообще распятый после того, как ноги его были пробиты гвоздями, не может ступить ни шагу.

Кроме того, слова апостола Павла и другие источники несомненно имеют в виду не просто возвращение к Жизни подобно чуду в Вифании, но — полную перемену, совершившуюся в Иисусе. Лицо Его порой менялось столь сильно, что многие не сразу узнавали Учителя. Апостол Павел видел лишь ослепительный свет и слышал голос Воскресшего, говорившего с ним на арамейском языке. Христос проходил через закрытые двери, появлялся внезапно и внезапно исчезал, словом, был не прежний Учитель, подчинявшийся, как и все люди, законам земного мира. Не случайно в первое мгновение некоторые принимали Его за

призрак, и Он должен был убеждать учеников, что Он воистину воскрес во плоти.

Выражение Павла «тело духовное» является, по-видимому, ключевым для понимания пасхальной тайны. Оно означает, что в саду Иосифа Аримафейского произошла единственная в своем роде победа Духа, которая, не уничтожив плоти, дала ей новую, высшую форму существования. Камень был отвален лишь для того, чтобы ученики увидели, что могила пуста, что Воскресший отныне не ведает преград. Пройдя через агонию и смерть, Он непостижимым для нас образом приобрел иную, *духовную телесность*. Апостол говорит о ней, как о ступени бытия, ожидающей всех людей, но в тот момент Богочеловек был первым, предварившим всеобщее преображение.

Это было явление Сына Божия во славе, которое предсказал Сам Иисус на суде Кайафы. Первосвященник усмотрел в Его словах богохульство, и жалкий конец Назарянина должен был подтвердить мнение Синедриона. Апостолам же пасхальные явления показали истинность пророчества. Иисус открылся им теперь не только как Христос и Учитель, а как *Марън* (греч. Господь), Господь, как воплощение Бога Живого.

Воскресшего не видели ни члены трибунала, ни Пилат. Если бы неоспоримая очевидность чуда принудила их признать его, это стало бы насилием над духом, который противится Богу. Лишь те, кто любил Христа, кто был избран Им на служение, смогли «увидеть Славу Его, Славу как Единородного от Отца, полного благодати и истины».

Для апостолов Воскресение было не только радостью вновь обрести Учителя; оно знаменовало победу над силами тьмы, стало залогом конечного торжества Правды Божией, неодолимости Добра, олицетворенного в Иисусе Назарянине. «Если Христос не восстал,— говорит ап. Павел,— тщетна наша проповедь, тщетна и вера наша»⁶. Этой мыслью будет жить христианство, ибо в день Пасхи Церковь не просто исповедует веру в бессмертие души, но преодоление смерти, тьмы и распада.

«Если сила физическая,— говорит Вл. Соловьев,— неизбежно побеждается смертью, то сила умственная недостаточна, чтобы победить смерть; только беспредельность нравственной силы дает жизни абсолютную полноту, исключает всякое раздвоение и, следовательно, не допускает окончательного распада живого человека на две отдельные части: бессмертный дух и разлагающееся вещество. Распятый Сын Человеческий и Сын Божий, почувствовавший Себя оставленным и людьми и Богом и при этом молившийся за врагов Своих, очевидно, не имел пределов для Своей духовной силы, и никакая часть Его существа не могла

остаться добычей смерти... Истина Христова Воскресения есть истина всецелая, полная — не только истина веры, но также истина разума. Если бы Христос не воскрес, если бы Кайафа оказался правым, а Ирод и Пилат — мудрыми, мир оказался бы бессмыслицею, царством зла, обмана и смерти. Дело шло не о прекращении чьей-то жизни, а о том, прекратится ли *истинная* жизнь, жизнь совершенного праведника. Если *такая* жизнь не могла одолеть врага, то какая же оставалась надежда в будущем? Если Христос не воскрес, то кто же мог воскреснуть?»⁷.

Мессия-Искупитель. Он добровольно отдал Себя во власть разрушительной стихии и богочеловеческой мощью восторжествовал над ней, приоткрыв нам завесу грядущего. С этого священного дня не умолкает над землей благовестие свободы и спасения. «Пусть никто не рыдает о своем ничтожестве, ибо явилось общее для всех Царство. Пусть проба. Пусть никто не боится смерти — освободила нас смерть Спасителя. Пленный смертью, погасил смерть, Сошедший во ад, покорил ад.

Смерть; где твое жало,
Ад, где твоя победа?

Воскрес Христос, и ты низвержен, воскрес Христос, и пали демоны, воскрес Христос, и радуются ангелы, воскрес Христос, и жизнь воцарилась» (св. Иоанн Златоуст).

Не только грядущее озарено светом Пасхи. Воскресение означает реальность присутствия Христа среди верных Ему. «Учения», «идеи» приносили людям многие вожди и пророки. Иисус же Сам остается с Церковью как Брат и Собеседник, как Друг и Спаситель, как вечно пребывающий лик, обращенный к миру...

Евангельские рассказы о явлениях Христа уделяют много внимания тому, как новый опыт раскрывал ученикам значение библейских пророчеств. Только теперь они поняли, почему унижение и крест Сына Человеческого есть признак Его мессианства. Только теперь они смогли другими глазами прочесть строки Библии об искупительных Страстях Служителя Господня. Этот процесс прозрения наиболее полно изображен в повествовании св. Луки о Клеопе и другом апостоле, которые встретили Воскресшего на пути в селение Эммаус.

Они вышли в дорогу вечером того же дня, когда женщины принесли первые известия о пустом гробе и о загадочных явлениях в саду. Но, как и прочие, эти двое приняли их слова за бред. Покинув Иерусалим, они отправились в селение, где, вероятно, жил один из них. Эммаус был расположен в двух

часах ходьбы от стадицы, и путники все это время беседовали о своих несбывшихся мечтах. Клеопа и его близкие были искренне преданы Иисусу. Но теперь им оставалось только оплакивать роковую ошибку, которая погубила Учителя и сломала жизнь их семьи⁸.

Солнце уже близилось к закату, когда к ним присоединился неведомый Спутник, тоже шедший из города. Он спросил, какое горе их угнетает.

— Один Ты в Иерусалиме не знаешь о случившемся в нем в эти дни!— удивился Клеопа.

— О чем?

— О том, что было с Иисусом Назарянином, Который был Пророк, сильный в слове и деле перед Богом и всем народом; как предали Его первосвященники и начальники наши для осуждения на смерть и распяли Его. А мы надеялись, что Он есть Тот, Который должен избавить Израиль. При всем том идет третий день с тех пор, как это произошло. Но и некоторые из наших женщин изумили нас: придя рано утром к гробнице и не найдя тела Его, они вернулись, говоря, что видели и явление ангелов, возвестивших, что Он жив. И пошли некоторые из тех, что с нами, к гробнице и нашли так, как женщины сказали, Его же не видели...

Никакой радости странные обстоятельства исчезновения тела у них не вызывали. Кто мог поверить таким немислимым вещам? Полное разочарование было итогом этих лет.

Реакция Незнакомца была неожиданной.

— О бессмысленные и медлительные сердцем, чтобы верить во все, что сказали пророки!— упрекнул Он их.— Не это ли надлежало претерпеть Мессии и войти в Славу Свою?

И шаг за шагом этот таинственный Человек стал объяснять им мессианские места Библии. О чем говорил Он? Быть может, о символе Агнца и Его крови, о Камне, который отвергли строители, о скорби Праведника и спасении Его, о Новом Завете, обещанном Богом, но больше всего, вероятно, о пророчестве из Книги Исайи, где изображен был Служитель Сущего, прошедший через муки, чтобы исцелить раны мира и стать «светом народов». Постепенно как бы пелена спадала с глаз Клеопы и его друга. Трагические события этих дней исполнялись смыслом. Если так, то смерть Иисуса не означает конца...

С этими мыслями приблизились они к Эммаусу. Спутник, казалось, готов был уже проститься с ними. Но апостолам не хотелось отпускать Человека, Который почти вернул им надежду: «Останься с нами, потому что уже наступает вечер». Незнакомец согласился. Все трое вошли в дом и сели за ужин. Ученики

невольно признали своего Спутника старшим и просили прочесть положенную молитву. Он произнес слова благодарения и преломил хлеб. Памятный жест! Столько раз слышанный голос! В тот же миг оба поняли, Кто находится с ними за одним столом. Изумленные, они не успели произнести ни слова, как Он «стал невидим для них»...

Опомнившись, апостолы начали горячо обсуждать чудесную встречу: «Не горело ли в нас сердце наше, когда Он говорил нам в пути, когда Он открывал нам Писания?». Разве можно было теперь оставаться в Эммаусе? Скорее обратно, в Иерусалим, поделиться с остальными невероятной радостью! Хотя уже было темно, друзья поспешили в город. Увы, их встретили так же, как и женщин. Поверить им никто не хотел. Но тут же пришло новое известие: Господь явился Кифе. Мог ли обмануться старший из апостолов? Некоторые почти уверовали, другие все еще сомневались. Обсуждение и горячие споры длились до глубокой ночи. Внезапно все услышали знакомое приветствие: «Шалом!» — Мир вам! — Ученики увидели Иисуса...

Ужас сковал их. Привидение! А Он смотрел на Своих трепещущих «братьев», ожидая, пока они придут в себя. Зачем они смущаются и колеблются? Среди них не бесплотный призрак, а их Учитель. Пусть коснутся Его, чтобы оставить мысль о видении. И спокойно, словно ничего не произошло, Он спросил: «Есть ли у вас здесь какая пища?».

Снова, как бывало, Он мог разделить с ними трапезу.

Они едва верили своим глазам.

Произнеся благодарственную молитву, Иисус заговорил. Наступают иные времена для апостолов, пробил час их служения. «Как послал Меня Отец, и Я посылаю вас». Спаситель будет действовать через Своих посланцев, которых преобразит силою Своего Духа. «Примите Духа Святого,— сказал Он.—Если кому отпустите грехи, отпущены будут им, если на ком удержите, удержаны».

В эти светлые дни апостолы окончательно утвердились в вере. Из Двенадцати только Фома не видел Господа⁹. Когда он слушал восторженные слова братьев, ему трудно было разделить их чувства. Слишком уж неправдоподобна радостная весть! Не произошло ли ошибки? Быть может, это все-таки тень Наставника, пришедшая из загробного мира утешить их? «Если не увижу на руках Его следа от гвоздей и не вложу пальца моего в ребра Его, никак не поверю»,— твердил Фома.

Кончились дни праздника. Ученики намеревались вернуться в Галилею, куда Господь обещал прийти раньше их. Послед-

ний раз собрались вместе, вероятно, в доме Марии, матери Иоанна Марка. Дверь плотно заперли: страх преследований еще не утих. И опять, как в первый день, все внезапно увидели Иисуса, стоящего среди них. Он обернулся к Фоме: подойди, протяни руку, проверь! «Господь мой и Бог мой!» — только и мог вымолвить апостол. Он не помышлял больше о доказательствах...

«Ты потому уверовал, — сказал Христос, — что увидел Меня. Блаженны невидевшие и поверившие». Зримые явления должны были лишь помочь ученикам выйти из состояния мрака и безнадежности, показать им, что смерть бессильна над Мессией. Но скоро присутствие Господа станет иным, доступным каждому, кто с открытостью идет к Нему навстречу.

Глава двадцать вторая

«Я ПОСЫЛАЮ ВАС...»

14 апреля — 18 мая

Словно на крыльях вернулись одиннадцать назад в Капернаум. К тому времени от богомольцев многие уже знали о казни. Однако всех приводили в недоумение ученики Назарянина. Они совсем не были удручены, напротив, в них ощущалась просветленная радость, почти экстаз. Что могло так подействовать на Симона и его друзей? Над этой загадкой ломали голову знавшие их люди. Тогда-то, быть может, апостолы и поняли, для чего Учитель велел им оставить Иерусалим. Там их ежедневно подстерегала опасность, а дома, вдали от врагов, они могли вновь собрать рассеявшихся последователей Господа и сообщить им о дивном событии: «Он воскрес!»...

Постепенно жизнь апостолов вошла в прежнее русло. Рыбаки взялись за свой привычный труд; но мысли их постоянно полны были Иисусом. О Нем напоминала каждая тропинка, каждый уединенный уголок на берегу. Здесь Он учил их притчами, сидя на холме, там говорил с толпой, на этой улице рыбацкого поселка исцелил больного. Апостолы как бы заново переживали чудо тех трех лет, которые открыли им Небо. Однако Сам Господь еще не появлялся¹. Ученики ждали, веря Его обещанию.

Однажды вечером Кифа, сыновья Зеведеевы, Фома и Нафанаил вышли в лодке на Тивериадское озеро. Лов оказался неудачным, и к утру им пришлось сложить на дно пустые сети. Рыбаки были уже метрах в ста от берега, как увидели в голубой пред-рассветной дымке Человека, стоявшего у воды. Он громко оклик-

нул их: «Друзья, есть у вас что-нибудь к хлебу?». В этом вопросе не было ничего необычного: окрестные жители часто покупали рыбу прямо из лодок. Узнав, что они ничего не поймали, Человек предложил им закинуть сеть с правой стороны, и, едва они последовали Его совету, невод тотчас наполнился.

Странное чувство овладело всеми. Ведь когда-то подобное уже было: был и берег, и пустая сеть, и неожиданный улов... Иоанн, пытаясь разглядеть Стоящего, вдруг шепнул Симону: «Это Господь». Петр, не говоря ни слова, тут же опоясался, прыгнул в воду и поплыл к берегу. Остальные, налегая на весла, поспешили за ним.

Незнакомец, казалось, ждал их. Среди камней был разложен костер, на углях пеклась рыба. Рыбаки в смущении остановились. Кто бы мог предположить в этих загорелых полуобнаженных людях будущих покорителей мира, чьи сети станут символом духовного лова?

«Принесите и тех рыб, что вы поймали сейчас»,— сказал Незнакомый. Они пошли к сетям, и скоро трапеза была готова. Ели молча. Над озером поднималось солнце. В тишине звучали голоса птиц, слышался плеск волн. Запах костра смешивался с запахом воды, рыбы и трав. Ни один не осмеливался спросить: «Кто ты?»— но в душах их пела неземная радость. Каждый с неоспоримой уверенностью знал, что это Иисус преломляет с ними хлеб, хотя облик Его был иным.

Кончив трапезу, все встали. Господь подозвал Петра и отвел его в сторону.

— Симон, сын Ионы, любишь ли ты Меня больше, чем они?— спросил Он торжественно, как тогда — в Кесарии Филипповой, называл ученика его полным именем.

— Да, Господи,— ответил тот.— Ты знаешь, что я люблю Тебя.

— Паси ягнят Моих,— сказал Иисус, а потом вновь испытующе повторил вопрос:

— Симон, сын Ионы, любишь ли ты Меня?

— Да, Господь, Ты знаешь, что я люблю Тебя.

— Ты будешь наречен пастырем овец Моих.

Этим искус не кончился. В третий раз Христос спросил:

— Симон, сын Ионы, любишь ли ты Меня?

Апостолу стало горько. Вероятно, трехкратный вопрос напомнил ему, как в припадке страха он трижды отрекся от Учителя.

— Господи,— печально сказал Симон.— Ты все знаешь. Ты знаешь, что я люблю Тебя.

— Паси овец Моих.

И чтобы Петр понял, что это не привилегия, а призыв к крестному пути, Христос добавил:

— Истинно, истинно говорю тебе: когда ты был молод, ты опоясывался сам и шел, куда хотел, когда же состаришься, протянешь руки свои, и другой тебя препояшет, и поведет, куда ты не захочешь.

Сзади подошел Иоанн.

— Господи, а он что?— спросил Петр.

— Если Я хочу, чтобы он пребывал, доколе Я не приду, что тебе? *Ты за Мной следуй*².

Впоследствии, размышляя над этими словами, первые христиане решили, что Иоанн не умрет до нового явления Христа, но, как поясняет Евангелие, Иисус указал лишь на различие в судьбе апостолов. Любимому ученику было предназначено проповедовать слово Господне до глубокой старости, а Петру — быть распятым за свидетельство веры. К искупительному кресту Царя Иудейского присоединился крест человека, которого Христос нарек Скалой и Пастырем и которому предстояло, «обратившись, утвердить братьев своих»³.

Утро Церкви занималось над страной Геннисаретской. С каждым днем увеличивался приток верующих. В Галилее никто не чинил им препятствий. Иногда сотнями уходили они в пустынные места для молитвы, ожидая встречи с Господом.

Назаретскую семью, особенно Марию, Мать Спасителя, окружило благоговейное почитание. Скоро к общине примкнули даже те родные Иисуса, которые прежде сторонились Его. Обратился и Иаков, старший из сводных (или двоюродных) братьев Христа, человек истового благочестия. Сохранилось древнее предание что он дал обет полного поста, пока не увидит Воскресшего собственными глазами. И тогда Иисус предстал перед ним, благословил хлеб и протянул его Иакову: «Брат Мой, вкуси хлеба сего, ибо Сын Человеческий восстал»⁴.

Подробности сказания едва ли достоверны. Но очень возможно, что будущий глава Иерусалимской Церкви слышал о явлениях и хотел, подобно Фоме, удостовериться в их реальности сам.

Сколько времени первая община оставалась в Галилее? Евангелист Лука говорит о сорока днях явлений, после чего апостолы уже вновь собрались в Иерусалиме и встретили там праздник Шавуот, или Пятидесятницы. Некоторые толкователи думают, что этот срок — лишь символ некоего подготовительно-го периода. (Сорок лет пребывания Израиля в пустыне, соро-

кадневная молитва Моисея на Синае и сорокадневный пост Христа в пустыне.) По их мнению, за месяц Церковь не могла достичь численности в несколько сот человек, а следовательно, Лука имел в виду Пятидесятницу 31 года. Хотя вопрос этот не представляется существенным, традиционная дата кажется более вероятной. Сила воздействия проповедников, вдохновенных свыше, могла очень быстро принести обильные плоды. К тому же трудно предположить, чтобы апостолы, призванные Господом для благовестия, стали медлить.

Савла видение в Дамаске сделало не просто учеником Иисуса, а миссионером нового Откровения. То же самое произошло с одиннадцатью.

Вероятно, в середине мая верующие поднялись на одну из гор в Галилее, куда повелел им прийти Иисус. Там они увидели Его стоящим на вершине. Собравшихся было около пятисот человек. Все опустились на колени, хотя иные все еще не могли поверить, что Он воистину жив⁵. И когда над толпой прозвучали слова, которым и доньше внимают столетия: «Дана Мне всякая власть на небе и на земле. Итак, идите и научите все народы, крестя людей во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все, что Я заповедал вам. И вот Я с вами во все дни до скончания века».

Завершился мессианский путь Сына Человеческого, но Его благовестников, которых Он посылал «проповедовать Евангелие всей твари», ждала впереди долгая дорога.

За восемь веков до этих великих дней Израиль, сдавленный со всех сторон могущественными врагами, услышал пророчество, которому тогда было трудно поверить:

Утвердится гора Дома Господня во главе гор,
и возвысится над холмами.

И соберутся к ней все племена,

и придут народы многие...

Ибо из Сиона выйдет учение,

и слово Господа — из Иерусалима

Теперь предреченное сбывалось. Основание Церкви нужно было закладывать в городе пророков, там, где Мессия принес Себя в жертву.

В Иерусалим двинулись в середине мая. К одиннадцати присоединились и Семьдесят апостолов. Всего вместе с женщинами и другими учениками было около ста двадцати человек. Со стороны это первое воинство Христово выглядело как обычный караван пилигримов, идущий на праздник Шавуот.

В город вошли уже без боязни, зная, что Воскресший не покинет их. Когда собрались в доме, где еще недавно встречали Пасху Нового Завета, где пережили ужас катастрофы и радость возрождения, Спаситель вновь явился освятить трапезу братьев. Он еще раз объяснил им значение пророчества: «Так написано, чтобы Мессии пострадать и воскреснуть из мертвых в третий день и чтобы было проповедано во имя Его покаяние для отпущения грехов во всех народах, начиная от Иерусалима. Вы свидетели этому. И вот Я посылаю обещанное Отцом Моим на вас. Вы же оставайтесь в городе этом, доколе не облечетесь силою свыше».

Затем Иисус, как пишет св. Лука, «вывел их до Вифании». Шел ли Он с учениками незримо для других или только повелел им идти к селению, которое всегда любил, мы не знаем. Когда взошли на Елеонскую гору, у многих при виде Его на миг проснулись прежние иллюзии: им казалось, что уже настал день всемирного явления Мессии во Славе.

— Господи, не в это ли время восстанавливаешь Ты Царство Израилью?

— Не вам знать времена и сроки, которые Отец установил Своей властью. Но вы примете силы, когда найдет Дух Святой на вас, и вы будете Моими свидетелями и в Иерусалиме, и во всей Иудее, и Самарии, и до пределов земли.

Воскресший поднял руки, благославляя Своих посланников, и постепенно «стал отдаляться от них».

Однако апостолы не испытывали печали. Уже не трех избранных, как на горе Преображения, а всех собравшихся осенил небесный свет, «облако Славы Господней». Победитель смерти восходит «одесную Отца».

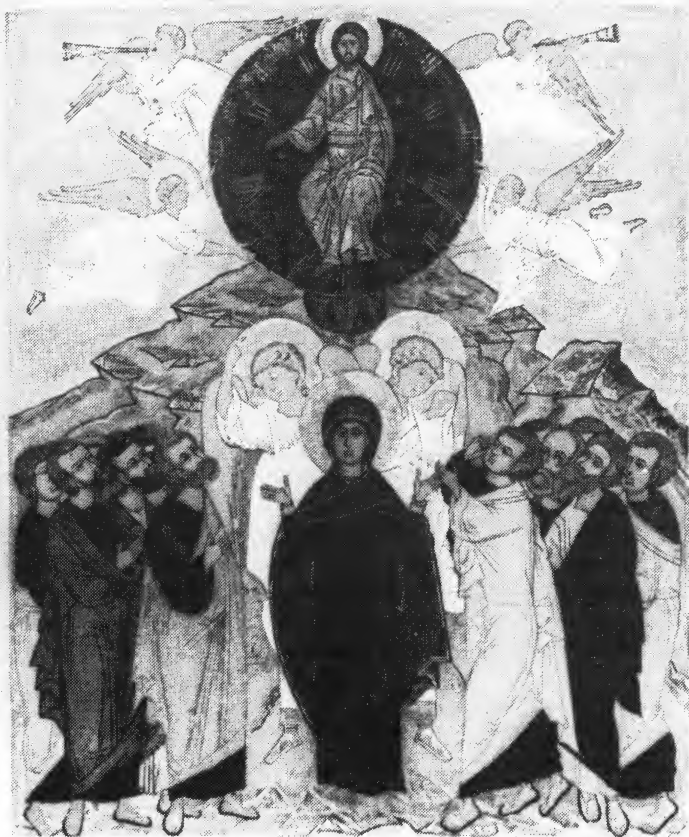
Отныне Его присутствие не будет иметь границ. Он — всюду: и в тайниках души, и в просторах земли и неба, и в беспредельности звездных миров. Он будет обитать в Церкви, в Своих апостолах, которым сказал: «Я посылаю вас...»

Человек идет по земле. Пересекает пустыни, реки, моря, горные хребты. Голод и властолюбие, алчность и любопытство влекут его все дальше. Он везет с собой дорогие товары и свитки книг; он приносит порабощение и мудрость, открытия и гибель. Но вот к этим неисчислимым караванам прибавляются новые путники. Ими движет любовь и вера, воля Христа и Дух Божий; они несут людям радостную весть о Сыне Человеческом.

И откуда стоит мир — апостольский путь будет продолжаться.

ЭПИЛОГ

«Вознесение»
Вторая половина XVI века,
Псков

Пронесли века.

Возникали и рушились империи, гибли цивилизации, военные, политические и социальные перевороты меняли самый облик земли, но Церковь, основанная Иисусом Назарянином, возвышается, как скала, среди этого клокочущего моря.

Вера, которую в первые дни исповедовало всего несколько десятков человек, движет сегодня миллиардом жителей земли, говорящих на разных языках и создавших бесчисленные формы культур.

Когда евангельская проповедь, подобно свежему ветру, ворвалась в дряхлеющий античный мир, она принесла надежду опустошенным и отчаявшимся, вдохнула в них энергию и жизнь. Христианство соединило мудрость Афин и чаяния Востока с мечтой Рима о всеобщем «согласии»; оно осудило угнетателей, возвысило женщину, способствовало искоренению рабства.

Позднее в молодых варварских странах Запада оно стало опорой гуманности и просвещения, заставив грубую силу признавать духовный и нравственный авторитет. Постепенно христианская «закваска» превратилась в Европе и Новом Свете в источник динамизма, которого не знали все пятьдесят тысяч лет существования человека.

Христианство влекло к себе людей, казалось бы, абсолютно непохожих: от рабов Рима до Данте, от Достоевского до африканских пастухов. Оно укрепляло мучеников Колизея и давало силу своим исповедникам в XX веке.

В каждую эпоху Новый Завет обнаруживал скрытые в нем неистощимые импульсы к творчеству. Если первыми учениками Иисуса были простые галилеяне, то впоследствии перед Его Крестом склонились величайшие умы всех народов. Его откровение озарило мысль Августина и Паскаля, любовь к нему возводила рукотворные утесы храмов, вдохновляла поэтов и ваятелей, вызывала к жизни могучие звуки симфоний и хоралов. Образ Богочеловека запечатлен Андреем Рублевым, Микеланджело, Рембрандтом; на пороге третьего тысячелетия Евангелие, повествующее о Христе, переведено почти на две тысячи языков и расходится по миру, не уступая прославленным творениям человеческого гения.

Даже когда многие христиане забывали, «какого они духа», а их измены Завету Спасителя вооружали против Церкви множество врагов, Евангелие «неприметным образом» продолжало действовать на людей. Идеалы справедливости, братства, свободы, самоотверженного служения, вера в конечную победу добра и ценность человеческой личности — словом все, что противостоит тирании, лжи и насилию, черпает, пусть и бессознательно, живую воду из евангельского родника.

Грозы и ураганы проносились над Церковью, внешние и внутренние опасности подстерегали ее. Властолюбие вождей и непреодоленное язычество толпы, мирские и аскетические со-

блазны, натиск открытых противников и грехи христиан, распри и расколы — порой, казалось, ставили под удар само существование Церкви. Но она выдержала все исторические битвы и кризисы.

Тайна ее неодолимости заключена в *Сыне Человеческом*, Который, по слову апостола, «вчера, сегодня и вовеки — Тот же», в дарах Духа, сходящего на верных Ему.

Непросветленное сознание человека ищет внешнего величия, поклоняется зримой силе, но не это дает ему Евангелие. «Мы проповедуем Христа распятого, для иудеев — соблазн, для эллинов — безумие». Открывается миру и спасает Бог униженный, умаленный в глазах «века сего».

Каждая душа, обретшая Иисуса Христа, отныне знает, что человек — не одинокий скиталец, которого некому окликнуть в черной космической пустыне, а — дитя Божие, соучастник божественных замыслов. Воплотившийся на земле указал людям на их высшее предназначение, освятил и одухотворил человеческую природу, посеяв в ней семена бессмертия. В Его лице сокровенный и непостижимый Творец стал близок нам, и это наполняет жизнь радостью, красотой, смыслом. Нет больше «пугающего безмолвия бездны», над всем — свет Христов и любовь Небесного Отца...

Вот почему всякий раз, когда христианство считали уже похороненным, оно, как Распятый и Воскресший, вставало из гроба, являя непреложность обетования: «Ты Петр, и на этой Скале Я построю Мою Церковь, и врата ада не одолеют ее».

Не доктрины или теории, а Сам Христос вечно обновляет христианство и ведет его в бесконечность.

Столетия, минувшие с пасхального утра в Иудее, не более чем пролог к богочеловеческой полноте Церкви, *начало* того, что было обещано ей Иисусом. Новая жизнь дала только первые, подчас еще слабые ростки. Религия Благой Вести есть религия будущего. Но Царство Божие уже существует: в красоте мира и там, где среди людей побеждает добро, в истинных учениках Господа, в святых и подвижниках, в тех, кто хочет идти за Ним, кто не покинул Христа среди тяжких испытаний Его Церкви...

Дай же нам, божественный Учитель, мощь их веры, несокрушимость их надежды и огонь их любви к Тебе. Когда, заблудившись на жизненной дороге, мы остановимся, не зная, куда идти, дай и нам увидеть во мраке Твой лик. Сквозь рев и грохот технической эры, столь могущественной и одновременно столь нищей и бессильной, научи внимать тишине вечности и дай услышать в ней Твой голос, Твои вселяющие мужество слова: «Я с вами во все дни до скончания века».

ПРИЛОЖЕНИЯ

1

МИФ ИЛИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ?

Существовал ли Иисус Христос как историческое лицо?

Многим в наши дни сам этот вопрос может показаться странным. Тем не менее обсуждать его приходится, поскольку атеистическая пропаганда еще совсем недавно отстаивала так называемую *мифологическую теорию* возникновения христианства. Десятки лет лишь она одна допускалась у нас как в научных трудах, так и в популярной литературе; и, к сожалению, по сей день первое, что узнают о Христе сотни тысяч учащихся,— это то, что Его якобы «никогда не было».

За мифологическую теорию атеизм держится не случайно. Ведь она ставит под удар само существование христианства.

Разумеется, если бы речь шла о какой-либо из естественно-научных гипотез, проблема не стояла бы так остро. Ученые всегда выдвигали новые теории, сменявшие одна другую, и лишь непонимание границ научного познания и веры провоцировало в прошлом конфликты между наукой и религией. В самом деле Вселенная могла быть создана и устроена любым способом, и оттого, какой из них признают более вероятным, *сущность* религии не меняется. Однако совсем иначе обстоит дело с возникновением Церкви. Здесь для христиан выводы науки уже не столь безразличны, как космологические теории, ибо Евангелие неотделимо от личности Иисуса Христа.

Пусть, например, было бы доказано, что философ Платон — миф, а его книги написаны кем-то иным; это не нанесло бы ущерба платонизму как доктрине. Но когда от имени науки говорят, что Иисус Назарянин — вымышленный образ, то тем самым стремятся разрушить все здание Церкви.

Следовательно, перед нами наиболее серьезная из всех атак на христианство, которые проводились под флагом исторического знания.

Но именно потому, что вопрос касается конкретных фактов, его следует разбирать, оставаясь *только на почве науки*. Можно верить или не верить, что Бог открылся миру во Христе — тут археология и письменные памятники ничего не решают, — историческая же реальность Иисуса Христа — предмет, вполне доступный научному изучению.

В предлагаемом очерке изложены основные аргументы мифологизма (так для краткости мы будем называть гипотезу о мифичности Иисуса Христа) и подвергнута проверке их состоятельность. Автор не ставил себе целью осветить проблему во всех деталях, однако старался по возможности не упустить ни одного из главных ее аспектов.

Мифологическая школа

Своим происхождением мифологическая теория обязана отнюдь не историкам-профессионалам. Впервые ее выдвинули публицисты XVIII века, яростно боровшиеся с христианством. Сначала они пытались изобразить Иисуса обыкновенным, заурядным человеком, но потом стали замечать, что даже развенчанный и низведенный до простого учителя морали образ Христа сохраняет притягательность. И тогда нашли новое средство борьбы с ним: Иисус Христос был объявлен *никогда не существовавшим*.

«Отцом мифологизма» можно считать астронома и адвоката Шарля Дюпюи (1742—1807), деятеля французской революции. Дюпюи не был

догматическим атеистом, но, глубоко ненавидя христианство, он как член Конвента принимал активное участие в гонениях на Церковь. В своей книге «Происхождение всех культов» Дюпюи утверждал, что Христос — солнечное божество, а все события Его жизни нужно понимать как астральные аллегории¹.

Около того же времени вышел очерк врача Константина Ф. Шабёёфа, писавшего под псевдонимом Вольней (1757—1820) «Руины», где высказывались сходные взгляды. Допуская даже, что Иисус *мог* существовать, Вольней отверг достоверность *всех* свидетельств о Нем, считая их подделками, сфабрированными в эпоху Никейского собора². Надо сказать, что в XVIII веке историография еще недалеко ушла от методов Геродота, и поэтому легко было предлагать самые беспочвенные гипотезы. Когда же антихристианская волна пошла на убыль, Вольней и Дюпюи были надолго забыты.

В середине XIX века возродить мифологизм пытался немецкий философ-гегельянец Бруно Бауэр (1809—1882). Оспаривая историчность Иисуса, он утверждал, что христианство возникло вовсе не в Иудее, а в Риме или Александрии. Даже Ф. Энгельс, которого нельзя заподозрить в симпатиях к христианству, признавал, что Бауэр «хватил через край». «Бауэру,— писал он,— пришлось отнести возникновение новой религии на полсотни лет позже, отбросить несогласующиеся с этим сообщения римских историков и вообще позволить себе большие вольности при изложении истории... Вследствие этого у Бауэра исчезает и всякая историческая почва для новозаветных сказаний об Иисусе и его учениках; эти сказания превращаются в легенды»³.

Замысел Бауэра успеха не имел, но на рубеже XIX и XX веков, когда стал популярен сравнительный метод в изучении религий, мифологизм, казалось, обрел «второе дыхание». Тем не менее представителями его снова оказались *не историки*. Джон Робертсон был экономистом и литературоведом, Уильям Смит — математиком, Андрей Немоевский — журналистом, Георг Брандес — литературным критиком, Эдуард Дюжарден — поэтом, редактором парижского органа символистов, Поль Кушу — врачом⁴. И, наконец, самый активный пропагандист теории мифа Артур Дреус (1865—1936) также не являлся специалистом в области истории, а преподавал философию в Карлсруэ. Он был поклонником Ницше и пессимистического учения Гартмана и в последние годы жизни сблизился с идеологами фашизма⁵. Главная работа Дреуса «Религия как самосознание Божества» (1906) посвящена пантеистической «религии будущего».

В 1910 году философ предпринял турне по Германии с лекциями, целью которых было убедить широкие массы слушателей в мифичности Христа. Одновременно Дреус с апостольским энтузиазмом возвещал близкое крушение традиционного христианства.

Все аргументы против историчности Иисуса философ суммировал в книге «Миф о Христе», но при этом откровенно заявлял, что делает это главным образом в интересах укрепления новой пантеистической религии. Суть этой доктрины заключается в том, что Божество как Душа Вселенной ищет в лице человека выход из круга страданий и несовершенства. «Прямой целью религии,— писал Дреус,— является освобождение человека от подчиненности миру, а также от зависимости и условности временного бытия. Следовательно, какой-либо исторический факт, вроде жизни и смерти человека Иисуса, ни в каком смысле не может быть возведен в степень основного символа веры... Религия будущего либо будет верой в божественную природу человеческой сущности, либо ее вообще не будет. Но если нет другого спасения

человека, кроме спасения через самого себя, через духовное божественное свойство своей сущности, то для этого не нужно никакого Христа... Вера в историческую действительность Иисуса является главным препятствием для религиозного прогресса»⁶.

Чтобы завоевать больше сторонников, Древис сначала уверял, что хочет «спасти» в христианстве самое ценное — его ядро, что «символ Христа» будет иметь некоторое значение и после того, как христианство окончательно сольется с пантеизмом. Сторонник Древиса П. Кушу называл даже дату этого события, а именно 1940 год...

Тем временем на Западе исследователи Нового Завета Адольф Юлихер, Иоганн Вайсс, Герман фон Зоден и др., а в России профессора Д. Хвольсон, С. Булгаков и С. Зарин подвергли мифологизм уничтожающей критике⁷. Не поддержал Древиса и ни один из крупных историков XX века.

Философ отчаянно защищался. Он выпустил целую серию памфлетов, но в конце концов ему пришлось стать свидетелем почти полного разгрома его теорий. Единственным «заповедником» их надолго остались страницы нашей атеистической пропаганды, представители которой, по собственному признанию, охотно «заключили союз» с идеалистом Древисом.

Показательно, что только за первые 15 послеоктябрьских лет массовыми тиражами вышло более ста работ (не считая газетных публикаций), направленных против историчности Христа. Что касается Запада, то надо отдать должное советским антирелигиозным авторам: они не скрывают того факта, что в зарубежной литературе, в том числе и марксистской, мифологическая теория сейчас совершенно оставлена.

Продолжатели Древиса в сравнении с ним не выдвинули ничего нового. Их книги, брошюры, лекции поражают удивительным однообразием аргументов, которые они постоянно переписывают друг у друга. Румянцев, Ранович, Виппер, Ковалев, Ленцман, Кривелев излагают в основном все того же Древиса, лишь варьируя и перелицовывая его, чтобы приспособить к историческому материализму. Их тезисы целиком укладываются в следующие пять пунктов:

1. Образ Христа создавался постепенно, путем очеловечивания божества Иешуа (Иисуса).
2. Миф о Христе есть вариант античных и восточных мифов, а также отголосок дохристианских легенд.
3. Об Иисусе не упоминают современные Ему нехристианские писатели.
4. Евангелия содержат противоречия и ошибки, и поэтому их нельзя считать достоверными.
5. Евангелия возникли почти на полтора века позже описываемых ими событий, и поэтому не могут быть историческими источниками.

Так выглядит арсенал, с помощью которого хотят доказать, что Основатель христианства есть миф. Рассмотрим теперь, насколько обоснованы эти аргументы.

Почитался ли когда-нибудь «Бог Иисус»?

Если Иисуса Христа не существовало, в кого же тогда верили и верят христиане? На это у мифологистов готов ясный ответ. За образом, нарисованным в Евангелии, стоит архаическое восточное божество

Иешуа, или Иисус. «Очеловечили» его лишь во II веке, о чем свидетельствует сама новозаветная литература. В наиболее раннем ее произведении — Апокалипсисе — мы находим лишь мистического божественного Христа, лишенного земных черт; в Посланиях ап. Павла, возникших в конце I-го и начале II-го веков, появляются указания на Его земную биографию, и, наконец, написанные в середине II века Евангелия рисуют жизнь и учение Христа в рамках псевдоисторического окружения. Апокалипсис отражает первый этап, когда христианство еще не оторвалось от своих иудейских корней, Послания — памятник раскола с иудаизмом, а Евангелия — это уже «окончательное» христианство с «историческим» Христом.

На первый взгляд подобное построение не лишено убедительности. Спрашивается, однако, на каком основании установлена эта датировка новозаветных книг? Нам отвечают, что именно на основании вышеуказанных признаков, т. е. разной степени «очеловечивания» бога-Иисуса. Но в таком случае мы имеем дело с *порочным кругом*: мифологисты хотят доказать гипотезу, построенную на датировке, которая в свою очередь покоится именно на этой гипотезе.

На самом же деле Апокалипсис, Послания и Евангелия отражают не столько фазы развития христианства, сколько различие в жанрах проповеди, различие целей и задач у авторов и особенности тех или иных церковных общин. Мы еще вернемся к вопросу о хронологии книг Нового Завета, но пока отметим, что датировка мифологистов теперь уже давно отвергнута наукой. Самыми ранними признаны Послания, большинство из которых написано между 50-ми и 60-ми годами; Евангелия возникли между 60-ми и 90-ми годами, а Апокалипсис — одно из позднейших произведений Нового Завета. В окончательной форме он был написан при Домициане — около 90-го года. Его тесная связь с иудейскими апокалипсисами означает лишь то, что автор книги мыслил образами этой эсхатологической литературы.

Но, может быть, мифологисты имеют другие доводы, нежели предложенная ими самими весьма спорная хронология книг? Эти доводы есть. Вот как сформулировал их известный советский византолог А. Каждан: «За много столетий до правления императора Тиберия, за много столетий до образования Римской империи и, быть может, даже раньше, чем на семи холмах близ Тибра возник город Рим, у древних евреев уже существовал культ Иисуса, сына рыбы, — культ, причудливым образом соединившийся с другим древним культом, с культом агнца»⁸.

Если этот культ действительно известен в истории религии, мифологизм получает веское подкрепление. Но какие данные говорят в пользу того, что в древней Палестине некогда почитали «бога Иисуса»?

Древес утверждает, будто следы его культа содержатся в библейском предании об Иисусе Навине. Между тем это предание говорит совсем не о божестве, а о племенном вожде заиорданских колен Израиля. Около 1200 года до н. э. он повел их на запад и покорил ряд ханаанских городов. Библия рисует его не сверхъестественным существом, а вполне земным человеком, военачальником и стратегом, жизнь которого проходила в неустанных битвах.

Раскопки в тех местах, где Иисус Навин вел кровавые бои с врагами, подтверждают ветхозаветное предание. Следы пожаров и сражений открылись глазам археологов, когда они изучали остатки ханаанских крепостей XIII века до н. э. При этом не только не нашлось

указаний на религиозный культ бога Иисуса, но стало ясно, что израильские войны сами разрушали храмы богов и уничтожали идолов.

Правда, имя Иисус, Иегошуа, или Иешуа (сокращенно Иешу), означает «Сущий — его спасение», но из этого вовсе не следует, что на библейского полководца смотрели как на «Спасителя». Уж если искать такого в Ветхом Завете, то скорее им можно назвать Моисея, избавившего свой народ от рабства в Египте. Кстати, имя Иисус было в древности весьма распространенным. Его носили вожди, первосвященники, книжники и многие частные лица⁹.

Третьим аргументом в пользу «бога Иисуса» мифологиисты считают тот факт, что в молитвах над больными первые христиане часто призывали имя Иисуса. Но это указывает не на мнимое палестинское божество, а на исторического Иисуса, Который заповедал ученикам исцелять больных.

Еще бессмысленнее привлекать, как это делает Древис, текст из книги пророка Захарии. Упомянутый там Иешуа вовсе не божество, а первосвященник времен Захарии (520 год до н. э.). Пророк говорит о том, что Бог снимает с этого иерарха его грехи и заповедует впредь не нарушать Его заветов.

Р. Ю. Виппер ссылается на молитву из «Дидахе», или «Учения XII апостолов», памятника, написанного около 100 года, полагая, что там сказано о «боге Иисусе»¹⁰. Вот эта молитва:

Благодарим Тебя, Отче наш,
за святую лозу Давида, раба Твоего,
которую Ты дал нам познать
через Иисуса, Раба Твоего.
Тебе слава вовек.

Дидахе, IX

Очевидно, что эта молитва как раз доказывает обратное тому, что хотели бы доказать мифологиисты. Христос в ней назван «Рабом» или «Служителем» Господним, наряду с царем Давидом, и, следовательно, Его почитали не только Богом, но и человеком, как Давида.

В качестве аргумента против того, что Иисус был реальным земным лицом, приводят и данные раннехристианского искусства. «Археология, — пишет один из мифологиистов, — не нашла ни одного реального изображения Иисуса... Это несомненно говорит за то, что не было прототипа, не существовало той определенной конкретно-исторической индивидуальной личности, которую христианские художники и верующие могли бы в первую очередь, как основателя и главу их секты, фигуративно изобразить на стенах в местах своих религиозных собраний»¹¹. Правильен ли этот вывод, сделанный из отсутствия изображений Христа, датируемых I веком?

Мы не имеем достоверных портретов многих выдающихся людей древности. Неизвестно, например, как выглядели Плиний, Тацит, Светоний и целый ряд других исторических деятелей I—II веков.

Кроме того, необходимо принять во внимание, что первоначально христианство распространялось в иудейской среде, где, как правило, были запрещены всякие изображения, кроме декоративных и аллегорических. Характерно, что Хасмонеи и вождь восставших евреев Бар-Кохба, объявивший себя Мессией, чеканили на монетах не свои портреты, как делали римляне и греки, а лилию, арфу или виноградную лозу.

В христианских катакомбах первых веков мы также находим при-

мущественно *символические* изображения Христа. Это либо пастырь с овцой на плечах, либо виноградная лоза, либо агнец.

Пастыря мифологиисты любят сопоставлять с изваяниями Гермеса, а слово «агнец» Древс умудрялся связывать с индийским словом «Агни» и на этом основании выводил культ «бога Иисуса» из языческого поклонения огню¹². Между тем очевидно, что катакомбная символика возникла *позже* книг Нового Завета и сама основывается на них. Так, образ Агнца иллюстрирует учение о Христе как Агнце Божиим, гроздь винограда — слова Иисуса из Евангелия от Иоанна, а пастух с овцой напоминает о притчах, где Христос сравнивает Себя с «добрым пастырем». Сходство статуй Доброго Пастыря со статуями Гермеса объясняется отнюдь не тем, что христианство родилось из культа этого античного божества. Во-первых, у многих народов пастухи именно таким способом носили ягнят на плечах, а, во-вторых, перед нами не более как заимствование христианских художников у старых мастеров. Никто никогда не отрицал, что раннее церковное искусство выросло на античной почве. Но можно ли из этого делать вывод о заимствовании религиозном? Это было бы подобно попытке отнести, например, Людовика XIV или Суворова к античной мифологии только на том основании, что их нередко изображали в греческих и римских доспехах.

Когда же возникли первые «портретные», несимволические изображения Христа? Установить это пока едва ли возможно. Ведь во время гонений христианские молитвенные дома неоднократно подвергались разгрому, поэтому многие фрески и статуи до нас просто не дошли. Известно только, что тот образ Христа, который стал общепринятым в иконографии, встречается около III—IV веков или несколько раньше. Но даже если археологи и не обнаружат более древних изображений такого типа, это никак не может служить доказательством существования культа «бога Иисуса».

Мы напрасно пытались бы найти упоминание об этом божестве в каком-либо справочнике по мифологии. И это вполне понятно. Ни античные тексты, ни археологические памятники *ничего не говорят о боге Иисусе*, который якобы почитался в дохристианском мире.

Нечто о «прототипах» Христа в мифах, легендах и истории

Поскольку изобретение нового бога потерпело неудачу, мифологиисты продолжали отыскивать другие «прототипы» евангельского Христа буквально по всему свету. В первую очередь они использовали с этой целью античные мифы *о страдающих богах*, не упуская случая сослаться на первобытные тотемы, фетиши и шаманов. Легкость, с какой проводили подобные аналогии, была поистине поразительной. Вспоминается знаменитая сцена на Патриарших прудах из «Мастера и Маргариты», где самоуверенный Берлиоз «просвещает» Ивана. «Нет ни одной восточной религии, — говорит Берлиоз, — в которой, как правило, непорочная дева не произвела бы на свет бога. И христиане, не выдумав ничего нового, точно так же создали своего Иисуса, которого на самом деле никогда не было в живых. Вот на это-то и нужно сделать главный упор... Поэт узнавал все больше и больше интересного и полезного и про египетского Озириса, благостного бога и сына Неба и Земли, и про финикийского бога Хаммуза, и про Мардука».

Когда Булгаков писал свой роман, целая армия таких Берлиозов — дипломированных и полуграмотных — усердно промывала мозги наив-

ным иванушкам. Итоги их трудов были представлены на большой схеме-картине, которая долго красовалась в ленинградском Музее истории религии и атеизма Академии Наук СССР. В центре схемы — изображение Христа на зловещем фоне скрещенных мечей; к Нему тянутся нити от фигур богов и мифических героев Греции, Малой Азии, Египта, Персии и даже Индии. Посетитель музея мог проследить, как из обрывков языкачества «формировался» миф о Христе. Вот рождение Будды, бегство Исиды с младенцем Гором, распятие Митры и Марсия, оплакивание Адониса и Аттиса, воскресение Осириса. Почти все главные эпизоды евангельского рассказа! Есть над чем призадуматься...

Но достаточно хотя бы вкратце узнать содержание мифов обо всех этих рожденных, распятых и воскресших существах, как станет ясно, что перед нами «берлизовская» фальсификация, рассчитанная на неосведомленность широкой публики¹³.

О чем же на самом деле повествует мифология?

Еще в VI веке до н. э. греческая поэтесса Сафо упоминала о культе *Адониса*, распространенном в Сирии. Под именами Думмузи, Таммуза, Адона его издавна знали жители древнего Востока. Адонис — бог, олицетворявший растительность, которая увядает осенью и оживает весной. Миф говорит о нем следующее. Адонис был возлюбленным богини Афродиты. Он погиб от смертельной раны, которую нанес ему в горах огромный кабан. Афродита долго оплакивала юношу, и скорбь ее тронула Зевса. По его приказу Аид, царь преисподней, обещал каждый год на время отпускать умершего из своих подземелий.

Фригийский пастух *Аттис*, герой другого мифа, пал жертвой ревности богини Кибелы. Разгневавшись, она навела на Аттиса безумие, и тот в порыве неистовства оскотил себя и умер, истекая кровью. В память об этом жрецами Кибелы и Аттиса могли быть только скопцы. Этот малоазийский культ сопровождался плясками и оргиями. В 204 году до н. э. он был официально принят в Риме.

Закономерен вопрос: чем же мифы об Адонисе и Аттисе похожи на евангельскую историю?

Не лучше обстоит дело с якобы «распатым» *Марсием*. Согласно мифу, сатир Марсий, прекрасный игрок на флейте, сопровождал Кибелу, когда она оплакивала Аттиса. Погиб Марсий из-за своего честолюбия. Он рискнул вызвать на музыкальное состязание самого Аполлона и, проиграв, испытал на себе ярость неумолимого бога. Аполлон привязал неудачника к сосне и, изувечив его, содрал с него кожу.

Почитатели персидского бога *Митры* действительно верили, что некогда он являлся на землю но и в его «биографии» мало точек соприкосновения с Евангелием. Митра родился из скалы, он спас людей от всемирного потопа, пожара и засухи, убил исполинского быка, воплощавшего силы природы. Из трупы чудовища он создал первые семена сельскохозяйственных растений. После этого Митра был унесен на небо в колеснице, запряженной белыми конями, и с тех пор ведет войну против злых духов¹⁴.

В египетском мифе об *Осирисе и Исиде* мы также находим типичные для древнейших верований мотивы весеннего возрождения природы. Между прочим, египтяне рассказывали, что Исида бежала с младенцем Гором верхом на осле, спасаясь от враждебного бога Сета. Отсюда делались попытки вывести рассказ о бегстве в Египет. Редко какая антирелигиозная книга обходится без рисунка, изображающего богиню на осле, а рядом аналогичную евангельскую сцену. Но, во-первых, об осле сами Евангелия не упоминают, во-вторых, если египетское искусство и подсказало раннехристианским художникам этот

сюжет, то нельзя делать вывод о заимствовании и самого рассказа. В-третьих, на Востоке осел очень часто использовался как верховое животное.

Критики любят указывать на аналогии между языческими и христианскими обрядами. Но ведь каждый, кто знаком с историей христианских народов, знает, что и после крещения у них сохранялись некоторые старые традиции. Это явление вполне естественное, но в пользу мифологистов оно отнюдь не говорит. Если в России, например, существуют такие пережитки дохристианских верований, как масленица, можно ли утверждать, что Православие — продукт Перунова культа?

Кроме того, имели место и сознательные заимствования. Возвышенные и поэтические египетские гимны в честь Осириса были переработаны в христианские. Древний символ вечной жизни + был отождествлен с крестом Христовым, имевшим в действительности форму буквы Т¹⁵. 25 декабря почиталось во многих странах как «День рождения Солнца». Чтобы вытеснить из этого праздника его языческое содержание, Церковь с IV века стала праздновать Рождество 25 декабря. Однако большинство этих заимствований было сделано уже после возникновения книг Нового Завета.

Даже многие историки-марксисты признают, что евангельский рассказ весьма далек от мифологии. Так, известный востоковед, академик Н. М. Никольский писал: «Осирис, Адонис, Аттис, Таммуз гибнут от враждебных богов или от враждебных стихий; там нет ничего человеческого, естественного, похожего на историческую действительность. Иисус погибает в неравной борьбе с правящими иудейскими сферами. Его преследуют за то, что он стал народным героем, что его готовы провозгласить «царем иудейским», как провозглашали в ту эпоху многих вождей народных восстаний. Его ведут к римскому прокуратору, которому именно были подсудны дела о бунтах. Он приговаривается к смертной казни через распятие, обычной казни, применявшейся римлянами к восставшим рабам. Тут нет ничего несообразного, напротив, все чрезвычайно стройно укладывается в рамки тогдашней бурной иудейской жизни и в то же время вполне соответствует порядкам, которые были установлены римлянами»¹⁶.

Чувствуя убедительность этого вывода, мифологиисты делают попытку найти «прототипы» Христа в преданиях об исторических персонажах. В частности, они указывают на *Будду*, в биографии которого находят сходство с евангельским повествованием.

Показательно, что, хотя первые жизнеописания основателя буддизма были созданы через четыре с лишним века после его смерти, в атеистической литературе считается возможным видеть в нем реальное лицо, а в повествованиях о нем — один из первоисточников Евангелия¹⁷.

Мы не будем обсуждать вопрос о том, как могло случиться, что идеи далекой Индии оказали такое воздействие на религию Средиземноморья. Контакты Ближнего Востока с этой страной в римскую эпоху были слабыми и случайными. Однако допустим даже, что буддистам все же удалось повлиять на формирование христианства. Чем это можно доказать? Сходством в рассказах об основателях религий? Но это сомнительный довод. Оба они были странствующими проповедниками, и поэтому в их жизни могли быть аналогичные моменты. Это случается даже тогда, когда людей разделяют тысячелетия. В биографиях святых и мудрецов, полководцев и художников есть много похожего, но из этого не вытекает, что, например, история Наполеона есть вариация на тему истории Александра Македонского¹⁸.

Кроме того, легенды о Будде мало напоминают Евангелия. Будда — сын богатого раджи; его община была создана как монашеский орден; он проповедовал беспрепятственно и умер от болезни в глубокой старости. Огромная разница между учением Будды и Христа несомненна. И вообще чисто палестинский колорит Евангелий исключает участие буддизма в формировании Церкви. Таким образом, статуя Будды в христианском зале Музея истории религии и атеизма свидетельствует лишь о пренебрежении историей в целях пропаганды.

Остановимся еще на одном «прототипе» Иисуса, который был пущен в ход мифологистами сравнительно недавно. Речь идет о кумранском *Учителе Праведности*.

В 1947 году на берегу Мертвого моря в районе Хирбет-Кумрана был найден тайник с древними кожаными манускриптами. Это открытие положило начало целой серии находок, в результате которых ученые получили сотни свитков, принадлежавших древней полумонашеской общине. Ее отождествляли с *ессейями* — орденом, известным прежде лишь по сообщениям античных писателей¹⁹. Сами члены кумранского братства называли себя «Сынами света», «Избранниками», «людьми Нового Завета». В их документах упоминается некий вождь или реформатор, которого они обычно именовали Учителем Праведности, или Праведным Учителем. О нем говорилось, что он возвещал людям волю Бога и терпел преследования от «нечестивого священника».

Пока датировка рукописей не была установлена хотя бы приблизительно, некоторые ученые решили, что речь в них идет о Христе. Это встревожило мифологистов и, чтобы обезопасить свои позиции, они прибегли к самой простой, но отнюдь не убедительной мере: в книгах, посвященных происхождению христианства, кумранские находки полностью *замалчивались*. Даже Виппер, который довольно подробно писал о ессеях, ни словом не обмолвился о документах Мертвого моря. И только спустя девять лет (!) после открытий, когда стало уже очевидным, что тексты эти — дохристианские, было разрешено напечатать первые сообщения о них. Мало того, кумранские открытия стали немедленно использовать в интересах теории мифа. Ведь куда удобнее объявить «прототипом» Христа иудейского учителя, казненного жрецами, чем толковать о «боге Иисусе» или проводить параллели с древнегреческими мифами! Вскоре журнал «Наука и жизнь» поместил рисунок, на котором был изображен крест с распятым Учителем Праведности, от коего падает тень, образующая силуэт распятого Христа. Вот они, долгожданные «исток» евангельского сказания! Наконец-то найден «Христос до Христа»...

Особенно вдохновили мифологистов слова французского ученого А. Дюпона-Соммэра, одного из первых исследователей Кумрана: «Галилейский Учитель, как он дан в Новом Завете, во многих отношениях является поразительным перевоплощением Учителя Праведности»²⁰.

Однако мифологисты и на сей раз торжествовали слишком рано. При дальнейшем анализе находок выяснилось, что вывод А. Дюпона-Соммэра следует считать по крайней мере преувеличением.

Что же мы знаем сегодня о кумранском Учителе? На самом ли деле он был «двойником» Христа? Так казалось лишь вначале, но чем тщательнее исследовались тексты, тем очевиднее становился контраст между этим человеком и Христом. В отличие от Него, Учитель был священником и толкователем Закона; орден, возглавленный им, управлялся духовенством. Христос посещал Храм и бывал в Иерусалиме на праздниках, ессей же не признавали Храма и придерживались собственного церковного календаря.

Выпады сектантов против царя-первосвященника из рода Хасмонеев привели около 150 года до н. э. к конфликту. Учителя бросили в темницу, а затем он был отправлен в ссылку. Но и там «нечестивый жрец» не оставлял его в покое. Когда «Сыны света» справляли праздник Судного дня, на них напали люди, посланные царем. Но это не привело к распаду секты. Около 140 года Учитель увел своих приверженцев к берегам Мертвого моря, где и был основан первый кумранский поселок. Умер Учитель около 110 года до н. э.; о его кончине в текстах говорится в спокойных эпических тонах. Нигде нет прямых указаний на то, что он был распят или казнен каким-либо иным способом. Правда, в кумранском толковании на книгу пророка Аввакума якобы есть намек на это: там сказано, что Учитель был «обличаем», что иногда переводят как «наказуем». Но это скорее относится к тюремному заключению, чем к казни²¹.

Если в событиях жизни Учителя Праведности трудно найти «пробраз» Евангелия, то нет ли сходства между учением Христа и есеевством?

Прежде всего бросается в глаза, что кумраниты называли себя общиной Нового Завета. Однако следует помнить, что сам этот термин не был введен христианами. Еще в VI веке до н. э. пророк Иеремия возвещал о том, что некогда Бог заключит с верными Новый Завет (гл. 31). Ессеи думали, что именно на них исполнилось это пророчество. Христос же, устанавливая Новый Завет на Тайной Вечере, сделал это совершенно независимо от сектантов, обитавших в пустыне.

Ессеи требовали от членов своей секты «веры» в Учителя, но в данном случае речь идет только об отношении к его пророческой миссии. В «Гимнах», которые обычно приписывали Учителю, он выступает как человек, всецело преданный Богу, но сознающий свою греховность и немощь. Он постоянно говорит о врагах общины, о честолюбцах, оспаривавших его власть, о будущем торжестве над противниками. Праведность, которую он проповедовал, была узкозаконнической. Обрядов и правил у кумранитов было еще больше, чем у фарисеев. Они строго хранили субботу, и, в отличие от Христа, думали, что в этот день даже вытаскать скотину из ямы — великий грех²².

Иисус шел ко всем обездоленным и презираемым. Его обвиняли в том, что Он «ест и пьет с мытарями и грешниками». Он призывал любить каждого человека, будь то даже иноверец-самарянин. Иное мы видим в Кумране. Устав общины учил о «вечной ненависти к людям погибели», как называли всех, кто не принадлежал к секте²³. В нее не допускали лиц с телесными недостатками²⁴; запрещалось входить в какие бы то ни было контакты с чужаками.

Безбрачие, строгая иерархическая дисциплина, изоляционизм, постоянное изучение Закона — вот чем характеризовалась жизнь в Кумране. «Избранники» были убеждены, что при наступлении Суда Божия спасутся только они. Более того, они надеялись принять участие в войне против «сынов тьмы» и заранее планировали свои действия в день апокалиптической битвы. Вот почему есеевство и Церковь Христова, выражаясь словами известного современного ученого Иохима Иеремиаса, — «два мира, встретившиеся лицом к лицу»²⁵. Если же в Новом Завете и кумранских рукописях попадаются сходные выражения и образы, это указывает лишь на общую атмосферу эпохи. Не исключена и возможность того, что некоторые ессеи, покинув секту, влились в Церковь и принесли в нее свои обычаи и понятия. Отсюда отдельные черты, присущие и есеевскому и раннехристианским общинам.

Находки в пустыне у Мертвого моря расширили наши представления о круге идей и чаяниях общества, в котором жил Иисус. Становится

ясным, сколько новизны было в Его проповеди и как легко она могла вызвать противодействие.

Итак, попытка вывести Евангелие из Кумрана потерпела такое же поражение, как и прочие домыслы о «прототипах» Христа.

«Молчание века»

Своим главным козырем мифологисты всегда считали «молчание века». В самом деле, если Христос существовал, почему о Нем не упоминают писатели и историки той эпохи? Ведь она прославилась такими именами, как Сенека, Плиний Старший, Ювенал, Марциал, Филон, Иосиф Флавий, Юст Тивериадский и др.

Прежде чем ответить на этот вопрос, мы должны сделать две очень важные оговорки. Во-первых, отсутствие книгопечатания ограничивало число рукописей, что облегчило *полное исчезновение* огромной массы манускриптов. Достаточно указать на следующие цифры: из 142 книг «Истории» Тита Ливия сохранилось лишь 35; от 40 книг труда Диодора Сицилийского до нас дошло всего 10; из 20 книг «Археологии» Дионисия Галикарнасского осталось 9. В ничтожных отрывках дошли до нас сочинения Николая Дамасского, совсем исчезли «История» Помпея Трога, исторические работы Страбона, Плиния Старшего, Юста Тивериадского. Даже знаменитые «Анналы» Тацита не дошли до наших дней полностью. При таком положении вещей нельзя категорически утверждать, что о ком-либо в литературе не было упоминаний.

Во-вторых, странно требовать от античных авторов сведений о таком незначительном в их глазах факте, как кратковременная деятельность некоего Учителя в глухой восточной провинции. Тогда повсюду странствовали различные проповедники, и Христос, с точки зрения язычников, ничем от них не отличался.

Следовательно, римские и греческие писатели должны были упомянуть о Нем только тогда, когда христианство заявило о себе как массовое движение. Мы знаем, что в Риме это произошло лишь через тридцать лет после Распятия, в связи с гонением на христиан в 64 году. До этого, скажем, философ Сенека вряд ли мог слышать о них что-либо достоверное. Но, даже если бы он и узнал о христианах, его молчание вполне объяснимо. В 65 году он оказался замешанным в антиправительственном заговоре и вскрыл себе вены по приказу Нерона. Вполне понятно также молчание Марциала, Диона Хризостома и Ювенала, тем более, что ни один из них историком не был и не касался политических тем. Тит Ливий и Николай Дамасский умерли еще до начала общественного выступления Иисуса Христа.

А как обстоит дело с другими античными авторами? Действительно ли они ничего не говорят о Христе и христианах? Оказывается, это далеко не так.

Хотя до нас не дошел труд Плиния Старшего, зато сохранились письма его племянника *Плиния Младшего* (61—113), в которых он упоминает о христианах. Со 111 по 113 годы Плиний Младший управлял малоазийской провинцией Вифинией и по долгу службы ему приходилось преследовать христиан. Несомненно, власти уже и прежде обращали на них внимание. В докладе императору Траяну Плиний описывает жизнь христиан, их собрания, молитвы и обычаи. Важно отметить, что на допросах некоторые из них признавались, что вступили в общину 20 лет назад, т. е. около 90 года²⁶. Говоря о молитвах

христиан, Плиний употребляет выражение: «молились Христу как будто Богу». Это значит, что Плиний слышал о существовании Христа как человека; в противном случае он говорил бы просто о «боге Христе».

Крупнейший римский историк *Корнелий Тацит* (55—120), рассказывая о пожаре в Риме летом 64 года, говорит, что Нерон свалил вину на «людей, ненавистных за их мерзости, которых чернь называла христианами». Христос, от которого происходит это название, был казнен при Тиберии прокуратором Понтием Пилатом, но подавленное на время зловерное суеверие снова вырвалось наружу и распространилось не только по Иудее, где это зло получило начало, но и по Риму, куда стекаются со всех сторон и где громко заявляют о себе все гнусности и бесстыдства»²⁷.

Ни один серьезный исследователь не может пройти мимо такого важного свидетельства. Древс, а за ним другие мифологиисты пытались всячески умалить его ценность и объявить позднейшей христианской вставкой. Между тем действительные подделки (вроде «Деяний Пилата» или «Письма Лентула») никогда не удавались по-настоящему. Историк легко находит ошибки, говорящие о подлоге. Место же о Христе у Тацита, где о новом учении сказано в грубых, полных ненависти выражениях, не может быть вставкой хотя бы уже потому, что ни у одного христианина не поднялась бы рука писать о своей вере в таком духе. Поэтому свидетельство Тацита теперь признано подлинным большей частью советских ученых.

Другой римский историк *Светоний* (70—140), говоря о полезных мероприятиях Нерона, относит к ним преследование «христиан, людей, исповедующих новое и зловерное суеверие»²⁸. В биографии Клавдия (41—54) он также сообщает о возникшем среди римских иудеев смутении «из-за некоего Хреста»²⁹. А из Деяний Апостольских известно, что как раз в это время происходили страстные споры в синагогах между обратившимися в христианство и сторонниками старого Закона. Есть основание думать, что Светоний, подобно многим римлянам, слово «Христос» передает как «Хрестос»; кстати, и Тацит называет христиан «христианами»³⁰.

Далее, по утверждению мифологиистов, «ни Цельс, ни Лукиан ничего не сообщают о проповеднике Иисусе Христе»³¹. Верно ли это? Сатирик и публицист *Лукиан* около 150 года писал о христианах: «Первый их законодатель вселил в них убеждение, что они братья друг другу, после того как они отрекутся от эллинских богов и станут поклоняться своему распятому мудрецу и жить по его законам»³². Цельс же в своей полемической книге «Истинное слово», направленной против христианства, говорит об Иисусе как об исторической личности. Между прочим он называет Его «казненным вождем мятежа» и упрекает тех иудеев, которые восстали против своего правительства и последовали за Иисусом. По его словам, христиане поклоняются человеку, «схваченному и казненному». Цельс знает, что христианство — новая религия, что Иисус «совсем недавно проповедовал это учение»³³.

Перечислив почти всех античных писателей того времени, мы видим, что многие из них добросовестно сообщают те сведения о Христе и христианах, которыми располагают.

В прошлом веке был опубликован еще один документ, который имеет прямое отношение к нашей теме. Автором его является сирийский мудрец *Мара бен Серапион*. В послании к сыну, которое большинство историков датируют I в. н. э., Мара излагает свои взгляды на жизнь и на превратности человеческой судьбы. В тексте есть следующие строки:

Ибо что еще можем мы сказать,
если мудрецы терпят насилие от рук тиранов,
и мудрость их уловляется клеветой,
и угнетаемы они без защиты от разума своего?

Так, что доброго стяжали афиняне,
убив Сократа,
возмездие за коего получили они в гладе и моровой язве?

Или сыны Самоса,
сжегши Пифагора?
Ибо земля их в одночасье сокрыта была песком.
Или иудеи,
казнив Мудрого Царя своего?
Ибо царство их с того времени отнялось у них.
Ибо по правде отмстило божество
мудрость сих трех:

ибо афиняне умирали от глада,
и сыны Самоса одолены были мором,
не имея средств помочь себе,
иудеи же, покинутые и прогнанные из царства своего,
рассеяны по всякой стране.
Сократ бессмертен через Платона;
Пифагор же — через кумир Геры;
а Царь Мудрый — через законы, им данные.³⁴

Говоря о мудром Царе и Его Законе, Мара, разумеется, не мог иметь в виду Иродов. Ни один из них не пал от руки сограждан, и уж конечно, никого из Иродов нельзя включить в число мудрецов, подобных Пифагору и Сократу. Поэтому наиболее вероятно, что в данном случае речь идет о казненном «Царе Иудейском» — Иисусе Назарянине, давшем людям новый Закон.

Обратимся теперь к иудейским авторам.

Филон Александрийский (ум. около 45 года н. э.) родился в Египте и всю жизнь прожил в этой стране. Познакомиться с христианством он мог лишь после того, как оно получило широкое распространение. Но к моменту его смерти в Александрии христиан насчитывались единицы, поэтому он едва ли знал об Иисусе. Впрочем, окончательного вывода сделать в данном случае нельзя, поскольку многие книги Филона утеряны.

От *Юста Тивериадского* — писателя конца I века — не сохранилось ни одного произведения. Византийский ученый, патриарх Фотий (IX век), читал его «Хронику Иудейских царей» и не нашел там упоминания о Христе. Но Христос проповедовал, когда Иудея находилась не под властью царей, а управлялась римскими прокураторами. О содержании же «Истории» Юста не дошло никаких свидетельств.

Иосиф Флавий (37—100), сочинения которого являются главным источником по истории Иудеи I века, священник, ученый и политический деятель, в молодости руководил боевыми отрядами Галилеи в войне против Рима, но, попав в плен, изменил свое отношение к восстанию. В книгах «Иудейская война» и «Археология», обращенных к западной аудитории, Флавий старался приспособиться к пониманию своих читателей. Так, фарисеев он стилизовал под стоическую школу, а ессеев под пифагорейцев. Он всюду настойчиво проводил мысль, будто восстание —

это дело рук кучки авантюристов, сбивших народ с толку. Иосиф мог замалчивать и христианство, как замалчивал другие мессинские движения. Однако кое-какие, хоть и краткие, сведения о евангельских событиях историк все же сообщает.

Прежде всего он упоминает об Иоанне Крестителе.

«Некоторые иудеи,— пишет он,— видели в уничтожении войска Ирода вполне справедливое наказание со стороны Господа Бога за убийство Иоанна. Ирод умертвил этого праведного человека, который убеждал иудеев вести праведный образ жизни, быть справедливыми друг к другу, питать благочестивые чувства к Предвечному и собираться для омовения. При таких условиях, учил Иоанн, омовения угодны Богу, так как они будут прибегать к этому средству не для искупления различных грехов, но для освящения тела, тем более, что душа их заранее успела очиститься. Так как многие стекались к проповеднику, учение которого возвышало их души, то Ирод стал опасаться, как бы его огромное влияние на массы, вполне подчинившиеся ему, не привело к каким-либо осложнениям. Поэтому тетрарх предпочел предупредить это, схватив и казнив его раньше, чем ему пришлось раскаиваться, когда будет поздно. Благодаря такой подозрительности Ирода, Иоанн был в оковах послан в Махерон и там казнен»³⁵.

Это сообщение Флавия, признается теперь подлинным даже в атеистической литературе. Не решаются больше отвергать и другое его свидетельство. Флавий пишет, что в 62 году первосвященник Ханан II, воспользовавшись отсутствием прокуратора, «приговорил к побитию камнями Иакова, брата Иисуса, так называемого Христа, равно как и нескольких других, обвиняя их в нарушении Закона»³⁶. Кто был этот Иаков, мы знаем из книг Нового Завета. Его действительно называли «Братом Господним», поскольку он был из числа апостолов, принадлежавших к семье Иисуса.

Есть, наконец, в «Археологии» параграф, специально посвященный Христу, который всегда вызывал недоумение и споры.

«В это время выступил Иисус, человек глубокой мудрости, если только можно назвать его человеком. Он творил дивные дела и был Учителем людей, с радостью приемлющих истину, привлекающая к себе многих, в том числе и эллинов. Он-то и был Христом. Пилат распял его по доносу наших старейшин. Но те, которые его любили, не отступились от него, ибо он на третий день снова явился им живым, как это и было предсказано боговдохновенными пророками, которые также предвозвестили о нем много чудесных вещей. И до нынешнего дня есть еще люди, называющиеся по его имени христианами»³⁷.

Многие выражения этого отрывка кажутся явно христианскими. Между тем Ориген в III веке писал, что Флавий, признавая праведность Иакова, брата Иисусова, не верил в Него Самого как в Мессию³⁸. Значит, он читал текст «Археологии» в несколько ином варианте. В IV же веке церковный историк Евсевий Кесарийский уже цитирует место об Иисусе в том виде, как оно дошло до нас. Вероятнее всего, где-то между III и IV веками неизвестный переписчик внес в книгу изменения. О том, как выглядел текст первоначально, можно

лишь догадываться, но, конечно, там не было слов «Он-то и был Христом», т. е. Мессией.

В 1912 году русский ученый А. Васильев опубликовал арабский текст книги египетского историка X века Агапия, а недавно израильский исследователь Ш. Пинес обратил внимание на цитату Агапия из Флавия, которая расходится с общепринятой версией.

«В это время жил мудрый человек, которого звали Иисусом. Образ жизни его был достойным, и он славился своей добродетельностью. И многие люди из иудеев и из других народов стали его учениками. Пилат приговорил его к распятию и смерти. Но те, кто стали его учениками, не отреклись от его учения. Они сообщили, что он явился им через три дня после распятия и что он был живым. Полагают, что он был Мессией, относительно которого пророки предсказывали чудеса»³⁹.

Пинес предположил, что именно так мог выглядеть первоначальный текст свидетельства Флавия. Это вполне вероятно. Во всяком случае Иосиф должен был писать именно в таких выражениях.

Итак, в «Археологии» Иисус упомянут один или даже два раза. А в «Иудейской войне»? Ведь она тоже касается истории Палестины I века. В том виде, в каком «Иудейская война» теперь существует, она не говорит о Христе ничего. Но есть предположение, что Иосиф рассказывает о Нем в другом варианте своего труда, написанном на арамейском языке⁴⁰. Не исключено, что отголоски этого варианта могут быть найдены в древнерусском переводе «Войны». Такую точку зрения впервые выдвинули немецкие ученые Берендс и Айслер. Дело в том, что славянская версия во многом отличается от греческой. Академик В. М. Истрин считал, что она могла быть заимствована из не дошедшего до нас текста самого Иосифа⁴¹.

«Тогда явился некий человек, если только можно назвать его человеком (природа и образ его были человеческие, вид же его сверхчеловеческий, а дела божественные), и творил чудеса дивные и сильные. Тем менее можно мне назвать его человеком, но и, глядя на его естество, не назову его и ангелом. Все, что он делал, творил некоей невидимой силой, словом и повелением. Одни говорили о нем, что первый наш законодатель восстал из мертвых и явил многие исцеления и мудрость. Другие же думали, что он послан от Бога. Он же во многом противился Закону и не хранил субботы по отеческому обычаю, но ничего не творил скверного и нечистого. Он все совершал не руками, а словом, и многие из народа следовали за ним, внимая его учению, и многие шли, думая, что через него освободятся колена иудейские от рук римлян. Он имел обычай чаще всего быть перед городом на Елеонской горе. И там же исцелял людей. И собрались к нему 150 приверженцев («слуг»), а многие из людей, видя силу его, что все, что он хочет, творит словом, требовали, чтобы он, войдя в город и избив римское войско и Пилата, воцарился над ними. Но он отверг это. После того дошла весть о нем до иудейских властей. И, собравшись к архиереям, сказали: «Мы слабы и не способны противиться римлянам. Но так как лук уже натянут, пойдем и донесем Пилату, что слышали, и будем спокойны. Не то услышит от других, и нас лишат имения и истребят с нашими детьми». И, пойдя, возвестили Пилату. И он, послав, избил

многих от народа и привел того чудотворца. Испытав его, Пилат понял, что он добродетелен, а не злодей, не мятежник и не искатель царства. И отпустил его, потому что он исцелил умирающую его жену. И тот пошел на прежнее свое место и стал творить прежние дела, и еще больше народа собралось вокруг него. И прославился он своими делами больше всех. Законники прониклись к нему еще большей завистью и дали 30 талантов Пилату, чтобы он умертвил его. И тот, взявши, предоставил им свободу самим исполнить их желание. И они искали подходящего времени, чтобы убить его... Распяли его вопреки отечественному обычаю и много издевались над ним».

Разумеется, слова о божественном облике Чудотворца проще всего отнестись за счет христианского переписчика, хотя Иосифу были не чужды подобные выражения⁴². Интересно другое. Согласно славянской версии, Иисуса *дважды* арестовывали и в момент взятия Его под стражу воины подкупленного Пилата учинили избиение народа. И во многом другом рассказ сильно уклоняется от евангельского. Христианский переписчик едва ли решился бы вступить в такое резкое противоречие с Писанием; в частности, он не стал бы рассказывать о двойном аресте Иисуса. Законно предполагать, что Иосиф, зная о событиях из чьих-то уст, передал их не совсем точно. Все это, конечно, не исключает и возможности позднейших изменений в тексте.

Но, допустим, что место о Христе в славянской версии целиком апокрифично, допустим, что и свидетельство в XVIII главе «Археологии» добавлено позднее, — у нас останется сообщение о казни Иакова, «брата Иисуса, так называемого Христа». Наконец, даже если, встав на крайне скептическую точку зрения, отвергнуть и этот текст, у нас будет право заподозрить Иосифа в намеренном *умолчании*. Ведь не сказал же он почему-то ни слова о таком человеке как Гиллель, хотя последний был самым выдающимся наставником Иудеи в эпоху Второго Храма.

Кроме Флавия, материал по истории Палестины новозаветной эпохи содержит *Талмуд*. Этот обширный сборник иудейских церковных уставов, законов, нравственных предписаний и легенд складывался на протяжении II—V веков н. э., начало же его восходит к I столетию до н. э. Есть в нем и указания на Христа, но они даны в форме зашифрованных и глухих намеков. Чаше всего Талмуд называет Иисуса «Назарянином» или «тем человеком». Сказано, что Он «занимался чародейством и свел Израиля с пути», что Он «научился магии в Египте» и что Его «повесили накануне Пасхи»⁴³. В Талмуде упоминается о жившем в конце I века учителе Элеазаре, которого обвиняли в симпатии к христианам. Он признался, что слышал от некоего Иакова из Секании слова Иисуса, поправившиеся ему.

Хотя все подобные сообщения кратки и неясны, составители Талмуда не сомневаются в реальности Иисуса. А ведь если бы такие сомнения могли возникнуть, то противники христиан не преминули бы ими воспользоваться. Понимая это, мифологисты готовы идти даже на сознательные подлоги. Так, А. Ранович цитирует слова раввина Трифона из книги писателя II века св. Иустина: «Вы следуете пустой молве, вы сами себе выдумываете Христа... Если Он и родился и существует где-нибудь, Он во всяком случае никому не известен». Из этой фразы делается вывод, будто некоторые иудеи считали Иисуса вымыслом. Но такой вывод основан на урезанной и искаженной цитате. Пропущенные слова Трифона звучат так: «Что же касается Помазанника (Христа), если

Он родился и находится где-нибудь, то Он неизвестен другим и *Сам Себя не знает* и не имеет никакой силы, доколе не придет Илия, не помажет Его и не покажет всем»⁴⁴. Очевидно, что Трифон, говоря о «Помазаннике», подразумевал не Иисуса Назарянина, в мессианство Которого не верил, а ожидаемого Мессию и Его появление перед народом, согласно традиционным иудейским представлениям. И когда Трифон говорил: «Вы выдумываете себе Христа», он, конечно, имел в виду не исторического Иисуса, а признание Его Мессией.

Английский историк-марксист Арчибалд Робертсон отмечал, что в данном случае мифологисты «один за другим попадают в самую нехитрую ловушку для простаков». Он вынужден заметить, что, к сожалению, многие авторы «проделявают такие фокусы, чтобы доказать свою правоту»⁴⁵.

Наш «опрос свидетелей» подходит к концу. До сих пор мы говорили только о писателях нехристианских. В заключение укажем и на древнейшие *внеевангельские* документы, вышедшие из христианской среды.

Наиболее ранними произведениями новозаветной литературы являются Послания *апостола Павла*. Реальность его как исторического лица не ставилась под сомнение даже большинством мифологистов. «Если вообще существовала, — писал Дреус, — великая личность», призвавшая к жизни новую религию, то это был не псевдоисторический Иисус, а Павел, который в глубинах своего возвышенного умозрения и этического творчества обрел те силы, которые доставили христианству победу над остальными конкурировавшими с ним религиями. Без Иисуса возникновение христианства вполне объяснимо; без Павла его объяснить нельзя»⁴⁶.

Но в таком случае ап. Павел должен был быть одним из тех, кто создал «миф о Христе», а следовательно — жить значительно позднее евангельской эпохи. Между тем Павел был младшим современником Иисуса.

Он родился лет на 10—15 позже Его, прибыл впервые в Иерусалим ок. 30 г., где учился в школе Гамалиила,

христианином стал ок. 36 г., т. е. еще при Пилате (26—37), в правление набатейского царя Ареты IV (8 г. до н. э. — 40 г. н. э.); он проповедовал при императоре Клавдии (41—54),
при прокураторе Ахайи Галлионе (52),
при прокураторах Иудеи М. Феликсе (52—60) и П. Фесте (60—62),
при первосвященнике Анании (49—50),
при царе Агриппе II (48—66).

Все эти лица, известные из многих исторических документов, фигурируют в Деяниях и Посланиях.

Послания ап. Павла были написаны в 50 - 60 годах. Во всяком случае ни одно из них не могло появиться после падения Иерусалима (70 г.). Гибель храма дала бы Павлу решающий аргумент против апологетов старого Закона, и он не преминул бы им воспользоваться. В Посланиях же на это событие нет ни малейшего намека. Поэтому попытки отнести их ко II веку абсолютно несостоятельны.

Дреус надеялся выйти из положения, заявив, будто «Павел ничего не знал об Иисусе». Между тем в Посланиях апостола говорится о рождении Христа и Его проповеди, о двенадцати Его апостолах, Тайной вечере, крестной смерти и Воскресении. Павел сообщает о встречах с людьми, лично знавшими Иисуса, — Петром, Иаковом, и Иоанном, а также со «многими» другими свидетелями Воскресения.

Понятно, что, не являясь прямым учеником Иисуса, апостол мало говорил о подробностях Его жизни, оставляя эту привилегию очевидцам. Однако и для неискушенного читателя ясно, что, свидетельствуя о Христе, Павел имел в виду не мифическое существо, а Иисуса Назарянина.

Но почему о земной жизни Христа так мало сказано в *Откровении Иоанна*? Это обусловлено общим мистико-символическим характером Апокалипсиса. Известно, что и другие раннехристианские книги, написанные в апокалиптическом духе, например «Пастырь» Гермаса, обходят земной путь Иисуса молчанием. И все же из Иоаннова Апокалипсиса мы узнаем, что Иисус Христос происходил из колена Иудина, был распят и воскрес. Что Он имел учеников и возвестил Благую Весть всем народам.

Остается подвести итог.

Предположим, что Евангелия не дошли бы до нас. Тем не менее из других источников мы узнали бы, что при императоре Тиберии и прокураторе Пилате в Иудее жил проповедник Иисус из Назарета. Его учение привлекло много последователей, но у властей Он вызвал подозрения и вражду. Бюстители Закона выдали Его Пилату, и тот казнил Иисуса как «Царя Иудейского», опасного для Рима. После смерти Назарянина загадочные явления убедили учеников, что Он воскрес, что Он истинный Избавитель, обещанный пророками. Так родилось христианство, которое стало быстро распространяться по всей империи.

Теперь представим себе, что по той или иной причине оказались утраченными и все внеевангельские свидетельства о Христе. Это тоже не доказывало бы правоты мифологов. Ведь любое широкое духовное движение — будь то конфуцианство, стоицизм или ислам — не возникало без своих вождей-основателей. Почему же исключать из этого правила Церковь, изображая ее начало в виде «самопроизвольного зарождения»?

События, запечатленные в Евангелиях, происходили лишь за несколько десятилетий до того, как они были описаны. Между тем мифы складываются веками.

«Кто-то существовал...»

Убеждаясь в непрочности постройки, которую они возводили так долго и старательно, мифологи начали готовиться к отступлению. Еще в 1902 году Джон Робертсон заявил, что, по его мнению, Иисус мог существовать как «учитель-новатор» и, возможно, Он претендовал на роль Мессии, но на этом кончаются достоверные сведения о Нем. При этом Робертсон, следуя Талмуду и Цельсу, называл Иисуса «сыном Пантероса». Тем самым он повторял старую лингвистическую ошибку, в которой слово *Партенос*, Дева, было спутано с именем Пантерос.

В марксистской литературе одним из первых стал сдавать позиции Арибалд Робертсон. В книге «Происхождение христианства», вышедшей в 1953 году, он признал, что евангельский рассказ содержит «элементы истории». Его примеру последовал итальянский историк-коммунист Амброджо Донини. Он писал: «Передовые течения исторической науки, сознающие опасность тех направлений, которые не принимают во внимание историко-социального процесса образования христианских преданий, чувствуют необходимость переоценки понятия мифичности». Что касается жизни Иисуса, то Донини полагал, что

можно «лишь попытаться установить какие-то общие черты ее»⁴⁷.

В конце концов и наши мифологисты вынуждены были согласиться с этой точкой зрения, хотя принимали ее с величайшей неохотой. Так, С. И. Ковалев, говоря, что «многие персонажи раннехристианской литературы являются несомненно историческими лицами», распространял эту уступку только на Иоанна Крестителя, ап. Павла и ап. Иакова, но реальность Христа по-прежнему отрицал⁴⁸. Впрочем, огромным достижением было уже то, что Ковалев перестал считать нехристианские свидетельства об Иисусе подделкой.

А через несколько лет другой советский историк М. М. Кубланов уже признал, что «формирующееся христианство могло группироваться вокруг личности некоего проповедника, одного из многих «пророков» и «чудотворцев эпохи»⁴⁹. А как же быть с пресловутым «молчанием века»? На это историк отвечает: «Тезис о «молчании века», единодушном будто бы молчании нехристианских авторов утратил значение, которое ему придавалось, равно как и разнообразные выводы, которые на этом основании делались»⁵⁰. Яснее, кажется, выразиться трудно.

Но, признав историчность Христа, сторонники умеренного критицизма стараются теперь умалить Его значение как Основателя христианства. Сама «проблема Иисуса» объявляется несущественной. «Для марксистской науки, — пишет один из таких авторов, — не имеет принципиального значения вопрос о том, жил или не жил в царствование Августа и Тиберия в Иудее человек по имени Иисус, который был казнен при прокураторе Понтии Пилате и впоследствии обожествлен своими суеверными последователями. Христианская религия, как и все значительные религиозные движения создавалась постепенно массами верующих»⁵¹.

Однако, если этот вопрос в самом деле не имеет значения, то какой смысл уделять ему столько места в атеистической пропаганде? Почему так долго и ожесточенно стремились доказать, что Христа «не было», если Его существование — второстепенный факт?

Кроме того, вызывают недоумение анонимные «массы верующих» в роли творцов христианства. Любая эпоха показывает, что массы, как правило, были или консервативной средой, сохраняющей старые верования, или горючим материалом, вспыхивающим от поднесенного пламени. Творческий же порыв к новым перспективам и идеям всегда исходил от *личностей*. Именно они собирали в себе, как в фокусе, опыт веков и чаяния поколений.

«Если есть область, — справедливо подчеркивает С. Булгаков, — где исключительная роль творческой индивидуальности наиболее бесспорна и очевидна, то это та, где действует вдохновение, неведомым, поистине магическим путем озаряющее человека; такой областью является религия и искусство. Попробуйте понять происхождение ислама, без которого вся история мира была бы иной, если устранить из нее Магомета»⁵². Столь же нелепым было бы устранение из истории искусства Рафаэля, Шекспира или Бетховена. Ведь история живописи — это в значительной мере история художников, а история философии — это в сущности не что иное, как история философов. Даже в такой бедной духовными ценностями сфере, как политическая жизнь, мы обнаруживаем могучее воздействие личной воли на ход событий. Достаточно напомнить, что одно только XX столетие знает несколько фигур, определивших направление эпохи. Отмахиваться от проблемы личности — значит упускать один из важнейших аспектов исторического процесса.

Правда, в отдаленном прошлом, когда господствовало родовое, племенное, народное сознание, личность как бы отступала на второй план перед единством целого. Отсюда, однако, не следует, что творили сами массы. Просто поэты, ваятели и художники древнего мира часто оставались по обычаю анонимными. Они были еще прочно связаны с традицией и не осмеливались противопоставлять себя ей. Именно в такие эпохи возникали сказания, эпос и мифы.

Но за несколько столетий до Христа, когда появились великие мыслители, духовные вожди и реформаторы — создатели мировых религий, началось освобождение личности от оков традиции. Массы сначала с большим трудом принимали то новое, что несли им пророки и учителя. Иеремия, Конфуций, Заратустра, Анаксагор, Сократ и Аристотель — вот лишь некоторые имена из мартиролога тех, кого встречали непониманием, тревлили и убивали. Духовные вожди-преобразователи вынуждены были вступать в единоборство с инерцией преданий, традиций и ритуалов. Их наследие и поныне несет на себе неизгладимую печать их личности, их неповторимого облика; их внутренний мир и сегодня оказывает влияние на веру миллионов людей. Уже одно это делает спорным утверждение, будто вопрос об Основателе христианства есть нечто «безразличное» для историка.

Как далеко могут зайти те, кто не желает считаться с исторической реальностью Христа, показывает ряд примеров. Анри Барбюс, в частности, безо всяких оснований изображал Его революционером и чуть ли не атеистом⁵³. А ученый-народоволец Николай Морозов отождествлял Христа одновременно с Моисеем, Магометом, Рамсесом II и Василием Великим⁵⁴. К таким странным фантазиям приводят порой гипотезы, которые ограничиваются утверждением: «Кто-то существовал, но мы о нем ничего не знаем...».

«Клубок противоречий и ошибок»

Современные атеистические авторы уже готовы, как мы видели, согласиться с тем, что Евангелия «сообщают ряд сведений о действительной жизни проповедника Иисуса»⁵⁵. Но у этих авторов есть про запас ряд аргументов, которыми они надеются поколебать *достоверность* книг Нового Завета. «В памяти людей, — говорят они, — в исторической памяти почти двух тысяч лет сам образ Христа сложился как нечто многоликое и противоречивое»⁵⁶. В доказательство приводят различные трактовки Его личности в прошлом и настоящем. Одни считают Его пророком или моралистом, другие — сторонником ненасилия, третьи — бунтарем. Можно ли, спрашивают нас, в таком случае составить верное представление о столь противоречивом человеке?

Но именно многогранность Иисуса говорит о величии Его личности, о том, что Он не укладывается в схемы и однозначные характеристики. Кстати сказать, это относится и ко многим выдающимся людям всех времен. Чем значительнее пророк, философ или писатель, тем больше шансов для появления новых, порой неожиданных мнений о нем. Так, в Магомете видели то политического авантюриста, то обманщика, то вдохновенного созерцателя, а Спинозу изображали то атеистом, то мистиком.

У критиков есть и другой аргумент против достоверности Евангелий. Они указывают на противоречия, которые якобы снижают историческую ценность Нового Завета. Еще старые мифологины выдвигали этот довод как «тяжелую артиллерию» своих нападков.

Обычно указывают на противоречия двух видов: в описании фактов и в изложении учения. Остановимся сначала на «противоречиях» в рассказах евангелистов о событиях жизни Христа. Вот несколько типичных примеров.

Уже давно сомневались, мог ли Иосиф решиться идти с Марией и Младенцем в Иерусалим, как говорит Лука, если, согласно Матфею, он узнал о враждебных замыслах Ирода. Ответ мы находим у ев. Матфея. Ирод узнал об Иисусе, когда Ему было около двух лет, а в храм Младенец был принесен в месячном возрасте, как того требовал Закон⁵⁷.

«Матфей и Марк подробно рассказывают, как Иисус был крещен Иоанном Крестителем; у Луки же ясно говорится, что в то время Иоанн находился в тюрьме и Иисус крестился без него»⁵⁸. Однако стоит внимательно прочесть и сопоставить тексты, чтобы убедиться в нелепости этого мнимого «противоречия». Лука, говоря об аресте Иоанна, ясно дает понять, что тот был схвачен после крещения Иисуса.

«Где провел Свою жизнь Иисус? Три первых Евангелия говорят, что в Галилее, а Евангелие от Иоанна утверждает, что в Иерусалиме». Но Иоанн тоже знает о галилейском периоде жизни Христа, точно так же, как и остальные евангелисты сообщают о проповеди в Иудее⁵⁹.

«Каждый ребенок в Иерусалиме должен был знать Иисуса в лицо! А тут вдруг оказывается, что решительно никто Его не знает и не узнал бы, не будь Иуды». Но ведь Иисус был в Иерусалиме недолго, всего несколько дней; да и раньше Он появлялся в столице на короткое время, а в периоды праздников туда стекались сотни тысяч людей. Стражники, которые были посланы схватить Иисуса, могли вовсе не знать Его в лицо. К тому же дело происходило ночью и требовало поспешности.

«Только накануне весь народ приходил в храм слушать Христа, первосвященники и книжники с Иудой искали случая втихомолку, «не при народе» схватить Его. А тут вдруг оказывается, что «весь народ» против Христа и требует Его казни». Во-первых, выражение «весь народ» относится не к многочисленному населению Иерусалима, а к кучке людей, подстрекаемых архиереями. Во-вторых, это не «евангельское противоречие», а свидетельство крайнего непостоянства толпы, примеров чему мы находим в истории множество. Часто народ с тем большим ожесточением обрушивается на своего недавнего героя, чем восторженнее превозносил его перед тем...

Такой же поверхностный характер носят и другие «противоречия». Чаще всего они выдуманы тенденциозной критикой, чтобы вызвать недоверие к Евангелиям.

Конечно, есть в текстах и действительные расхождения. Например, две родословных Иисуса. Какая из них подлинная? И откуда они почерпнуты? Известно, что иудеи тщательно хранили свои родословные записи. Евангелисты могли воспользоваться ими, тем более, что вплоть до IV века в разных городах еще жили родные Иисуса⁶⁰. По-видимому, наиболее точная генеалогия у Луки, поскольку у Матфея она носит явно схематический и символический характер. Перечисляя предков Иисуса, Матфей лишь хотел наглядно изобразить Его царское происхождение.

Да и сами по себе разногласия не говорят против евангелистов. Когда описание одних и тех же фактов делается разными людьми не-зависимо, неизбежны противоречия и вариации, связанные с особенностями рассказчика и другими частными причинами. И уж, конечно, неудивительно, если один человек сообщает то, о чем другой не говорит. Он мог не знать этого факта, не придать ему значения или опустить

его в силу неизвестных нам мотивов. Именно это мы находим в Евангелиях. Иоанн и Марк, например, не говорят о детстве Иисуса, Матфей сообщает о нем лишь некоторые подробности, а Лука говорит даже о событиях, бывших до Рождества.

«Противоречия» в *учении* в свое время трудолюбиво собрал и представил в виде таблицы А. Немоевский в своей книге «Бог Иисус» (рус. пер. 1920 г.). Главным пороком его перечня является нежелание рассматривать слова Иисуса в контексте. Он, не смущаясь, выдирает фразы из связной речи и тем делает сравнение бессмысленным. Вот несколько образцов:

- 1) «Блаженны миротворцы».
- 2) «Не мир пришел Я принести, но меч».

Но разве не ясно, что в первом случае говорится о заповеди миролюбия, а во втором — Христос предвидит борьбу, которая разгорится вокруг Его учения?

- 1) «Не думайте, что Я пришел нарушить Закон».
- 2) «Вино молодое вливают в новые меха».

Сущностью Закона, согласно учению Христа, являются две заповеди: о любви к Богу и к ближнему. Многочисленные же обряды позднего иудейства, так называемые «предания старцев», Он рассматривал как второстепенные, а порой даже затемняющие дух Закона.

- 1) «Никто не может служить двум господам».
- 2) «Отдавайте кесарево — кесарю, а Божие — Богу».

В первой заповеди осуждается суетность и духовное раздвоение, ибо сердце человека должно принадлежать только Богу. Вторая фраза относится к частному вопросу, волновавшему иудеев: нужно ли платить налог римскому правительству.

- 1) «Не судите, да не судимы будете».

2) «Сядете на двенадцати престолах судить двенадцать колен Израилевых».

В Нагорной проповеди говорится о грехе осуждения. Во втором случае «судить» означает «управлять». «Судья» на семитском Востоке (в Финикии, Карфагене, Израиле) — синоним правителя. Апостолы были избраны как основатели нового народа Божия, подобно двенадцати древним патриархам, родоначальникам Израиля.

Думается, достаточно этих примеров, чтобы читатель убедился, какова цена «противоречиям в учении». При таком подходе можно найти, сколько угодно противоречий в любом произведении древнего и нового мира.

Обвиняют евангелистов также в *ошибках*, касающихся географии и истории.

Часто приходится слышать иронические замечания по поводу того, что авторы Евангелий настолько плохо знакомы с Палестиной, что рассказывают, например, о буре на Геннисаретском озере⁶¹. А между тем плавать на лодке по озеру, длина которого 20 км, а ширина — 9 км, далеко не так безопасно, как кажется мифологистам. Известно, что и сейчас рыбаки Геннисарета попадают в ураганы, внезапно налетающие с окрестных гор⁶².

Далее. «Рассказывая, что Христос пришел из города Тира к Геннисаретскому озеру, евангелисты заставляют Его идти через Десятиградие. А это примерно то же самое, как если бы читатель, желая попасть из Москвы в Ленинград, поехал через Украину»⁶³. Автор этих строк совершенно игнорирует *цель* путешествия. Ничто не доказывает, что Иисус Христос всегда выбирал кратчайший путь, проходя

по Своей маленькой стране; напротив, если это соответствовало Его намерениям, Он вполне мог идти далеко в обход.

Указывают на то, что евангелисты не знают палестинской фауны. Но все животные, перечисленные в Евангелиях: овцы, козы, ослы, волы, верблюды, волки, голуби, воробьи, змеи — были как раз исконными обитателями Палестины и многократно упоминались в Ветхом Завете. Имея в виду лисиц, о которых говорится в Евангелии, Э. Мутье-Руссэ с сомнением замечает: «Я не знаю, водится ли лисица, столь часто встречающаяся в Италии, также и в Палестине»⁶⁴. Но ему достаточно было заглянуть в любой зоогеографический учебник, чтобы убедиться в этом. Лисица-фенек распространена по всему Ближнему Востоку и до сих пор обитает в Израиле.

«Не названы,— пишет далее Мутье-Руссэ,— в Евангелиях и самые обычные для Палестины, а также для всего Средиземноморья деревья, как: оливковое, апельсиновое, лимонное, гранатовое, миндальное... Но вот, что совершенно немыслимо, так это то, что под пламенным небом Палестины можно было изготовить вино»⁶⁵. Конечно, в Новом Завете не перечислен *каждый* представитель флоры Израиля. Но разве Евангелие — это географический очерк, очерк о флоре и фауне Ближнего Востока? Что же касается виноградников и вина, то, пожалуй, редко в какой книге Ветхого Завета нет о них упоминания. Говорит о виноградниках и Флавий, а археологи открыли в Палестине немало древних приспособлений для виноделия.

Постоянным объектом нападок стала притча о «горчином зерне». Критики считают ее несообразной, забывая о том, что мы *не знаем*, какое слово Христос употребил на арамейском языке. Ведь согласовать названия растений у разных народов мы можем теперь только при помощи общей латинской номенклатуры, введенной в XVIII веке Линнеем. Что же удивительного, если греческий переводчик употребил (быть может, и по ошибке) слово «синапс» вместо какого-то другого? Есть мнение, что Христос имел в виду дерево, семена которого употреблялись, как и горчица, в качестве приправы. Другие авторы считают, что в данном случае речь шла о черной дикорастущей горчице. Иногда она достигает более трех метров высоты. В любом случае не следует удивляться словам Христа, назвавшего зерно «горчицы» самым малым из семян. Его речи нередко были свойственны гиперболические обороты (например, фраза о верблюде и игольном ушке или выражение: «отцеживающие комара и проглатывающие верблюда»). Эта манера говорить усваивалась иногда и апостолами. Так, Иоанн замечает, что если бы о делах Христовых было написано все, то мир не вместил бы книг о Нем.

Перейдем теперь к «историческим ошибкам». Критики в один голос отрицали существование в I веке города *Назарета*, поскольку ни в Ветхом Завете, ни у Флавия, ни в Талмуде он не упомянут. Однако, во-первых, Назарет был одним из незначительных населенных пунктов Галилеи (Флавий насчитывает их свыше 200), а во-вторых, недавно найденная иудейская надпись называет Назарет в числе городов, где жили священники после разрушения храма в 70 году. Благодаря раскопкам Б. Багатти в Назарете было установлено, что городок этот существовал не только во дни Иисуса, но и раньше⁶⁶.

Рассказ ев. Луки о переписи, совпавшей по времени с Рождеством, также очень часто считали недостоверным. В самом деле: почему «повеление» о ней исходит не от Ирода, а от Августа? Почему перепись не упомянута в других источниках? И, наконец, почему, согласно Луке, ее проводили так странно («шел каждый записываться в свой город»)?

Известно о нескольких переписях, которые Август произвел в союзных странах за несколько лет до н. э. Иосиф Флавий называет число лиц, отказавшихся присягать Августу во дни Ирода. Следовательно, Ирод, как полузависимый монарх, проводил какой-то ценз, т. е. перепись населения в своей стране. Способ, которым проводилась перепись, хотя и кажется на первый взгляд необычным, был известен на Востоке и применялся римлянами. В египетском тексте (ок. 104 г. н. э.) мы читаем: «Гай Вибий Максим повелевает: ввиду того, что я собираюсь провести перепись, все, кто по какой-либо причине покинули дом, пусть вернутся, чтобы пройти ценз положенным порядком»⁶⁷.

Лука относит упомянутую им перепись к правлению Квириния в Сирии. Скептики торжествуют: «В то время, к которому Церковь относит рождение Христа — «Во дни Ирода», — Квириний Сирией не управлял»⁶⁸. Но, по мнению компетентных ученых, Квириний правил Сирией дважды, и в первый раз — за несколько лет до н. э.⁶⁹

Ирод умер в 4 году до н. э. — следует ли отсюда, что хронологические указания Матфея и Луки неверны? Это только доказывает, что дата Рождества, вычисленная в VI веке монахом Дионисием, не отличается точностью. По всем данным, Иисус родился в 7 или 6 году до начала принятого летоисчисления.

Полагают, что евангелисты ошибались, называя Антипу, сына Ирода Великого, царем, хотя он был назначен только правителем одной из четырех областей Палестины. Но в Евангелиях Ирод Антипа так и назван «тетрархом», «четверовластником», как именует его и Флавий.

Высказывалось мнение, будто в Иудее I века не существовало титула «дидаскалос», который в Евангелиях приводится как эквивалент слова «рабби», учитель. Но в 1930 году израильский археолог Э. Суке-ник нашел гробницу того времени, где был похоронен человек, именовавшийся «дидаскалос».

В Евангелии от Иоанна говорится о «первосвященниках», что считают ошибкой, так как первосвященник должен был быть только один. Однако из книг Иосифа Флавия мы узнаем, что в те годы отстраненный римлянами первосвященник Ханан (Анна) не утратил своего влияния. Преемником Ханана стал его зять Иосиф Кайафа. Они фактически делили власть, и оба принимали участие в суде над Иисусом.

Евангелисты упоминают о стаде свиней, которое паслось в «земле Гадаринской». Ссылаясь на запрет Ветхого Завета употреблять в пищу свинину, критики «уличают» евангелистов в незнании местных обычаев. Между тем известно, что Гадарин относился к Декаполису, области, где жили в основном язычники, не соблюдавшие Закона Моисеева. Поэтому нет ничего невероятного в том, что эти люди содержали свиней.

Ставится под сомнение и достоверность рассказов о Страстях. В частности, говорят, что суд первосвященников нарушал многие пункты иудейского права. Однако примеров незаконных судилищ история знает немало, почему же следует ждать от членов Синедриона юридической щепетильности, когда приговор был уже предрешен? Тем более, что в евангельскую эпоху судопроизводство находилось в руках саддукейской партии, которая следовала собственному уголовному кодексу, отличавшемуся крайней суровостью.

Отмечают, что поведение Пилата изображено в Евангелиях неправдоподобно, поскольку он был известен как человек жестокий и ненавидевший иудеев. Но разве не мог прокуратор противиться Синедриону именно, чтобы досадить ему? В то же время согласие на казнь Невинного показывает Пилата именно таким, как описывают его современники.

И совсем уже непонятно, на каком основании отрицают наличие

римских войск в Иерусалиме. Ведь Иосиф Флавий прямо сообщает о пребывании солдат Пилата в столице Иудеи⁷⁰.

Критики обычно утверждают, что Евангелия не могли быть написаны до 70 года, поскольку в них есть пророчество Христа о гибели Иерусалима. Такой вывод основан на убеждении, что истинных пророчеств не бывает. Однако многочисленные факты свидетельствуют против скептиков. Пророк Исайя, например, говорил о предстоящем завоевании Иудеи еще в 734 году до н. э., а произошло это событие лишь в 587 году. Скажут: это пророчество — позднейшая «вставка». Но примеров достаточно и в иные эпохи, где хронология не вызывает сомнений. Так, на исходе XIX века Вл. Соловьев писал о китайском милитаризме. Значит ли это, что его книги следует датировать эпохой Мао? У святых, мыслителей, поэтов мы не раз встречаем предвидение войн, революций и других общественных катаклизмов. Этот факт уже нельзя отнести за счет «вставок». А признание его лишает силы аргумент против евангельских пророчеств.

Есть и еще повод объявлять Евангелия недостоверными — это рассказы о *чудесах*. Но здесь мы находимся вне сферы научной критики. Если историк придерживается взглядов, которые ограничивают горизонт пределами чувственного мира, то никакие сообщения о чудесных феноменах не будут им приняты. Он станет отрицать их во что бы то ни стало и объяснять по-своему. О таких людях Христос сказал: «Если и мертвый воскреснет — не поверят».

Мы не будем говорить о принципиальной, философской стороне проблемы, отметим лишь, что в летописях и исторических трудах той эпохи есть немало свидетельств о необыкновенных явлениях. О них сообщают и Флавий, и Тацит, и Плутарх, но никому в голову не приходит объявлять их книги вымыслом.

Когда и кем были написаны Евангелия

В 20-х годах XIX века теолог Тюбингенского университета Христиан Бауэр выдвинул предположение, что Евангелия были написаны в конце II столетия. За эту мысль с радостью ухватились мифологисты; поддерживают ее и многие из тех, кто верит в «историческое ядро» Евангелий. Они утверждают, что по этой причине новозаветная письменность не может дать достоверных сведений о жизни Христа. Так ли это? И что в наши дни известно о происхождении Евангелий?

Оригиналы Евангелий не сохранились, но в этом они не составляют исключения среди большинства произведений древних авторов. Утрачены подлинники книг Сенеки, Флавия, Тацита и других писателей I—II веков. Поэтому для датировки подобных произведений существуют два способа: 1) по наиболее ранним из имеющихся манускриптов; 2) по наиболее ранним ссылкам на эти произведения в сочинениях авторов, время жизни которых датировано более точно.

В отношении рукописей Евангелия выгодно отличаются от остальной древней литературы. Если существует, например 11 манускриптов сочинений Платона, 50 — Эсхила, 2 — Еврипида, 100 — Вергилия (все это, разумеется, списки, а не подлинники), то новозаветная письменность представлена греческими манускриптами в количестве, превышающем 2500 экземпляров.

Но особенно показательным будет преимущество Евангелия, если иметь в виду срок, прошедший со времени написания книги до самого раннего из сохранившихся манускриптов. Подлинники Вергилия отстоят от наиболее древних списков его произведений на 400 лет, Горация — на 700 лет, Юлия Цезаря — на 900 лет, Платона — на 1300 лет, Софок-

ла — на 1400 лет, Эсхила — на 1500 лет, Еврипида — на 1600 лет, евангельские же манускрипты отделены от подлинника промежутком лишь в *несколько десятилетий*.

Считается, что самым поздним Евангелием было Евангелие от Иоанна (время его написания относят к 90-м годам); а наиболее древний отрывок из этого Евангелия, найденный в Египте, относится к 120—125 годам. Обнаружен также фрагмент евангельского повествования, составитель которого знал уже все четыре канонических Евангелия. Он датируется концом I-го или началом II-го века. Двухсотым годом датируется опубликованный в 1955 году папирус, включающий половину Евангелия от Иоанна⁷¹.

Если же мы обратимся к ссылкам на Евангелия у писателей I—II веков, то обнаружим их немало. Вот некоторые из них⁷².

Св. *Климент Римский* около 95 года пишет послание, в котором приводит слова из Евангелий Матфея и Марка.

Св. *Игнатий Антиохийский*, казненный в 107 году, цитирует Евангелие от Матфея. По-видимому, из среды, близкой к Игнатию, вышло произведение *Дидахе*, или Учение Двенадцати апостолов (ок. 100 г.). В нем есть фразы из Матфея и Луки, а в одном месте дана прямая ссылка на «Благовествование», т. е. Евангелие.

Св. *Поликарп Смирнский*, ученик апостола Иоанна, когда в 156 году его осудили на смерть, сказал, что он служит Христу 86 лет. Следовательно, он застал еще иудейскую войну 66—70 годов. В своем послании Поликарп цитирует Евангелия от Матфея и Луки и 1 Послание Иоанна.

Ученик ап. Иоанна и друг Поликарпа, *Папий Иерапольский* (ок. 70—150 г.) подробно рассказывает, как были написаны Евангелия от Матфея и Марка. Сведения свои он черпал у людей, лично знавших христиан первого поколения. В частности, он был знаком с дочерьми Филиппа, одного из Двенадцати. Около 130 года Папий составил книгу «Толкование Господних изречений», в которой писал:

«В отличие от многих, я доверял не многословным, а тем, кто передает не чужие мысли, а заповеди, данные верующим Господом и истекающие от самой Истины. Если, например, я встречал человека, бывшего учеником старцев, я расспрашивал о беседах самих старцев: что говорили Андрей, или Петр, или Филипп, или Фома, или Иаков, или Иоанн, или Матфей, или другой какой-нибудь из учеников Господних, что говорили Аристион и пресвитер Иоанн, ученики Господа».

Христианский писатель *Аристид* в своей «Апологии» (ок. 120 г.) уже называет Евангелия Священным Писанием.

Св. *Иустин-Философ*, родом из Палестины, принявший христианство около 130 года и казненный за его исповедание в 163 году, приводит выдержки из трех Евангелий, называя их «воспоминаниями апостолов», а также — некоторые неизвестные произведения, близкие к каноническим Евангелиям.

Около 170 года сириец Татиан составил компиляцию *уже из всех четырех Евангелий*, показав тем самым, что считает их общепризнанными, каноническими. В 1935 году найдены отрывки из его произведения, относящиеся к 200 году.

Современник Татиана св. *Ириней Лионский* (120—200) не только говорит о четырех Евангелиях, но и поименно называет их авторов. Свидетельство Иринея особенно ценно, так как он в юные годы *лично* знал Поликарпа Смирнского.

«Тогдашнее я помню тверже, чем недавнее,— писал он другу своей юности Флорину,— ибо, что мы узнали в детстве, то укрепляется вместе с душою и укореняется в ней. Так я мог бы описать даже место, где сидел и разговаривал блаженный Поликарп; могу изобразить его походку, образ его жизни и внешний вид; его беседы к народу, как он рассказывал о своем общении с Иоанном (речь идет об апостоле Иоанне) и прочими, видевшими Господа, как он припоминал слова их и пересказывал, что слышал от них о Господе».

И, по утверждению Иринейя, все, что говорил Поликарп, было согласно с Евангелием⁷³.

К эпохе Иринейя относится перечень новозаветных книг, открытый в 1740 году итальянским ученым Муратори и названный в честь него «Мураториевым каноном».

Даже из этих немногих примеров следует, что с самого начала II столетия Евангелия, и в основном именно канонические, были широко известны.

А какие существуют данные об авторах Евангелий?

В древности был обычай приписывать книги великим мудрецам и тем самым подкреплять авторитет текста. Появилось множество произведений, якобы принадлежащих Еноху, Моисею, Соломону и пр. Критики Евангелий пытались использовать этот факт, чтобы поставить под сомнение их историческую ценность. Но возникает вопрос: почему же авторами наших Евангелий названы не ближайшие к Христу апостолы — Петр, Иаков, Андрей, а такие, казалось бы, второстепенные лица, как Марк или Лука? Да и Матфей не был человеком, игравшим выдающуюся роль среди апостолов.

В заглавиях Евангелий стоят не просто имена их авторов, а названия: «Евангелие от Матфея», «от Марка», «от Луки», «от Иоанна», которые в данном случае означают, что книга написана «согласно такому-то автору», или «по такому-то автору». Некоторые критики видят в этом доказательство неподлинности Евангелий. Однако в греческой литературе так обозначалось и прямое авторство⁷⁴. Кроме того, употребление греческого слова — от, по — имеет и определенный богословский смысл. Евангелие — это учение Самого Христа, а евангелисты дают только его изложение. Поэтому сказать, например, «Благовестие Луки» было бы неверно по существу. В действительности же это «Благовестие Иисуса Христа» по Луке, по Марку и т. д.

Утверждают, что Евангелия, произведения высокого литературного мастерства, не могли быть написаны «неграмотными рыбаками». Но, с одной стороны, мы знаем немало примеров того, как замечательные произведения выходили из-под пера людей, не получивших широкого образования; так, Яков Беме — великий мыслитель XVII века — был сапожником. С другой стороны, евангелистов неверно называть «неграмотными рыбаками»: Матфей был сборщиком пошлин, Марк был из семьи священника, Лука стал врачом, Иоанн был близок к высшим кругам иерусалимского общества.

Раннехристианская традиция единодушно связывает Евангелия с теми лицами, чьи имена стоят в их заглавиях. Начнем с Евангелия от Марка, поскольку оно считается самым ранним.

Иоанн-Марк принадлежал к христианской семье, жившей в Иерусалиме и близкой к апостолу Петру. Он приходился родственником Иосифу Варнаве, другу ап. Павла. Одно время Марк сопровождал «апостола язычников» в его миссионерских путешествиях, но позднее они расста-

лись, и юноша стал спутником Петра, который называл его «своим сыном». Апостолу-галилеянину нужен был переводчик, поскольку он плохо владел греческим и тем более латинским языками. В начале 60-х годов Марк вновь встретился с ап. Павлом, но уже в Риме. По словам Иринея Лионского, Марк написал свое Евангелие вскоре после смерти ап. Петра, который был распят около 64 года⁷⁵. Ученик апостола Иоанна, Папий Иерапольский приводит свидетельство ученика Христова, пресвитера Иоанна:

«Марк, истолкователь (переводчик) Петра, с точностью записал все, что запомнил, хотя и не держался порядка слов и деяний Христовых, потому что сам не слушал Господа и не сопутствовал Ему. Впоследствии, правда, он был, как сказано, с Петром, но Петр излагал учение с целью удовлетворить нужды слушателей, а не с тем, чтобы беседы Господа передать по порядку»⁷⁶.

Знаменательно, что св. Иустин, приводя одно место из Евангелия от Марка, называет свой источник «Воспоминаниями Петра»⁷⁷.

Эти сведения хорошо согласуются с характером самого Евангелия от Марка. Оно выглядит как сборник эпизодов, мало связанных между собой и помещенных без строгой хронологической канвы (за исключением начала и описания Страстей Христовых). Это можно, по-видимому, объяснить тем, что евангелист сначала записал за Петром отдельные рассказы, а впоследствии объединил их.

В безыскусном повествовании Марка чувствуется отголосок семитического стиля. Писателю свойственны лаконизм, простонародные выражения, стремительность. Сцены быстро сменяют друг друга. Переходя от события к событию, Марк много раз повторяет слово «тотчас». Словарь его беден, но удивительно конкретен. Исследователи насчитали в его книге одиннадцать терминов, обозначающих части дома, десять — части одежды, девять — виды пищи.

Марк упоминает не только подробности, которые мог сообщить ему очевидец Петр, но и, по-видимому, лично известные евангелисту. Например, лишь он один рассказывает о некоем юноше, оказавшемся свидетелем ареста Иисуса. По мнению большинства толкователей, это был сам Марк. Когда евангелист пишет о Симоне Киринейском, несшем крест Христа на Голгофу, то без всякого объяснения замечает, что тот был «отцом Александра и Руфа». Очевидно, автор полагал, что эти лица хорошо знакомы его читателям. В Послании ап. Павла к римлянам действительно упомянут Руф, член первохристианской общины.

По преданию, сохраненному у Климента Александрийского, Иеронима и Евсевия, Марк писал Евангелие в Риме. Это подтверждают и некоторые латинизмы книги. Во всяком случае несомненно, что он имел в виду читателей, живших вне Палестины. Смысл приводимых им арамейских слов Марк почти всюду объясняет.

В Евангелии нет прямых намеков на то, что Иерусалим уже разрушен. Следовательно, оно было написано не позднее 60-х годов I века.

Если во втором Евангелии повествуется главным образом о *событиях* жизни Спасителя, то в первом, носящем имя *Матфея*, много места отведено *словам* Христовым. Упомянутый уже Папий Иерапольский свидетельствует: «Матфей записал изречения Господа на еврейском языке, а переводил или толковал их, кто как мог»⁷⁸. Это значит, что наше Евангелие от Матфея, написанное на греческом, не есть «Логии» первоначального текста. Однако и в нынешнем виде оно выдает автора, тесно связанного с еврейско-христианской традицией. Матфей делает частые

ссылки на Ветхий Завет, слово «книжник» употребляет в положительном смысле, придает большое значение общине верующих, Церкви, сохраняет палестинские выражения, не объясняет смысла иудейских обычаев и значения ряда арамейских слов.

Повествовательная часть Евангелия от Матфея во многом заимствована у Марка, текст которого почти целиком укладывается в Матфея и Луку. Поэтому наиболее оригинальной частью книги следует считать речи Иисуса.

По-видимому, «Логии», или «Слова Господни», не полностью вошли в греческое Евангелие от Матфея. Они могли существовать в виде сборника изречений, подобного тем, что были широко распространены в раннехристианское время. Однако следует помнить, что «дварим» — еврейский эквивалент слова «логия» — означал одновременно и «слова» и «дела».

Матфеевы «Логии» были написаны, вероятно, еще до Иудейской войны, т. е. в 40-х или 50-х годах, а греческий вариант в 70-х годах. «Некоторые исследователи, — отмечает Карл Адам, — идут еще дальше и полагают, что «Источник речей», т. е. по-арамейски написанный основной текст Матфея, был составлен еще при жизни Иисуса, так как в нем, по-видимому, еще не упоминалась история страданий Господа и так как все говорит за то, что уже Павел знал и использовал этот источник. С того времени, как Е. Литтман установил, что арамейский первоначальный текст молитвы «Отче наш» построен четырехстопными стихами с рифмами на конце, представляется весьма вероятным, что эта ритмическая форма была выработана Самим Иисусом, и что в арамейском тексте молитвы мы имеем «собственные слова Господа в их первоначальном звучании»⁷⁹.

Автор третьего Евангелия *Лука*, в отличие от Марка, не безыскусный рассказчик, а писатель, который уже имел перед глазами «многие» попытки изложить жизнь и учение Христа. Он, по-видимому, не был иудеем, в его книге мало семитизмов. Он широко пользуется Евангелием от Марка, но имеет в распоряжении и другие источники. Некоторые из них возникли в среде христиан-евреев и даже учеников Крестителя.

Древняя традиция приписывает св. Луке — врачу и спутнику ап. Павла — составление Деяний Апостольских. И действительно, когда в этой книге говорится о совместном путешествии Павла и Луки, автор ведет рассказ от первого лица. Деяния являются продолжением третьего Евангелия, о чем прямо сказано в предисловии. Следовательно, это Евангелие должно тоже принадлежать Луке. Характерно, что в третьем Евангелии подчеркивается, как и в Посланиях Павла, вселенская миссия христианства.

В одном из документов, который был написан около 170 года, о Луке говорится следующее:

«Лука, сириец, родом из Антиохии, врач, ученик апостолов; позже он следовал за Павлом до его мученической кончины. Безупречно служа Господу, он не имел жены и детей. Он умер в Беотии, исполненный Духа Святого, в возрасте восьмидесяти четырех лет. Так как были уже написаны Евангелия в Иудее — Матфеем, в Италии — Марком, то Лука по вдохновению от Духа Святого написал Евангелие в области Ахайи»⁸⁰.

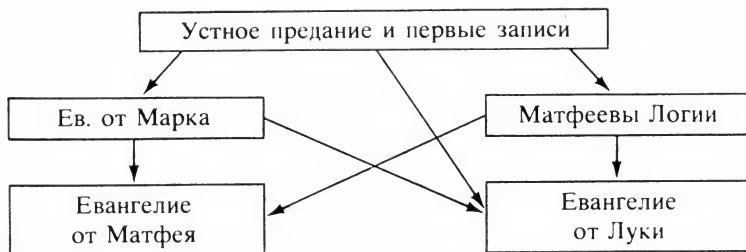
Даже если не все подробности, приведенные в этом тексте, достоверны, Лука несомненно был первым историком христианства, хотя его книга не совпадает с историческими трудами античных авторов. По мнению

большинства современных ученых, Лука писал в годы Иудейской войны 66—70 годов.

Три первых Евангелия обнаруживают большое сходство в композиции, а также имеют немало буквальных совпадений. Это стало очевидным после того, как в XVIII веке их издали в виде *Синописа*, т. е. параллельными столбцами. Отсюда и общепринятое их название — синоптические Евангелия.

Сравнительный анализ текстов пролил свет и на зависимость евангелистов друг от друга. В общих чертах их можно представить так: Марк дал материал греческому варианту Евангелия от Матфея и Луки; составитель греческого варианта Матфея, кроме «Логий» и Марка, предполагал еще каким-то письменным или устным источником. Этот же источник был использован Лукой, который черпал также из «Логий»⁸¹.

СХЕМА ВОЗНИКНОВЕНИЯ СИНОПТИЧЕСКИХ ЕВАНГЕЛИЙ

Синоптические Евангелия имеют не только общие и сходные тексты, их роднит одна важная черта: речи Иисуса в них резко отличаются по стилю от слов самих евангелистов. Очевидно, эти речи хорошо сохранились в памяти первых учеников.

Четвертое Евангелие носит имя Иоанна. По преданию им был не кто иной, как Иоанн, сын Зеведея. Принадлежа к ученикам Крестителя, он одним из первых последовал за Христом вместе с братом и матерью. За свою горячность Иоанн получил от Учителя прозвище «Сын грозы», или «Сын грома». Четвертое Евангелие называет Иоанна «учеником, которого любил Иисус». Там же сказано, что он единственный из Двенадцати был на Голгофе и после смерти Господа взял к себе Его Мать. В то время ему было всего восемнадцать-двадцать лет.

В начале тридцатых годов I века Иоанн вместе с Петром проповедовал среди евреев и самарян, пережил арест, а после казни в 44 году его брата Иакова, вероятно, покинул Иудею. В конце столетия он возглавлял общины в Малой Азии и жил в городе Эфесе. Оттуда Иоанн был выслан римскими властями на о. Патмос, а потом возвратился в Эфес. Умер он около 100 года в глубокой старости. Согласно малоазийскому преданию, апостол написал свое Евангелие в 90-х годах.

Высказывалось сомнение, мог ли Иоанн в таком преклонном возрасте создать столь совершенное произведение⁸². Но если вспомнить,

что Софокл закончил своего «Эдипа в Колоне» в 89 лет, Тициан работал над картиной «Снятие с креста» 97-летним старцем, а Гете написал лучшие сцены второй части «Фауста» в 83 года, то это возражение отпадает.

Четвертое Евангелие по стилю отличается от синоптических. Образ Христа в нем несколько иной, чем у Матфея, Марка и Луки. Это, однако, не умаляет достоверности книги, а только указывает на личные свойства автора. Ведь и Сократ выглядит у Ксенофонта не так, как у Платона.

У Иоанна больше, чем у синоптиков, подчеркивается, что Христос — Сын Божий, пришедший с Небес, но в то же время именно Иоанн едва ли не чаще других евангелистов оттеняет Его человеческую природу, говоря о смирении Иисуса перед Отцом, Его дружеских чувствах, усталости, скорби, слезах.

Синоптические Евангелия повествуют лишь о служении Христа в Галилее, а затем сразу переходят к Его последнему путешествию в Иерусалим. Иоанн же говорит о неоднократных посещениях Иисусом Иудеи до Страстной недели. Прежде историки склонялись в пользу хронологии первых трех евангелистов; однако в настоящее время доверие к Иоаннову свидетельству возросло. Синоптики не ставили себе задачи дать последовательное изображение событий, у Иоанна же цель эта, очевидно, была. Трудно предположить, что Иисус, Который с детства ходил в Иерусалим на праздники, во время Своего служения отказался от этого обычая. Кроме того, у Луки мы находим два косвенных свидетельства, подтверждающих Иоанна. Евангелист говорит, что Христос «проповедовал в синагогах Иудеи» (4,44), а также описывает посещение Господом дома Марфы, который находился в нескольких километрах от столицы.

Иоанн чаще синоптических авторов останавливается на свидетельстве Иисуса о Себе. В отношении к Нему евангелист употребляет слово *Логос*, хорошо известное в античной философии. Эта особенность IV Евангелия дала повод критикам считать, что автором его был греческий писатель, близкий к идеям гностицизма. Однако впоследствии стала очевидна связь учения о Логосе с иудейским понятием Слова как формы Божоявления.

Филологи установили, что Евангелие от Иоанна — произведение человека, если не писавшего, то по крайней мере думавшего по-арамейски. Местами оно кажется просто переводом с этого языка. В отличие от синоптиков, Иоанн цитирует Ветхий Завет не по Септуагинте, а дает перевод с еврейского и арамейских targumov.

Открытия в Кумране показали, что IV Евангелие тесно связано с есеевскими представлениями и фразеологией. «Отныне, — говорит исследователь Кумрана Дж. Аллегро, автор весьма далекий от христианства, — Иоанн не может рассматриваться как наиболее эллинистический из евангелистов, его «гностицизм» и весь круг его идей вытекает из иудейского сектантства, коренящегося в палестинской почве, а его материал должен быть признан основанным на ранних слоях евангельской традиции»⁸³.

Чарлз Додд, специалист по IV Евангелию, отмечает, что эта книга основана на «древней традиции, независимой от остальных Евангелий, и заслуживает серьезного внимания, поскольку обогащает наши знания об исторических фактах, касающихся Иисуса Христа»⁸⁴.

Причем, если синоптики — это компиляторы, использующие различные материалы, то в Иоанновом Евангелии всюду видна рука одного автора. Он мастер диалога и драматических картин, от которых веет живыми воспоминаниями очевидца.

Тем не менее одна особенность четвертого Евангелия говорит против принадлежности его сыну Зеведееву. Об Иоанне там сказано в таких почтительных тонах, так подчеркивается любовь, которую проявлял к нему Иисус, что трудно отождествить автора с самим апостолом.

Наводят на размышление и старинные иконы ап. Иоанна. В отличие от синоптиков, он всюду изображен *диктующим*, а не пишущим.

В 60-х годах Рэймонд Браун выдвинул гипотезу, согласно которой четвертое Евангелие есть запись рассказов и проповедей апостола. Позднее она прошла несколько этапов обработки, сохранив при этом неповрежденной основу Иоаннова предания⁸⁵.

Кем были осуществлены эти записи и редакция текста, установить пока невозможно. Впрочем, не исключено, что завершил их некто Иоанн, живший тогда в Эфесе. Его называли *пресвитером*, старцем. Быть может, и Послания Иоанна, автор которых тоже называет себя «пресвитером», написаны этим человеком. Гипотезе о «пресвитере» не противоречат слова Послания, указывающие на непосредственное участие автора в евангельских событиях. Ведь, по свидетельству Папия, пресвитер Иоанн был одним из учеников, «видевших Господа», хотя и не входивших в состав Двенадцати⁸⁶.

Знаменательно, что в Эфесе почитали гробницы обоих Иоаннов — апостола и пресвитера.

Писал ли Иоанн сам или IV Евангелие было составлено с его слов — оно изобилует верными историко-географическими деталями, которые были бы немислимы у греческого автора II века. Именно указания IV Евангелия привели, как мы увидим ниже, к успешным результатам раскопок в Палестине.

И наконец, находка фрагмента из Евангелия от Иоанна в Египте вполне подтверждает традиционную дату — 90-е годы. Папирус обнаружили среди вещей солдата, который уже около 120 года имел IV Евангелие. От написания книги в Эфесе до этого момента должно было пройти достаточно времени.

Итак, четыре канонических Евангелия создавались на протяжении второй половины I века, когда жило еще много людей, лично знавших Иисуса Христа, т. е. в *апостольскую эпоху*. Но все же Евангелия возникли через несколько десятков лет после описанных в них событий, и поэтому важно установить *первоначальные источники* евангелистов. Один из них мы уже назвали — это записи речей Христовых, в частности «Логии» Матфея. Можно ли сказать что-то о других источниках?

Такими источниками едва ли можно считать *апокрифические евангелия*. Они были отвергнуты Церковью, поскольку вышли из среды еретиков, что полностью подтвердилось при дальнейшем изучении этих памятников. К тому же неизвестно ни одного апокрифа, который возник бы ранее 100 года. Попытка русского писателя и критика Д. С. Мережковского найти в апокрифах следы первоначального предания едва ли может быть названа успешной⁸⁷.

По словам двух известных специалистов, «прошло время, когда в апокрифических произведениях пытались увидеть источник наших канонических текстов. Более того, трудно себе даже представить, как мог возникнуть и вырасти этот сорняк на поле боговдохновенной литературы. Он был просто следствием народного любопытства, склонного к необычному и жадного до подробностей, и вечного стремления к сказке»⁸⁸.

Есть отдельные, не вошедшие в Евангелия, изречения Христа, так называемые *аграфы*, которые частично можно считать подлинными. Но, по словам тщательно изучавшего их Иоахима Иеремиаса, они дают

лишь дополнение к четырем Евангелиям и ничего больше. «Истинное значение внеевангельского предания,— пишет он,— состоит в том, что оно отчетливо выявляет ценность нашего четвероевангелия»⁸⁹.

По-видимому вначале среди христиан получили распространение и устные рассказы об Иисусе, имевшие ритмическую форму. Как было уже сказано, она особенно ощущается в передаче речей Господних. У иудеев давно существовал обычай запоминать наизусть большие связанные тексты. Был даже особый класс «масоретов», хранителей Писания, которые заучивали Библию и корректировали переписчиков. Нечто подобное произошло, видимо, и в ранней Церкви. *Устное Первоевангелие* закреплялось в различных собраниях. И лишь в середине I века его стали записывать. Таким образом, Евангелие с самого начала было катехизисом, связанным с богослужебной практикой. «Основное в речитативе,— пишет Л. Жилле,— являлось неизменным ядром, обеспеченным от уклонений рамками ритма. Вполне возможно, что евангельские тексты воспроизводят во всей ее подлинной чистоте предания первой общины. Более того, возможно — как возмутило бы экзегетов всего четверть века назад такое утверждение! — что мы находимся перед собственными словами Христа»⁹⁰.

Укорененность канонического текста в палестинской традиции перекидывает прочный мост между очевидцами жизни Христа и Евангелием.

С какого времени устное апостольское Предание стало записываться, установить пока трудно. Это прояснят лишь дальнейшие открытия манускриптов. Бесспорно лишь одно: именно Предание, восходящее к Двенадцати, есть первоисточник наших Евангелий. Говоря о времени царствования Траяна (97—117), историк Евсевий пишет: «Многие из учеников в ту пору исполнились ревности к божественному глаголу, и, следуя учению Спасителя, стали раздавать свое имущество бедным, и, удалившись из своей страны, привели к доброму завершению дело евангелистов, стремясь проповедовать учение веры тем, кому оно было еще неизвестно, причем передавали им и *писанный текст* божественных Евангелий»⁹¹. Следовательно, на рубеже I и II веков Евангелия были уже написаны. Книги же, которые расходились с Преданием, Церковь отвергла.

Евангельская история и вера

Всякий, кто следил за развитием новозаветной критики последних лет, не может не заметить, что она совершила круг и после периода крайнего скептицизма вновь приблизилась к традиционным взглядам. К 1900 году уже мало кто из ученых решился датировать Евангелия концом II века. Было признано, что они возникли в недрах первоначальной общины.

Но как в таком случае объяснить появление мифологической школы? Казалось бы, все говорило против ее концепций. Чтобы понять это, мы снова должны вернуться назад, к концу XVIII века.

В то самое время, когда Шарль Дюпон впервые высказал мысль, будто Христос есть солнечное божество, в Германии и Швейцарии были написаны две книги, которые содержали попытку истолковать Евангелие в духе рассудочного морализма. Первая принадлежала семидесятилетнему кенигсбергскому философу Иммануилу Канту (1724—1804), и само название ее звучало как программа: «Религия в пределах только разума». В отличие от энциклопедистов и «просветителей», Кант после тщательного изучения законов «чистого разума» пришел к выводу о его природной ограниченности. Тем не менее он оставил место «практическому разуму», который был для него связан с нравственной волей

человека. Поэтому, даже рискуя войти в противоречие с собственным взглядом на границы познания, Кант стремился привести религию в соответствие с данными человеческого рассудка. Все, что не умещалось в это прокрустово ложе, следовало, по мнению Канта, изгнать из религии. Он стремился к созданию «естественного христианства», которое сводилось бы лишь к системе *моральных* заповедей.

Другая книга была написана в 1795 году молодым еще тогда философом Г. Ф. Гегелем (1770—1831), находившимся под сильным влиянием Канта. Можно сказать, что Гегель в своем труде конкретно применил кантовскую идею в изложении жизни Иисуса Христа. Философ изобразил Его как человека, давшего миру «Подлинную нравственность», которая и есть «чистое служение Богу»⁹². Мы не найдем в «Жизни Иисуса» Гегеля ни чудес, ни пасхальной тайны, ни свидетельств Христа о Самом Себе. В ней рассудок, признавший себя высшим судьей, диктует свои законы Евангелию и перекраивает его по своим меркам. В результате возникает призрак обескровленной доктрины, которая едва ли смогла бы покорить мир.

Свою реконструкцию жизни Иисуса Гегель производил догматически, не объясняя, какими принципами руководствуется. Этот пробел пострадался заполнить его ученик Давид Фридрих Штраус (1808—1873). Его монументальный труд «Жизнь Иисуса», вышедший в Тюбингене в 1835—1836 годах, был основан на скрупулезном критическом анализе Нового Завета. Предпосылкой этой работы явилась рационалистическая философия Гегеля.

Штраус последовательно вычленил из Евангелия все, что считал историческим, остальное же отнес к области *мифологии*. Сюда, разумеется, входили все чудеса и исполнения пророчеств. По словам Штрауса, они являются просто «собранием мессианических идей того времени, выраженных лишь с большей определенностью благодаря впечатлению личности, учений и судьбы Христа»⁹³. Несмотря на тяжеловесную форму, книга Штрауса произвела большое впечатление и вызвала горячую полемику. Но тогда ни Штраус, ни тем более его читатели не обратили внимания на одну серьезную трудность. Почти все, что философ-гегельянец объявил «мессианическими идеями» Ветхого Завета, отсутствует в иудейской литературе.

Например, по утверждению Штрауса, люди верили, что Мессия должен пройти через искушения, как прошел через них Израиль в пустыне. Между тем на это нет ни малейших намеков ни в Библии, ни в апокрифах. Или другой пример: Штраус считает, что рассказ об учениках Иисуса навеян Книгой Царств, где говорится о Елисее, ученике пророка Илии. Но ниоткуда не видно, что Мессия, по иудейским представлениям, должен был иметь учеников. Короче говоря, в «Жизни Иисуса» Штрауса мы имеем его собственный вариант мессиологии, не подтвержденный источниками.

Гегелевскую философию сменил другой наследник кантианства — позитивизм. С одной стороны, он возродил культ науки, а с другой — утверждал, что она имеет дело лишь с видимой стороной реальности. Вне науки остается сфера Непознаваемого, в которую человек никогда не проникнет. Духом позитивизма была пронизана на шумевшая книга Эрнеста Ренана (1823—1892) «Жизнь Иисуса» (1863).

Воспитанник духовной семинарии, Ренан отказался по ее окончании принять сан священника и отошел от Церкви. Однако, перестав быть христианином, он сохранил интерес к религиозной тематике, которой и посвятил свой блестящий литературный талант. Религия осталась для

Ренана своего рода поэтическим видением мира и почвой для нравственной эволюции. Однако он считал, что когда речь идет об истине, последнее слово должно оставаться только за наукой. По мнению писателя, то, что в Евангелии не поддается научному анализу, следует отместить как народную фантазию, а из оставшегося материала нужно воссоздать живой образ Иисуса как великой исторической личности.

Это направление повлияло и на христианских богословов, прежде всего на так называемых *либеральных протестантов*. (Их «либеральность» заключается в том, что они считали себя свободными от богословской метафизики.) Они задалась целью, сохранив Евангелие как кодекс «чистой веры и этики», «освободить его от легендарных наслоений». В 1900 году знаменитый немецкий историк Церкви Адольф Гарнак (1850—1930) в своих лекциях «Сущность христианства» дал классическое изложение подобного взгляда. Изданные отдельной книгой лекции Гарнака стали манифестом либеральной теологии. Ее кредо приближалось к доктрине Льва Толстого: Иисус существовал, Он воплотил в Себе идеал совершенной веры и был учителем высокой нравственности. Те, кто приобщился к Его опыту и Его учению, — подлинные христиане, но им надлежит отказаться от идеи Богочеловечества и других «догматических мудрствований».

Гарнака и его школу отличало от Толстого то, что либеральные теологи считали Иисуса единственным в своем роде, уникальным Человеком, приводящим людей к Богу, тогда как Толстой ставил Его в один ряд с другими учителями. Кроме того, в отношении сверхъестественного Гарнак более умерен, чем Толстой или старые рационалисты. «Чудес, конечно, не бывает, — писал он, — но чудесного и необъяснимого много. Так как нам это ныне известно, мы стали осторожнее и сдержаннее в своих суждениях о сообщаемых из древности чудесах»⁹⁴. Эта точка зрения скорее ближе к формуле бл. Августина: «чудеса противоречат не природе, а известной нам природе», — чем к скептицизму философов XVIII века.

И все же в основном Гарнак остался на позиции Канта, Гегеля и Штрауса. Он думал, что можно отделить «исторического Иисуса» от «Христа легенды», пользуясь средствами одного научного исследования. На самом же деле, хотя Гарнак и был первоклассным историком, в поисках «исторического Иисуса» он руководствовался не наукой как таковой, а принципами собственной философии. Это стало обнаруживаться очень скоро. Либеральным теологам хотелось отождествить благовестие Христово со своей концепцией «чистой религии»; между тем дальнейшее изучение Евангелий показало, что «исторический Иисус» неотделим от Того, Кто открылся в опыте первохристиан как Богочеловек и Спаситель.

Вывод этот впервые был четко сформулирован Альбертом Швейцером (1875—1965), немецким теологом, получившим позднее известность благодаря своей врачебной деятельности среди африканцев. В книге «История поисков жизни Иисуса» (1906) Швейцер выступил против тенденциозного «осовременивания» Христа. «Мы знаем только Христа веры», — таков был основной тезис Швейцера.

Однако, отвергнув взгляды либеральной теологии на Иисуса, он не мог признать в Нем воплощенного Богоявления. Этому препятствовала пантеистическая философия Швейцера с ее культом «жизненной силы». В итоге он вынужден был поставить под сомнение всю евангельскую традицию, утверждая, что подлинный Иисус навсегда скрыт от нас покровом легенд. «Современное христианство, — писал Швейцер, — должно заранее считаться с возможностью отказа от исторического Иисуса»⁹⁵.

Так снова расчищался путь для возрождения теории мифа.

Русские мыслители о. Сергей Булгаков (1871—1944) и Николай Бердяев (1874—1948) справедливо указывали, что успех мифологизма был результатом кризиса либерального протестантизма, этой «профессорской религии», которая невольно снижала Евангелие до среднебуржуазного уровня европейца начала нашего века. Христианство по существу своему мистично, и отсюда, по словам Бердяева, «беспомощность исторической науки в решении «загадки Иисуса»⁹⁶. Мифологизм, независимо от желания его создателей, свидетельствовал о Христе-Богочеловеке, подобно тому, как некогда одержимые бесами впервые признавали в Нем Сына Божия.

Замысел превратить Христа в «идею», как мы видели, не удался. Он был разрушен самой исторической наукой, и к концу 20-х годов мифологизм на Западе полностью исчез. Историки и богословы, оставив иллюзии «либерализма», теперь снова обращаются к тому Христу, Которого возвещает Евангелие.

Десятки серьезных и талантливых работ, опубликованных в разных странах, показали, что полнота познания Иисуса достигается именно через синтез науки и веры. Он предстает тогда перед нами не как расплывчатый миф и не как один из учителей морали, а как Тот, Кто Сам есть высшее Откровение Божие.

Однако рационализм все еще продолжает оказывать влияние на современную экзегетику. Это особенно заметно в работах, посвященных первоисточникам Евангелия.

Начиная с 1919 года протестантский ученый Мартин Дибелиус (1883—1947) стал развивать концепцию «истории форм», в которой упор делался на *среду*, окружавшую евангелистов. В Новом Завете Дибелиус искал не самого Христа, а раннюю Церковь, ее идеи и взгляды. По гипотезе Дибелиуса, различные жанры, отраженные в Евангелии, указывают на христианские круги с разными традициями. В одних случаях целью была проповедь об Иисусе как Мессии, в других — апология христианства, в третьих сохранение изречений Господних, относящихся к повседневной жизни верующих, и т. д. Анализ «истории форм» напоминал работу реставратора, восстанавливающего картины старинных мастеров: «Сначала патина, затем переделки и добавления позднейших живописцев, наконец, подлинный холст и даже последовательные наброски картины, вплоть до первого рисунка».

Исследования такого рода дали немало результатов, поэтому метод Дибелиуса пользуется успехом и в наши дни. Однако подходить к нему следует с осторожностью. Ценность его снижается субъективностью критериев, к которым прибегают для оценки того или иного раздела Евангелия. Здесь мы вступаем на зыбкую почву догадок, домыслов и весьма проблематичных выводов. А главное — школа «истории форм» явно преувеличила творческую роль первохристианских общин. Фактически им приписывается все, что мы имеем в Евангелии, а это крайне спорное положение. Кроме того, большую часть текстов удавалось подогнать под один «чистый жанр», лишь прибегая к натяжкам (например, притча о талантах имеет и назидательный, и эсхатологический смысл).

К тому же направлению, что и Дибелиус, принадлежал протестантский теолог и экзегет Рудольф Бультман (1884—1976), оказавший большое влияние на современную новозаветную науку.

Когда в Германии одни хотели представить Христа мифом, а другие «арийцем», Бультман проводил глубокое исследование фона евангельских событий. Он соглашался с тем, что христианство испытало на себе

сильное воздействие идей эллинизма, но считал, что подлинная вера не может быть поколеблена от признания этого факта.

Бультман справедливо указывал, что Евангелия — не «биографии», составленные беспристрастными историками для любознательных читателей, а *свидетельства веры*. Эта мысль, которая была уже давно высказана многими экзегетами, находит свое подтверждение в самом Новом Завете. «Сие же написано, дабы вы уверовали, что Иисус есть Христос, Сын Божий, и, веруя, имели жизнь во имя Его», — эти слова Иоанна можно было бы поставить в качестве эпиграфа ко всем четырем Евангелиям. Они предназначены быть не хроникой или историческим трудом, а благовестием о Спасителе мира. Поэтому литературная критика не может умалить животворящей силы евангельского Откровения. Пусть даже какие-то детали предания будут признаны легендарными, познание Бога через Иисуса Христа не зависит от решения этих чисто научных, исторических проблем. Вера живет в иной плоскости, нежели наука.

По мнению Бульзмана, задача толкователя Евангелия состоит в том, чтобы перевести религиозный опыт первохристиан на язык современного человека. В Писании следует вычленять самую суть, а не искать в нем только факты.

Этот подход, который Бультман не совсем удачно назвал *демифологизацией*, применялся церковными экзегетами еще в первые века христианства. (Термин «демифологизация» неудачен хотя бы потому, что «миф» в философском смысле слова есть неизбежная форма для выражения сверхрассудочных истин. Каждое мировоззрение подразумевает некие аксиомы или постулаты, которые являются «мифическими», и следовательно, по-настоящему демифологизировать человеческое сознание невозможно). Сам Бультман называл себя продолжателем Отцов Церкви, в частности тех из них, что следовали *аллегорическому* способу толкования Библии. Этот способ успешнее всего прилагается к Ветхому Завету, поскольку в его основе лежит определенная система метафор, символов и иносказаний. Особенно это касается первых глав Книги Бытия, толкуя которые, важно прежде всего сформулировать учение, преподанное священным автором в виде сказаний.

Евангелия также нередко говорят о тайнах, не поддающихся чисто внешнему, историческому описанию (например, рассказ св. Луки о Благовещении)⁹⁷. В подобных случаях метод Бульзмана частично применим. Однако сам ученый идет гораздо дальше. Будучи приверженцем экзистенциальной философии, он полагает, что для души, обращенной к Богу, «историческое» играет *второстепенную* роль. На этом основании он не только вычеркивает все чудесное из евангельской истории, но по сути дела рассматривает почти каждое ее событие как «идеальную картину», т. е. фикцию, созданную для разъяснения или обоснования той или иной мысли.

Бультман по существу ставит под сомнение достоверность *всего*, что мы знаем о земной жизни Христа. Как Швейцер и Дибелиус, он оправдывает свой взгляд тем, что «исторического Иисуса» нельзя отделять от благовестия первых христиан.

В какой-то мере это справедливо: Евангелия возникли тогда, когда Церковь уже более тридцати лет жила, боролась, страдала и свидетельствовала о Господе. Именно она принесла в мир веру в Распятого и Воскресшего. Но означает ли это, что Евангелие — лишь цепь аллегорий, мифов и символов?

Разумеется, если о Христе сказано, что Он «вознесся на небо», мы не должны понимать эти слова в том смысле, что Он переместился в мировое пространство. «Вознесение» — конкретный образ, указывающий на

переход Богочеловека в иной план бытия, на конец Его земного служения. Но почему нужно считать «символом» посещение Иисусом Марфы и Марии, мытаря Закхее, фарисея Симона или Его споры с иудейскими книжниками? Какие есть доказательства в пользу того, что крещение на Иордане или вход в Иерусалим — просто аллегории? Да, Евангелие — книга веры, но это не дает нам права смотреть на него лишь как на образное изложение первохристианского богословия.

Наш известный леворадикальный богослов свящ. Сергей Желудков метко называет Евангелия «иконами Христа». Однако это сравнение никак нельзя считать исчерпывающим. Икона *вся* символична, условный язык ее предназначен только для передачи незримой реальности. Она «мифологична» в высоком смысле этого слова, если называть «мифом» конкретно-образный язык, указывающий на горный мир. На иконах евангельские события происходят как бы вне исторического времени и географического пространства, что подчеркивает их непреходящий характер.

Евангелия же отнюдь не таковы. Говоря о вне временном, евангелисты почти никогда не покидают земной почвы, и их рассказы органически вписаны в живую картину эпохи. Описанная в Евангелиях жизнь Христа отражает не поздние воззрения христиан, а реальный иудейский мир I века. Вот почему в них говорится о таких незначительных городках, как Капернаум, Хоразин, Вифсаида, Магдала, Кана. Никаким «символом» этого не объяснишь. Вот почему они касаются споров о Законе, жертвах и храме, которые утратили интерес для христиан второго поколения. Ведь эти споры постоянно вели люди, окружавшие Христа. По той же причине в Евангелиях упомянуто о мытарях, о налогах, платимых Риму, о чистом и нечистом, о юридических правах Синедриона и т. д.

Все сообщения Нового Завета об Ироде, Антипе и Пилате, первосвященниках и прокураторах, партиях и сектах, о политической и религиозной обстановке в Палестине целиком совпадают с данными истории. Крупнейший археолог нашего века Уильям Олбрайт показал, насколько маловероятно, чтобы общины, отделенные от событий многими годами, были способны нарисовать столь точную картину. «Археологические данные, — пишет он, — решительно опровергают взгляды радикальной критики из школы «истории форм»⁹⁸.

Кумранские открытия подтвердили эти слова. В манускриптах Мертвого моря встречается много выражений, которые характерны для Нового Завета («Нищие духом», «Велиар», «сыны света», «путь праведности», «власть тьмы», «творить истину» и т. д.). А если мы вспомним, что кумранская секта распалась после 70 года, то это сходство словаря доказывает тесную связь между евангельским преданием и палестинской средой I века.

Указывалось, что такие евангельские имена, как Марфа, Елизавета, Лазарь и др., не упоминаются в Ветхом Завете и поэтому их могли употреблять только люди, жившие вдали от Палестины. Однако при раскопках в Иерусалиме на стенах саркофагов тех времен были найдены именно эти имена, по-видимому, весьма распространенные в Иудее.

Самым «богословским», и поэтому менее других достоверным, критики издавна считали Евангелие от Иоанна; однако в нем мы находим детали, которые мог знать только человек, живший в Палестине до 70 года. Так, например, Иоанн говорит, что Иисус остановился у колодца Иакова, близ города Сихема (или Сихаря); между тем город Наблус, который, как думали, был построен римлянами на его месте в 70 году, расположен далеко от этого водоема. Когда же Эрнст Селлин произвел раскопки в этом районе, он убедился, что древний Сихем находился не под римским

Наблусом, а под Балатским холмом, в три раза ближе к колодцу⁹⁹.

Каких только домыслов не создавали о бассейне Бецета, или Вифезда! Считали, например, что «пять притворов», где Иисус исцелил парализованного, означает пять книг Моисеевой Торы. Но оказалось, что это вовсе не «символ». При раскопках нашли развалины купальни, которая действительно имела специальные помещения для больных. Источник слыл целебным и после иудейской войны, когда в Иерусалиме поселились язычники, о чем свидетельствуют благодарственные надписи исцеленных¹⁰⁰.

Семьдесят лет назад Андрей Немоевский заявлял, что Пилат — не что иное, как homo pilatus, человек, держащий «пилум», копье, т. е. олицетворение созвездия Орион¹⁰¹. Но что бы он сказал в 1961 году, когда среди развалин Кесарии нашли надпись I века: «Понтий Пилат, префект Иудеи»? Надпись не только подтвердила данные Евангелий и Флавия, но и показала, что Пилат обладал большими полномочиями, чем простой прокуратор¹⁰².

Нередко указывали, что Новый Завет неверно изображает распятие, поскольку казнимых не прибавляли ко кресту, а привязывали. Считалось, что евангелисты стремились таким образом обосновать догмат об искупительной крови Христовой. Но в 1968 году в Гиват Ха-Мивтар, северном пригороде Иерусалима, нашли страшное подтверждение правоты евангелистов. Это была гробница распятого иудея римской эпохи. Огромные гвозди настолько прочно засели в его костях, что их не смогли вынуть даже при погребении тела¹⁰³.

Есть открытия, относящиеся к послеевангельским годам, но имеющие важное значение для вопроса об истоках христианства. Речь идет о раскопках в Риме и Назарете¹⁰⁴. Под алтарем собора св. Петра была найдена гробница первоверховного апостола. Надписи свидетельствуют, что во II веке к могиле св. Петра приходили многочисленные паломники. Это подтверждает предание о проповеди и кончине апостола в Риме. В Назарете археологи нашли остатки христианских храмов II столетия и тем самым заполнили исторический пробел, который отделял евангельскую эпоху от первых веков Церкви.

Итак, повторяем, Евангелие есть книга веры, но это не мешает ему одновременно быть *историческим* свидетельством о Христе. Евангелисты говорят о Нем лучше, чем кто бы то ни было, потому что на них падало отражение Его необыкновенной личности. Не апостолы, не первохристиане создали образ Иисуса, а Он Сам сделал возможным появление Евангелий. Чувствуется, что порой их авторы рассказывают о том, что превосходит их собственный уровень; что эти люди с величайшим трудом справляются с поставленной задачей. Они писали в те годы, когда были еще живы свидетели явления Христа на земле, которые могли дать оценку написанному. И если из всех Евангелий оказались выбранными наши четыре, то значит именно они наиболее точно передают слова и дела Иисуса.

Жан Жак Руссо, который не был ортодоксальным христианином, писал: «Если жизнь и смерть Сократа достойны мудреца, то жизнь и смерть Иисуса суть жизнь и смерть Бога. Скажем ли после этого, что евангельская история произвольно вымышлена? Друг мой, вымыслы бывают не таковы, а деяния Сократа, в которых никто не сомневается менее засвидетельствованы, чем деяния Иисуса Христа. В сущности это значило бы переносить в другое место трудность, а не устранять ее; непостижимым было бы еще более предположение, что несколько человек сообща сфабриковали эту книгу, сюжет для которой доставило одно лицо. Иудейские писатели никогда не выдумали бы ни этого тона, ни

этой морали; Евангелие заключает в себе столь поразительные, столь неподражаемые черты истины, что изобретатель был бы еще более удивительным, чем сам герой»¹⁰⁵.

Действительно взять хотя бы только речи Христа с их живыми интонациями и арамейскими оборотами: все они отмечены печатью несомненной подлинности. Какие «общины» были бы в силах сочинить эти навсегда врезающиеся в память притчи, эти полные выразительности и огня проповеди? Кто из ранних христиан мог быть их автором? Послания апостола Павла доказывают, что даже он — наиболее выдающийся учитель эпохи — не поднимался до уровня Евангелий. Их тайна кроется в том, что они не просто передают опыт Церкви, но прежде всего сам дух, облик и волю ее Основателя.

«Говорят, стиль — это человек, — пишет Чарлз Додд. — А каков тогда стиль поучений Иисуса, если судить о них по Евангелиям? Большая часть их дана в виде коротких энергичных высказываний, резких и подчас иносказательных, даже загадочных, полных иронии и парадоксов. Вся совокупность речений, дошедших до нас по различным каналам предания, имеет безошибочно угадываемые черты. Совершенно невероятно было бы предположение, что речи эти являются продуктом искусственной работы раннехристианских наставников... Некоторые более длинные отрывки явно обнаруживают ритмический строй, который все еще дает себя чувствовать после двойного перевода (с арамейского на греческий и с греческого на английский). Порой кажется, что греческий вариант — только тонкая маскировка оригинала, который постоянно переходит на ритмы древнееврейской и арамейской поэзии»¹⁰⁶.

Этот исключительно важный вывод явился итогом многолетних исследований, тщательного анализа Евангелий в свете современной исторической науки, археологии и лингвистики. Надежды тех, кто думал, что наука развенчает Новый Завет, не оправдались. Именно труды современных ученых еще раз подтвердили, что Евангелия — подлинные и достоверные документы.

2

ИКОНОГРАФИЯ ХРИСТА И ЗАГАДКА ТУРИНСКОЙ ПЛАЩАНИЦЫ

В наши дни все чаще можно встретить изображение Иисуса Христа с черной кожей или сидящего в индийской «позе лотоса». У народов Африки, Азии, Океании зародилось христианское искусство, непривычное на взгляд европейца, но отвечающее стилю «молодых церквей» третьего мира. (См. А. Lehmann. *Afroasiatische christliche kunst*. Berlin, 1966). Это наглядное доказательство наступления новой эпохи, когда христианство перестает быть «религией белых», когда вселенский дух Евангелия воплощается в национальных афроазиатских культурах.

Разумеется, если японский или индонезийский художник придает Спасителю черты своих соплеменников, он вовсе не думает, что в действительности Христос выглядел именно так. Но прием, используемый мастером, вполне оправдан, и ведет он свое начало от искусства Византии, средневекового Запада, древней Руси. Ведь лик на мозаике, фреске, иконе — только знак, который указывает на реальность Христа, вечно пребывающего в мире. И знак этот должен соответствовать особенностям каждого народа. Отсутствие же достоверного портрета Иисуса всегда давало простор для подобных модификаций.

Тем не менее многим христианам, естественно, хотелось бы знать, как выглядел Сын Человеческий в те годы, когда Он жил на земле.

Но можно ли составить об этом представление, если евангелисты не говорят ни слова о Его внешности?

Этот вопрос мы и попытаемся рассмотреть.

Начнем с того, что хотя бы приблизительно известно: с характера одежды Христа. Для этого необходимо отрезиться от представлений, навеянных западными живописцами. Почти все они, за редкими исключениями, изображали Иисуса и апостолов с непокрытой головой и без обуви. Однако по каменистым дорогам Палестины люди, как правило, ходили в башмаках или прочных сандалиях (ср. Мк 1,7), а в силу обычая и из-за климата редко снимали головной убор. Последний был трех видов: невысокая шапка типа фригийского колпака (наиболее древняя форма, принятая в эпоху царей), чалма и *судхар*, покрывало, которое нередко стягивали на голове шерстяным шнуром (современное арабское *куфье*).

Платье израильтян римской эпохи отличалось однообразием покроя. (см. *И. Г. Троицкий*. Библейская археология, СПб., 1913, с. 112 сл.) у мужчин это был прежде всего *кетонет*, или хитон, — просторная туника с широким поясом, ниспадающая почти до земли (*И. Флавий*, Арх., III, 7,2). Согласно Ин 19,23 Иисус имел кетонет не шитый, а «тканый целиком с самого верха». Такая одежда ценилась; поэтому палачи Христа бросили жребий — кому она достанется. Кетонет бывал голубым, коричневым или полосатым; некоторые экзегеты видят в Мк 9,3 намек на белый цвет.

Поверх туники носили *симлу*, плащ из грубой шерсти. Он обычно служил и подстилкой на ночь; в связи с этим Закон повелевал возвращать человеку плащ до захода солнца, даже если тот отдал его в залог (Исх. 11, 26). При распятии Христа солдаты разрезали верхнюю одежду Христа на части (Ин 19, 23).

Благочестивые люди, следуя предписанию (Числ 15, 38—40), пришивали к краям плаща голубые кисти, «канафы», или «краспеда». Из Евангелий мы знаем, что были они и на одежде Спасителя (Мф 9, 20; Лк 8, 44).

Во время молитвы Иисус, по иудейскому обычаю, надевал на плечи *таллит* (таллиф) — особый продолговатый плат с полосами. Иногда концы его закидывались за спину. Без сомнения таллит был на Христе во время Тайной вечери.

Если одежде Иисуса мы в целом можем себе представить, то о Его лице, сложении и росте нет никаких данных. Это объясняется не только тем, что в Иудее изображения находились под запретом. Само Писание почти никогда не останавливается на внешних чертах людей. Правда, о Давиде вскользь упомянуто, что он был «рыжеволос, с красивыми глазами и приятным лицом» (в синодальном переводе — «белокур»), (1 Цар 16, 12), но это — редкое исключение.

Новозаветные авторы следуют литературной традиции Ветхого Завета, и потому мы не найдем у них описания облика Иисуса. О нем стали задумываться лишь христиане греко-римского мира, но тогда уже не сохранилось воспоминаний, которые могли бы дать ориентир художникам (см. *А. П. Голубцов*, Иисус Христос по внешнему виду, — ПБЭ. СПб., 1905, т. VI, с. 665—675).

Некоторые раннецерковные писатели, ссылаясь на пророчество о Слуге Господнем (Ис 53), полагали, что уничижение Христа относилось и к Его внешности. Св. Иустин, Климент Александрийский и Тертуллиан утверждали, будто Иисус был невзрачен лицом (*Иустин*. Диалог с Три-

фоном, 88; *Климент*. Педагог, III, 1; *Тертуллиан*. О Воплощении, IX). Этот взгляд использовал в своей полемике Цельс (ок. 170 г.). «Раз в теле Христа,— писал он,— был Дух Божий, то оно должно было резко отличаться от других ростом, красотой, силой, голосом, способностью поражать и убеждать... Между тем, оно ничем не отличалось от других и, как говорят, не выделялось ростом, красотой, стройностью» (цит. по *Оригену*, Против Цельса, VI, 75).

С III-го и особенно с IV-го веков, вероятно, под воздействием античных понятий о красоте распространилась противоположная точка зрения. «Само сияние и величие скрытого Божества,— говорил о Христе бл. Иероним,— при первом виде Его могли привлекать к себе смотрящих на Него» (*Иероним*. На Матфея, IX, 9). Однако в этих словах чувствуется скорее догадка, чем знакомство с твердой традицией. Примерно в то же время бл. Августин отрицал существование подобной традиции (О Троице, VIII, 5). Впрочем, еще ок. 180 г. св. Ириней Лионский вынужден был прямо признать, что «плотский образ Иисуса *неизвестен*» (Против ересей, I, 25).

Из двух догадок вторая представляется более правдоподобной. Если бы у Христа были какие-либо телесные недостатки, они сделались бы предметом насмешек Его врагов. Из Евангелий можно заключить, что Иисус вызывал у людей расположение с первого взгляда. «Строго говоря,— замечает Альбер Ревиль,— некрасивая внешность может служить препятствием к этому чувству, если только прекрасная душа не заставляет забывать о некрасивых и грубых чертах лица. Но в таких случаях нужно все-таки некоторое время для того, чтобы преодолеть первое впечатление; в отношении же Иисуса в этом, по-видимому, не было необходимости» (*А. Ревиль*. Иисус Назарянин, СПб., 1909, т. I, с. 309).

Совершенно неосновательно мнение, будто Христос был хрупок и слаб от природы. Он многие годы занимался физическим трудом, немало странствовал, провел сорокадневный пост. «Под палящими лучами солнца,— пишет Карл Адам,— по тропинкам, ничем не затененными, через дикое нагромождение скал Он должен был в шестичасовом переходе совершить восхождение более, чем на 1000 метров. И самое удивительное — Иисус не был утомлен. В тот же самый вечер Он принимает участие в пиршестве, приготовленном для Него Лазарем и его сестрами (Ин 12, 2). Значительнейшая часть общественного служения Иисуса протекает вообще не в домашнем уюте, а в открытой природе, подверженной всем превратностям погоды... Нет сомнений, что Иисус сотни раз ночевал под открытым небом и отчасти потому так близко знал лилии в полях и птиц в небе. Только в корне здоровое тело могло соответствовать всем этим требованиям. К тому же эта жизнь странника была полна трудов и необычных напряжений» (*К. Адам*. Иисус Христос. Брюссель, 1961, с. 94).

Мы уже говорили, какие человеческие черты Христа проглядывают в Евангелиях. Однако полной характеристики Его личности там нет. Апостолы безусловно ощущали дистанцию, отделявшую их от Учителя. «Евангелия,— пишет современный экзегет Джон Л. Маккензи,— это объективные повествования; они говорят нам о том, что можно было видеть и слышать. В них нет ни внутренних монологов, ни психологических мотивировок, которые так любят нынешние романисты... Его личность затрагивается лишь постольку, поскольку она проявлялась вовне. Иисус не был чрезмерно откровенным. Он не был экстравертом, который открывает глубину своего сердца первому встречному... И эта сдержанность сочеталась с величайшей доступностью и дружелюбием. Однако близко Его знавшие чувствовали, что всегда в Нем остается нечто невысказанное. У Него были человеческие чувства, Он не скрывал

их, но ученики видели, что Его чувства, в отличие от их собственных, всегда остаются под контролем. Он обладал редкостным достоинством и авторитетом. Но несмотря на сдержанность, слова и поведение Его были всегда искренними; ни в уловках, ни в дипломатии Он не нуждался» (J. L. Mc Kenzie. *Mastering of the Meaning of the Bible*, 1960, p. 75).

Итак, очевидно, что апостольское предание смогло сохранить память о духовном облике Христа, хотя сделать это было куда труднее, чем запомнить Его лицо.

В Средние века многие христиане отказывались верить, что черты Богочеловека забыты, и надеялись заполнить пробел с помощью апокрифов, описывающих Его вид. Один из таких апокрифов приводит в VIII веке св. Иоанн Дамаскин, другой — Никифор Каллист в XIV веке. Особенно популярно было так называемое «Письмо Лентула», человека, якобы управлявшего Иудеей в евангельские времена (см. М. Хитров. Подлинный лик Спасителя, М., 1894, с. 18 сл.). Но, как установил еще в XV в. Лоренцо Валла, этот апокриф не древнее XII столетия.

Не раз высказывалось предположение, что эти апокрифы все же опираются на не дошедшие до нас древние изображения.

Существовали ли такие изображения?

По свидетельству Лампридия, император Александр Север (222—235) поместил одно из них в своей божице рядом со статуями великих мудрецов. Но как оно выглядело, мы не знаем, и тем более сомнительно что оно было портретным.

В IV веке историк Евсевий видел в Кесарии Филипповой памятник, который, как утверждали, поставила женщина, исцеленная Иисусом (Мф 9, 20 сл.) Это была бронзовая скульптурная группа, состоявшая из двух фигур: самой женщины и «красиво облеченного в двойную мантию» человека, простирающего к ней руку (Евсевий. Церк. История, VII, 18). Но если бы о памятнике знали до IV века, на него ссылались бы христиане, в частности св. Иустин, бывший, как и Евсевий, уроженцем Палестины. Между тем сведения об этой статуе не древнее сообщения Евсевия. Поэтому историки полагают, что она была воздвигнута либо в честь императора (со времен Августа императоров нередко называли «Сотер», Спаситель), либо в благодарность Эскулапу — богу целителю.

Древнейшие римские изображения Спасителя, которые уцелели до наших дней, только подтверждают слова св. Иринея, говорившего, что «плотский образ Иисуса неизвестен». Повсюду Он представлен в виде безбородого юноши или аллегорических фигур, вроде Орфея, Пастыря, Агнца.

На этом фоне разительным контрастом является фреска из катакомб св. Калликста, которую нашел и скопировал в XVII веке первый исследователь христианских древностей Антонио Бозิโอ (A. Bosio. *Roma Sotteranea*, 1632, Lib III, p. 253). На потолке в медальоне можно видеть лицо человека с длинными волосами и небольшой бородой. Бозิโอ отнес фреску к началу II века. К сожалению, в настоящее время она разрушена, и вопрос о том, действительно ли она изображала Иисуса, остался нерешенным.

Самое загадочное в иконографии Иисуса Христа — это неожиданный переход от символических, условных изображений к тому образу, который с тех пор прочно утвердился в традиции. Его называют «восточным» или «историческим», и в Риме он стал известен уже с III века (см. A. Grabar. *Le premier art chrétien*. Paris, 1966, p. 192, 212).

Как бы ни были разнообразны лики Христа в истории искусства — от мозаик Византии и мастеров Ренессанса до произведений нового времени — все они обнаруживают зависимость от этого прототипа (см. *Н. Покровский*. Иисус Христос в иконографии.— ПБЭ, т. VI, с. 676—679).

Заманчиво было бы предположить, что основой для него явился какой-то древний образ. В поисках этого подлинника ученые обратились к хорошо известным эдесским легендам.

Эдесса — небольшое государство в северной Месопотамии, куда христианство проникло не позднее 180 года. В начале III столетия его уже открыто исповедовал эдесский царь Абгар IX (см. *В. Болотов*. Лекции по истории древней Церкви. СПб., 1910, т. 2, с. 256). В сказаниях IV века говорится, что еще Абгар V Великий (13—50) написал письмо Иисусу Христу в Иудею и получил от Него ответ (*Евсевий*. Церк. История. I, 13). Легенда эта малодостоверна, как и рассказ о том, что Христос прислал Абгару Великому Свое изображение, отпечатавшееся на полотне. Но есть данные, что в Эдессе действительно хранили как святыню какой-то образ, считавшийся *нерукотворным* (см. Е. Мещерская — «Легенда об Авгаре», раннесирийский литературный памятник. М., 1984 г.). После завоевания Эдессы арабами образ перенесли в Константинополь. Первым историком, который упоминает об этой святыне, был, живший в VI веке, *Евагрий*. (Церковная история, IV, 27.).

Могут ли сказания о «нерукотворном образе» пролить хотя бы некоторый свет на проблему подлинного лика Спасителя?

Осенью 1977 года английский историк Ян Уилсон выступил в Лондоне на международном симпозиуме с гипотезой, согласно которой «нерукотворный образ» был ни чем иным, как погребальной плащаницей Христа; она могла храниться в сложенном виде, так что был виден только лик, а впоследствии ткань была развернута полностью (см. *J. Wilson*. The Turin Shroud. London, 1978).

Согласно одной хронике, когда крестоносцы разграбили в 1204 году Византию, реликвия «исчезла» из Константинополя. Уилсон установил, что в походе против византийцев участвовал французский рыцарь де Шарни. Деталь эта весьма существенна, так как в 1353 году некий граф де Шарни (вероятно, потомок крестоносца) построил церковь, где поместил полотно, утверждая, что это подлинная плащаница Господня.

С этого времени судьба реликвии прослеживается непрерывно вплоть до наших дней. В 1452 году Маргарита де Шарни передала ее герцогу Савойскому, чьи потомки стали позднее итальянскими королями. В настоящее время плащаница принадлежит этой семье. С 1578 года ее хранят в особом ковчеге собора св. Иоанна в итальянском городе Турине, и поэтому она известна как *Туринская плащаница*.

Церковные власти сначала относились к плащанице сдержанно. Еще в XIV веке епископ г. Труа считал, что на ней сохранился не отпечаток тела, а картина живописца. Не привлекала она и внимания историков, которые в подавляющем большинстве разделяли мнение епископа. Художественной же ценности плащаница не имела. На куске полотна размером в 4,1 м на 1,1 м видны были только темные пятна, неясно обозначавшие черты какого-то лица и силуэт тела.

Но с 1898 года, благодаря открытию фотографа Секондо Пиа, отношение к Туринской реликвии стало меняться. Пиа сделал снимок с полотна и, взглянув на негативную пластинку, был глубоко потрясен. На ней проявилось позитивное изображение, удивительно напоминавшее

«исторические» иконы Спасителя (см. А. Пахарнаев. Исследование о подлинности изображения Лица и тела Христа Спасителя на Туринской плащанице. СПб., 1903).

Дальнейший анализ показал, что плащаница представляет собой отнюдь не произведение искусства, а естественный отпечаток, образовавшийся непонятным путем в виде негатива. На ней не нашли ни малейших следов краски. В частности, краситель обязательно прореагировал бы на воздействие огня. Между тем пожар, повредивший полотно в декабре 1532 года, никак не сказался на изображении.

В 30-х годах нашего века, после того как были сделаны новые фотографии ткани, французский биолог Поль Виньон писал: «Так как изображения не нарисованы, так как они не могли быть получены никаким другим искусственным путем, остается исследовать: не являются ли они результатом какого-нибудь естественного процесса? Анализируя первые фотографии и проделывая опыты в лаборатории Сорбонны, мы пришли к заключению, что изображения не являются прямым отпечатком человеческого тела. Сразу было очевидно, что они получились не просто от соприкосновения, ибо соприкосновение мягкой ткани с неправильной поверхностью человеческого тела привело бы к значительным искажениям образа, а в этих отображениях искажений почти нет, и они незначительны. Они могли получиться только под действием испарений, выделенных поверхностью тела» (P. Vignon. Le Saint Suaire de Turin. Paris, 1938).

По мнению П. Виньона и других ученых, отпечатки возникли благодаря находившимся на теле веществам (смирны и алоэ), употребленным при бальзамировании (ср. Ин 19, 39). Единственное исключение составляют следы, которые, по данным медика П. Барбэ, «репродуцированы непосредственным соприкосновением со сгустками крови» (P. Barbet. A. Doctor at Calvary. New York, 1963, p. 18).

Исследования А. А. Лагранжа показали, что структура материи вполне соответствует приемам ткачества, известным по раскопкам в Помпее и Сирии (см. М. Н. Гаврилов. Туринская плащаница. Брюссель, Жизнь с Богом, 1961, с. 17).

Все эти выводы усилили интерес ученых к реликвии. Папа Павел VI в 1973 году публично заявил, что она «достойна специального изучения».

На симпозиуме 1977 года мастера рельефной космической фотографии Дж. Джексон и Э. Джаспер продемонстрировали снимки плащаницы, которые окончательно доказали, что отпечатки на ней получены не от плоского изображения, а от объемного тела.

Что же можно сейчас увидеть на Туринском полотне, если рассматривать его негативную фотографию?

Оно запечатлело гармонически сложенную фигуру обнаженного человека, который был подвергнут зверскому бичеванию и распят на кресте. Лицо проникнуто величием и покоем, несмотря на то, что несет следы ударов и кровоподтеков. Умерший имел волнистые волосы, сравнительно узкое лицо, тонкий нос, короткую раздвоенную бороду. На его глаза после смерти были положены монеты, по размеру соответствующие тем, что имели хождение в Палестине I века. На голове видны следы колючего венка, сплетенного не обручем (как обычно изображают на картинах Страстей), а в виде шапки.

Руки и ноги пробиты острями, причем руки — не в ладонях, а в запястьях. Это точно совпадает со способом крестной казни, подробно о которой установлены благодаря находке близ Иерусалима (см. выше с. 260). Правый бок пронзен (ср. Ин 19, 34), тело исполосовано ударами. Джулио Риччи, более двадцати лет изучавший плащаницу,

в своем монументальном труде пишет, что удары нанесены именно римским бичом со свинцовыми шипами, форма которого в Средние века была неизвестна (G. Ricci. La Sindone Santa. Roma, 1976, p. 26). При погребении лицо было обвязано поверх савана платком (ср. Ин 20, 7).

Одним словом, изображение на плащанице находится в полном согласии с евангельскими повествованиями о Страстях.

Недавний анализ обнаружил на плащанице признаки какой-то *радиации*.

Не исключено, что это следы того преображения тела Христа, которое произошло в момент Его воскресения...

Решающим является вопрос датировки плащаницы. К сожалению, ее владельцы не позволяют отрезать от ткани часть, необходимую для исследования при помощи новейших научных методов. Их аргумент сводится к тому, что великая святыня (в подлинности которой они не сомневаются) не должна быть повреждена в угоду скептикам. Поэтому до сих пор ученые пользуются косвенными способами датировки.

С этой целью известный швейцарский криминалист Макс Шульцер исследовал под электронным микроскопом цветочную пыльцу на плащанице. Пыльца обладает невероятной устойчивостью и позволяет установить, когда и где росли цветы, с которых она облетела. Результаты были поразительными. На плащанице находилась пыльца эндемичных (т. е. встречающихся только в этой местности) растений Палестины I века, а также растений Сирии, Византии, Франции, соответственно более поздних эпох.

В том, что материя сохранилась за столь долгое время, нет ничего сверхъестественного. Пропитанные бальзамирующими веществами ткани могут оставаться неповрежденными тысячи лет. Достаточно напомнить о пеленах египетских захоронений. В пещерах Иудейской пустыни было найдено много обрывков льняной материи I века.

Евангелие от Иоанна (20, 5) говорит, что, когда женщины, Петр и Иоанн побывали в гробнице, они нашли там погребальную пелену Христа. В глазах иудеев все предметы, находившиеся рядом с трупом, считались «нечистыми». Но для учеников с «первого после субботы дня» Спасителя уже не был умершим. Поэтому, уходя в Галилею, они могли взять саван с собой и сберечь его как святыню.

Потом, когда в 30-годах I века христиане начали покидать Палестину, некоторые из них поселились в Дамаске, в Сирии (Деян. 9, 2), Они-то, по-видимому, и перенесли туда плащаницу. Из Сирии во II-м или III-м веке она могла попасть в Эдессу, где тогда христианство восторжествовало, и, где ее окружили почитанием как «нерукотворный образ».

Стоит задуматься над тем, что именно с *этого времени* в иконографии появляется «исторический» образ Христа. В 70-х и 80-х годах международные группы специалистов неоднократно занимались исследованием плащаницы. Почти все полученные данные свидетельствовали в пользу ее подлинности. Правда радиоуглеродный анализ маленького фрагмента ткани показал средневековую дату. Но, как полагают, материал, веками подвергавшийся многообразным воздействиям, побывавший в огне, не может быть датирован с помощью этого метода. Кроме того, остается нерешенной проблема, как мог получиться отпечаток. Итак, ученые еще не произнесли о туринском феномене последнего слова. Если же подлинность плащаницы будет бесспорно подтверждена, мы смело сможем сказать, что дорогие всем христианам черты Господа «во плоти» перестали быть тайной.

ЕВАНГЕЛИЕ, ЗАКОН И ФАРИСЕЙСТВО

Принимая Ветхий Завет как Священное Писание, Церковь Христова следует воле Своего Основателя, Который говорил: «Не подумайте, что Я пришел упразднить Закон или Пророков» (Мф 5, 17). В христианских храмах и доньше звучат слова древних мужей ветхозаветной Церкви, в частности 118 псалом, этот вдохновенный гимн Закону (см. последование заупокойной утрени).

Во дни земной жизни Иисуса Христа библейский канон полностью еще не был установлен; в него входили Закон и Пророки, а третья часть (Писания) была присоединена к Библии лишь в конце I века. Тем не менее новозаветная Церковь включила в свой канон и этот более поздний раздел. Таким образом состав Ветхого Завета в христианстве и иудаизме оказался общим.

Возникает, однако, вопрос: почему ап. Павел говорил (Гал 3, 23—25), что после явления в мир Христа «стража Закона» теряет прежнее значение? Некоторые богословы стремились доказать, что «апостол язычников», имея в виду свои миссионерские цели, внес в богооткровенную религию чуждый ей дух и идеи. Анализ источников Павловой мысли не подтвердил этого взгляда. Апостол отнюдь не собирався порывать с ветхозаветной традицией и подвергать сомнению ценность Библии, но, будучи учеником Гамалиила, он разделял веру раввинов в «век грядущий», который с приходом Мессии сменит «век сей» (см. прот. А. Смирнов. Мессианские ожидания и верования иудеев около времен Иисуса Христа. Казань, 1899, с. 214; H. Ringgren. Israelite Religion. London, 1966, p. 335).

Согласно ап. Павлу, старый синайский Закон был дан в виде системы повелений и запретов, поскольку являлся прежде всего воспитательным средством, «детоводителем ко Христу» (Гал 3, 24). Закон лишь ставил «преграду» греху, не давая внутренних сил одолеть зло и приблизиться к Богу. Когда же наступил предсказанный Иеремией (гл. 31) Новый Завет, Бог даровал людям спасающую благодать через Иисуса Христа. Христос открыл путь к богосыновству, которого человек не мог достичь одним исполнением заповедей.

В полном соответствии с Ветхим Заветом Павел указывал, что основа праведности заключена не в Законе, а в вере, в безоговорочном *доверии* к Творцу. Именно эта вера сделала Авраама праотцем народа Божия (Гал 3, 6—7). В Новом же Завете эта вера обращена на воплотившегося Сына Божия.

Тот же ап. Павел утверждал, что вера без любви — «медь звенящая» (1 Кор 13), между тем суть нравственных заповедей Закона заключена именно в любви человека к человеку.

Христиане, группировавшиеся вокруг ап. Иакова, Брата Господня, считали, что к крещению можно допускать лишь тех, кто формально принял иудаизм и соблюдает все его правила. Но тем самым они оказались строже фарисеев, которые не требовали этого от прозелитов (им было достаточно держаться только «Ноевых заповедей», Авод Зара, 64в; ср. Быт 9, 4). Апостольский собор в Иерусалиме отклонил требование консерваторов (Деян 15, 1—29), предъявляемое к иноплеменникам. «Относительно же иудео-христиан предполагалось, что они по-прежнему будут исполнять закон Моисея» (М. Э. Поснов. История христианской Церкви. Брюссель. Жизнь с Богом, 1964, с 67). Показательно, что в этих случаях, когда языческие и иудейские обряды совпадали, христианские

общины сохраняли ветхозаветные традиции. В частности, обрезание было древним обычаем Египта, и поэтому его не отменили в древневосточных церквях (у коптов, эфиопов, иаковитов).

Ап. Павел следовал решению собора. Он выступал против тех, кто хотел навязать все ветхозаветные обычаи новообращенным из язычников, но отнюдь не зачеркивал сами эти обычаи (хотя стремился одухотворить их).

Утверждая, что Он пришел *исполнить* Закон, Христос не имел в виду простое *выполнение* заповедей. Это слово, употребленное в Евангелии (как и его арамейский эквивалент), имеет более емкий смысл: «наполнять», «восполнять», «давать полноту».

Ветхозаветный Закон дан в перспективе Обетования. После того как оно совершилось, Закон не отменяется, но получает через Мессию окончательную полноту. В частности, это находит свое отражение в переносе центра тяжести на этический смысл предписаний, хотя сами предписания не упраздняются для израильтян. «Кто,— говорит Христос,— упразднит одну из заповедей этих малейших и научит так людей, малейшим будет назван в Царстве Небесном, а кто исполнит и научит, тот великим будет назван в Царстве Небесном» (Мф 5, 19).

Но, повторяем, Христос обращал главное внимание не на внешнюю сторону заповедей, а на их внутреннее содержание и на их нравственную природу (р. Мф 15, 1—9). По выражению св. Григория Богослова, Он «убеждал восстать от буквы и последовать духу» (Слово 37). Это особенно ясно видно из ответа Христа на вопрос о главной заповеди Закона и из Его наставления богатому юноше (Мф 22, 34—40; Мк 10, 19).

Хотя в иудаизме периода Второго храма царила вера в абсолютную ценность ритуальных уставов Торы, ее толкование, данное Христом, не было совершенно чуждо традиции книжников. Достаточно вспомнить афоризм Гиллеля: «Не делай другим того, чего не желаешь себе — в этом весь Закон, остальное только комментарий» (Шаббат, 31-а). Другой учитель говорил: «Все равно, много ли выполняет кто или мало — достаточно, если сердце его обращено к Богу» (Менахот 110-а). В трактате Макот (24) сказано, что 613 заповедей Закона Давид свел к одиннадцати, Исайя к шести, Михей — к трем, а Аввакум к одной: «Праведный верой жив будет».

Такой «избирательный» подход к Торе наводит на мысль, что не все в букве Закона следует считать вечным. Но ни раввины, ни большинство раннехристианских богословов не решались сделать этого последнего вывода. Между тем слова Христа (Мф 19, 8) о Моисее, который дал правило о разводе, уступая «жестокосердию» людей, показывают, что Он подразумевал участие временных, частных соображений в составлении Торы. Иными словами, Библия по своему происхождению имеет двойственный *богочеловеческий* характер. Высший божественный Закон (любовь к Богу и человеку) и «комментарий к нему», порожденный обстоятельствами времени, далеко не равноценны.

В согласии с Евангелием и ап. Павел говорит не столько об отмене прежних заповедей, сколько о переходе священной истории на *новую ступень*. Причем переход этот сохранил в целости единую ткань веры и Предания, единый путь Завета, начавшегося с Авраама. На каждом этапе становилось все яснее, что верность Закону не есть лишь соблюдение культового регламента, а выражение любви к Богу и человеку.

«Новый Завет,— говорил бл. Августин,— скрывается в Ветхом, Ветхий открывается в Новом» (НЗ 1 Кор. 6). Религия Библии, в отличие от большинства верований древнего мира, имеет характер *динамиче-*

ского учения. Стержневой ее вектор нацелен на грядущее. Она вся в движении, в надежде, в ожидании прихода полного и совершенного Завета с Богом. Эта религия не уместается в границах одного народа, одной культуры. Родившись в изолированном от язычников очаге, она рано или поздно должна была выйти за его пределы, вопреки всем усилиям консерваторов. «Я сделаю тебя светом народов, чтобы спасение Мое дошло до краев земли», — говорит Господь Своему Служителю (Ис 49, 6).

Но если Евангелие было органическим «восполнением» и завершением библейской веры, почему духовные наставники иудеев не захотели принять его? Кто из них и почему стремился отсечь Ветхий Завет от Нового?

Из Евангелий можно вынести впечатление, что наиболее активным противником Христа были *фарисеи*. Это часто вызывало недоумение; ведь даже еврейские историки от А. Гейгера (1857) до Д. Флюссера (1968) признавали, что именно фарисеи стояли к учению Христа ближе других религиозных группировок: саддукеев, zelотов, ессеев.

Рассматривая этот вопрос, с одной стороны, следует учесть обстановку, в которой писались Евангелия. Именно в те годы, после войны с Римом, саддукеи, zelоты и ессеи исчезли с исторической сцены. Единственными представителями иудаизма в момент, когда христианство стало от него отделяться, оказались фарисеи. Отсюда естественное смещение акцентов, поставившее их на первое место среди врагов Христа.

С другой же стороны, Новый Завет рисует картину более сложную, чем кажется на первый взгляд.

Мы узнаем, что Иисус не раз бывал гостем в домах фарисеев (Лк 7, 36; 11, 37; 14, 1) и часто вел с ними беседы о вере (Мф 22, 34—45; Мк 12, 28—34; Лк 11, 37), что было бы невозможно в случае непримиримой конфронтации. Из zelотов, примкнувших к ученикам Христа, назван лишь Симон (один из Двенадцати), а о последователях ессыства и саддукеях, которые бы пошли за Ним, не говорится ни слова. Зато мы знаем, что фарисеем был Никодим и, быть может, Иосиф Аримафейский, а Деяния прямо упоминают о *христианах из фарисеев* (15, 5).

Когда ап. Павел прибыл в 58 году в Иерусалим, ему сказали: «Видишь, брат, какое множество уверовавших среди иудеев, и все они ревнители Закона» (Деян 21, 20). По-видимому, речь шла также об обращенных фарисеях.

В отличие от саддукейской иерархии, глава фарисеев Гамалиил рекомендовал относиться терпимо к новому учению (Деян 5, 34 сл.). Это произошло в 30 или 31 году. Сложилась также легенда, что Гамалиил стал позднее христианином (см. с. 89).

Сам ап. Павел в прошлом принадлежал к фарисеям, и они же встали на защиту апостола, когда zelоты поклялись убить его (Деян 23, 6—10).

Все это объясняется тем, что «по характеру благочестия первые христиане были близки с фарисеями» (Еп. Кассиан. Христос и первое христианское поколение. Париж, 1950, с. 140).

Из Евангелий, трудов Флавия и Талмуда вытекает, что председателем Синедриона был первосвященник и что в нем господствовали саддукеи (Мф 26, 57; Мк 14, 53; Лк 22, 66; Ин 18, 13—14; *Флавий*, Против Апиона, II, 23; ср. Деян 5, 17). Следовательно, в истории Страстей речь идет не о том Синедрионе, который возглавлялся Гамалиилом (коллегий с этим названием было в Иудее много, см. *Флавий*. Арх. XIV, 5, 4). Талмуд говорит и о таком Синедрионе, руководство которым принадлежало богословам. Во дни земной жизни Христа главами его были Гиллель, его сын Симон (иногда отождествляемый с праведным Симеоном Евангелия) и его внук Гамалиил (Хагига, II, 2). Последний являлся «наси»

(«князем»), Синедриона в 30 году. Но если бы именно он вынес смертный приговор Христу, ап. Павел не стал бы в тоне уважения говорить о Гамалииле как о своем учителе (Деян 22, 3).

На основании всех этих данных профессор Московской духовной академии Д. А. Хвольсон еще в прошлом веке пришел к выводу: «Синедрион, приговоривший Иисуса Христа к смерти, был не фарисейский, но состоял из саддукеев; по крайней мере последние были тогда в Синедрионе лицами, задающими тон, от которых зависело решение» (Д. А. Хвольсон. Последняя пасхальная вечеря Иисуса Христа и дата Его смерти. — ХЧ, 1875, т. II, 51—52). Это мнение косвенно подтверждается тем, что в рассказе о Страстях после Гефсимании фарисеи больше не фигурируют; вся инициатива оказывается в руках первосвященника и его партии.

Однако невозможно отрицать, что фарисеи энергично противодействовали Христу еще в Галилее, а многие из них желали Его гибели. И впоследствии они же углубили конфликт между христианством и иудаизмом. Как верно замечает один исследователь, «если бы не фарисеи, Церковь не встретила бы на своем пути оппозицию или встретила бы лишь незначительную» (R. T. Herford, *The Pharisees*, 1924, p. 213).

В поисках подоплеки этой враждебности нужно хотя бы кратко коснуться истории и доктрины фарисеев.

Как было уже сказано выше (С 14—15), фарисейский союз (хабурот, товарищество) основали блюстители благочестия, которые противились эллинистическому влиянию, проникшему в Иудею. Тогда оно вызывало тревогу во многих странах. У римлян борьбу с эллинизмом возглавил Катон, а в Палестине «хасиды», т. е. поборники благочестия. «Крепить ограду вокруг Законов» — таков был девиз «хасидов» (Авот, I, 1). «При всем том, — замечает православный историк М. Э. Поснов, — «ограда» вышла настолько высока, что закрыла собой Закон; благодаря ей Закон оказался как бы под спудом. Это направление отчасти напоминает наше славянофильство с его презрением к «гнилому Западу» (М. Э. Поснов. Иудейство. Киев, 1906, с. 167).

После победы Хасмонеев их светская политика вызвала недовольство «хасидов», а вскоре (ок. 130 г.) часть их выделилась в обособленную общину, которую народ стал называть фарисейской (арам. *перушайя* — отделившиеся). В 88 г. до н. э. царь Яннай жестоко подавил восстание, возглавленное фарисеями, но при царице Александре (78—69 г. до н. э.) фарисеи добились признания и заняли важные места при дворе. В правление Ирода Великого им снова пришлось отойти в тень. Они оказывали царю пассивное сопротивление, не пожелали присягать Августу и пророчили конец династии Ирода, называя его самого «рабом Хасмонеев».

Первая половина I века н. э. была временем внешнего господства саддукеев (см. Ф. А. Арфаскадов. Иерусалимский Синедрион. Казань, 1903, с. 111). Впрочем, влияние фарисеев продолжало расти, и после войны с Римом они окончательно взяли под контроль духовную жизнь народа.

Не сохранилось ни одного произведения, которое можно было бы с уверенностью приписать автору-фарисею. Многие ученые связывают с фарисейской средой 2 Книгу Маккавеев, Псалмы Соломона и 3 Книгу Езры (Ездры). Во всяком случае в них отразились воззрения, которые обычно приписывают фарисеям (см. H. Cazelles. Naissance de l'Eglise. Paris, 1968, p. 56).

«Фарисеи, — пишет Иосиф Флавий, — славятся точнейшими толкователями Закона... Они ставят все в зависимость от Бога и судьбы

и учат, что хотя человеку предоставлена свобода выбора между честными и бесчестными поступками, но что и в этом участвует предопределение судьбы. Души, по их мнению, бессмертны, но только души добрых переселяются по их смерти в другие тела, а души злых обречены на вечные муки... Фарисеи сильно преданы друг другу и, действуя соединенными силами, стремятся к общему благу» (Иуд. война, II, 8). «Фарисеи ведут строгий образ жизни и отказываются от всяких удовольствий. Всему тому, что разум признает за благо, они следуют, считая разум лучшим охранителем во всех желаниях. Они выдаются своим почтительным отношением к *людям престарелым* и отнюдь не осмеливаются противоречить их предначертаниям... (Речь идет о «старцах» или «отцах», но об этом читайте далее). Фарисеи верят в бессмертие души и что за гробом людей ожидает Суд и награда за добродетель, и возмездие за преступность при жизни; грешники подвергаются вечному заключению, а добродетельные люди имеют возможность вновь *воскреснуть*. Благодаря этому они имеют чрезвычайное влияние на народ, и все священнодействия, связанные с молитвами и принесением жертв, происходят только с их разрешения. Таким образом, отдельные общины засвидетельствовали их добродетель, так как все были убеждены, что фарисеи на деле и на словах стремятся к наиболее высокому» (Арх. XVIII, 1, 3). «Фарисеи возложили на народ много законов из преданий старцев, которые не записаны в Законе Моисеевом» (Арх. XIII, 10, 6). Даже саддукеи, по словам Флавия, когда находились у власти, «придерживались, хотя и неохотно и вынужденно, того, что говорили фарисеи, ибо в противном случае народ не потерпел бы их» (Арх. XVIII, 1, 4). Фарисеи «имели притязание на особое благоволение Всевышнего. В полном подчинении у этой секты были женщины» (Арх. XVII, 2, 4). Число фарисеев Иосиф определяет в 6000 (там же).

При оценке характеристики Флавия следует помнить, что сам историк был фарисеем и что он стилизовал своих единомышленников под одну из греческих философских школ. Новый Завет говорит о взглядах фарисеев кратко, но более объективно, чем Флавий. Сказано, что они верили в воскресение из мертвых, посмертное воздаяние, в ангелов и авторитет «старцев» (Мф 15, 1 сл.; Деян 23, 8).

Талмуд, созданный раввинами-таннаими, содержит данные о фарисействе, в целом вполне совпадающие со свидетельствами, приведенными у Флавия и в Новом Завете (см. *М. Э. Поснов*. Иудейство, с. 137). Причем сообщения талмудистов нередко содержат критические замечания в адрес тех фарисеев, которых они называют «крашеными». Например, в трактате Сота (2в) приводятся слова царя: «Бойся имеющих вид фарисеев: которые набожны подобно фарисеям, но поступают беззаконно».

Некоторые скудные сведения о фарисеях есть у раннехристианских писателей, в частности у св. Епифания. Он подчеркивает аскетические упражнения, принятые у фарисеев, и склонность многих из них к астрологии (*Епифаний*. Панарион, I, русск. пер., с. 73—78; см. также А. Finkelstein. The Pharisees. Philo. 1961, v. 1—2).

Из вышеприведенных показаний источников не ясно, почему фарисеи заняли враждебную позицию в отношении к проповеди Иисуса Христа. Факт этот объясняли по-разному.

1. Некоторые историки думают, что причиной был Его отказ от воору-

женной борьбы с язычниками. Но хорошо известно, что и сами фарисеи были противниками восстания (*И. Флавий*. Иуд. война, II, 17, 3). Если христиане, как только вспыхнула война, удалились в Пеллу, за Иордан, то и фарисеи в свою очередь покинули Иерусалим, и вскоре образовали собственный религиозный центр в Ямнии.

2. Мог ли быть причиной антагонизма национальный вопрос? Маловероятно. Гиллель и другие фарисеи считали необходимым привлекать к вере прозелитов. Они вели широкую проповедь за рубежами страны, о чем говорит Сам Христос (Мф 23, 15).

3. Будучи аскетами, фарисеи осуждали образ жизни Иисуса. Но это едва ли могло стать главным поводом для разрыва. Ведь и Иоанн Креститель, невзирая на свой аскетизм, тоже не был признан фарисеями.

4. Догматические истины, признаваемые фарисеями (Единобожие, вера в библейское Откровение, в воскресение, Суд, Мессию и бытие духовного мира) были признаны и в христианстве. Что же касается учения о судьбе, то его скорее всего приписал фарисеям Флавий, который сближал их со стоиками. Точку зрения фарисеев выразил рабби Акиба (Авот, III, 12), говоря: «Все предусмотрено Богом, но человеку дана свобода». Эту концепцию нельзя рассматривать как чуждую христианству (см. *Г. Скарданицкий*. Фарисеи и саддукеи как выразители состояния религиозной жизни иудейства перед явлением Христа. Киев, 1905, с. 83).

5. Нравственные воззрения фарисеев, если судить по текстам Талмуда, в целом были близки к евангельским, но мнение согласно которому авторы Талмуда черпали из Евангелия, представляется весьма маловероятным, если учесть, что талмудическая письменность возникла в эпоху резкого разрыва с христианством. Перевороту же, который был произведен Христом в отношении между Богом и человеком, подготовило почву все развитие ветхозаветной религии. Поэтому Иисус говорил апостолам: «Я послал вас жать то, над чем вы не трудились: *другие* потрудились, и вы вошли в труд их» (Ин 4, 38).

6. Едва ли будет верным считать, что фарисеев вооружило против Иисуса только то, что Он провозгласил Себя Мессией. Во-первых, Он сделал это не сразу, а во-вторых, само это притязание не считалось преступным (см. *R. T. Herford*. Judaism in, the New Testament Period, p. 214).

Так, рабби Акиба считал Мессией главу восстания Бар-Кохбу, но никто не вменил ему это в вину. Отказ видеть в Назарянине обетованного Мессию вытекал у фарисеев из неприятия Его как Учителя.

Показательно, что во время суда над Христом было настолько трудно найти против Него улики, что обвинителям пришлось искажать Его слова (Мф 26, 59—61; ср. Ин 2, 19). Когда же они говорили: «У нас есть Закон, и по Закону Он должен умереть, потому что сделал Себя Сыном Божиим», — они лгали. Закон не предусматривал подобного случая. Сыном Божиим было принято именовать и Израиль, и его царя, и Мессию (см. Ос 11, 1; 2 Цар 7, 14; Пс 2, 7; 88, 27; 3 Езд 7, 29). Следовательно, приговор не был законным, а его предрешили заранее.

Тайна Воплощения и Богочеловечества сначала была приоткрыта Христом только для ближайших Его учеников, но и они долгое время не могли осмыслить ее. В глазах уверовавших в Него Иисус был сначала «святым Божиим», Пророком, Мессией, избавителем Израиля.

Скрывая Свое мессианство от законников, Иисус облегчил им возможность увидеть в Нем хотя бы Пророка. И они сделали выбор *уже в этот первый период Его проповеди*. Фарисеи не пожелали примириться с мыслью, что безвестный Галилеянин может быть Посланником Бо-

жиим. Но этот отказ все же не давал им права считать Иисуса достойным смерти.

7. Евангелисты упоминают о трех главных упреках, которые фарисеи бросали Иисусу: общение с грешниками, нарушение субботы и Его свободный взгляд на «предания старцев».

Первое обвинение Христос отклонил, ссылаясь на слова пророка Осии: «Милосердия хочу, а не жертвы». Что касается субботы, то нет никаких оснований думать, что Спаситель был намерен отрицать ее как таковую. Он лишь указывал, что помощь ближнему есть святое дело, которому не может помешать даже субботний покой. Поскольку и среди раввинов далеко не все придерживались крайнего ригоризма в этом вопросе, было бы рискованно преувеличивать его роль в расхождении христианства и иудаизма. Тем более, что сам принцип посвящать один день недели Богу в Церкви сохранился.

Наиболее острую полемику вызвали слова Христа, сказанные по поводу «преданий старцев». Фарисеи верили в устную Тору, данную некогда Моисею и хранимую учителями на протяжении веков (Авот 1, 1). Саддукеи были в этом отношении их антиподами: они считались только с буквой Библии, преимущественно Торы.

Сущность фарисейского учения о Предании заключалась в том, что кроме Книги, в Церкви продолжает действовать Дух Божий, Который проявляется через наставников или «отцов». Живая преемственная связь между ними позволяет ощущать актуальность Слова Божия во все времена (см. *R. T. Herford. The Pharisees*, p. 66).

Отрицал ли Христос этот взгляд? Поддерживал ли в противовес ему саддукейскую точку зрения? Ответ дает один, но весьма показательный пример. В священных книгах, канонизированных к тому времени, не было ясно выраженного учения о воскресении мертвых. Книга Даниила, где провозглашено это учение, еще не входила в канон. Следовательно, говоря о воскресении, Христос признавал доктрину, содержащуюся в церковном Предании. Принцип Предания был впоследствии усвоен и христианством. По справедливому замечанию католического богослова Л. Буйе, как Новый Завет «не может быть понят в отрыве от Ветхого, так и новозаветное Предание не может быть отделяемо от Предания ветхозаветного... Источник познания Слова Божия, как бы погруженного в самую жизнь народа Божия,— источник, который есть Предание, начал течь вовсе не только после пришествия Христа, так же точно, как и тот другой источник, которым являются боговдохновенные тексты,— раз эти последние вытекают из Предания, а при этом начали накапливаться задолго до Христа» (*Л. Буйе. О Библии и Евангелии. Пер. с фр. Брюссель, 1965, с. 214*).

Иисус Христос признавал не только требования Закона, но в целом одобрил и формы благочестия, установленные Преданием. (Отметим, в частности, некоторые из элементов христианской практики, пришедшие в нее из иудаизма: день, посвященный Богу; цикл «подвижных» праздников; богослужение, включающее проповедь ектении и псалмопение; утренние и вечерние молитвы, молитвы после родов и «воцерковление» (посвящение Богу) младенцев; бракосочетание, основанное на Быт 2, 23—24; почитание святых (в Ветхом Завете — Моисея и Илии); сложная система богослужения и обрядов (ср. Типикон, Кормчую и т. п.); пожертвования на церковные нужды, отлучение, благословение людей, плодов, трапезы; освящение различных предметов, ритуальные жесты (воздевание рук, удары в грудь, которые приняты в западной церковной практике); священные обеты, посты, дни покаяния, очистительные молитвы и т. д. Все эти аспекты религиозной жизни основаны не только на

Писании, но и на Предании Ветхого (а вслед за ним — и Нового) Завета.) «Если праведность ваша,— говорил Он ученикам,— не будет больше праведности книжников и фарисеев, не войдете в Царство Божие» (Мф 5, 20).

Если о некоторых частных сторонах «галахи» Христос высказывал мнения, расходившиеся с понятиями большинства раввинов, Он следовал их же собственному правилу. Весь Талмуд наполнен *разноречивыми суждениями мудрецов по многим предметам веры и обряда*. Споры между ними доходили до жестоких столкновений. Но сторонники противоположных взглядов были в равной степени почитаемы всем народом.

8. Наконец последнее. Христос мог навлечь (и навлек) на Себя ненависть фарисеев Своими обличениями (Мф 23; Мк 12, 38—40; Лк 11, 38—52). Однако подобные обличения считались в Израиле допустимыми. Тому пример проповедь пророков. И позже в иудаизме мы находим выпады против святош, которые носили лицемерную личину набожности. Раввин Иошуа бен Хананья говорил: «Глупый ханжа, хитрый нечестивец, женщина-фарисейка и удары фарисеев губят мир» (Сота, III, 4). «Лицемеры, по мнению другого учителя, заслуживают обличения, так как оскорбляют имя Божие» (Иома, 5). Следовательно, речи Христа люди могли понимать как направленные против дурных представителей фарисейства. Заметим, что Он осуждал *не учение фарисеев, а их грехи*: «Все, что они скажут вам, *исполняйте и храните*, по делам же их не поступайте» (Мф 23, 3).

Итак, при наличии доброй воли у фарисеев было достаточно оснований принять Иисуса Христа или хотя бы отнестись к Его учению сочувственно. Как мы видели, в какой-то мере это и произошло. Однако подавляющая часть фарисеев стала Его недругами.

В чем же причина?

Остается предположить, что сам дух Христовой свободы был невыносим для людей, культивировавших каноны, ритуалы, уставы. Кроме того, фарисеи смотрели на себя как на непогрешимых стражей правоверия. В лице Иисуса они увидели соперника, который, по их мнению, не имел прав на учительство. Авторитетным для законников был лишь тот, кто вышел из их школ, кто получил санкцию церковных наставников. Иисус же говорил только от Своего лица, говорил «со властью»; Он не являлся учеником «старцев» и толковал Тору, не ссылаясь на «святых отцов» иудаизма. Это сразу возбудило подозрения, которые не замедлили перейти во враждебность.

Толпы слушателей, окружавшие Христа, вызывали у фарисеев зависть (Мф 27, 18; ср. Деян 5, 17). Поэтому они ревниво следили за Ним, стараясь найти в Его поступках то или иное нарушение Закона. Они строили гробницы пророкам, но, когда среди них во плоти явился истинный Пророк, они не поверили Ему и тем более не захотели узнать в Нем Мессию.

После Пятидесятницы 30 года в Иерусалиме начался стремительный рост христианства. Фарисеи с тревогой могли убедиться, что по числу приверженцев «назаряне» уже обогнали их самих (Деян 2, 41 и 4, 4 — насчитывают 8000 христиан Палестины, тогда как фарисеев, согласно Флавию, было всего 6000). Многие фарисеи поколебались, а некоторые даже примкнули к новому учению. Их примеру последовало значительное число иудейских священников (Деян 6, 7). (Некоторые историки предполагают, что среди этих священников были и представители есеевского ордена.) Репрессивные меры против христианства продолжали применять лишь саддукеи и иродиане (Деян 4, 5 сл.; 12, 1 сл.). Когда первосвященник Ханан (сын того, кто осудил Христа) пригово-

рил в 62 году Иакова, Брата Господня, к смерти, по словам Флавия, «все усерднейшие и лучшие законоведы наши, бывшие в городе (т. е. фарисеи — А. М.), отнеслись к этому постановлению неприязненно. Они тайно послали к царю с просьбою запретить Ханану подобные мероприятия на будущее время и указали на то, что и теперь он поступил неправильно» (*И. Флавий*. Арх. XIX, 9, 1). В результате Ханан был смещен с должности.

Однако с началом войны против Рима положение в корне изменилось. Почти все саддукеи пали жертвой народного восстания. Кумраниты рассеялись. Фарисеи и христиане покинули Иерусалим. В 70 году гибель храма и оккупация страны армией Тита поставили иудейство на грань полной катастрофы. Перед ее лицом фарисеи Ямнии приняли на себя ответственность за сохранение нации и религии. Они отказались от прозелитизма и удвоили усилия по возведению «ограды» вокруг Закона. В замкнутости — религиозной, культурной и бытовой — они видели единственный путь спасения.

Борьба за единство исключала возможность каких-либо течений внутри иудаизма. Это окончательно определило отношение фарисеев к христианам. На исходе столетия Гамалиил Второй объявил, что «Иисус свел Израиля с пути» (Сота, 47а). Последователи Назарянина стали именоваться не иначе, как еретиками. (Таков примерно смысл термина «миним», которым в Талмуде обозначаются христиане. Болезненность этого разрыва с иудаизмом остро чувствуется в Евангелии от Иоанна, написанном как раз в то время.) Тем временем христианская Церковь Израиля, во исполнение пророчеств, уже принесла Благою Весть, а вместе с ней и Библию в языческий мир. Те же иудеи, которые подчинились Ямнийскому центру, отвергли христианство и остались в изоляции от всего мира.

Как и все, что происходило в священной истории, трагедия, разыгравшаяся две тысячи лет назад по вине церковных вождей Израиля, имеет универсальное значение.

Читая сегодня грозные речи Иисуса, направленные против фарисеев и книжников, многие христиане усыпляют свою совесть, думая, что они относятся лишь к верхушке иудейского общества I века. Но тогда за этими речами остался бы только исторический, преходящий смысл. Между тем каждое их слово полностью приложимо к недостойным представителям любой религии или церкви, к их самодовольству, ханжеству, консерватизму, обрядоверию. Законники и клерикалы всех мастей легко превращались в гонителей. Вспомним хотя бы участь Афанасия Великого и Златоуста, Саванаролы и Гуса, митрополита Филиппа и многих других, кто прошел свой крестный путь по воле «лжебратий». Извращение веры, гордыня, дух культового формализма, расчеты «задобрить» Бога исполнением внешних уставов живучи, как и все человеческие грехи. Древних фарисеев больше нет, но отнюдь не умерло само «фарисейство».

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРИМЕЧАНИЯ

От автора

¹А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. М.; Л., 1949, Т. VII, с.443.

²Э. Прессансе. Иисус Христос и Его время/Пер. с фр. СПб., 1869, с. 11.

³Известный русский богослов М. Муретов дал в начале века высокую оценку мастерству Ренана, хотя основные идеи его книги подверг резкой и справедливой критике. «С поразительной живостью,— говорил он,— Ренан рисует историческую и географическую обстановку евангельских событий. С неменьшим искусством воспроизводит среди этой обстановки, хотя вымышленные и ложные, но живые, полные выразительности и движения великие образы священной истории». М. Д. Муретов. Эрнст Ренан и его «Жизнь Иисуса». СПб., 1907, с. 13.

⁴А. Гарнак. Сущность христианства,— В кн.: Общая история европейской культуры, СПб., 1910, т. 5, с. 40.

Пролог

¹Быт 17, 1; 12, 3.

²Начиная с IV в. до н. э. имя *Ягве* из благоговения запрещалось произносить (кроме исключительных случаев). Его заменяли словом *Адонай*, Господь. Для напоминания об этом под буквами имени Божия ставили огласовку слова Адонай. Отсюда искаженное имя «Иегова», которое довольно долго употреблялось в библеистике.

³«Разве приносил ты Мне жертвы и дары за сорок лет в пустыне, дом Израилев?»— спрашивает Бог устами прор. Амоса (Ам 5, 25), а через пр. Иеремию Он говорит: «Когда Я вывел отцов ваших из Египта, Я не говорил и не заповедовал им о всесожжении и жертве, но заповедовал им: «Слушайте гласа Моего, и Я буду вашим Богом, а вы будете моим народом, и ходите по всякому пути, который Я заповедую вам, и тогда благо будет вам». Эти слова, казалось бы, трудно согласовать с ритуалами Пятикнижия. Но традиционное мнение, согласно которому Моисей написал *все* Пятикнижие, было подвергнуто критике еще в XVII веке, и в настоящее время его не поддерживает ни один из серьезных исследователей Библии. См.: А. В. Карташев. Ветхозаветная библейская критика. Париж, 1947, с.46 сл.

⁴Исх 20, 2—17; Втор 5, 6—21; 6, 4—9.

⁵Ch. Dawson. Progress and Religion. New Vork. 1960, p. 125.

⁶Б. Паскаль. Мысли о религии Пер. с фр. М., 1902, с.126.

⁷Амос 9, 7. Здесь и далее ветхозаветные цитаты даны в переводе автора.

⁸Осия 6, 6.

⁹Книга пророка Исайи 1, 11 сл.

¹⁰Иеремия 31, 31—32.

¹¹Исаней Вторым или Второнсайей называют анонимного пророка, жившего в VI в. до н. э. в период вавилонского плена. Его писания включены в книгу пророка Исайи (гл. 40—55 и другие ее разделы).

¹²Книга Даниила 7, 13. Исследования Библии показали, что Книга Даниила написана не в VI в. до н. э., как думали прежде, а во II в. до н. э., хотя в нее были включены и более ранние материалы. О Мессии много говорится в *Книге Еноха*, написанной почти одновременно с Книгой Даниила.

¹³Вавилонский Талмуд. Шаббат, 31а.

¹⁴Есеевский орден распался после войны Иудеи с Римом (66—70 гг.), память о нем была сохранена благодаря свидетельствам античных писателей. Первые подлинные рукописи самих есеев обнаружили только в 1947 году в Кумране у Мертвого моря. С тех пор археологи нашли еще сотни манускриптов.

¹⁵Тацит. Анналы, 1, 2.

¹⁶Лк 1, 68.

Глава первая

¹Мф 2, 1 сл. Относительно «звезды волхвов» существуют следующие мнения: 1) это был сверхъестественный феномен, 2) комета, 3) так наз. «сверхновая» звезда, о появлении которой сообщали в те годы китайские астрономы, 4) волхвы увидели вещий знак в сближении «царских» планет Юпитера и Сатурна, которое имело место за 7 лет до н. э. Последняя гипотеза, впервые выдвинутая в XVII в. астрономом И. Кеплером, до сих пор остается наиболее популярной. Некоторые экзегеты считают весь рассказ о волхвах аллегорией, призванной показать участие язычников в рождественских событиях. Но бесспорных аргументов у сторонников этого взгляда нет. В греческом тексте Евангелия волхвы названы *магами*. Таково было наименование жрецов иранского культа. При Ироде существовали частные контакты между Иудеей и Парфией, которая в ту эпоху владела Ираном. См. *И. Флавий*. Арх. XVII, 2, 1.

²См.: *Тацит*. История, V, 13; *Светоний*. Веспасиан, 4; *И. Флавий*. Иудейская война, VI, 5, 4.

³Лк 2, 1, 2. И. Флавий указывает на 6000 фарисеев, которые отказались присягать Августу в последние годы правления Ирода (Арх XVII, 2, 3). Следовательно, в это время производилась какая-то перепись населения под контролем римлян. Ее и мог иметь в виду св. Лука. Относительно способа переписи, указанного им, Лука говорит, что Рождество совпало с правлением Квириния в Сирии. Квириний был легатом Сирии в первые годы н. э.; однако надписи из Тиволи и Антиохии Писидийской свидетельствуют, что он контролировал Сирию также и за несколько лет до н. э. Ввиду отсутствия в древнем мире общего календаря, точная дата Рождества не была известна. В VI в. монах Дионисий Малый сделал расчеты, согласно которым Рождество приходилось на 754 г. от основания Рима. Эта дата и принята для установления «новой эры». Однако дальнейшие исследования показали, что Дионисий ошибся на несколько лет. Согласно Мф 2, 1; Лк 1, 5 Иисус родился незадолго до смерти Ирода Великого. Между тем астрономические вычисления показали, что затмение Луны, имевшее место перед смертью этого царя, произошло в марте 4 г. до н. э. В Ин 2, 20 противники Иисуса говорят Ему, что храм строился 46 лет. Начало же его перестройки относится к 20 г. до н. э. Следовательно, эти слова могли быть сказаны не ранее 26—27 гг. н. э. Лука (3, 23) говорит, что в это время Иисусу было «лет тридцать», а император Тиберий правил уже 15 лет (3, 1). Согласно восточному счету 15-й год Тиберия падал на промежуток между осенью 27 г. и осенью 28 г. По Лк 3, 2, в 15-й год Тиберия тетрархом Авилы, или Авилинеи, был Лисаний. Этого правителя Штраус и другие критики спутали с другим Лисанием, современником Ирода Великого. Лк же имеет в виду Лисания, правившего при Тиберии (см.: *Флавий*. Арх. XIX, 5, 1). Надпись, найденная Р. Пококком, свидетельствует, что он был тетрархом

между 14-м и 29-м годами. Все эти косвенные данные приводят историков к выводу, что Иисус родился ок. 7—6 г. до н. э.

⁴Лк 2, 22 сл. Слова «падение» и «восстание» указывают на тех, кто примет или отвергнет Мессию. «Знамение пререкаемое» означает чудо, явление, которое вызовет пререкания и споры.

Глава вторая

¹Ф. Фаррар. Жизнь Иисуса Христа. СПб, 1904, с. 120.

²Книга Иосифа Плотника, XIV.

³Иустин Гностик.— У св. Ипполита: О философских умозрениях. XV, 26.

⁴И. Флавий. Война. III, 3, 2; о зелотах см.: И. Флавий. Арх. XIV, 9,2; XVIII 1, 1; Иуд. война. 1, 10, 5; 11, 8, 1.

⁵Лк 2, 41—52. Поясняя слова «преуспевающая в премудрости и возрасте», св. Иустин говорит, что Иисус «рос, как растут все люди, отдавая должное каждому возрасту» (Св. Иустин. Диалог с Трифоном, 88).

⁶Уже одно то, что перед смертью Иисус поручил Свою Мать ученику (Ин 19, 25—27), свидетельствует, что Он был Ее единственным сыном. Остается неясным, кто были Иаков, Иосия, Симон и Иуда, названные в Евангелии «братьями» Иисуса (Мк 6, 3),— сыновьями ли сестры Девы Марии (Ин 19, 25) или детьми Иосифа от первого брака, как утверждают апокрифы (например, Книга Иосифа Плотника, II). Быть может, те и другие назывались «Его братьями». В греческом и еврейском языках слово «брат» может означать разную степень родства.

⁷Эти слова сохранились в апокрифических «Деяниях Петра» (гл. X). По мнению видного современного специалиста по Новому Завету И. Иеремияса, они, скорее всего, подлинны.

⁸F. Mauriac. Vie de Jésus. 1962. p. 33.

⁹Д. Ф. Штраус. Жизнь Иисуса, т. 1, с.195. О Штраусе см. в приложении.

Глава третья

¹Ис 40, 3.

²См.: Кумранский устав. XIII, 12—14.

³Книга тайн. 8—11.

⁴И. Флавий. Война. 11, 8. О связи Иоанна с ессеями см.: Еп. Михаил (Чуб). Иоанн Креститель и община Кумрана.— ЖМП, 1958, № 8; J. Daniélou. Jean-Baptiste, témoin de l'Agneau. Paris, 1964, p. 42.

⁵Мф 3, 7—9. Здесь игра арамейских слов «банайя» и «абнайя»— сыновья и камни.

⁶Мф 3, 8, 10.

⁷И. Флавий. Арх. XVIII, 5, 2.

⁸См. славянскую версию «Войны» Флавия, II, 2. Присутствие ессея на Совете было вполне возможным. Некоторые из них жили в городах и пользовались влиянием. Ирод покровительствовал им. Одного из ессеев, Менахема, он даже сделал главой раввинского Совета. И. Флавий. Арх. XV, 10, 5; Мишна, Хагига, 11, 2.

⁹Название Бетавара (Вифавара; ср. Суд 7, 24) означает «Место переправы», а Бетания (Вифания), как этот поселок назван в древнейших рукописях Ин, означает «Место корабля» (или лодки).

Ин 1, 28. Не смешивать с Вифанией (Бетани), которая находилась около Иерусалима: название ее, по-видимому, означает «Дом бедняка».

¹⁰См. Втор 18, 15. Об этом пункте иудейской эсхатологии см.: С. Трубецкой. Учение о Логосе в его истории. М., 1906, с. 282—284.

¹¹И. Флавий. Арх. XVIII, 5, 2.

¹²Ин 1, 19 сл.; Лк 3, 16—17; Мф 3, 11—12.

¹³Мф 3, 14—15. Согласно Луке, мать Иоанна была родственницей Девы Марии, из чего можно было бы предположить, что Предтеча знал Христа с детства. Но этому противоречат слова пророка: «я не знал Его» (Ин 1, 31). По-видимому, родители Иоанна умерли рано и, возмужав в пустыне, он не был знаком с Сыном Марии. Во всяком случае, слова «я не знал Его» показывают, что пророк, если даже и слышал об Иисусе, в Его мессианскую тайну посвящен не был.

¹⁴Ин 1, 32—34.

¹⁵Мк 1, 12—13; Лк 4, 1—13; ср.: Мф 4, 1—11.

¹⁶Ин 1, 29 сл. Из общего контекста Ин явствует, что это свидетельство Предтечи было произнесено перед уходом Иисуса в Галилею и, следовательно, уже *после* пребывания Его в пустыне. Фактически IV Евангелие начинается рассказ с событий, происходивших после крещения Христова и Его искушения от дьявола.

Глава четвертая

¹Мк 4, 38; Ин 4, 6.

²Кор 5, 16.

³См.: А. Ремезов. Жизнь Христа в трактации современного русского художника. Серг. Посад, 1915.

⁴Лк 7, 34.

⁵И. П. Эккерман. Разговоры с Гете/Пер. с нем. М., 1934, с. 847.

⁶Мф 5, 15.

⁷См., напр., пасха мамона, эпфатах (эффафа), талита кум (талифа куми), Авва, корван, бар, рака. Предсмертный вопль Христа есть арамейский вариант строки из Пс. 21. Необходимость учить вере на арамейском языке была осознана уже книжниками, которые создавали арамейские переводы Библии (таргумы). О Гиллеле сказано, что он «изъясняет на языке простого народа» (Талмуд, Баба Меция, 104а). Впрочем, все это не означает, что древнееврейский был забыт. Его учили все, кто получал образование и читал Библию. На нем продолжали писать книги и слагать молитвы.

⁸И. Флавий. Война. III, 10.

⁹Мф 11, 25.

Глава пятая

¹Лк 15, 1—10.

²Лк 15, 11—32.

³Мк 9, 33—37.

⁴Гал 4, 6—7; ср.: Рим 8, 15.

⁵Мк 8, 36.

⁶Мф 6, 31—32.

⁷Мф 7, 7; Лк 11, 9.

⁸Мф 7, 9; Лк 11, 11.

⁹Мф 6, 5—6.

¹⁰Мф 6, 9—13; Лк 11, 2—4. Варианты молитвы, которые имеются в Мф и Лк закрепились, вероятно, еще в устной традиции.

¹¹Мф 7, 12.

¹²Мф 7, 1—3.

¹³Пирке Авот II, 6.

¹⁴Мф 9, 12—13.

¹⁵Лк 18, 9—14.

¹⁶Мф 21, 28—31.

¹⁷Лк 19, 1—10.

¹⁸Мф 22, 35—40; Мк 12, 28—33; Лк 10, 25—28.

¹⁹Мф 5, 17 сл.

²⁰Лк 5, 39

²¹Мф 5, 21—37.

²²Мф 5, 44—48. Слова Христа о непротивлении злу иногда истолковывались (напр., Л. Толстым) в смысле полной пассивности. Между тем мы видим, что Сам Христос такой пассивности не проявлял. Он изгнал бичом торгующих в Храме; Он протестовал, когда слуга первосвященника ударил Его по лицу; Он говорил о великой любви тех, кто «положит свою жизнь» за ближних (Ин 15, 13). Поэтому его слова о снесении оскорбления следует понимать как призыв побеждать зло добром; ср.: Рим 12—21. В этом пункте Евангелие согласно с учением лучших из законников: «Подражайте свойствам Божиим: как Он милосерд, будьте и вы милосердны» (Сота, 14); «плати добром за зло» (Шемот Рабба, 22).

²³Лк 10, 25—31.

²⁴Ин 12, 20; Мф 8, 5—13; Лк 7, 1—10.

²⁵Иоанн, 85а; Мак 2, 32—41.

²⁶Лк 13, 15; 14, 5; Мф 12, 11. Обрезание совершается несмотря на субботу — учили раввины (Тосефта и Шаббат, 15).

²⁷Мк 3, 1—6. Иродиане действовали в данном случае как представители светской власти (Ирода Антипы).

²⁸Мф 15, 10—11, 19—20; ср.: Рим 14, 14.

²⁹Деян 10, 9—15.

³⁰Мф 9, 16—17; Мк 2, 21—22.

³¹Лк 10, 38—42. Этот эпизод, между прочим, показывает, что и синаптики знают о посещении Иисусом Иудеи до Страстной недели, хотя прямо об этом говорит лишь Иоанн.

³²*F. Mauriac. La Vie de Jésus*, p. 41.

³³Кол 3, 11.

³⁴Лк 12, 16—21.

³⁵Лк 6, 24 сл.; Мф 6, 19—21.

³⁶Ин 8, 32. На вопрос, является ли Евангелие аскетическим мироотрицающим учением или оно приемлет мир, однозначного ответа дать нельзя. «Христианское принятие мира, — говорит еп. Кассиан, — вытекает из представления о Боге как Творце и Промыслителе (ср.: Деян 16, 15—17; 17, 24—28). Ап. Павел учил, что Бог познается через созерцание творения (Рим 1, 20). Аскетической практике еретиков дуалистического толка он противопоставлял положение: «всякое творение Божие благо» (1 Тим 4, 4), потому и благо, что Божие. Без этой предпосылки о благе созданного Богом мира перестает быть понятным и земное служение Христово, и Его учение, запечатленное в Евангелии. Если мир есть зло, какой смысл имели бы Его чудеса: насыщение голодных, исцеление болящих? Христос любил мир... Но приятие мира в христианстве оставляет место и для его отвержения. Если я отрекаюсь от мира для всецелого служения Богу, это

значит, что я высшей ценности приношу в жертву низшую. Речь идет не об осуждении мира, а о иерархии ценностей. Низшая ценность, которой я предпочитаю высшую, не перестает быть ценностью. Аскетический опыт Церкви получает свой истинный смысл только при условии положительной оценки мира». Еп. *Кассиан*. Царство Кесаря перед судом Нового Завета. Париж, 1949, с. 6, 8.

³⁷Мф 19, 16—22; Мк 10, 17—31; Лк 18, 18—30. Последняя фраза Иисуса отсутствует в канонических евангелиях. Она взята из древнего Евангелия от назареев. Иеремияс относит ее к разряду достоверных аграф; см. *J. Jeremias. Les paroles inconnues de Jésus. Raris, 1970, p. 47—50.*

³⁸Деян 20, 35.

³⁹Иак 5, 1—6. См.: *И. Зейпель*. Хозяйственно-этические взгляды Отцов Церкви/Пер с нем. М., 1913; *С. Булгаков*. Очерки по истории экономических учений. М., 1918, с. 122 сл.

⁴⁰Лк 12, 14.

⁴¹Лк 17, 20—21. Другой перевод — «среди вас». В учении пророков о Царстве Божием есть также два аспекта. С одной стороны, оно ожидается в грядущем (Соф 3, 15; Мих 4, 1—4; Ис 2, 1—4), а с другой — оно пребывает от века (Ис 6,5; Иез 8, 19; Пс 92, 1; 95,10).

⁴²Мк 4, 26—32; Мф 13, 31—33; Лк 13, 18—21.

⁴³Мф 11, 12.

⁴⁴Мф 7, 13—14; Лк 13, 23—24.

⁴⁵Евангелие от Фомы, 86.

⁴⁶Мф 5, 30; Мк 9, 43—47.

⁴⁷Мф 13, 44—46.

⁴⁸Мф 19, 28; Лк 22, 30; ср.: Иак 1, 1. По-видимому, 24 старца, сидящие у престола Божия (Откр 4, 4), в Апокалипсисе Иоанна обозначают родоначальников ветхозаветной и новозаветной Церкви. Ср.: Откр 21, 14, где сказано о «двенадцати апостолах» Агнца. В Послании Варнавы об апостолах говорится: «их двенадцать во свидетельство колен Израилевых, которых тоже двенадцать» (8).

⁴⁹Лк 10, 1 сл. Во время праздника Кушей в храме приносили 70 жертв, по числу народов мира.

⁵⁰Лк 12, 32.

⁵¹Мф 5, 13 сл.

⁵²Мк 9, 40; Лк 9, 50.

⁵³Текст из оксирингского папируса. см.: *J. Jeremias. Op. cit., p. 95; Мк 9, 38—40; Лк 9, 49—50.*

⁵⁴Лк 14, 15—24.

⁵⁵Мф 13, 3—9; Мк 4, 1—20; Лк 8, 4—15.

⁵⁶Мф 7, 15 сл.: Лк 6, 43—46.

⁵⁷Мф 13, 24—30.

⁵⁸Ин 3, 19.

⁵⁹Мф 13, 47—50.

⁶⁰Геенна, или Генном,— овраг у стен Иерусалима, где некогда приносились языческие жертвы. Впоследствии это место превратили в свалку, где постоянно поддерживался огонь. Геенна стала символом нечистоты, истребляемой Богом. 1 Енох 27, 2, 3; Вознесение Моисея, 10, 10.

⁶¹Трудность понимания слов Христовых о «мукѣ вечной» связана с тем, что слово «вечность» (олам) в еврейском языке имеет несколько значений. Мнение ряда богословов, согласно которому в грядущем даже зло будет преображено и спасено, вызывало законные возражения (см.: прот. *С. Булгаков*. Невеста Агнца. Париж, 1945, с. 493 сл.). Из Писания можно заключить, что зло с наступлением

полноты Царства уничтожается, переходит в небытие, которое в Апокалипсисе названо «второй» и последней смертью (20, 14). Ее нельзя считать разновидностью существования, ибо истинная «жизнь» пребывает лишь в Боге.

⁶²Авот, III, 2.

⁶³Мф 18, 20.

⁶⁴Мф 13, 17; Лк 10, 24.

⁶⁵Мф 11, 27—30. В данном контексте слово «иго» может обозначать духовный труд и подвиг. Но в то же время следует отметить, что в еврейском языке это слово нередко соответствовало понятию «учение», «провозвестие».

⁶⁶Ин 10, 9; 14, 6.

Глава шестая

¹G. K. Chesterton. Everlasting Man. London, 1927, p. 238.

²Ин 12, 31.

³Лк 12, 51—52; Мф 10, 34—36.

⁴Лк 12, 49—50.

⁵Талмуд, Авот, 1, 12; Хагига, 1; Шаббат, 10; Бава Камма, 8, 7; Сота, 14; Иома, 72. См.: Вл. Соловьев. Талмуд и новейшая полемическая литература о нем.— В кн.: Вл. Соловьев. Сочинения, т. VI, с. 11 сл.

⁶Мф 23, 3.

⁷Мф 13, 52.

⁸Мк 12, 34.

⁹Мф 11, 16—19; Лк 7, 31—34.

¹⁰В самом Талмуде, который в значительной степени есть продукт творчества «таннаев»—наследников фарисейских школ, встречаются резкие выпады против ханжества фарисеев, наприм., Сота, III, 4.

¹¹Деян 5, 34 сл.; 15, 5; ср.: Деян 21, 20, где, по-видимому, тоже говорится о христианах из фарисеев. Эпизоды в Деян 5, 34—39; 23, 6—9, показывают, что в апостольскую эпоху фарисеи относились к христианам вполне терпимо. Легенду о Гамалииле как христианине см. в «Житиях святых». М., 1904, кн. 5, с. 172.

¹²Мф 15, 13—14; Лк 6, 39.

¹³Ин 3, 22—30.

¹⁴Славянская версия «Войны» Флавия, 11, 7, 14—15.

Глава седьмая

¹Мф 21, 21—22; Мк 11, 22—23.

²Мк 16, 17—18.

³Лк 5, 3—11. Эти скопления рыб объясняются тем, что со дна озера поднимается газ и оттесняет их к поверхности.

⁴Ин 5, 14.

⁵Четко определить границу, отделяющую обычное душевное заболевание от демонической одержимости, трудно. Однако, когда думают, что все исцеленные Христом «бесноватые» были просто душевнобольными, упускают из вида, что суть большинства психических патологий во многом остается загадкой. В них чаще всего обнаруживается гипертрофия греха (самолюбия, гордыни, замкнутости на себе), и излечение тесно связано с духовной и нравственной жизнью больного, как отмечал изобретатель инсулинового лечения Дж. Фергю-

сон. Важно помнить также, что в Евангелии *всякий* недуг рассматривался как проявление разрушительных сил мироздания; см. Лк 13, 11—16.

⁶Мф 12, 43—45; Лк 11, 24—26.

⁷Мф 12, 33—35. Что касается непростительной «хулы на Духа Святого», то речь здесь идет не об ошибке или заблуждении ума, а о сознательном противлении Богу. См.: *Св. Афанасий Великий*. Из бесед на Евангелие от Матфея, гл. 12.

⁸Ин 5, 17 сл.

⁹Мф 12, 38—42; Лк 11, 29—32.

¹⁰Мф 11, 2—14; Лк 7, 18—29. По мнению ряда древних комментаторов, Иоанн хотел убедить лишь *своих учеников* в мессианстве Иисуса; см. толкования, приведенные в кн.: *свщ. С. Вишняков*. Св. великий пророк, Предтеча и Креститель Господень Иоанн. М., 1879, с. 316 сл. Однако были и такие (наприм., Тертуллиан), которые считали, что сомнения были у самого Крестителя. «Евангельский текст,— говорит о. С. Булгаков.— если не прямо противоречит, то и не дает никакого положительного основания относить вопрос Предтечи только к его ученикам, а не к нему самому» (*С. Булгаков*. Друг Жениха. Париж. МСА. 1927, с. 128; см. также: *М. Э. Поснов*. Иудейство. Киев, 1906, с. 253). Косвенным подтверждением этого взгляда является тот факт, что иоанниты не присоединились к Церкви Христовой, а остались *обособленной* общиной. Часть их впоследствии переселилась в Месопотамию, где волилась в гностическую секту мандеев. См.: *В. Болотов*. Лекции по истории древней Церкви. СПб., 1910, т. 2, с. 230 сл.; *J. Steinmann*. St. Jean-Baptiste et la spiritualité du désert. «*Maîtres spirituels*» III, Paris, Seuil, 1956, P. 125 s.

Глава восьмая

¹Ин 4, 35; Мф 9, 37—38; Лк 10, 2.

²Мф 10, 5—6; ср.: Мф 15, 24. В Послании к Римлянам, написанном в 57 г., ап. Павел говорит о том что евангельская проповедь обращена к «каждому», однако в соответствии с замыслом свщ. Истории *сначала* ее должны услышать иудеи, а лишь потом эллины. Рим 1, 16.

³Мф 10, 16 сл.; Мк 13, 9 сл.; Лк 10, 3; 12, 11; 21, 12—19.

⁴Мф 10, 32 сл.; Мк 8, 38; Лк 12, 8—9; 14, 26—27.

⁵Мф 10, 40; Лк 10, 16.

⁶Ин 20, 21, 23; Мф 18, 18.

⁷1 Кор 11, 1; Гал 2, 20.

Глава девятая

¹Эти слова сохранились в неизвестном древнем Евангелии; см.: *Климент Александрийский*. Строматы, 1, 24; *Ориген*. На Псалмы, 4, 4; *Амвросий Медиоланский*. Послания, 1, 36.

²*Д. С. Мережковский*. Иисус Неизвестный, т. 2, ч. I. с. 167.

Глава десятая

¹Мф 15, 21—28; Мк 7, 24—30. Близ Тира Христос исцелил дочь финикиянки, хотя вначале отказал ей в просьбе. Этот эпизод вызывал недоумение. В самом деле, почему Христос, без коле-

баний исцеливший слугу римского сотника и не отклонивший просьбы эллинов о беседе с Ним, проявил в данном случае такую суровость? В какой-то мере ответ дается тем, что известно о религии сирофиникийцев. Это был наиболее изуверский вид язычества, стяжавший мрачную славу массовыми ритуальными убийствами, принесением в жертву детей, разнузданными чувственными обрядами. Для Израиля, как ближайшего соседа финикийцев, их религия была синонимом предельного нечестия. Быть может, именно поэтому Христос произнес столь резкие слова, показывая, что не может быть равного отношения к исповедникам единого Бога и к последователям этой демонической религии. И лишь когда женщина смиренно согласилась с Ним, но продолжала молить Его, Он совершил исцеление ради ее великого доверия к Нему.

²Мф 16, 13—20; Мк 8, 27—30; Лк 9, 18—21. Обращение «бар-Иона» (сын Ионы) сохранилось в греческом тексте Евангелия от арамейского предания.

³Если мудрецы Индии и говорили иногда о своем слиянии с Божеством, то это проистекало из их богословия, которое рассматривало Бога как внутреннюю основу всего сущего; см.: «У врат Молчания».

⁴Б. Спиноза. Переписка. Письмо 73.

⁵Цит. по кн.: Ф. Шафф. Иисус Христос — чудо истории/Пер. с нем. М., 1906, с. 252.

⁶И. П. Эккерман. Разговоры с Гете, с. 847.

⁷М. К. Ганди. Моя жизнь/Пер. с англ. М., 1959, с. 143.

⁸См.: Прем 2, 24. Образ чудовища Хаоса (Левиафан, Раав, Дракон) появляется в библейской письменности раньше образа Сатаны. См.: Ис 51, 9—10; Пс 73, 13—14; 88, 11; Иов 9, 13 (в этом стихе имя дракона «Раав» синодальный перевод заменяет словом «гордыня»); (ср. Откр 12, 9; 20, 2; Ин 8, 44; 1 ин 3, 8).

⁹Пс 8.

¹⁰В русской литературе этот аспект библейского богословия наиболее обстоятельно рассмотрен С. Трубецким в его книге «Учение о Логосе».

¹¹См.: св. Иринея Лионский. Против ересей, I, 7, 25, 26; Климент Александрийский. Строматы, VII, 17.

¹²Ин 1, 1 сл. В последней фразе — отголосок арамейской аллитерации: «убба» (лоно) и «Абба» (отец).

¹³Мф 20, 28; Мк 10, 45.

¹⁴Рим 8, 19 сл.

¹⁵Евр 12, 1—2.

¹⁶Ин 8, 13—18. Говоря о свидетельстве двух, Иисус, вероятно, намекал на старый принцип иудейского права, которое требовало минимум двух свидетелей при разбирательстве дела; см.: Втор 19, 15; Талмуд. Песахим, 113 в.

¹⁷Ин 1, 10—12.

¹⁸«Врата ада» (Мф 16, 18) означают могущество зла. В семитических языках слово «врата» было синонимом силы. Этот образ был взят из строительной терминологии; крепкие врата считались залогом неприступности города.

¹⁹Здесь не место обсуждать вопрос о «первенстве» ап. Петра; отметим только, что именно в этом смысле понимали его роль многие Отцы Церкви. Напр., у св. Исидора Пелусиота (Ирону, письмо, 142) он назван «первенствующий среди апостолов». «Господь избрал Петра быть началовождем Своих учеников» (И. Епифаний. Панаион, 51). Петр «глава в лике апостольском» (Св. Иоанн Златоуст.

Творения, т. VII, с. 553). «Петр стал преемником Моисеевым, когда вверены ему были новая Церковь Христова и истинное священство» (Св. Макарий Египетский. Беседа 26). «Из Двенадцати избирается один для того, чтобы, поставив главу, уничтожить повод к расколу» (бл. Иероним. Против Иовиниана. Кн. 1-я).

²⁰Мф 15, 24—28; Мк 8, 34—38; 9,1; Лк 9, 23—27.

Глава одиннадцатая

¹Мф 17, 10—13; Мк 9, 11—13; ср.: Мф 11, 14.

²Мф 11, 21—24; Лк 10, 13—15. Содом и Тир в данном контексте означают предел нечестия.

³Лк 13, 31—33. Согласно некоторым толкованиям, три дня, о которых говорил Христос,— апокалиптический символ срока испытаний. Ср.: Дан 7, 25, где сказано о трех этапах этого срока.

⁴Мф 8, 19—20; Лк 9, 57—58.

⁵Лк 13, 6—9.

⁶Лк 9, 51—56. Лука относит этот эпизод к последнему путешествию Господа в Иерусалим. Однако тогда Он пришел из Заиорданья (через Иерихон). Прямой же путь из Галилеи вел через Самарию. Слова «Вы не знаете, какого вы духа», и далее — отсутствуют в древнейших рукописях, но смысл их вполне гармонирует с учением и стилем речей Иисуса.

⁷Выражение «Я есмь» встречается в Ветхом Завете как эквивалент слова «Сущий» (напр.: Ис 48, 12; 43, 10). О том, что имя Ани-ху произносилось во время богослужения праздника Кушей, говорит рабби Иегуда бен Элай (II в.). См. Ch. Dodd The Interpretation of the Fourth Gospel, p. 94—95. В Ин Иисус много раз относит это слово к Себе (6, 35; 8, 12; 10, 7, 9, 11, 14; 11, 25; 14, 6; 15, 1, 5). Однако подобные выражения есть и у синоптиков. См.: R. Brown. The Gospel According to John. V. 1, p. 533.

Глава двенадцатая

¹Лк 10, 1—16. Лука, который один повествует об избрании Семидесяти, относит его к последнему времени служения Христа, не давая, однако, более точных указаний. Поскольку после возвращения Христа из Голана в Галилею Его проповедь встретила сопротивление, можно предположить, что Семьдесят были избраны во время пребывания Господа в Перее. Выражение «вписаны на небесах» происходит от библейской символики. Подобно тому как в древних городах существовали списки жителей, так и «небесный Иерусалим» имеет свою «книгу жизни» (ср. Откр. 13, 8), где вписаны имена верных; см. Иер 22, 30; Мал 3, 16; Пс 86, 6.

²Ин 11, 1—45. Экзегеты давно задавались вопросом: почему синоптики не упоминают о воскрешении Лазаря? Однако теперь, когда новозаветные исследования привели к выводу, что Евангелия не были «мемуарами», а строились на основе целого ряда источников, проблема эта потеряла остроту. Синоптики имели в своем распоряжении ограниченное число текстов и устных преданий, и рассказ о вифанском событии в их материалах мог отсутствовать. Марк, например, не включил в свое Евангелие текст молитвы Господней и другие важные разделы, имеющиеся у остальных евангелистов.

³Лк 16, 19—31. На связь притчи с воскрешением в Вифании, вероятно, указывает имя Лазаря.

⁴Лк 9, 59—62.

⁵Мф 20, 29—34; Мк 10, 46—52; Лк 18, 35—43; у Матфея говорится о двух слепцах.

⁶Лк 19, 11.

⁷Мф 20, 20—28; Мк 10, 35—45.

⁸Мф 26, 6—16; Мк 14, 3—9; Ин 12, 1—8. Синоптики относят этот эпизод к самой Страстной неделе, но есть основания предпочесть хронологию Иоанна.

⁹Мф 21, 1—11; Мк 11, 1—10; Лк 19, 29—38; Ин 12, 12—18. Осел как символ мирного пришествия Мессии впервые упомянут у пр. Захарии (9, 9).

Глава тринадцатая

¹Мф 21, 23—27, 32; Мк 11, 29—33; Лк 20, 1—8.

²Мф 21, 33—46; Мк 12, 1—12; Лк 20, 9—19. Аналогичной притчей, но в форме «символического действия», принятого у пророков (ср. напр.: Ис 8, 1—14; Иер 19, 1—15; Иез 4, 4—8), было проклятие бесплодной смоковницы — символа тех, кто не принес «плода покаяния» (Мф 21, 18 сл.; Мк 11, 12 сл.; ср.: Лк 13, 6—9).

³И. Флавий. Арх. XVIII, 3.

⁴Ин 12, 27 сл.

⁵«Это привычное толкование,— замечает еп. Кассиан,— успокаивает нашу ленивую мысль, да и нашу христианскую совесть, когда она встречается лицом к лицу с запросами государственной власти, по большей части равнодушной, а то и прямо враждебной Церкви. Мы склонны утешать себя тем, что и кесарь, о котором говорит Господь, был язычник и возглавлял языческое государство... Слово Христово... касается частного вопроса и отвечает на него в общей форме... Но если Господь и признает за вопрошавшими Его обязанности по отношению к государству, Он говорит о государстве как о некоей чуждой силе... Господь проводит различие между Божиим и кесаревым». Еп. Кассиан (Безобразов). Царство кесаря перед судом Нового Завета. Париж, 1949, с. 10 сл.; см. также: С. Аскольдов. Христианство и политика. Киев, 1906, с. 15 сл.

⁶Мф 22, 23—33; Мк 12, 18—27; Лк 20, 27—40.

⁷Ин 8, 1—11. Этот эпизод отсутствует в самых ранних рукописях IV Евангелия. По-видимому, отрывок заимствован из какого-то древнего утраченного текста. По своему характеру он больше соответствует не обстоятельствам праздника Кушей, к которому он приурочен в поздних манускриптах, а первым дням Страстной недели.

⁸Мф 22, 41—45; Мк 12, 35—37; Лк 20, 41—44.

Глава четырнадцатая

¹Мк 12, 41—44; Лк 21, 1—4. О жертве на храм см.: Исх 30, 12; 2 Пар 24, 4—10; Неем 10, 32; Мишна, Шекалим, 1 сл.

²Мф 23, 1—12; Мк 12, 38—40; Лк 20, 45—47. Прямая заповедь, воспевающая титул «отец», осталась, по-видимому, неизвестной в большинстве церквей, в эпоху устного Евангелия. Около 57 г. ап. Павел пишет: «Даже если вы имеете тьму наставников во Христе, вы имеете, однако, не многих отцов, ибо родил я вас во Христе Иисусе через Евангелие» (1 Кор 4, 15). Впоследствии этот обычай именовать руководителей Церкви «отцами» утвердился, несмотря

на слово Господне. Бл. Иероним пытается объяснить такое противоречие следующим образом: «Подобно тому, как по естеству один Бог и один Сын не препятствует другим, чтобы они назывались богами и сынами, и единый Отец и Учитель не препятствует другим, чтобы они назывались не свойственными им именами». *Бл. Иероним*. Толкование на Матфея, IV.

³Ин 4, 38.

⁴Мф 23, 13—36; Лк 11, 42—52. «Десятина» распространялась на все виды пищи, в том числе и на специи (Маасрот, 141). «Премудрость Божия» есть, вероятно, название не дошедшей до нас апокалиптической книги; ср.: 3 Езд 1, 32. Авель и Захария — первый и последний праведники, павшие жертвами убийц, которые фигурируют в Библии.

⁵Эсхатологическая речь Христа находится у Мф 24, 3—42; Мк 13, 3—32; Лк 21, 7—36. По мнению многих современных экзегетов, она входила в отдельный сборник («Малый Апокалипсис»), из которого черпали евангелисты.

⁶Напомним, что в Кн. Даниила (12, 11) «мерзостью запустения» назван языческий алтарь, поставленный в иерусалимском храме царем Антиохом IV. Ср.: 1 Мак 1, 54.

⁷См.: *еп. Кассиан*. Христос и первое христианское поколение, с. 85.

⁸Эту мысль впервые четко сформулировал Чарлз Додд. «День Сына Человеческого, — говорит он, — означает вневременной факт. Он связан с историей, поскольку укоренен в историческом кризисе приходе Иисуса». *C. H. Dodd. The Parables of the Kingdom*, p. 81.

⁹Ин 9, 39; 12, 31; ср.: 3, 19.

¹⁰Мф 24, 43—51; 25, 1—46; Мк 13, 32—37; Лк 12, 35—48; 19, 12—27; 21, 34—36. Притча о минах у Луки очевидно, есть лишь вариант притчи о талантах.

Глава пятнадцатая

¹Христос много раз говорил ученикам о страданиях и славе, которые ждут Его в Иерусалиме на Пасху. Апостолы, как это видно из просьбы Саломеи, ожидали лишь Его торжества. Иуда мог сообщить членам Синедриона о том, что Учитель хочет «провозгласить Царство Божие» именно в день праздника. Этим, вероятно, объясняется неожиданное изменение их планов в отношении Иисуса.

²Мф 26, 3—5; 14—16; Мк 14, 1—2; 10—11; Лк 22, 1—6. Согласно Матфею, цена, которую заплатили Иуде, равнялась тридцати серебrenикам. В дохристианские времена это считалось стоимостью раба (Исх 21, 32). По мнению одних толкователей, архиереи назначили такую цену в знак презрения к Иисусу; по предположению других — это символическая цифра, означающая религиозное отступничество (ср.: Зах 11, 12—13). См.: прот. *С. Булгаков*. Иуда Искариот Апостол Предатель//Путь, 1932, № 26, с. 30—31.

³Мф 26, 29; Лк 22, 15, 16. «Желанием возжелал», — иудейский оборот речи, выражающий высшую степень желания. Согласно трем первым евангелистам, Тайная Вечеря совпала с Пасхой и была седером, т. е. праздничной трапезой. Но из IV Евангелия, хронология которого, по-видимому, более точна, явствует, что Вечеря произошла накануне, 13-го нисана. Все же и у синоптиков есть косвенные указания на то, что вечер четверга не был пасхальным. Утром в пятницу Симон Кириинейский шел с поля, где едва ли мог

находиться в пасхальную ночь (Мк 15, 21). В Иудее, по свидетельству Талмуда, вечером перед седером прекращалась всякая работа (*Мишна*. Песахим, IV, 5). Совершенно невероятно, чтобы Синедрион назначил арест на вечер седера. В пасхальный день (до захода солнца) Иосиф Аримафейский не мог бы сделать закупок для погребения. Профессор Санкт-Петербургской Духовной академии Д. Хвольсон выдвинул предположение, что совпадение дня Пасхи с кануном субботнего покоя заставило Синедрион перенести обряд заклания агнцев на четверг (*Д. А. Хвольсон*. Последняя пасхальная вечеря Иисуса Христа в день Его смерти.— ХЧ, 1878, III—IV, с. 352 сл.). Но еще за несколько десятилетий до н. э. Гиллель объявил, что ради субботы обряды Пасхи не переносятся (Тосефта, Песахим, IV, 1a). Попытки отрицать пасхальный характер тайной вечера ведут к отрицанию всех синоптических свидетельств. А. Жобер предположила, что Христос пользовался старым календарем, по которому Пасха приходилась на среду (*A. Jaubert*. The Date of the Last Supper. New York, 1965). Этот календарь употребляли ессеи и родственные им группы. Но мы знаем, что в других случаях Христос никогда не отвергал общепринятого церковного календаря. К тому же нет оснований сближать Его с ессеями. Пока наиболее вероятным остается мнение, что Христос намеренно совершил Пасху *до ее наступления*, зная, что скоро будет взят под стражу. См.: *И. Златоуст*. Беседы на Матфея. 81, 1.

⁴По И. Флавию (Иуд. война. VI, 9, 3), однажды, в 60-х годах I в., было заколото 256500 пасхальных агнцев. Хотя обряд совершили сами богомольцы, технически он был трудно исполним, если не предположить разрешения начинать его заранее. Этот аргумент в пользу того, что агнец мог быть приготовлен уже 13 нисана, впервые выдвинул *Филарет* (Гумилевский), архиеп. Черниговский; см. его кн.: Беседы о страданиях Господа нашего Иисуса Христа. Ч. 1, с. 10—11.

⁵Ис 25, 6; 55, 1; Притч 9, 1—6; Устав Кумрана. II, 11—21; Апок. Баруха, 29, 29; ср.: Мф 8, 11.

⁶Это явствует из всей синоптической традиции. Обряды ритуальной трапезы и Пасхи изложены в талмудических трактатах «Берахот» и «Песахим» (т. 1—2, русск. пер. Талмуда). Сравнение их с Тайной Вечерей подтверждает ее пасхальный характер. «Христос,— пишет Л. Буйе,— не изобретает, а только применяет обряд, который уже существует и должен продолжаться» (*Л. Буйе*. О Библии и Евангелии, Брюссель, 1965, с. 225). См. анализ первый Евхаристии в свете иудейских обычаев в кн.: *Н. Д. Успенский*. Анафора.— БТ, М., 1975, в. 13, с. 42 сл.

⁷Ин 13, 1—11. Слово «чистый» в данном контексте относится как к ритуальному омовению, так и к состоянию души. Иоанн говорит лишь об омовении ног на вечере, не упоминая Евхаристии. Очевидно, в то время, когда писалось IV Евангелие (90-е гг.), Евхаристия как часть Тайной Вечери подразумевалась сама собой. В Иоанновом умолчании не исключен и мотив *эсотеризма*. О смысле же таинства Иоанн говорит в другом месте. См. выше, гл. 10, а также: *R. Brown*. New Testament Essays. New York, 1968, p. 108; и статью *J. Giblet* Concilium, № 40, декабрь 1968.

⁸Ин 13, 12 сл.: Лк 22, 27—30. Дальнейшее повествование о Тайной Вечере основано на Мф 26, 20—29; Мк 14, 22—25; Лк 22, 15—20; Ин 13, 18—38; 1 Кор 11, 23—25 и талмудических свидетельствах о пасхальном седере. До сих пор вопрос, участвовал ли Иуда в Евхаристии, не решен. Однако многие косвенные данные говорят в пользу того, что он покинул Вечерю до нее. См. изложение различных мнений

в кн. *прот. А. И. Алфеева*. Иуда предатель. Рязань, 1915, с. 52 сл.

⁹Прощальная беседа Христа с учениками на Вечере и после нее содержится в Ин 13, 31—38; 14, 1—31; также в Мф 26, 30—35; Мк 14, 26—31; Лк 22, 31—38. Самое раннее свидетельство о Евхаристии приведено в 1 Кор (ок. 57 г.). Вариации в «установительных словах» показывают, что первые христиане придавали большее значение духу таинства, нежели точности словесных формул.

¹⁰*Песахим*, X, 4.

Глава шестнадцатая

¹Беседа Христа с учениками на пути в Гефсиманию приведена в 15—17 гл. Ин. У синоптиков ее нет. Иоанново предание отразило те стороны учения Христа, которые в синоптическом — не сохранились.

²Само слово Гефсимания (*евр.* Гат-шеманим) означает «Масличное точило». Вероятно, в самом саду находилось устройство для выжимания оливкового масла.

³Мф 26, 36—46; Мк 14, 32—42; Лк 22, 40—46; Ин 18, 1—2

⁴Мф 26, 47—56; Мк 14, 43—50; Лк 22, 47—53; Ин 18, 3—11.

⁵*И. Флавий*. Иудейская война (древнерусский перевод). IX, 3.

Глава семнадцатая

¹Согласно Ин 18, 12 в Гефсиманию была отправлена когорта под командованием офицера (трибуна). Из этого следует, что арест согласовали с Пилатом.

²Рассказ об отречении Петра содержится у всех четырех евангелистов. Из него можно заключить, что допрос Кайафы и суд Синедриона происходили в одном и том же дворце. Мф 26, 69—75; Мк 14, 66—72; Лк 22, 54—62; Ин 18, 15—18, 25—27.

³Великий Синедрион состоял из 70 членов. В римскую эпоху он был целиком во власти саддукеев (*И. Флавий*. Арх. XX, 2, 1). Малый Синедрион созывался в экстренных случаях. Он состоял из 23 человек; см.: Санхедрин, 1, 1—6.

⁴Деян 5, 34—39; 23, 1—10. Примечательно, что с того момента, как началось следствие, фарисеи в Евангелиях больше не упоминаются. Последний раз о них сказано в Ин 18, 3: «Иуда взял когорту, а от первосвященников и фарисеев — служителей». Это может означать, что для ареста была привлечена не только храмовая стража, но и лица, наблюдавшие за порядком при иерусалимских школах. В Малом Синедрионе, возможно, и было несколько фарисеев, однако вероятнее всего, они отсутствовали, поскольку в обвинениях не фигурировало то, что обычно фарисеи ставили в вину Иисусу: прощение грехов, нарушение субботы, волшебство, см., напр.: Лк 5, 21; Ин 9, 16; Мф 12, 24.

⁵Разрушение Храма предсказывали многие пророки. В 64 г. некий Иисус бен Ханан ходил по Иерусалиму, предвещая гибель городу и Храму. Прокуратор допросил его и отпустил (*И. Флавий*. Война. VI, 5, 2). Ессены также верили, что на месте прежнего Бог воздвигнет новый Храм. См. так называемый «Свиток храма» — Тексты Кумрана, т. I, с. 393.

⁶Ни один из лжемессий той эпохи не предавался иудейскому суду, а Бар-Кохба (ок. 130 г.) был признан Мессией таким выдающимся раввином, как Акиба. В связи с этим возникает вопрос: на каком основании

был вынесен приговор Иисусу Христу? Из Евангелия можно заключить, что в преступление Ему было вменено не просто провозглашение Себя Мессией, а утверждение, что Он — Сын Божий (Ин 19, 7). Титул этот иудеи могли толковать двояко: как царский или как указывающий на сверхчеловеческую природу Мессии (о библейском понятии Сын Божий см. выше, с. 127. Первое толкование еще не считалось преступным, но в глазах Синедриона лжеучитель не мог претендовать на роль Мессии. Второе толкование могли легко изобразить религиозным преступлением. Хотя в иудейском праве таких прецедентов не было, Кайафа построил все обвинение на словах Иисуса, признавшего Себя Сыном Божиим. В обстановке враждебности этого было достаточно. Следует помнить, что участь Подсудимого была решена заранее и утром 14 нисана имел место не объективный суд а совершалось настоящее юридическое убийство.

⁷Сведения, содержащиеся в Мф 27, 3—9 и Деян 1, 16—20, согласовать пока довольно трудно. Вероятно, в Новом Завете приведена лишь молва о конце Иуды, которая ходила по Иерусалиму.

Глава восемнадцатая

¹Суд Пилата в целом вполне согласно описан у всех четырех евангелистов: Мф 27, 11—31; Мк 15, 2—15; Лк 23, 2—25; Ин 18, 28—40; 19, 1—16.

²Варавва тоже носил имя Иисус, об этом свидетельствуют древние манускрипты Мф, на что обратил внимание еще Ориген (НЗ Мф 131); Ин (18, 40) называет Варавву просто «разбойником», или (как в некоторых рукописях), «предводителем разбойников». Однако Мф и Мк уточняют, что этот человек был осужден «вместе с повстанцами, которые во время восстания совершили убийство» (Мк 16, 7), а Мф (27, 16) отмечает, что в городе Варавва был «узник известный». Все это дает право отнести Варавву к числу партизан-зелотов и понять, почему толпа так страстно добивалась его помилования. Обычай отпускать осужденного в день праздника был, вероятно, римским. Ср.: *Ливий*. История. V, 13.

³См.: *И. Флавий*. Арх. XX, 8, 7; Война, 11, 12, 5.

⁴В Мишне подчеркивается, что, если показания свидетеля приводят к казни обвиняемого, он тем самым «берет на себя кровь этого человека» (Санхедрин, IV, 5).

Глава девятнадцатая

¹Ин говорит, что приговор был вынесен Христу «около шестого часа» (19, 14). По нашему счету времени, это час пополудни (на Востоке сутки отсчитывали с вечера). Указание Ин большинство библеистов считает более точным, чем у Мк (15, 25), где распятие отнесено к третьему часу (Лк 23, 44 по-видимому, повторяет хронологию Мк). В пользу верности сведений Ин говорит то, что между утренним заседанием Синедриона и приговором должно было пройти по крайней мере несколько часов. См.: *С. Соболевский*. Суд над Христом и распятие Его с точки зрения истории и археологии.— Ст. 1906. № 3, с. 411 сл.; *Н. Розанов*. Евангелие от Иоанна.— Толковая Библия. СПб., 1912, с. 487; *P. Benoit*. The Passion and Resurrection of Jesus Christ. New York, 1970, p. 175.

²То, что Мк говорит о Симоне, как об «отце Александра и Руфа», не объясняя, кто эти люди (15, 21), указывает на знакомство с ними

его читателей. По-видимому, Руф есть лицо, упомянутое ап. Павлом в числе членов одной из первохристианских общин («приветствуйте Руфа, избранного в Господе, и мать его и мою». Рим 16, 13). По свидетельству Мф, Мк и Лк, Симон был родом из египетского города Кирены. Репатрианты из него имели в Иерусалиме собственную синагогу (Деян 6, 9). Симон и другие свидетели распятия несомненно сохранили воспоминания о нем, которые вошли позднее в Евангелия. Характерно, что эти повествования составлены в строгих, сдержанных тонах и резко отличаются от тех народных легенд, где оплакивается гибель героя. По стилю они — почти *хроника*. Мф 27, 31—56; Мк 15, 20—41; Лк 23, 26—49; Ин 19, 16—30.

³Место Голгофы в настоящее время почти не вызывает сомнений. Оно находилось за старой стеной у Эфраимских ворот. Там, по-видимому, был пустынный карьер для добывания камня. Голгофа рано стала местом почитания у христиан. Ее расположение не было забыто и после того, как в 30-х годах II века император Адриан воздвиг там новые здания. Неподалеку находился и гроб Господень, над которым в IV веке соорудили храм Воскресения.

⁴Вероятно, крест Христов был римский, т. е. имел форму буквы Т, о чем свидетельствует ряд древних источников (*Псевдо-Варнава*. Послание. IX; *Тертуллиан*. Против Маркиона. III, 22). Надпись «над головой» была, вероятно, прикреплена на особом стержне, откуда и представление о кресте в форме + (см.: *св. Ириней* II, 24). Впоследствии христианская символика отождествила крест в форме + с древней эмблемой вечной жизни (в частности, у египтян).

⁵Осужденные обычно находились на кресте обнаженными. Однако в Иудее полагалось оставлять им набедренную повязку (*Санхедрин*, VI, 3; *Тосефта к Санх.*, IX, 6). Согласно Евангелиям, Христос был не привязан, а прибит ко кресту (Ин 20, 25). Некоторые критики ставили этот факт под сомнение, но археологическая находка близ Иерусалима доказала, что такой вид казни был известен в Иудее.

⁶*К. Тацит*. *Анналы*. XV, 44.

⁷Пс 21. Еврейский текст этой строки псалма звучит: «Эли, Эли, лама азabtани!». Христос же произнес молитву в арамейском варианте (если судить по греческой транскрипции слов у Мф и Мк). Произнесение Христом этой молитвы на языке, который Он употреблял в повседневности, указывает на глубоко личное переживание Им слов псалмопевца. Имя Илии-пророка произносилось как «Элиягу», что объясняет ошибку находившихся у креста. В некоторых древних рукописях стоит «зовет Солнце». Для язычников эта ассоциация со словом Элиос (Гелиос) более естественна.

Глава двадцатая

¹«По иудейскому обычаю,— пишет Флавий,— приговоренных к распятию до заката снимают и хоронят» (*И. Флавий*. Иудейская война, IV, 5, 2; см. также: *Санхедрин*, IV, 4—5). Орудия казни полагалось зарывать (*Тосефта*, 9, 8. *Санхедрин*, VI). Это косвенно подтверждает сказание о находке креста царицей Еленой.

²Ин 19, 34. По мнению медиков, эта «вода» есть жидкость, которая скапливается в области сердца в результате разрыва сердечных перегородок. Этот разрыв вызывается некрозом сердца. При такого рода смерти у людей вырывается непроизвольный крик. Ср.: Мф 27, 50; Мк 15, 37.

³См.: *Санхедрин*, VI, 5—6.

⁴Мф 27, 62—66. Согласно Евангелию от Петра (II в.), стража

была римской (IX, 45), но вероятней всего она состояла из наемных надзирателей, которых прокуратор держал при храме (ср. выражение в Мф 27, 65). Римские солдаты не могли бы ссылаться на то, что заснули; по их воинскому уставу за это наказывали смертной казнью. В Мф 27, 62 сказано, что архиереи пришли со своей просьбой к Пилату в субботу. Могли ли они сделать это, забыв о субботнем покое? Вопрос снимается, если учесть, что срок покоя истекает в субботу вечером (через час после захода солнца).

⁵Евангелие от Петра, VII, 26—27.

Глава двадцать первая

¹В евангельских повествованиях о явлениях Воскресшего есть ряд расхождений, естественных в том случае, когда речь идет не о вымышленном событии, а о свидетельстве многих очевидцев. Согласовать их во всех деталях едва ли возможно. Ясен лишь основной ход событий: 1) первыми на рассвете к гробу идут Мария Магдалина и другие женщины (Мф 28, 1; Мк 16, 1—3; Лк 24, 1); 2) Магдалина опережает их, придя, когда было еще темно. Она находит гроб пустым и зовет Петра и Иоанна (Ин 20, 1—10); 3) в ее отсутствие женщины заглядывают в пещеру и видят юношу, а позднее на дороге им является Иисус (Мф 28, 5—10; Мк 16, 4—8; Лк 24, 2—12); 4) Магдалина, вернувшись к гробу, видит Иисуса и сообщает об этом апостолам (Мк 16, 9—11; Ин 20, 11—18); 5) Иисус в этот же день является двум ученикам, идущим в Эммаус (Мк 16, 12—13; Лк 24, 13—33), Петру (Лк 24, 34; 1 Кор 15, 5) и одиннадцати (Мк 16, 14; Лк 24, 36—43; Ин 20, 19—25; 1 Кор 15, 5); 6) в конце праздничной недели было второе явление одиннадцати вместе с Фомой (Ин 20, 26—29). О явлениях в Галилее см. след главу.

²1 Кор 15, 3—9; Обращение Павла произошло около 36 года. Послание написано им в 50-х годах, уже после того, как он узнал подробности пасхальных событий от Петра, Иоанна и Иакова. Павел не упоминает о Марии Магдалине и других женщинах по вполне понятной причине. Свидетельства женщин не считались в ту эпоху заслуживающими внимания. Во II веке Цельс с презрением писал о «полу-безумной женщине», которой «пригрезилось», будто она видела Воскресшего. См.: *Ориген. Против Цельса. II, 55.*

³Евангелие от Петра. XI, 49. Евангелист Матфей, единственный из авторов канонических Евангелий, упоминает о страже у гроба. Он же говорит о том, что в момент воскресения стерегущие были уstraшены колебаниями земли и явлением ослепительно блистающего ангела. Они «стали, как мертвые», т. е. потеряли сознание. По Мф камень от входа отвалил молниевидный ангел (28, 2—4).

⁴Матфей, говоря о подкупе стражи и версии о похищении тела, утверждает, что «слово это было разглашено среди иудеев до сего дня» (28, 15). Ср.: *Св. Иустин. Диалог с Трифоном, 108.* В XVIII в. эту теорию пытался оживить немецкий деист Г. С. Реймарус.

⁵Гипотеза о галлюцинации была использована Э. Ренаном, а за ним и многими другими критиками-рационалистами.

⁶1 Кор 15, 14.

⁷Вл. Соловьев. Собр. соч., т. 10, с. 36—47.

⁸Среди ближайших учениц Христовых названа в Евангелии сестра Девы Марии, Мария Клеопова (Ин 19, 25). Она могла быть либо дочерью, либо женой Клеопы. Некоторые толкователи считают, что Иаков Алфеев (Мф 10, 3; Мк 3, 18; Лк 6, 15) был сыном Марии и Клеопы,

поскольку арамейское имя Халпай (Алфей) по-гречески могли произносить как Клеопа (Клопас).

⁹Мы говорим «Двенадцать», как это иногда было принято в Новом Завете (1 Кор 15, 5), хотя после отпадения Иуды апостолов осталось одиннадцать. Но священное число сохранялось неизменным и скоро было восполнено (Деян 1, 15—26).

Глава двадцать вторая

¹Из Лк 24, 33—53 можно сделать вывод, что Вознесение произошло в первый же день после явления Воскресшего. Но позднее сам евангелист внес поправку, указав на «сорок дней» (Деян 1, 3). О галилейских явлениях говорит Мф и Ин. Как было уже сказано, установить точную их хронологию трудно. «Создается впечатление,— замечает Ч. Додд,— что описанные случаи были не того рода, чтобы могли войти в последовательное повествование. Они были спорадическими, неуловимыми, мимолетными и все же оставляли в сознании тех, с кем это происходило, непоколебимую уверенность в том, что они действительно на короткое время были в непосредственном присутствии живого Господа». (Н. Dodd. The Founder of Chistianity, p. 169)

²Ин 21, 1—22. Эта глава, вероятно, добавлена к Евангелию уже после смерти Иоанна одним из его учеников. Но в ее рассказе ощущается живое воспоминание очевидцев. Толкования, вызванные вариациями слова «любишь ли» едва ли оправданы, потому что на арамейском языке для слова «любить» нет соответствующих синонимов.

³Лк 22, 32; Ин 21, 23. О кончине Иоанна и Петра см.: *Евсевий*. Церковная история. II, 23—25; *Тертуллиан*. Против Маркиана. IV, 5; *Лактанций*. О смерти гонителей. 2; *Иероним*. О знаменитых мужах. I; *Иринея*. II, 22, 5; III, 3, 4.

⁴Предание это сохранилось в древнем «Евангелии от евреев», которое цитирует *Иероним* (О знаменитых мужах. 2). Оно, по-видимому, изображает явление Иакову в храме (по Егезиппу, Иаков постоянно находится там; см.: *Евсевий*. Церк. История. II, 23). Идя к Иакову, Христос «отдает Свою верхнюю одежду слуге священника». Но из 1 Кор 15, 7, можно скорее заключить, что явление Иакову было в Галилее.

⁵Мф 28, 16—20. Там сказано, что «некоторые усомнились». Это дает основание считать, что кроме Двенадцати при явлении присутствовали и другие, впервые видевшие Воскресшего. Большинство экзегетов отождествляет это явление с упомянутым в 1 Кор 15, 6.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Миф или действительность?

¹О Дюпюи см.: *И. П. Вороницын*. История атеизма. М., 1930, с. 333 сл.

²См.: *Вольней К.* Избранные атеистические произведения. М., 1962.

³*Ф. Энгельс*. О первоначальном христианстве. М., 1962, с. 28—29.

⁴О Дж. Робертсоне, Смите, Кушу, Немоевском и др. мифологистах см.: *А. Дрекс*. Отрицание историчности Иисуса в прошлом и настоящем/Пер. с нем. М., 1930, с. 54 сл. Переводы: *Дж. Робертсон*. Евангельские мифы. М., 1923; *А. Немоевский*. Бог Иисус. М.,

1920; *Философия жизни Иисуса*. М., 1923; *П. Кушу*. Загадка Иисуса. М., 1929; *Г. Брандес*. Легенда о Христе. М., 1929; *Э. Дюжарден*. Человек из человеков/Пер. с фр.—Атеист. 1930. № 48; О Дюжардене см.: *Р. де Гурмон*. Книга масок/Пер. с фр. СПб., 1903, с. 141.

⁵Древс у нас усердно переводился. Кроме главной его книги «Миф о Христе», выпущенной (в сокращении) несколькими изданиями, переведены: *Жил ли апостол Петр?* М., 1924; *Жил ли Христос?* М., 1928; *Миф о Деве Марии*. М., 1926; *Происхождение христианства из гностицизма*. М. 1930, и др. О Древсе см.: *М. М. Кубланов*. Новый Завет: Поиски и находки. М., 1968, с. 202 сл.

⁶*A. Drews*. Die Christusmythe. Iena, 1911. в. II р. 413—416. Это и другие подобные высказывания Древса в советских переводах его книги опущены.

⁷*Д. Хвольсон*. Возражение против ложного мнения, будто Иисус Христос в действительности не жил. СПб., 1911; *С. Зарин*. Мифологическая теория Древса и ее разбор. СПб., 1911; *С. Булгаков*. Современное арианство.—В кн.: *С. Булгаков*. Тихие думы. М., 1918; *A. Jülicher*. Hat Christus gelebt? Marburg, 1910; *J. Weiss*. Jesus von Nazareth. Mythos oder Geschichte* Tübingen, 1910.

⁸*А. П. Каждан*. От Христа к Константину. М., 1965, с. 178. См. также: *А. Древс*. Историзация бога Иисуса.—В кн.: Из истории христианского культа. М., 1927, с. 4—16; *М. Пруссак*. Иешу галилейской ветви.—Атеист. 1929. № 41, с. 54—86.

⁹Цар 6, 14; Сир 1, 1; Зах 3, 1; Кол 4, 11; И. Флавий. Война. III, 450; Арх. VII, 12, 1; XXVII, 13, 1; XX, 9, 4; Автобиография, 20. Имя Иисус носили шесть иудейских первосвященников.

¹⁰*Р. Ю. Виппер*. Рим и раннее христианство. М. 1954, с. 94.

¹¹*А. Дмитриев*. Вопрос об историчности Христа в свете археологии. М., 1930, с. 5—8; см. также: *В. К. Никольский*. Атлас по истории религий. 1930, с. 35.

¹²См.: *А. Древс*. Миф о Христе, т. 1, с. 78, 81.

¹³См.: *Катулл*. 43; *Овидий*. Метаморфозы. X; *Лукиан*. О сирийской богине; *Аполлотор*. Мифологическая библиотека. I, 4, 2. Суммарный обзор мифов см.: *М. Брикнер*. Страдающий бог в религиях древнего мира/Пер. с нем. М., 1909; *Дж. Фрэзер*. Золотая ветвь. М., 1928, с. 3; *Н. А. Кун*. Предшественники христианства (восточные культы в Римской империи). М., 1929.

¹⁴См.: *Ж. Ревиль*. Религия в Риме при Северах/Пер с фр. М., 1898, с. 82 сл.

¹⁵См. прим. 4 к гл. 19. О дохристианском почитании креста писалось и в популярной церковной литературе. См.: *Л. Гуляев*. История креста.—Русский паломник, 1909, № 9, с. 143.

¹⁶*Н. М. Никольский*. Иисус и ранние христианские общины. М., 1918, с. 38.

¹⁷На русском языке наиболее полный обзор источников по биографии Будды см.: *В. Кожевников*. Буддизм в сравнении с христианством. СПб., 1916, т. 1—2.

¹⁸В качестве пародии на приемы мифологистов один писатель применил их к личности Наполеона и «доказал», что французский император был олицетворением весны, а Кутузов — зимы. См.: *Ж. Перес*. Почему Наполеон никогда не существовал? М., 1912.

¹⁹См.: *И. Д. Амузин*. Кумранская община. М., 1983; русский перевод кумранских документов (К. Б. Старковой) помещен в Палестинском сборнике. 1959, № 4 (67), и 1960, № 5 (68), в Хрестоматии по истории древней Греции. М., 1964, и в сборнике «Тексты Кумрана»,

1 под редакцией и с предисловием И. Д. Амусина. М., 1971 (там же дана и библиография вопроса).

²⁰А. Dupont-Sommer. *Aperçus préliminaires sur les manuscrits de la Mer Morte*. Paris, 1950, p. 121.

²¹К. Б. Старкова. Литературные памятники Кумранской общины. Л., 1975, с. 43 сл.

²²Дамасский документ. XI, 14.

²³Устав. XI, 24.

²⁴Устав Двух колонок. II, 3—9.

²⁵J. Jeremias. *Le message central du Nouveau Testament*. Raris, 1965, p. 120.

²⁶Плиний Младший. Письма. X, 96.

²⁷Тацит. *Анналы*. XV, 44.

²⁸Светоний. *Жизнеописания XII цезарей*. Нерон. 16.

²⁹Там же. Клавдий. 25.

³⁰См. Деян 18, 2, где говорится, что среди изгнанных Клавдием иудеев были и христиане. Слова «Христос» и «христиане» нередко искажались в латинских текстах; см., напр.: Тертуллиан. *Апологетика*. III, 3. Причины этого рассмотрены в статье И. М. Тронского в кн.: *Античность и современность*. М., 1972, с. 34 сл.

³¹И. А. Стучевский. Восточные корни мифа о Христе. М., 1958, с. 14.

³²Лукиан. *О кончине Перегринна*. 13.

³³Цит. по: Ориген. *Против Цельса*. I, 26; III, 7, 34; VIII, 14.

³⁴Пер. С. С. Аверинцева. — В кн.: *От берегов Босфора до берегов Евфрата*. М., 1987, с. 123.

³⁵Иосиф Флавий. *Арх.* XVIII, 5, 2. О соотношении этого места с евангельским повествованием см.: На пороге Нового Завета, гл. XXXIII.

³⁶И. Флавий. *Арх.* XX, 9, 1. «Это место производит впечатление подлинного»; И. Свенцицкая. Пророки, спасители, мессии. — *Наука и религия*. 1969, № 2, с. 58. То, что Флавий говорит здесь о Христе как бы вскользь, не должно нас удивлять. О есеевском Учителе Праведности он говорит еще более глухо; см.: И. Флавий. *Война*, II, 8, 9, где Учитель назван «законодателем» есеев.

³⁷И. Флавий. *Арх.* XVIII, 3.

³⁸Ориген. *Против Цельса*. I, 47;

³⁹Цит. По: И. Д. Амусин. Об одной забытой публикации тартуского профессора Александра Васильева. — *Труды по знаковым системам*. Тарту. 1975, вып. 7, с. 299; S. Pines. *An Arabic Version of the Testimonium Flavianum and its Implications*. London, 1971, p. 8—10.

⁴⁰В предисловии к греческому тексту «Войны» Флавий говорит: «Такое же описание войны я раньше составил для варваров внутренней Азии на нашем родном языке». Вариант этот не сохранился.

⁴¹См.: Н. А. Мещерский. *История иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе*. М.—Л., 1958, с. 14.

⁴²Так, о Моисее Флавий пишет, что его «считали человеком необыкновенным и божественным» (*Против Апиона*. I, 30).

⁴³Собрание этих текстов см.: Д. Муретов. *Ренан и его Жизнь Иисуса*. СПб., 1907, с. 409; А. Ранович. *Первоисточники по истории раннего христианства*, с. 171—175. Характеристику упоминаний о Христе в Талмуде см. в кн.: Н. М. Никольский. *Талмудическая традиция об Иисусе*. — *Труды БГУ*. Минск, 1925, № 7, с. 138—161.

⁴⁴Св. Иустин. *Диалог с Трифоном иудеем*. 8, 17.

⁴⁵А. Робертсон. *Происхождение христианства*. М., 1959, с. 133.

⁴⁶А. Древис. *Миф о Христе*, т. I, с. VII. Характерно, что реальность

ап. Павла признает даже такой «упорствующий» мифологист, как Крывелев. См.: И. А. Крывелев. История религий, т. 1, с. 154.

⁴⁷А. Донины. Люди, идолы и боги: Очерк истории религии/Пер. с ит. М., 1962, с. 267, 469.

⁴⁸С. И. Ковалев. Основные вопросы происхождения христианства. С. 164—169.

⁴⁹М. М. Кубланов. Иисус Христос — бог, человек, миф? М., 1964, с. 158; см. его же: Социально-психологические аспекты возникновения христианства.— Азия и Африка сегодня. 1977. № 6, с. 59; З. Косидовский. Сказания евангелистов/Пер. с пол. М., 1977, с. 234—235.

⁵⁰М. М. Кубланов. Возникновение христианства. М., 1974, с. 62.

⁵¹И. Свенцицкая. Запрещенные евангелия. М., 1965, с. 46.

⁵²С. Булгаков. Два Града. М., 1911, т. 2, с. 25. «Великие религиозные движения,— писал английский историк и этнограф Дж. Фрэзер,— всколыхнувшие до глубин все человечество и изменившие верования народов, не могут не происходить из сознательных и продуманных усилий умов, возвышающихся над общим уровнем. Попытка объяснить историю без влияния великих людей льстит суетности заурядных людей, но никогда не найдет сочувствия историка-философа».

⁵³См.: А. Барбюс. Иисус против Христа/Пер. с фр. М., 1928. По поводу концепции Барбюса происходил известный диспут между А. В. Луначарским и митр. А. Введенским. Стенограмма его вышла отдельным изданием: А. В. Луначарский. Личность Христа в современной науке и литературе. М., 1928.

⁵⁴В своем семитомном труде «Христос» Н. Морозов пытался доказать, что Иисус жил в IV веке и что легенды о Моисее, Магомете, Рамсесе II и Василии Великом — лишь отголоски сказаний, возникших вокруг личности Иисуса. Историю древнего мира Морозов считал вымышленной и рассматривал все восточные и античные памятники, как произведение Средних веков. О Н. Морозове см.: М. Кубланов. Новый Завет... с. 184 сл.; Г. М. Лившиц. Очерки историографии Библии и раннего христианства. Минск, 1970, с. 206 сл.

⁵⁵И. Свенцицкая. Пророки, спасители, мессии, с. 61.

⁵⁶И. Крывелев. Что знает история об Иисусе Христе? с. 4 сл. «Человек Иисус из Назарета,— заявляет западногерманский историк Церен,— это не тот Иисус Христос, о котором рассказывается в Евангелиях»; см.: Э. Церен. Лунный бог. М., 1976, с. 50.

⁵⁷Мф 2, 16; ср.: Лк 2, 22; Лев 12, 2—8.

⁵⁸См.: Э. Мутье-Руссэ. Существовал ли Иисус Христос/Пер. с фр. М., 1929, с. 32 сл.; И. А. Крывелев. Евангельские сказания и их смысл. М., 1957. Большая часть «противоречий» взята из этой книги.

⁵⁹Ср.: Ин 2, 1; 4, 3. Лука говорит о посещении Иисусом Марфы и Марии, которые жили в пригороде Иерусалима, и относит это ко времени до Страстной недели.

⁶⁰Об иудейских генеалогиях см.: И. Флавий. Против Апиона, 1, 7. О сродниках Иисуса по плоти см.: Евсевий. Церковная история. III, 12, 20. Начиная с Юлия Африкана (II в.) раннехристианские писатели стали склоняться к мысли, что одно родословие Христа — «кровное», а другое — «юридическое», поскольку предки Иосифа следовали закону «ужничества» (т. е. брат умершего женился на его вдове и усыновлял его детей); см.: Евсевий. 1, 7; Августин. О согласии евангелистов. III. Некоторые полагали, что родословие Мф принадлежит Иосифу, а у Луки — Деве Марии.

⁶¹Э. Мутье-Руссэ. История и география в Евангелиях.— Атеист. 1926. № 12, с. 26—27; Я. А. Ленцман. Происхождение христианства, с. 189.

⁶²См. описание такой бури в книге К. Гейки: Святая земля и Библия/Пер. с англ. СПб., 1894, с. 920.

⁶³И. А. Кривелев. Евангельские сказания... с. 27. Некоторые мифологисты заходили так далеко, что пытались свести все географические указания Евангелий к простой игре слов. См.: Г. Рашке Места и пути Иисуса по евангелию от Марка.— Атеист. 1930. № 59, с. 156—162.

⁶⁴Э. Мутье-Руссэ. Жил ли Иисус Христос? С. 66.

⁶⁵Там же, с. 66—67.

⁶⁶См.: Я. Б. Грунтфест. Новый документ о йеменско-палестинских связях доисламского периода.— Палестинский сборник. 1974. № 25 (88), с. 105—114. Р. Bagatti. Excavations in Nazareth. Jerusalem, 1969.

⁶⁷См.: F. G. Kenyon and N. I. Bell. Greek 204 Papiri in the British Museum. London, 1907, v. III, p. 125.

⁶⁸И. А. Кривелев. Евангельские сказания... с. 20.

⁶⁹См.: Н. А. Машкин. Принципат Августа. М., 1949, с. 528, 545.

⁷⁰И. Флавий. Арх. XVII, 2, 2; 4, 3; XVIII, 2, 3; XX, 9, 1.

⁷¹См. W. F. Albright. The Archeology of Palestine. London, 1949, p. 244.

⁷²Эти ссылки приведены в подлиннике в кн.: М. Муретов. Ренан и его Жизнь Иисуса. СПб., 1907, с. 345 сл.

⁷³Св. Ириней Лионский. Против ересей. II, 17, 8, 22; III, 11, 7—9.

⁷⁴А. Ревиль. Иисус Назарянин. СПб., 1909, т. 1, с. 209.

⁷⁵Св. Ириней. Против ересей. III, 1, 1. О Марке см. Деян 12, 12; 13, 5, 13; 15, 37—39; Кол 4, 10; Флм 24, 2; Тим 4, 11; 1 Петр 5, 13; возможно, что Марк, как и Варнава, был левитского рода; см.: М. Фивейский. Евангелие от Марка.— ТБ, т. IX, с. 1—11; D. E. Nineham. Saint Mark. London, 1967, p. 38-43.

⁷⁶Паний. У Евсевия: Церковная История. III, 39.

⁷⁷Св. Иустин. Диалог. 108.

⁷⁸Паний. У Евсевия: Церк. История. III, 239. Совершенно очевидно, что речь идет о мятаре Леви, сыне Алфея, прозванном Матфеем; см.: Мф 9, 9—10; Мк 2, 13—15; Лк 5, 27—29.

⁷⁹К. Адам. Иисус Христос. Брюссель, 1961, с. 66.

⁸⁰Антимаркионский пролог.

⁸¹Из 661 стиха Мк только 30 не вошло в Мф и Лк. Мф и Лк имеют 200 общих мест, заимствованных не из Мк. См.: Д. С. Мережковский. Иисус Неизвестный. Белград, 1932, т. 1, с. 54 сл.; иером. Лев (Жилле). Иисус Назарянин по данным истории. Париж, 1934, с. 48 сл. Многие современные экзегеты полагают, что Евангелиям Мф, Мк и Лк предшествовали сборники текстов, основанных на более ранних материалах, которые и легли в основу нынешних синоптических Евангелий. Однако наиболее надежной остается теория, согласно которой Мк и «Логии» были главными источниками для синоптиков.

⁸²См.: З. Косидовский. Сказания евангелистов. М., 1977, с. 72.

⁸³J. Allegro. The Dead Sea Scrolls and the Origins of Christianity. New York, 1958, p. 128.

⁸⁴C. H. Dodd. Historical Tradition in the Fourth Gospel. New York, 1963, p. 423.

⁸⁵См.: R. E. Brown. The Gospel According to John. New York, 1966.

⁸⁶1 Ин 1, 1; Паний.— В кн.: Евсевий: Церк. Ист., III, 39.

⁸⁷См.: Д. С. Мережковский. Иисус Неизвестный. Белград, 1931. т. 1, с. 91 сл.

⁸⁸J. Bonsirven, C. Bigari. Apocryphes du Nouveau Testament.— RFIB, II, p. 745.

⁸⁹J. Jeremias. Les paroles inconnues de Jésus. Paris, 1970, p. 119.

⁹⁰Иером. Лев (Жилле). В поисках первоначального евангельского предания.— Путь. Париж. УМСА. 1932. № 36, с. 87.

⁹¹Евсевий: Церк. История. III, 37, 2.

⁹²Г. Ф. Гегель. Жизнь Иисуса.— В кн.: Г. Ф. Гегель. Философия религии. М., 1975, т. 1, с. 35. При жизни Гегеля книга его не была напечатана.

⁹³Д. Ф. Штраус. Жизнь Иисуса. М., 1907, т. 1, с. 32 (данная книга является переводом второго варианта книги Штрауса, который вышел в 1864 г.).

⁹⁴А. Гарнак. Сущность христианства.— В кн.: Общая история европейской культуры. СПб., 1910, т. 5, с. 49.

⁹⁵F. Schweitzer. Geschichte der Leben-Jesu Forschung. 1918, p. 512.

⁹⁶Н. Бердяев. Наука о религии и христианская апологетика.— Путь. Париж. УМСА. № 6. 1927, с. 63. См. также: С. Булгаков. Современное арианство. с. 162—163; Л. Жилле. В поисках первоначального евангельского предания, с. 81—82.

⁹⁷См. П. Гибер. Евангелия: вера и история.— Логос. 1972, № 6, с. 9 сл.

⁹⁸W. F. Albright. The Archeology of Palestine, p. 249.

⁹⁹Idem, p. 247.

¹⁰⁰См.: Н. Д. Успенский. Святые места в Иерусалиме на сегодня.— ЖМП, 1961, с. 11; BTS, 1966, № 86, p. 49.

¹⁰¹А. Немоевский. Бог Иисус. С. 228.

¹⁰²См.: Л. А. Львов. Надпись Понтия Пилата из Кесарии Палестинской.— Вопросы истории. 1965. № 7, с. 134—135; прокуратор отвечал главным образом за сбор налогов, в то время как титул префекта расширял его права в качестве наместника страны. Именно потому в Евангелии Пилат называется правитель. См. М. А. Calderini. L'inscription de Ponce Pilate à Césarée.— BTS, 1963, № 17, p. 8.

¹⁰³Эту «ошибку» всегда подчеркивали мифологисты; см.: А. Нейхардт. Происхождение креста. М., 1956, с. 35.

¹⁰⁴См.: G. E. Wright. Biblical Archeology, p. 268; J. Briand. L'Église Judéo-chrétienne de Nazareth. Jérusalem, 1975, p. 5.

¹⁰⁵Ж. Ж. Руссо. Эмиль, или о воспоминании. IV, § 347.

¹⁰⁶C. H. Dodd The Founder of Christianity. London, 1971, p. 37.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Жизнь Иисуса Христа.
2. Толкования на Евангелия.
3. Личность и учение Христа.
4. Частный аспект евангельской истории.
5. Евангелия: происхождение и историческая достоверность.
6. Словари и справочники.
7. Евангельская история в художественной литературе.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

БВ	Богословский вестник
БВс	Братский вестник
БТ	Богословские труды
ВДИ	Вестник древней истории
ВР	Вера и разум
ВЧ	Воскресное чтение
ДЧ	Душеполезное чтение
ЖМП	Журнал Московской патриархии
И. Флавий, Арх	Иосиф Флавий. Археология, или об иудейских древностях
НЭС	Новый энциклопедический словарь, изд. Брокгауза и Ефрона
ПБЭ	Православная богословская энциклопедия
ПМ	Православная мысль
ПО	Православное обозрение
ПС	Православный собеседник
ПТО	Прибавление к творениям св. Отцов
ТБ	Толковая Библия
Ст	Странник
ТКДА	Труды Киевской духовной академии
ХЧ	Христианское чтение
ЧОЛДП	Чтения в Обществе любителей духовного просвещения
BTS	Bible et Terre Sainte
JBS	The Jerome Biblical Commentary / Ed. R. Brown, J. A. Fitzmyer, R. E. Murphy. London, 1968, v. I—II.
RFIB	Robert A., Feuillet A. Introduction à la Bible. Tournai, 1959, v. I—II.

I

ЖИЗНЬ ИИСУСА ХРИСТА: ОБЩИЕ ТРУДЫ. ИСТОЧНИКИ

- *1. Библия с приложениями.— Брюссель: Жизнь с Богом, 1973—1977.
2. Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа.— М.: Московская Патриархия, 1976.
3. *То же* с приложениями.— Брюссель: Жизнь с Богом, 1965; фототип. изд.— Брюссель: Жизнь с Богом, 1967; 2-е фототип. изд., 1970.
- *4. *То же*.— Рим, 1944 и 1946.
5. *То же*. Новый перевод с греческого подлинника с параллельными местами. Лондон, 1970.

6. *Aland K. Synopsis Quattuor Evangeliorum.* Stuttgart, 1973.
7. *Benoit P., Boismard M. Synopse des quatre évangiles.* Paris, 1972, t. I—II.
8. *Novum Testamentum graece cum apparatu critico curavit, Eberhard Nestle.* Stuttgart, 1963.
- *9. *Гладков Б. И. Евангельская история.* СПб., 1913.
- *10. Слово Жизни вечной. Евангельское повествование (составил по текстам Нового Завета свящ. Иоанн Корниевский).— Брюссель. Жизнь с Богом, 1959.
11. *Феофан [Говоров], еп. Евангельская история о Боге-Сыне, воплотившемся нашего ради спасения, в последовательном порядке изложенная словами святых Евангелистов, М., 1918.*
12. *Бобринский А. Из эпохи зарождения христианства: I. Свидетельства нехристианских писателей первого и второго веков о Господе нашем Иисусе Христе.* Париж, 1929.
13. *Вега [В. В. Гейман]. Апокрифические сказания о Христе: Книга Никодима.* СПб., 1912.
14. *То же: Книга Девы Марии.* СПб., 1912.
15. *То же: Книга Иосифа Плотника.* СПб., 1914.
16. *Лопухин А. П. Незаписанные в Евангелии изречения Христа Спасителя и новооткрытые изречения Его.* СПб., 1898.
17. Памятники древнехристианской письменности в русском переводе: 1. Апокрифические сказания о жизни Господа нашего Иисуса Христа и Его Пречистой Матери. М., 1860.
18. *Пивоваров Б. Аграфы.*— ЖМП, 1974, № 8.
19. *Порфирьев И. Я. Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки.* СПб., 1980.
20. *Ранович А. Первоисточники по истории раннего христианства.* М., 1933.
21. *Рождественский В. Г. Новооткрытый отрывок апокрифического евангелия Петра.* СПб., 1895.
22. *Таубе М. Л. Аграфы у Отцов Церкви.* Варшава, 1937.
23. *Его же. Аграфы в древнехристианских апокрифах.* Париж, 1947.
24. *Его же. Аграфы в иудейских и магометанских писаниях.* Париж, 1951.
25. *Трофимова М. К. Из рукописей Наг-Хамади.*— В кн.: Античность и современность. М., 1972 перевод апокрифического «Евангелия Фомы».
26. *The Apocryphical New Testament. Ed. M. J. James. Oxford, 1975.*
27. *Jeremias J. Les paroles inconnues de Jésus. Paris, 1970.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Христианские авторы

28. *Буткевич Т., прот. Жизнь Господа нашего Иисуса Христа.* Харьков, 1887.
- *29. *Гейки К. Жизнь и учение Христа. Пер. с англ. М., 1893, вып. 1—2.*
- *30. *Гладков Б. И. Священная история Нового Завета.* СПб., 1906.
- *31. *Горский А., прот. История евангельская и Церкви апостольской, М., 1902.*
32. *Гречулевич В. (впоследствии еп. Виталий). Изложение евангельской истории.* СПб., 1861.

- *33. Дидон А. Иисус Христос. Пер. с фр. СПб., 1891, т. 1—2.
- 34. Земная жизнь Иисуса Христа в изящной литературе, живописи и скульптуре. СПб., 1912.
- *35. Кассиан (Безобразов), еп. Христос и первое христианское покое-ление.— Париж: YMCA, 1950.
- *36. Лев (Жилле), иером. Иисус Назарянин по данным истории. Пер. с фр.— Париж: YMCA, 1934.
- *37. Лопухин А. П. Библейская история в свете новейших исследований и открытий: Новый Завет. СПб., 1895.
- 38. Матвеевский П. Евангельская история о Боге-Слове, Сыне Божиим, Господе нашем Иисусе Христе. СПб., 1912.
- 39. Мережковский Д. С. Иисус Неизвестный. Белград, 1932, т. 1—2, ч. 1—2.
- 40. Орда Х. М. [впоследствии еп. Ириней]. Земная жизнь Господа нашего Иисуса Христа. Киев, 1882.
- 41. Преображенский А. С. История земной жизни Господа нашего Иисуса Христа. СПб., 1873.
- 42. Путь Христов [сборник статей]. СПб., 1903.
- *43. Фаррар Ф. Жизнь Иисуса Христа. Пер. с англ. СПб., 1904.
- 44. Филипп, еп. Евангельская история. Чернигов, 1914.
- 45. Фома Кемпийский. Размышление о жизни, страданиях и воскресении Господа нашего Иисуса Христа. Пер. с лат. СПб., 1899.
- *46. Шнеллер А. По евангельским следам: Картины из земной жизни Христа Спасителя. Пер. с нем. СПб., 1898.
- *47. Эдершейм А. Жизнь и время Иисуса Мессии. Пер. с нем. СПб., 1900, т. 1; т. 2 печатался — в ВР, 1901—1904 [посл. англ. издание: А. Edersheim. The Life and Time of Jesus the Messiah. 1962].
- 48. Amiot F. Vie de notre Seigneur Jésus Christ. Paris, 1958.
- *49. Daniel-Rops H. Jesus in His Time. London, 1956.
- *50. Dodd C. H. The Founder of Christianity. London, 1971.
- 51. De Grandmaison L. Jésus-Christ, Paris, 1929, t. 1—2.
- 52. Guillet J. The Consciousness of Jesus. New York, 1972.
- 53. Hunter A. The Parables Then and Now. London, 1971.
- *54. Mauriac F. La vie de Jésus. Paris, 1962.
- *55. Nisin A. Histoire de Jesus. Paris, 1961.
- *56. Pax W. E. In the Footsteps of Jesus. Jerusalem, 1970.
- 57. Ricciotti G. Vita di Gesu Christo. Roma, 1941.
- 58. Taylor V. The Life and Ministry of Jesus. New York, 1955.
- 59. Trocme E. Jesus as Seen by His Contemporaries. Philadelphia, 1973.

2. Нехристианские авторы и представители либеральной теологии

- 60. Гегель Г. Ф. Жизнь Иисуса. Пер. с нем.— В кн.: Г. Ф. Гегель. Философия религии. М., 1975, т. 1.
- 61. Грец Г. Иисус Христос и происхождение христианства. Пер. с нем. [перевод глав из кн.: Г. Грец. История еврейского народа. СПб., 1906, т. 4].
- 62. Мейер Э. Иисус из Назарета. Пер. с нем. с послесловием С. А. Желбелева. Пг., 1923.
- 63. Никольский Н. М. Иисус и ранние христианские общины. М., 1922.
- 64. Ревиль А. Иисус Назарянин. Пер. с фр. СПб., 1909, т. 1—2.
- 65. Ренан Э. Жизнь Иисуса. Пер. с фр. М., 1907.

66. *Штраус Д. Ф.* Жизнь Иисуса. Пер. с нем. М., 1907, т. 1—2.
67. *Шюре Э.* Великое посвящение. Пер. с фр. Калуга, 1914.
68. *Юлихер А.* Религия Иисуса и начала христианства до Никейского собора. Пер. с нем.— В кн.: Общая история европейской культуры. СПб., [1910], т. V.
69. Ben-Chorin Sch. Jesus, Bruder Jesus. München, 1967.
70. *Flusser D.* Jesus. Hamburg, 1968.
71. *Klausner J.* Jesus of Nazareth. 1926.

II

ТОЛКОВАНИЯ НА ЕВАНГЕЛИЯ

1. Святоотеческие комментарии

72. *Августин.* О согласии евангелистов.— В кн.: Творения Блаженного Августина, епископа Иппонийского. Киев, 1906, ч. 10.
73. *Афанасий Великий.* Из бесед на Евангелие от Матфея. Из бесед на Евангелие от Луки.— В кн.: Творения св. Афанасия Великого. Пер. с греч. Серг. Посад, 1903, т. 4.
74. *Григорий Двоеслов.* Беседы на Евангелия. Пер. с лат. СПб., 1860.
75. *Ефрем Сирин.* Толкования на Четвероевангелие. Пер. А. Спасского. СПб., 1896.
76. *Иероним Стридонский.* Толкование на Евангелие от Матфея.— В кн.: Творения Блаженного Иеронима. Пер. с лат. Киев, 1901, т. 16.
77. *Иоанн Златоуст.* Беседы на евангелиста Матфея. Пер. с греч. М., 1899, ч. 1—3.
78. *Его же.* Беседы на евангелиста Иоанна. Пер. с греч. СПб., 1862.
79. *Кирилл Александрийский.* Толкование на Евангелия от Матфея, Марка, Луки и Иоанна. Пер. с греч.— В кн.: Творения св. Кирилла Александрийского. М., 1910.
80. *Феофилакт Болгарский.* Благовестник, или Толкование на Евангелия. СПб., 1910.
81. Hilaring. In evangelium Matthaei commentarius.— Migne, Patrologia Latina, t. IX, p. 917—1078.
82. Origenes. In Matthaeum.— Migne, Patrologia Graece, t. XIII.

2. Позднейшие комментарии

83. *Альбовский М.* Изъяснение избранных мест из Святого Евангелия. Киев, 1914.
84. *Барсов М.* Сборник статей по истолковательному и назидательному чтению Четвероевангелия с библиографическим указателем. Симбирск, 1890, т. 1—2.
85. *Богдашевский Д. И.* Евангелие от Матфея: Критико-экзегетическое исследование. Киев, 1915.
86. *Боголепов Д. П.* Руководство к толковому чтению Четвероевангелия. М., 1910.
87. *Боссюз Ж. Б.* Размышления на Евангелия. Пер. с франц. Пг., 1916.
88. *Бухарев И.,* свящ. Толкование на Евангелие от Матфея. М., 1899.
89. *Его же.* Толкование на Евангелия от Марка и Луки. М., 1903.
90. *Его же.* Толкование на Евангелие от Иоанна. М., 1915.

91. *Властов Г.* Опыт изучения Евангелия св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова. СПб., 1887, т. 1—2.
- *92. *Гладков Б. И.* Толкование на Евангелия. СПб., 1906.
93. *Гречулевич В.* (впоследствии еп. Виталий): Подробный сравнительный обзор Четвероевангелия. СПб., 1859—1866, ч. 1—3.
94. *Григорий [Лебедев]*, еп. Евангельские образы.— БТ, 1976, вып. 16; 1977, вып. 17.
95. *Дьяченко Г.* прот. Объяснение воскресных и праздничных евангелий всего года. М., 1899, ч. 1—2.
96. *Е. М.* Евангелие от Луки.— БВс.
97. *Зигабен Е.* Толкование на Евангелие от Матфея. Пер. с греч. Киев, 1886.
98. *И. И.* [митр. Исидор Никольский]. Нравственно-филологическое изъяснение текста Лук. XVI, 9—26, XXIII, 58.— ХЧ, 1826, т. XXIII.
99. *Иванов А.* Четвероевангелие и Деяния апостольские. СПб., 1893.
100. *Кассиан [Безобразов]*, архим. (впоследствии еп.). Евангелие от Матфея и Марка. Париж, 1931.
101. *Его же.* Евангелие от Луки. Париж, 1932.
102. *Его же.* Евангелие от Иоанна. Париж, 1932.
103. *Его же.* О молитве Господней.— ПМ, Париж: YMCA, 1949, вып. VII.
104. *Его же.* О построении молитвы Господней.— ПМ, Париж: YMCA, 1951, вып. VIII.
105. *Кохомский С. В.* Объяснение важнейших мест Четвероевангелия. Владимир, 1904.
- *106. *Люттов П.*, прот. Беседы на Евангелие от Марка. Париж, 1931.
- *107. *Марцинковский В.* Пособие при изучении Евангелия от Иоанна. Лодзь, 1937.
108. *Михаил (Грибановский)*, еп. Над Евангелием. СПб., 1908.
109. *Михаил [Лузин]*, еп. Толковое Евангелие. Казань, 1903—1905, т. 1—3.
110. *Некрасов А. А.* Примечания к Евангелиям.— ПС, 1884—1886.
111. *Никанор [Каменский]*, еп. Объяснение Евангелия от Иоанна. М., 1906.
112. *Его же.* Конспект сравнительного чтения Четвероевангелия. М., 1905.
- *113. *Полотебнов А.*, прот. Руководство к последовательному толкованию и чтению Евангелия: ч. 1. Евангелие от Матфея, М., 1905.
- *114. Пособие к чтению Евангелия от Марка.— Пг.: изд. Христианского студенческого кружка, 1919.
- *115. *Розанов Н.* Евангелие от Марка. Евангелие от Луки. Евангелие от Иоанна.— ТБ СПб., 1912, т. 9.
- *116. *Фивейский И.*, свящ. Евангелие от Матфея.— ТБ, СПб., 1911, т. 8.
117. *Brown R. E.* The Gospel According to John. New York, 1966.
118. *Gaird G.* The Gospel of St. Luke. London, 1964.
119. *cranfield C. E.* The Gospel According to St. Mark. Cambridge, 1959.
120. *Creed J. M.* The Gospel According to St. Luke. London, 1953.
121. *Dodd C. H.* The Interpretation of the Fourth Gospel. Cambridge, 1953.
122. *Ellis P.* Matthew — His Miand and His Message. Collegeville, 1974.
123. *Fenton J. C.* The Gospel of St. Matthew. Baltimore, 1963.

124. *Filson F. V.* A Commentary on the Gospel According to St. Matthew. London, 1963.
125. *Hynter A.* According to John. London, 1968.
126. *Johnson S. E.* A Commentary on the Gospel According to St. Mark. London, 1960.
127. *Lagrange M. J.* Evangile selon St. Marc. Paris, 1929.
128. *Leaney A. R. C.* A Commentary on the Gospel According to St. Luke. New York, 1958.
- *129. New Testament Reading Guide «Ed. by B. M. Ahern, R. Sullivan, W. G. Hedit, № 1, 2, 3, 4, 13.

III

ЛИЧНОСТЬ И УЧЕНИЕ ХРИСТА. ПРИТЧИ

1. Христианские авторы

- *130. *Адам К.* Иисус Христос. Пер. с нем.— Брюссель: Жизнь с Богом, 1961.
131. *Александр [Светлаков], еп.* Иисус Христос по Евангелиям. М., 1891—1894, т. 1—4.
132. *Александров Б. М.* Единство Образа Христа по Апокалипсису, Посланиям св. апостола Павла и Евангелиям. Париж, 1964.
133. *Антоний (Храповицкий), еп.* Сын Человеческий: Опыт истолкования.— БВ, 1903, № 11.
134. *Его же.* Против тех, которые уверяют, будто Иисус Христос был революционером. М., 1909.
135. *Его же.* Об искуплении. М., 1917.
136. *Аскольдов С.* Христианство и политика. СПб., 1907.
137. *Бердяев Н.* Философия свободного духа: Проблематика и типология христианства.— Париж: YMCA, 1927—1928.
138. *Его же.* Христианство и классовая борьба, 1931.
139. *Его же.* Христианство и активность человека, 1933.
140. *Богдашевский Д. П.* Притчи Христовы. СПб., 1902.
141. *Его же.* Христос Спаситель как Чудотворец.— ТКДА, 1911, № 10.
142. *Его же.* Притчи Христа Спасителя о Царстве Небесном.— ТКДА, 1912, № 10.
143. *Боголюбов Н.* Образ Иисуса Христа в «Жизни Иисуса» Э. Ренана и Д. Штрауса, 1912.
144. *Богословский М. И.* Притча о добром семени и плевелах.— ПО, 1876, № 12.
145. *Его же.* Идея Царства Божия в Ветхом и Новом Завете. Казань, 1887.
146. *Борков И. В.* О знамениях второго пришествия Господа Иисуса Христа по Евангелиям и посланиям св. апостолов. СПб., 1906.
147. *Бронзов А.* Иисус Христос как образец нравственности.— ПБЭ. СПб., 1905, т. XI.
- *148. *Буйе Л.* О Библии и Евангелии. Пер. с фр.— Брюссель: Жизнь с Богом, 1965.
149. *Булгаков С., прот.* Агнец Божий.— Париж: YMCA, 1933.
150. *Буткевич Т., прот.* Нагорная проповедь: Опыт изъяснения учения Господа нашего Иисуса Христа, с опровержением возражений, указываемых отрицательной критикой. Харьков, 1893, ч. I.

151. *В.А.П.* Вопрос о происхождении христианства в системе исторического материализма.— Ст, 1906, № 1, 2.
152. *Велтистов В.* Притча о браке царского сына.— Церковный вестник, 1889.
153. *Вержбицкий Т. И.* Закон Моисеев и Закон Евангелия.— Ст, 1898.
154. *Вернер И.* Профессор Гарнак о сущности христианства.— Вопросы жизни, 1905, № 4, 5, 6.
155. *Виноградов В. П.* Иисус Христос в понимании Ренана и Гарнака. Серг. Посад, 1908.
156. *Виноградов Н. И.* Учение св. Евангелия и Апостола о воскресении мертвых. М., 1882.
157. *Его же.* Антихристианство и антихрист по учению Христа и апостолов. Нижний Новгород, 1883.
158. *Его же.* Притчи Господа нашего Иисуса Христа. М., 1892, вып. 1—3.
159. *Его же.* Нагорная проповедь Спасителя. М., 1894, вып. 1—2.
160. *Его же.* Молитва Отче наш, параллель Мф 6, 9—13 и Лк 11, 1—14. М., 1894.
161. *Воронцов Е.* Молитвенный подвиг Спасителя во дни Его плоти.— ВР, 1906, № 14.
162. *Вышеславцев Б. П.* Христианство и социальный вопрос. Варшава, 1929.
163. *Гизо Ф. П. Г.* Размышление о сущности христианства. Пер. с фр. СПб., 1865.
164. *Гладков Б. И.* Нагорная проповедь и Царство Божие. СПб., 1907.
165. *Его же.* Притча о неверном управителе. СПб., 1912.
166. *Глубоковский Н. Н.* Евангелия и благовестие о Христе Спасителе и Его искупительном деле. София, 1932.
167. *Его же.* Развод по прелюбодеянию и его последствия по учению Христа Спасителя.— ХЧ, 1885, № 1.
168. *Его же.* К вопросу о разводе по прелюбодеянию и его последствиях по учению Христа Спасителя.— ХЧ, 1895, № 3.
169. *Его же.* Бог-Слово: Экзегезис к Прологу Иоаннова Евангелия.— ПМ, Париж, 1928, вып. 1.
170. *Его же.* Христово уничтожение и наше спасение. София, 1932.
171. *Говоров А. М.* Повесть Ренана об Иисусе в ряду «вопросов современности». Казань, 1906.
172. *Голубцов А. П.* Иисус Христос по внешнему виду.— ПБЭ, СПб., 1905, т. VI.
173. *Гомеров В.* Раскрытие евангельского понятия о Царстве Божиим. Киев, 1906.
174. *Григорьев К. Г.* Сущность христианства по Гарнаку.— ВР, 1903, № 1—7.
175. *Его же.* Богосознание Спасителя по первым трем евангелистам. Харьков, 1911.
176. *Его же.* Самосвидетельство Христа о Своем Божестве по первым двум евангелиям. Казань, 1912.
177. *Гречулевич В.* [еп. Виталий]. Нагорная проповедь Спасителя (Сущность христианского учения). Седелец, 1889.
178. *Его же.* Притчи Христовы. СПб., 1901.
179. *Гусев А.* Евангельские советы и их отношение к положительным требованиям Евангелия.— XV, 1870, № 9.

180. *Его же*. Отношение евангельского нравоучения к закону Моисея и учению книжников и фарисеев по Нагорной проповеди Иисуса Христа. Харьков, 1895.
181. *Державин Д.* Образ Господа нашего Иисуса Христа в памятниках древней Церкви.— ТКДА, 1866, № 7.
182. *Дидон А.* Доказательства божественности Иисуса Христа. Пер. с фр. М., 1899.
183. *Дмитриевский Ф. Г.* Беседа Господа Иисуса Христа о блаженстве. СПб., 1892.
184. *Добросмыслов Д.* Евангельская заповедь о «блаженствах» как учение о высших степенях христианской нравственности в сравнении с ветхозаветным законом.— ВЗ, 1899, № 11.
185. *Желудков С.,* Свящ. Почему и я — христианин. Франкфурт, 1973.
186. *Зарин С. М.* Закон Евангельский по учению Господа в Евангелии Матфея. Пг., 1915.
187. *Его же*. Заповеди блаженства. Пг., 1915.
188. *Знаменский Д.* Учение св. апостола Иоанна Богослова в четвертом Евангелии о лице Иисуса Христа. СПб., 1907.
189. *Иванов А.* Новозаветное учение о Царстве Божием.— ПС, 1900.
190. *Иоанн [Шаховской],* иером. [впоследствии архиеп.]. Притча о несправедливом богатстве. Париж, 1932.
191. *Карев А. В.* Нагорная проповедь.— БВс. 1967, № 4, 5.
192. *Его же*. Образ Христа в Новом Завете.— БВс, 1969, № 1.
193. *Кассиан (Безобразов).* Царство Кесаря перед судом Нового Завета. Париж, 1949.
194. *Его же*. К вопросу о построении молитвы Господней.— ПМ, 1951, вып. VIII.
195. *Его же*. О молитве Господней.— ПМ, 1949, вып. VII.
196. *Ковальницкий А.,* прот. Иисус Христос — Бог. Варшава, 1901.
197. *Кулэн Ф.* Сын Человеческий: Беседы о человечестве Иисуса Христа. Пер. с фр. 1868.
198. *Кулюкин С. Л.* Сущность христианства проф. Адольфа Гарнака. Пг., 1902.
199. *Лебедев А.* Наглядное проявление Божества Христа Спасителя в земной Его жизни.— ВР, 1914, № 9.
200. *Лебедев А. П.* Сущность христианства по изображению церковного историка Адольфа Гарнака.— БВ, 1901, № 10—12.
201. *Его же*. Общие и частные черты формального различия между учением Христа в Его собственных устах и между учением Его же в устах апостолов.— ХЧ, 1875, № 2.
202. *Лейтон И.* Иисус Христос и современная цивилизация. Пер. с англ. СПб., 1909.
203. Личность Христа в современной науке и литературе (об «Иисусе» Анри Барбюса): Стенограмма диспута А. В. Луначарского с митрополитом Ал. Введенским. М., 1928.
204. *Малиновский Н. П.* О Боге Искупителе. Каменец-Подольск, 1906.
205. *Матьюс Ш.* Социальное учение Христа. Пер. с англ. СПб., 1911.
206. *Мелиоранский Б.* Христианство.— Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1903, т. 37.
- *207. *Его же*. Христос.— Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1903, т. 37.
- *208. *Михаил (Семенов),* архим. (впоследствии старообр. еп.). В поисках лика Христова. СПб., 1905.
209. *Его же*. Церковь и евангельские лилии. СПб., 1905.

210. *Михаил* (Чуб), еп. Христологические проблемы в западном богословии.— БТ, 1968, вып. 4.
211. *Моравский М.* Религиозно-философские вечера. Пер. с нем. М., 1907.
212. *Муретов М. Д.* Христос как носитель немощей и болезней человеческих: Мф 8, 1—17.— ВР, 1900, № 3.
213. *Мышцын В.* Какую можно усмотреть цель Христа Спасителя в Его поучениях народа притчами.— БВ, 1900, № 3.
- *214. *Навиль Э.* Христос: Публичные чтения. Пер. с фр. СПб., 1901.
215. *Его же.* Евангелие. Пер. с фр.— ЧОЛДП, 1862, № 3, 4.
216. *Его же.* Свидетельство Христа и единство христианского мира. Пер. с фр.
217. *Его же.* Отец Небесный. Пер. с фр. 1868.
- *218. *Николаи П.* Может ли современный образованный человек верить в Божество Иисуса Христа?— Париж: YMCA, 1923.
- *219. *Олдгам Г. Х.* Учение Иисуса Христа. Пер. с англ. СПб., 1912.
220. *Остроумов С.,* прот. Закон и Евангелие.— ВР, 1878, № 8.
221. *Перов И.* Притча Господа нашего Иисуса Христа о блудном сыне.— ВР, 1898, № 10.
222. *Его же.* «Царство Божие нудится и нужницы восхищают е».— ВР, 1894, № 1.
223. *Песчанский С.* Свидетельство Иисуса Христа о Своем Божестве по первым трем евангелиям. Казань, 1912.
224. *Петров Г.,* свящ. Евангелие как основа жизни. СПб., 1904.
225. *Петропавловский Н.,* свящ. Необходимые предположения о Лице, учении и делах Иисуса Христа ввиду двух бесспорных фактов 1) Иисус Христос был распят и 2) основал церковь: Против теории мифического содержания Евангелия.— ЧОЛДП, 1877, № 1, 2.
226. *Пибоди Ф. Г.* Иисус Христос и социальный вопрос. Пер. с нем. ММ., 1907.
227. *Покровский Н.* Иисус Христос в иконографии.— ПБЭ. СПб., 1905, т. VI.
- *228. *Поснов М. Э.* Личность Основателя христианской Церкви. Киев, 1910.
229. *Его же.* Евангелие Иисуса Христа и евангелие апостолов о Христе.— ТКДА, 1911, № 3.
230. *Потен Ж.* Новые подходы к проблеме Иисуса из Назарета. Пер. с фр.— Логос, Париж — Брюссель, 1972, № 8.
- *231. *Пфеннигсдорф Е.* Иисус Христос в современной культуре. Пер. с нем. Харьков, 1907.
- *232. *Рефуле Ф.* Иисус — Тот, Кто приходит из иного мира. Пер. с фр.— Логос, Париж — Брюссель, 1973, № 11—12.
233. *Рыдомельский Ф.* Несостоятельность взгляда некоторых марксистов на христианство как преимущественно экономическую теорию.— Ст, 1915, № 4.
234. [*Силлей Д.*]. «Esse Homo»: Обзор жизни и дела Иисуса Христа. Пер. с англ. СПб., 1877—1878, ч. 1—2.
235. *Сильвестр,* архиеп. Приточник евангельский. СПб., 1894.
236. *Скубичевский Ф.,* свящ. Евангельское учение о любви к ближнему.— ВР, 1901, № 9, 10.
237. *Смирнов А.* Отношение евангельского нравоучения к Закону Моисееву. Казань, 1894.
238. *Его же.* Будущее христианства. Казань, 1909.

239. *Снегирев В.* Учение о лице Господа Иисуса Христа в трех первых веках христианства. Казань, 1870.
240. *Соболев М.*, прот. Краткий обзор новейших отрицательных воззрений на лицо и дело Господа нашего Иисуса Христа и изложение истинного взгляда на Его служение. М., 1905.
241. *Соколов А.* О внешнем виде Иисуса Христа.— Ст, 1911, № 1, 2.
242. *Соколов Д.*, свящ. Искупитель рода человеческого Господь Иисус Христос: Исторический очерк. СПб., 1863.
243. *Соколов С.*, свящ. Почему мы должны верить в Иисуса Христа как в Бога? СПб., 1910.
244. *Сокольский П.* Иисус Христос — основатель пастырства.— ПБЭ. СПб., 1905, т. VI.
245. *Соллертинский С.* Пастырство Христа Спасителя. М., 1889.
- *246. *Соловьев Вл.* Чтения о богочеловечестве. Духовные основы жизни.— В кн.: Соч. Вл. Соловьева, т. III.
247. *Его же.* История и будущность теократии.— В кн.: Соч. Вл. Соловьева, т. IV.
248. *Струженцев М.* О пастырстве Христа Спасителя. М., 1899.
249. *Тареев М. М.* Основы христианства. Серг. Посад, 1908, т. 1—3.
250. *Титлинов Б.* Царство Божие по Евангелию.— Ст, 1902, № 4.
251. *Его же.* «Христианство» гр. Л. Н. Толстого и христианство Евангелия. СПб., 1907.
252. *Тома А.* Иисус Христос и Апостолы. Пер. с нем. Серг. Посад, 1913.
253. *Тренч Дж.*, архиеп. Толкование притчей Господа нашего Иисуса Христа. Пер. с англ. СПб., 1888.
254. *Троицкий Ф. И.* Нагорная проповедь Иисуса Христа (Матф. V—VII). Казань, 1889.
- *255. *Трубецкой С.* Учение о Логосе в его историческом развитии. М., 1906.
- *256. *Турчанинов П.*, прот. Беседы о личности Иисуса Христа. Харьков, 1914.
257. *Ульгорн Г.* Новая заповедь Христова о любви и христианская благотворительность в древней Церкви. Пер. с нем. СПб., 1900.
258. *Фаворов Н. А.* Публичные лекции о вере в Иисуса Христа, против рационализма. Киев, 1865.
259. *Федотов Г. П.* Социальное значение христианства. Париж, 1933.
260. *Фриц Ф.* Иисус Христос. Пер. с фр. Тула, 1889.
- *261. *Хитров М.* Подлинный лик Спасителя. М., 1894.
- *262. *Шафф Ф.* Иисус Христос — чудо истории. Пер. с нем. СПб., 1906.
263. *Шикопп Ю.* Апологетические беседы о Личности Иисуса Христа. [Пер. с нем.] СПб., 1870.
- *264. *Шиллов Б.*, д-р медицины. Мысли о Богочеловеке. Харьков, 1904.
265. *Шкановский А.* К уяснению учения о самоуничтожении Господа нашего Иисуса Христа. Киев, 1910.
266. *Штейде И.* Христос и христианство в отзывах нехристиан, неверов и полувверов.— Ст, 1903, № 11, 12.
267. *Щеголев Н.* Почему Иисус Христос называет Себя Сыном Человеческим?— ВЧ, 1881.
268. *Экземплярский В. И.* Евангелие Иисуса Христа перед судом Фридриха Ницше. Киев, 1915.
269. *Ястремский И.* Иисус Христос как Пастырь и Учитель пастырства.— ВР, 1913.

270. *Bruce F.* The Message of the New Testament. Grand Rapids, 1973.
271. *Chalendar X. de.* Mort sous Ponce Pilate. Paris, 1971.
272. *Chalendar X. de.* Le message contral du Nouveau Testament. Paris, 1966.
273. *Chesterton G. K.* The Everlasting Man. London, 1927.
274. *Cullman O.* The Christology of the New Testament. London, 1959.
- *275. *Daniélou J.* Approches du Christ. Paris, 1960.
276. *Dodd C. H.* The Parables of the Kingdom. London, 1965.
277. *Dossier Jésus.* Ouvrage collectif. Paris, 1977.
278. *Dupont J., George A., Lessage S., Rigaux B., Seidensticker Ph.* La pauvreté évangélique. Paris, 1971.
- *279. *Guilton J.* Jésus. Paris, 1956.
280. *Guardini R.* Der Herr. 1980.
- *281. *Hunter A.* Introducing New Testament Theology. London, 1957.
282. *Jeremias J.* New Testament Theology. London, 1971, v. I.
283. *Jeremias J.* The Parables of Jesus. London, 1972.
284. *Jeremias J.* Abba. Jésus et son Père. Paris, 1972.
285. *Manson T. W.* The Teaching of Jesus. Cambridge, 1950.
- *286. *McRenzie J. L.* The Power and the Wisdom. New York, 1965.
287. *Pepperin N.* Rediscovering the Teaching of Jesus. New York, 1965.
288. *Sabourin L.* The Names and Titles of Jesus. New York, 1967.

2. Нехристианские авторы и представители либеральной теологии

289. *Вальтер В.* Возникновение христианства и распространение его на Востоке. Пер. с нем.— В кн.: История человечества (Под ред. Г. Гельмольта) СПб., 1903, т. 4.
290. *Вейтлинг В.* Евангелие бедного грешника. Пер. с нем. СПб., 1907.
291. *Гарнак А.* Сущность христианства. Пер. с нем. с предисловием Вл. Эрна. М., 1907; другой перевод в кн.: Общая история европейской культуры, СПб., (1910), т. V.
292. *Его же.* История догматов. Пер. с нем.— В кн.: Общая история европейской культуры. СПб., (1910), т. VI.
293. *Гегель Г. Ф.* Дух христианства и его судьба.— В кн.: Г. В. Ф. Гегель. Философия религии. Пер. с нем. М., 1975, т. I.
294. *Джонсон Х.* Христиане и коммунизм. [Пер. с англ.] М., 1957.
295. *Ельшевич С.* Два Завета. М., 1912.
296. *Кнопф З.* Происхождение и развитие христианских верований в загробную жизнь. Пер. с нем. СПб., 1908.
297. *Корниль К., Штэрк В., Фон-Добшитц Е., Трельч Е., Герман В.* Христианство в освещении протестанских теологов. Сб. статей. Пер. с нем. СПб., 1914.
298. *Никольский Н. М.* Мировой и социальный переворот по воззрениям раннего христианства. М., 1922.
299. *Пигулевская Н. В.* Из истории социальных и религиозных движений в Палестине в римскую эпоху.— В кн.: Н. В. Пигулевская. Ближний Восток: Византия. Славяне. Л., 1976.
300. *Пфлейдерер О.* Возникновение христианства. Пер. с нем. СПб., 1910.
301. *Его же.* От иудейства к христианству. Пер. с нем. СПб., 1910.

302. *Его же*. Образ Христа древнехристианской веры в религиозно-историческом освещении. Пер. с нем. СПб., 1910.
303. *Ренан Э.* Историки — критики Иисуса. — В кн.: Э. Ренан. Очерки по истории религии: Книга первая. Пер. с фр. СПб., б. г.
304. *Толстой Л. Н.* Христианское учение. — В кн.: Полн. собр. соч. Л. Н. Толстого. СПб., 1913, т. XV.
305. *Трольч Э.* О возможностях христианства в будущем. Пер. с нем. — Логос, М., 1910, кн. 2.
306. *Штейнер З.* Мистерии древности и христианство. Пер. с нем. М., 1912.
307. *Bultmann R.* Theology of the New Testament. London, 1955, v. 1—2.
308. *Bultmann R.* Primitive Christianity in Its Contemporary Setting. London, 1964.
309. *Schweitzer F.* Geschichte der Leben-Jesu Forschung. Tübingen, 1913.
310. *Twentieth Century Theology in the Making*: v. I. Themes of Biblical Theology. Ed. J. Pelikan. London, 1969.

IV

ЧАСТНЫЕ АСПЕКТЫ ЕВАНГЕЛЬСКОЙ ИСТОРИИ

311. *Айнс Т.* Суд над Иисусом Христом. Пер. с англ. — ХЧ, 1878, № 9, 10.
312. *Аквилон Н.*, прот. На рубеже двух Заветов. СПб., 1888.
313. *Его же*. Беседа Господа нашего Иисуса Христа об истинном хлебе жизни. — Ст, 1894—1895.
314. *Алексий*, архим. Время Рождения Спасителя и вифлеемская звезда. — Ст, 1914, № 12.
315. *Алфеев П. И.*, прот. Перепись Квириния как неизгладимый исторический документ неопровержимой достоверности евангельских событий Рождества. Рязань, 1915.
316. *Его же*. От Гефсимании до Голгофы. Рязань, 1915, вып. 1—2.
317. *Его же*. Иуда-предатель. Рязань, 1915.
318. *Андреев А.* Братья Господни. — НЭВ, т. 7.
319. *Антоний* [Радонежский], еп. Иисус Христос на Голгофе. М., 1914.
320. *Антоний*, архим. Согласование евангельских сказаний о Воскресении Христовом. — ВР, 1914, № 18.
321. *Бенкендорф М.* Испытание Господа в пустыне. Пер. с англ. — ПО, 1887, № 3—4.
322. *Б-ий*. Вход Господень в Иерусалим. — ЖМП, 1962, № 3.
323. *Бланк Р.* Иуда Искариот в свете истории. Берлин, 1923.
324. *Богданов М.*, свящ. Вкушал ли Иисус Христос ветхозаветную Пасху на последней вечере с учениками? — Руководство для сельских пастырей, 1861.
325. *Богдашевский М.* Вход Господень в Иерусалим. — ТКДА, 1910, № 5.
326. *Его же*. Отношение ко Христу Спасителю книжников и фарисеев. — ТКДА, 1912, № 5.
327. *Его же*. Христос Спаситель в округе Вифсаиды Юлии. — ТКДА, 1913, № 1.
328. *Его же*. Христос Спаситель в земле Геннисаретской, в пределах Тира и Сидона и в Десятиградии. — ТКДА, 1913, № 3.

329. *Его же*. Христос Спаситель в Гефсимании.— ТКДА, 1913, № 4.
330. *Его же*. Христос Спаситель в пределах Магдалинских, в Вифсаиде и в окрестностях Кесарии Филипповой.— ТКДА, 1913, № 7, 8.
331. *Его же*. Последнее пребывание Христа Спасителя в Галилее.— ТКДА, 1913, № 10.
332. *Его же*. Последний путь Христа Спасителя в Иерусалим.— ТКДА, 1914, № 3.
333. *Его же*. Тайная вечеря Иисуса Христа. Киев, 1906.
- *334. *Боголюбов Н.*, свящ. К вопросу о происхождении христианства.— Христианская мысль, Киев, 1916, № 2—5.
335. *Богословский М.* Детство Господа нашего Иисуса Христа и Его Предтечи. Казань, 1893.
336. *Его же*. Господь в Капернауме и Иерусалиме на празднике первой Пасхи.— ПС, 1903, № 4.
337. *Его же*. Иоанн Креститель.— ПБЭ, СПб., 1905, т. VI.
338. *Его же*. Беседа Иисуса Христа с Никодимом.— ПС, 1906, № 4, 5.
339. *Его же*. Общественное служение Господа нашего Иисуса Христа, св. евангелистов. Казань, 1908, вып. I.
340. *Боровков И. В.* О знамениях второго пришествия Господа нашего Иисуса Христа по Евангелию и посланиям св. апостолов. М., 1906.
341. *Брянцев Д.* Явление женам-мироносицам в день Воскресения.— ВР, 1912, № 6, 7.
342. *Булатов С. А.* Состояние иудейских ремесленников во времена земной жизни Господа нашего Иисуса Христа.— ТКДА, 1883, № 8, 9.
343. *Булгаков С.*, прот. Св. Петр и Иоанн, два первоапостола. Париж, YMCA, 1926.
344. *Его же*. Друг Жениха: О православном почитании Предтечи. Париж, YMCA, 1927.
345. *Его же*. Иуда Искариот — Апостол-предатель.— Путь, Париж, 1931, № 26, 27.
346. *Его же*. О чудесах евангельских.— Париж: YMCA, 1932.
- 346а. *Его же*. Два избранника. Иоанн и Иуда, «возлюбленный» и «сын погибели».— Вестник РХД, 1977, № 123.
347. *Букхард*. Первые благовестницы Воскресения Христова. Пер. с нем.— Ст, 1906, № 4.
348. *Его же*. Первые явления воскресшего Господа Христа.— Ст, 1906, № 5.
- *349. *Буткевич Т.*, прот. Язычество и иудейство во времена земной жизни Господа нашего Иисуса Христа. Харьков, 1888.
350. *Его же*. Рационалистические гипотезы о воскресении Господа нашего Иисуса Христа. Харьков, 1910.
351. *Введенский С.* Мессиянское значение искушений Господа диаволом в пустыне. СПб., 1899.
352. *Вертелевский А.*, свящ. Достоверность Воскресения Христова.— ВР, 1909, № 6.
353. *Ветелев А.*, прот. Эммаусская вечеря.— ЖМП, 1967, № 4, 5; 1968, № 5.
354. *Его же*. Гефсиманская молва Спасителя.— ЖМП, 1962, № 3.
355. *Виноградов В.* Чудесные исцеления Иисусом Христом больных.— БВ, 1913, № 1, 2.
356. *Виппер Ю.* Иерусалим и его окрестности времен Иисуса Христа. М., 1886.

357. *Вишняков С.*, свящ. Св. великий Пророк и Предтеча и Креститель Господень Иоанн. М., 1893.
358. *Его же*. Первое путешествие Иисуса Христа в Иерусалим на праздник Пасхи.— ДЧ, 1869, № 6.
359. *Воздвиженский М. М.* Чудо на море Галилейском.— ПО, 1881, № 10.
360. *Воронец А.* Истина воскресения Христова.— Ст, 1907, № 4.
361. *Воронов Л.*, прот. Воскресение Христово.— ЖМП, 1974, № 6, 7.
362. Воскресение Христово как величайшее и достовернейшее из чудес; Апологетический очерк. СПб., 1903.
363. *Ганн В.* Последний день Страстей Господних. Пер. с нем. Чернигов, 1886.
364. *Г. Е.* [еп. Георгий]. Демонические болезни (богословский очерк).— ХЧ, 1912, № 7, 8.
365. *Гладкий А.* Воскресение Христово.— ВР, 1911, № 7.
366. *Гладков Б. И.* Да, Христос действительно воскрес. СПб., 1906.
367. *Глебов И.* Историческая достоверность воскресения Господа нашего Иисуса Христа. Харьков, 1904.
368. *Его же*. Воскресение Господа Иисуса и явление Его ученикам по воскресении. Харьков, 1900.
369. *Глубоковский Н. Н.* К вопросу пасхальной вечери Христовой и об отношении к Господу современного Ему еврейства.— ХЧ, 1893, № 7.
370. *Его же*. К вопросу о пасхальной вечери Христовой.— ХЧ, 1897.
371. *Его же*. Преображение Господа: Критико-экзегетический очерк.— ПО, 1888, № 8.
372. *Его же*. Был ли допущен Иуда-предатель к соучастию в самом таинстве Евхаристии при установлении его Господом Спасителем на тайной вечери.— ХЧ, 1897.
373. *Его же*. О Квириниевой переписи по связи ее с Рождеством Христовым. Киев, 1913.
374. *Гнедич П.*, прот. Начало христианской проповеди (проповеди Иисуса Христа и апостолов).— ЖМП, 1954, № 7.
375. *Гольман Г.* Религия иудеев в эпоху Иисуса. Пер. с нем. М., 1908.
376. *Голубинский Д. Ф.* Пророчество праведного Симеона. М., 1898 (оттиск из ДЧ).
377. *Гонпельт Л.* Крещение и новая жизнь по Евангелию от Иоанна, глава 3-я, и Посланию к Римлянам, глава 6-я.— БТ, М., 1973, сб. 10.
378. *Горский А.*, прот. Совершил ли Господь Иисус Христос Пасху иудейскую на последней вечери Своей с учениками?— ПТО, 1853, № XII.
379. *Гофштеттер И.* Тайна Гефсиманской ночи.— Путь, Париж, 1936—1937, № 52.
380. *Гречулевич В.*, прот. [еп. Виталий]. О времени поклонения волхвов в порядке евангельских событий.— Ст, 1869, № 12.
381. *Его же*. Иисус Христос на суде Кайафы и Пилата.— Ст, 1861, № 4.
382. *Его же*. Последняя пасхальная вечеря Иисуса Христа и день Его смерти: Опыт критического исследования. СПб., 1877.
383. *Гудер Е.* Беседа о воскресении Иисуса Христа. Пер. с фр. СПб., 1869.
384. *Гуревич И.* Кто виноват в распятии Иисуса Христа? СПб., 1906.

385. *Гурней Т. А.* Явления Воскресшего Спасителя. Пер. с англ.— Ст, 1912, № 7.
386. *Дмитриевский И.*, свящ. Размышления над Евангелием.— ВР, 1916, № 10, 12; 1917, № 1—3.
387. *Добровольский И.* Два родословия Спасителя: Опыт экзегетического исследования. Казань, 1897.
388. *Дьяченко Г.*, прот. О действительности вознесения Господа.— ЧОЛДП, 1878, № 2.
389. *Елеонский Н.* Пророчественная речь Иисуса Христа о разрушении Иерусалима и о кончине мира.— ЧОЛДП, 1873, № 12.
390. *Жебелев А. С.* Христос-плотник.— Христианский Восток, Пг., 1922, т. VI, вып. III.
391. Звезда волхвов.— ВЧ, 1877, т. II.
392. Значение воскресения Христова в плане нашего спасения.— Ст, 1904, № 4, 5.
393. *Иванов Н.* Любимый ученик Иисуса Христа апостол-евангелист Иоанн Богослов.— ЖМП, 1964, № 9.
- *394. *Иннокентий [Борисов]*, архиеп. Последние дни земной жизни Иисуса Христа.— В кн.: Иннокентий Херсонский. Соч., СПб., 1907, т. I.
- *395. *Его же.* Чтение евангельских сказаний об обстоятельствах земной жизни Иисуса Христа.— В кн.: Иннокентий Херсонский. Соч. СПб., 1907, т. I.
396. *Его же.* О дружестве Иисуса Христа со св. Иоанном.— ХЧ, 1828, № XXIII.
397. *Иоанн*, еп. О лице Иисуса Христа: Двенадцатилетний Иисус Христос.— ХЧ, 1876, № 1.
398. *Каменев В.* Еврейское общество в эпоху Иисуса Христа.— Ст, 1910, № 3.
- *399. *Карпентер Дж.*, еп. Сын человеческий среди сынов людских. Пер. с англ. СПб., 1913.
400. *Кассиан [Безобразов]*. Воскрешение Лазаря и Воскресение Христова.— Путь, 1929, № 16.
401. *Его же.* Смерть пастыря (К пониманию Ин. XXI, 18—19).— ПМ, 1957, вып. XI.
402. *Квандт Л.* Порядок определения времени в Евангелиях.— ЧОЛДП, 1874, № 2.
403. *Кедров В.* Сходство и различие между крещением Иоанна Крестителя и крещением Иисуса Христа.— ВР, 1912, № 1.
404. *К. И. Св.* Пророк и Креститель Иоанн: Опыт характеристики.— ПО, 1885.
405. *Кибардин Н.* Крещение Иисуса Христа.— ПО, 1885, № 12.
406. *Кудрявцев А.*, свящ. Согласование евангельских повествований о событиях страдания и погребения Господа нашего Иисуса Христа.— ХЧ, 1867, № 6.
407. *Его же.* Согласование евангельских повествований о воскресении Господа нашего Иисуса Христа.— ХЧ, 1867, № 7.
408. *Лаврский В.*, прот. Явление воскресшего Христа.— Миссионерское обозрение, 1904, № 7, 10, 11.
409. *Лашкарев А. Св.* Иоанн Креститель как проповедник при дворе Ирода.— Ст. 1868, № 1.
410. *Лебедев А.* Братья Господни. М., 1905.
411. *Липеровский Л.*, прот. Чудеса и притчи Христовы. Париж, 1962.
412. *Ловягин Е.* Родословная Господа нашего Иисуса Христа.— ХЧ, 1864, т. III.

413. *Лопухин А. П.* Суд над Иисусом Христом, рассматриваемый с юридической точки зрения.— В кн.: А. П. Лопухин. Законодательство Моисея. СПб., 1882.
414. *Лука* [Войно-Ясенецкий], архиеп. Психология евреев — современников Иисуса Христа. 1949 (машинопись).
415. *Луцицкий К. И.* В котором году родился Иисус Христос?— ХЧ, 1838, вып. IV.
416. *Любимов С.* История страданий Господа нашего Иисуса Христа. СПб., 1882.
417. *М. А.* Мнение Гарнака о Воскресении Христовом.— Ст, 1903, № 4.
418. *Маккавейский Н. К.* Археология истории страданий Господа нашего Иисуса Христа. Киев, 1890.
419. *Мелторанский Б. М.* Еврейство в эпоху Христа и евангельская проповедь.— Ст, 1909, № 6.
420. *Мелихов В.* О времени рождения Иисуса Христа.— ВР, 1913, № 18.
421. *Мень А.* Назарет — колыбель христианства.— ЖМП, 1959, № 9.
422. *Его же.* Фавор и Голгофа.— ЖМП, 1960, № 7.
423. *Его же.* Се Аз с вами.— ЖМП, 1960, № 7.
424. *Его же.* Крест.— ЖМП, 1960, № 9.
425. *Его же.* Спасение миру.— ЖМП, 1961, № 2.
426. *Его же.* Победа над смертью.— ЖМП, 1961, № 4.
427. *Его же.* Светочи первохристианства.— ЖМП, 1961, № 7.
428. *Его же.* Последние дни и мученическая кончина Иоанна Крестителя.— ЖМП, 1961, № 11.
429. *Его же.* «Господь мой и Бог мой!» — ЖМП, 1962, № 4.
430. *Его же.* Тайна волхвов.— ЖМП, 1962, № 1.
431. *Его же.* «Сын грома».— ЖМП, 1962, № 5.
432. *Мерзлюкин А. С.* Родословие пресвятой Девы Марии и происхождение братьев Господних. Париж, 1955.
433. *Митякин А.* Христос на суде у Пилата.— ХЧ, 1893, № 3.
434. *Его же.* Христос и современное Ему общество.— ХЧ, 1893, № 8.
435. *Его же.* Знамена, бывшие в час крестной смерти Иисуса Христа.— Ср, 1894, № 3.
436. *Его же.* Достоверность воскресения Христова, подтвержденная сомнением ап. Фомы.— Ст, 1901, № 4.
437. *Михаил*, архим. Беседа Господа Иисуса Христа по случаю желаний эллинов видеть Его.— Ст, 1873, № 11.
438. *Михаил* [Богданов], архим. Преображение Господа Иисуса Христа, Его предсказание о Своей смерти и воскресении и наставление ученикам в Капернауме. Казань, 1906.
439. *Михаил* [Мудьюгин], еп. Евхаристия как новозаветное жертвоприношение.— БТ, 1973, сб. II.
440. *Михаил* [Чуб], еп. Иоанн Креститель и община Кумрана.— ЖМП, 1958, № 8.
441. *Мозолевский Г.* Обличительная речь Господа нашего Иисуса Христа против книжников и фарисеев. Варшава, 1900.
442. *Муретов М. Д.* Действительность смерти Иисуса Христа.— ПО, 1881, № 4.
443. *Его же.* Подлинность бесед и речей Господа нашего Иисуса Христа.— ПО, 1881, № 9, 10.
444. *Его же.* Вопрос Крестителя и ответ Господа.— ПО, 1883, № 11.
445. *Его же.* Звезда волхвов.— ПО, 1884, № 5, 6.
446. *Его же.* Народоперепись в эпоху рождения Христа.— ПТО, 1884, № XXXVI.

447. *Его же*. В каком году родился Господь наш Иисус Христос?— ПТО, 1885, № XXXV.
448. *Его же*. Господь Иисус Христос был ли свергнут со скалы назаретянами?— БВ, 1879, № 4.
449. *Его же*. Родословие Христа, М., 1904.
450. *Его же*. Иуда предатель.— БВ, 1906—1907.
451. *Некрасов А. А.* Год рождения и крестных страданий Господа нашего Иисуса Христа.— ПС, 1888, № 3.
452. *Никитин А.* Фарисеи и саддукеи и их отношение к христианам века апостольского.— ДЧ, 1890, № 5.
453. *Никольский Н. М.* Иудея в I веке нашей эры.— Научное слово, 1903, кн. IV.
454. О действительности вознесения, против Бунзена.— ЧОЛДП, 1878, № 2.
455. Обычаи и нравы в жизни Христа.— БВс, 1955, № 2.
456. *Панчиовский И. Г.* Хилел и Христос.— Годишник на духовната академия, София, 1960, т. IX.
457. *Пахарнаев А.* События ночи Христова Воскресения по Четвероевангелию.— Ст, 1909, № 3.
458. *Певницкий В.* Крики народной иудейской толпы перед судом Пилата.— ТКДА, 1862, № 6.
459. *Его же*. Св. Иоанн Креститель как проповедник покаяния.— ТКДА, 1868, № 1.
460. *Его же*. Юность Богочеловека.— ВЧ, 1881.
461. *Перов И.* Исповедание св. апостола Петра.— ВР, 1894, № 1.
462. *Его же*. Ответ Господа нашего Иисуса Христа на искусительный вопрос фарисеев о дани кесарю.— ВР, 1895, № 1.
463. *Его же*. Ответ Господа нашего Иисуса Христа на вопрос саддукеев о воскресении мертвых.— ВР, 1896, № 1.
464. *Его же*. Ответ Господа нашего Иисуса Христа на вопрос фарисеев о большей заповеди в Законе и взаимный вопрос Его о достоинстве Мессии.— ВР, 1897, № 2.
465. *Его же*. Похвала Господа нашего Иисуса Христа вдове, пожертвовавшей две лепты на храм.— ВР, 1898, № 14.
466. *Его же*. Послание Господа нашего Иисуса Христа двенадцати апостолов на проповедь.— ВР, 1900, № 5—7.
467. *Его же*. Ответ Господа нашего Иисуса Христа искушавшему Его книжнику притчей о милосердном самарянине.— ВР, 1902, № 8.
468. *Его же*. Исцеление Иисусом Христом слепорожденного.— ВР, 1906, № 13.
469. *Петропавловский Н.* Воскресение Иисуса Христа.— ЧОЛДП, 1873, № 9, 11, 12.
470. *Поселянин [Погожев] Е.* Богоматерь. СПб., 1908.
471. *Потоцкий Н.* Особенные причины неверия саддукеев в Иисуса Христа как Мессию.— ВР, 1900, № 24.
472. Правители Палестины в первом веке.— БВс, 1948, № 6.
473. *Преображенский В.* [впоследствии еп.]. Чудеса Господа нашего Иисуса Христа. М., 1901.
474. *Прессансе Э.* Иисус Христос и Его время. Пер. с фр. СПб., 1869.
475. *Его же*. Иоанн Креститель. Пер. с фр. СПб., 1870.
476. *Прозоровский Д. М.* К вопросу о совершении последней вечери Иисуса Христа.— Ст, 1881, № 6.
477. *Протопопов П.* Волхвы египетские, вавилонские и вифлеемские.— ВР, 1902, № 23.

478. *Пясковский Н. Я.*, д-р. Опыт согласования некоторых разностей в повествовании евангелистов о первом дне воскресения Христа и критические заметки о теории визионерства и галлюцинации Штрауса и Ренана и др. с точки зрения современного психиатра.— ХЧ, 1891, № 2.
- 478а. *Пятницкий*. Суд над Иисусом Христом у первосвященников иудейских, Минские епархиальные ведомости, 1888, № 3, 4, 5, 8, 9.
479. *Раин А. П.* Воскресение Лазаря.— Ст, 1903, № 4.
480. *Его же.* Воскресение Христа.— Ст, 1903, № 5.
481. *Его же.* Как считались часы в Евангелиях.— Ст, 1904, № 3.
482. *Ричко И. И.* Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человецех благоволение.— ЖМП, 1969, № 12.
483. *Р. Л.* [Роман Левицкий]. Тело воскресшего Христа Спасителя.— ПО, 1880, № 8.
484. *Рождественский В. Г.* Беседа Иисуса Христа с Никодимом.— Ст, 1872, № 1.
485. Рождество Христово по изображению знаменитых наших святителей — Иннокентия и Димитрия, архиепископов Херсонских, и епископа Феофана, затворника Вышенского М., 1903.
486. *Савинский С. В.* Эсхатологическая беседа Иисуса Христа: Опыт исагогико-экзегетического исследования. Киев, 1906.
487. *Сенсорева С.* Земная жизнь Пресвятой Богородицы. СПб., 1910.
488. *Сильченков К.* Прощальная беседа Спасителя с учениками. Харьков, 1895.
489. *Его же.* Чудо на Гадаринском берегу Галилейского моря.— ВР, 1896, № 7.
490. *Его же.* Двенадцатилетний Отрок Иисус в храме.— ВР, 1896.
491. *Скабалланович М.* О звезде волхвов. Киев, 1912 [оттиск из ТКДА].
492. *Скарданицкий Г.* Фарисеи и саддукеи как выразители состояния религиозной жизни иудейства перед явлением Христа. Киев, 1906.
493. *Смирнов Ф.* Первое чудо Иисуса Христа в Кане Галилейской.— ВЧ, 1882, № 1.
494. *Смит Д.* Девственное рождение Иисуса Христа. Пер. с англ.— Ст, 1913, № 6.
495. *Соболев М.*, прот. Действительность воскресения Господа нашего Иисуса Христа. М., 1874.
496. *Соболевский С.* Суд над Иисусом Христом и распятие Его с точки зрения археологии.— Ст, 1906, № 2, 3.
497. *Соллертинский С. А.* прот. О мученической кончине св. Иоанна Предтечи.— XV, 1886, № 2.
498. *Спасский И.* Обличительная речь Господа против книжников и фарисеев.— ДЧ, 1889, № 2.
499. *Сперанский М.*, прот. Первоверховные апостолы Петр и Павел.— ЖМП, 1967, № 7.
500. *Тареев М.* Воскресение Христово и его нравственное значение.— БВ, 1903, № 5, 6.
501. *Тренч Дж.* Чудеса Господа нашего Иисуса Христа. Пер. с англ. М., 1884.
502. *Троицкий Н. И.* Пророк Иоанн Предтеча о первенстве бытия и служения Мессии.— ЧОЛДП, 1883.
503. *Троицкий Ф. И.* Последняя прощальная вечеря Иисуса Христа по синоптикам и Иоанну. Казань, 1889.
504. *Троцкий П.* Св. Апостол Андрей Первозванный.— ВЧ, 1880, № 48.
505. *Трухманов М.* Симон Петр, апостол Господа. Харьков, 1883.
506. *Туберовский А.* Воскресение Христово. Серг. Посад, 1916.

507. *Ульгорн Г.* Воскресение Иисуса Христа. Пер. с нем.— ПО, 1870, № 4.
508. *Уржумцев П.* «Ты ли еси Грядый или иного чаем?» — ЖМП, 1962, № 5.
509. *Успенский Н. Д.* Святые места в Иерусалиме на сегодня.— ЖМП, 1961, № 5, 6, 7.
510. *Фаррар Ф.* Достоверность чудес. Пер. с англ.— ПО, 1876, № 6.
511. *Филарет* [Гумилевский], архиеп. Беседы о страданиях Господа нашего Иисуса Христа. СПб., 1884.
512. *Фихте Младший.* О воскресении и явлениях Христа.— ВР, 1884, № 9—10.
513. *Фоменко И.* Место и время крещения Господня.— ВЧ, 1881, № 1.
514. *Фрей И. А.* Земля, где жил Иисус Христос.— БВс, 1953, № 2, 3.
515. *Хвольсон Д. А.* Последняя пасхальная вечеря Иисуса Христа и дата Его смерти.— ХЧ, 1875—1878.
516. *Царевский А. С.* Волхвы с Востока и вифлеемская звезда. Киев, 1891.
517. *Его же.* Воскресение Иисуса Христа. Киев, 1892.
518. *Его же.* Иудейский синедрион и римские прокураторы в Иудее во времена Иисуса Христа. Юрьев, 1900.
519. *Чернышов К.* Действительность вознесения Иисуса Христа на небо.— ХЧ, 1883, № 7—8.
520. *Шмидт.* О воскресении Христа и значении Его для лица и дела Его (против Кейма).— ПО, 1874, № 3.
521. *Яковлев Ф.* Надпись на кресте Господа нашего Иисуса Христа. М., 1860.
522. *Янусов Н.* Вопрос о времени и обстоятельствах Рождения Христова.— ВР, 1911, № 24.
523. *Aron R.* Les années obscures de Jésus. Paris, 1960.
524. *Aron R.* Ainsi priait Jésus enfant. Paris, 1968.
525. *Bammel E.* The Trial of Jesus. London, 1976.
526. *Benoit P.* The Passion and Resurrection of Jesus Christ. New York, 1969.
527. *Best S.* The Temptation and the Passion. Cambridge, 1965.
528. *Bishop J.* The Day Christ Died. New York, 1957.
529. *Blinzler J.* The Trial Of Jesus. London, 1959.
530. *Bonsirven J.* Palestinian Judaism in the Time of Jesus Christ. New York, 1964.
531. *Brown P. E.* The Virginal Conception and Bodily Resurrection of Jesus. New York, 1973.
532. *Daniélou.* Les Évangiles de l'Enfance. Paris, 1967.
533. *Daniélou.* Jean-Baptiste, Témoin de l'Agneau. Paris, 1964.
534. *Daniélou.* Les miracles de Jésus. Paris, 1977.
535. *Darwell F. X.* La Résurrection de Jésus. Paris, 1969.
536. *Freyne S.* The Twelve: Disciples and Apostles. London, 1968.
537. *Fuller R. H.* Interpreting the Miracles. London, 1966.
538. *Fuller R. H.* Formation of the Resurrection Narratives. London, 1972.
539. *Galot J.* Marie dans l'Évangile. Paris, 1958.
540. *Godier A.* The Passion and Death of Our Lord Jesus Christ. New York, 1962.
541. *Instinsky H.* Das Jahr der Geburt Christi. München, 1957.
542. *Jeremias J.* Jerusalem zur Zeit Jesu. Göttingen, 1969.
543. *Lebmann J.* Dossier Jésus. Paris, 1972.
544. *Morison F.* Who Moved The Stone? London, 1969.
545. *Paul F.* L'Évangile de l'Enfance selon Matthieu. Paris, 1968.

546. *Perrin N.* The Resurrection According to Matthew, Mark and Luke, 1977.
547. *Richardson A.* The Miracle Stories of the Gospels. London, 1941.
- *548. *Steinmann J.* Saint Jean-Baptiste et la spiritualité du désert. Burges, 1955.
549. *Winandy J.* Autour de la naissance de Jésus. Paris, 1970.

V

ЕВАНГЕЛИЯ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ДОСТОВЕРНОСТЬ

I. Христианские авторы

550. *Альбов М.* Об апостольском происхождении Евангелий.— ХЧ, 1871, № 1; 1872, № 7, 12.
551. *Антоний* [Храповицкий], еп. О книге Ренана с новой точки зрения. Харьков, 1917.
552. *Баженов И. В.* Характеристика четвертого Евангелия со стороны содержания и языка в связи с вопросом о происхождении евангелий. Киев, 1907.
553. *Бакхэм Д. Р.* Теология ли создала Христа? Пер. с англ.— Ст, 1909, № 2.
- *554. *Бёзе Г.* Достоверность наших евангелий. Пер. с нем. М., 1899.
555. *Бергон Дж.* Подлинность последних 12 стихов Евангелия Марка.— ЧОЛДП, 1874, № 6.
556. *Богдашевский Д. И.* О евангелиях и евангелъской истории (против современного рационализма). Киев, 1902.
557. *Боголепов Д. П.* Новый способ доказательства достоверности Евангелий на основании внутренних признаков.— ПО, 1878, № 1.
558. *Боголюбов Н.* Эрнест Ренан и его «Жизнь Иисуса» (опыт психологической критики). Харьков, 1908.
559. *Богословский М. И.* Отличительный характер Евангелия св. Иоанна Богослова. М., 1872.
- *560. *Булгаков С.* Современное арианство.— В кн.: С. Булгаков. Тихие думы. М., 1918.
561. *Буткевич Т.*, прот. Э. Ренан и его сочинение «Жизнь Иисуса». М., 1904.
562. *Его же.* Суждения Ренана об источниках жизнеописания Господа нашего Иисуса Христа. М., 1904.
563. *Его же.* Взгляд Ренана на чудеса и противоречия евангельской истории. Харьков, 1904.
564. *И. А.* Вопрос о происхождении христианства в системе исторического материализма.— Ст, 1906, № 1, 2.
- *565. *Варлаам* [Ряшенцев], архим. (впоследствии еп.). Ренан и его «Жизнь Иисуса». Полтава, 1908.
566. *Вернер И. И.* Евангелие и немецкая свободная критика.— Новый Путь, 1904, № 4—5.
567. *Ветвеницкий Н.* Об отношении Евангелия от Иоанна к первым трем Евангелиям.— Ст, 1873.
568. *Виноградов Н.* Новая Тюбингенская школа.— ТКДА, 1863, № 5, 6.
569. *Герике Г. Э. Ф.* Введение в новозаветные книги. Пер. с нем. еп. Михаил. М., 1888.

570. *Гибер П.* Евангелие: вера и история.— Логос, Париж — Брюссель, 1972, № 6.
571. *Глубоковский Н. Н.* Лекции по Новому Завету. СПб., 1907.
572. *Его же.* Евангелие и евангелия. Харьков, 1896.
573. *Его же.* Лекции по Священному Писанию Нового Завета. Пг., 1916.
574. *Его же.* Св. Апостол Лука. София, 1932.
575. *Горский А.*, прот. Образование канона св. книг Нового Завета.— ПТО, 1871, ч. II.
576. *Его же.* О первоначальном христианстве в связи с вопросом о происхождении новозаветного канона, против Баура.— ЧОЛДП, 1877, № 1.
577. *Григоров А.* Научное критическое отрицание в исследованиях Евангелия и христианства на Западе 16 и 17 вв.— ЧОЛДП, 1874, № 9.
578. *Гэтте В.* Эрнест Ренан перед судом науки. Пер с фр. М., 1880.
579. *Евдоким* [Мещерский], еп. Св. апостол Иоанн Богослов. Серг. Посад, 1898.
580. *Елеонский Н. А.* Разбор мнения Ф. Х. Баура о происхождении и характере Евангелия от Марка.— ЧОЛДП, 1873, № 3, 6, 12.
581. *Епифаний Кипрский.* О происхождении Четвероевангелия. Пер. с греч.— ВЧ, 1882, № 10.
582. *Зарин С. М.* Мифологическая теория Дрекса и ее разбор. СПб., 1911.
583. *Его же.* Современные открытия в области папирусов и надписей в их отношении к Новому Завету. Пг., 1914.
584. *Зверинский С.* «Христы» мифические и истинный Христос (с англ.).— Ст, 1912, № 10.
585. *Иванов А.* К вопросу о восстановлении первоначального греческого текста Нового Завета.— ЖМП, 1954, № 3.
586. *Его же.* Текстуальные памятники священных новозаветных писаний.— БТ, 1960, вып. I.
587. *Его же.* Новое апокрифическое «Евангелие Фомы».— ЖМП, 1959, № 9.
588. *Иванов Н. П.* Жил ли Христос? М., 1957 (машинопись).
589. *Кассиан* [Безобразов]. Новый Завет и наше время (история и богословие).— Путь, Париж, 1938, № 55.
590. *Его же.* О тексте Нового Завета.— Вестник РХСД, Париж, 1955, № 38.
591. *Его же.* Евангелисты как историки.— ПМ, 1928, № 1.
592. *Его же.* Церковное предание и новозаветная наука.— ПМ, 1931, вып. 2.
593. *Керенский П. А.* Школа ричлианского богословия в лютеранстве. Казань, 1903.
594. *Книжников А. С.* Об историчности Личности Христа. Париж, 1963.
595. *Лев* (Жилле), иером. В поисках первоначального евангельского предания.— Путь, Париж, 1932, № 36.
596. *Люперольский М.*, свящ. Апостольское происхождение Четвероевангелия.— ВР, 1914, № 19.
597. *Марков В. С.*, прот. О Евангелии от Матфея. М., 1873.
598. *Мелиоранский Б. М.* Новооткрытые λόγία Ἰησοῦ как исторический источник.— Журнал Министерства народного просвещения, 1892, № 12.
599. *Его же.* Вопрос о древности канонических евангелий.— Журнал Министерства народного просвещения, 1898, № 9.

600. Милославский П. А. По поводу народного издания Das Leben Jesu Штрауса в Германии и Франции.— ПС, 1876, № 1.
601. Михаил [Лузин], архим. [впоследствии еп.]. О евангелиях и евангельской истории. По поводу книги «Жизнь Иисуса» Ренана. М., 1870.
602. Михаил [Чуб], еп. Аграфы в творениях св. священномученика Мефодия.
603. Его же. Памятники древнехристианской письменности.— ЖМП, 1955, № 12.
604. Молчанов Н. Д. Сходство Евангелий от Матфея, Марка и Луки в отношении к происхождению их из устного апостольского предания.— ХЧ, 1879, № 10.
605. Его же. Писатель четвертого Евангелия по самому Евангелию.— ХЧ, 1880, № 8.
606. Молчанов Н. Д. [архим. Никифор]. Подлинность четвертого Евангелия и отношение его к первым трем евангелистам. СПб., 1883.
607. Морошкин М., свящ. Ульгорн о Евангелии от Иоанна.— ПО, 1866, № 11; 1867, № 23.
608. Муретов М. Очерки новейшей истории экзегезиса.— БВ, 1892, № 6—9.
609. Его же. К вопросу о происхождении и взаимных отношениях синоптических евангелий.— ПТО, 1881, т. XXVII.
610. Его же. Эйхгорн и его толкование новозаветных чудес.— ПТО, 1884, т. XXIII.
611. Его же. Новый Завет как предмет православно-богословского изучения.— Сборник в память 100-летия Московской духовной академии, Серг. Посад, 1915.
612. Его же. Евангелие по Матфею.— БВ, 1899, № 4.
613. Его же. К критике свидетельства Иосифа Флавия о Христе.— БВ, 1903, № 9.
614. Его же. Эрнест Ренан и его «Жизнь Иисуса». М., 1907.
615. Н. М. Сходство Евангелий от Матфея, Марка и Луки.— ХЧ, 1879, № 5.
616. Осинин И. О книге Ренана.— ПО, 1864, № 16.
617. Погорельский Ф. Происхождение христианства по учению исторического материализма.— ВР, 1907.
618. Полотебнов М. Св. Евангелие от Луки: Православное историко-экзегетическое исследование против Ф. Х. Баура. М., 1873.
619. Рождественский В. Г. Историческое обозрение священных книг Нового Завета. СПб., 1878, вып. I.
620. Его же. История новозаветного канона.— ХЧ, 1872—1873.
621. Его же. Новозаветная критика и апологетика по вопросу о евангелиях и евангельской истории. СПб., 1881.
622. Его же. Чтения об исторической достоверности евангельской истории. СПб., 1884.
623. Розов Н. Цельз и его свидетельства в пользу подлинности и достоверности канонических евангелий.— ЧОЛДП, 1874, № 8, 11, 12.
624. Смирнов С. К., прот. Об особенностях греческого языка новозаветного. М., 1885.
625. С-ов А. Святой евангелист Марк.— ЖМП, 1963, № 5.
626. Сольский С. М. Из чтений по Новому Завету.— ТКДА, 1878, № 7.
627. Сперанский М. Л., прот. Святой апостол и евангелист Матфей (историко-экзегетический очерк) — БТ, 1964, вып. 3.

628. *Тишендорф К.* Когда были написаны наши евангелия. Пер. с нем. М., 1865.
629. *Троицкий Н. И.* О происхождении первых трех канонических евангелий: Опыт разбора гипотезы Г. Евальда и Ю. Гольцмана. Кострома, 1878.
630. *Троицкий С.* Новооткрытый отрывок Евангелия.— Ст, 1908, № 7, 8.
631. *Успенский И. И.* Св. апостол Иоанн — писатель четвертого Евангелия и Апокалипсиса.— ХЧ, 1880, № 1.
632. *Фаминский К. Н.* Вновь найденный отрывок неканонического евангелия.— ХЧ, 1908, № 4.
633. *Фаррар Ф.* Исторические свидетельства об Иисусе Христе. Пер. с англ. М., 1879.
634. *Фиолетова Н. Ю.* Источники по истории раннего христианства. М., 1957, ч. 1—2 (машинопись).
635. *Флоровский Г. В.* Жил ли Христос? Париж, 1929.
636. *Хвольсон Д. А.* Возражение против ложного мнения, будто Иисус Христос в действительности не жил. СПб., 1911.
637. *Хергозерский Ф. Н.* Исагогика, или введение в книги священного Писания Нового Завета. СПб., 1860.
638. *Штокс Г.* Греческий язык Нового Завета в свете современного языкознания. Пг., 1915.
639. *Black M.* An Aramaic Approach to the Gospel and Acts. Oxford, 1954.
- *640. *Brown R. E.* New Testament Essays. New York, 1968.
641. *Burkill T. A.* The Formation of St. Mark's Gospel. London, 1972.
642. *Butler B. C.* The Originality of St. Matthew. Cambridge, 1951.
643. *Buttier M.* Du Christ de l'histoire au Jésus des évangiles. Paris, 1969.
644. *Davidson R., Leaney A. R. C.* Biblical Criticism. London, 1972.
645. *Dodd C. H.* History and the Gospels. London, 1969.
646. *Feuillet A.* L'Évangile et les Épîtres Johanniques.— RFIB, 1957, v. II.
647. *Léon-Dufour X.* Les Évangiles Synoptiques.— RFIB, v. II.
648. *Leon-Dufour X.* The Gospel and the Jesus of History. London, 1970.
649. *Perrin N.* What is Redaction Criticism? Philadelphia, 1970.
650. *Robinson J. A. T.* Redacting the New Testament. Westminster Press, 1976.
651. *Robinson J. M.* A New Quest of the Historical Jesus. 1959.
652. *Solage B., de.* Critique des évangiles et méthodes historiques. Paris, 1972.
653. *Taylor V.* The Formation of the Gospel Tradition. New York, 1933.
654. *Trilling W.* Jésus devant l'histoire. Paris, 1968.

2. Нехристианские авторы и либеральные теологи

655. *Амусин И. Д.* Об одной забытой публикации тартуского профессора Александра Васильева.— Труды по знаковым системам. Тарту, 1975, вып. VII.
656. *Андреев А.* Евангелия.— НЭС, т. 17.
657. *Ван-ден-Берг Ван-Эйсинга Г. А.* Первоначальная христианская литература. Пер. с фр. М., 1929.
658. *Волынский А. Л.* Четыре Евангелия. Пг., 1923.

659. *Вреде В.* Происхождение книг Нового Завета. Пер. с нем. М., 1925.
660. *Жебелев А. С.* Евангелия канонические и апокрифические. Пг., 1919.
661. *Косидовский З.* Сказания евангелистов. Пер. с польск. М., 1977.
662. *Кубланов М. М.* Новый Завет. Поиски и находки. М., 1968.
663. *Его же.* Возникновение христианства. М., 1974.
664. *Никольский Н. М.* Талмудическая традиция об Иисусе.— Труды Белорусского гос. университета. Минск, 1925, № 7.
665. *Ренан Э.* Историки — критики Иисуса.— В кн.: Э. Ренан. Очерки по истории религии. Пер. с фр., б. г., ч. I.
666. *Робертсон А.* Происхождение христианства. Пер. с англ. М., 1959.
667. *Сорель Ж.* Эрнест Ренан: Критический этюд. Пер. с фр. СПб., б. г.
668. *Bultmann R.* The History of the Synoptic Tradition. New York, 1963.
669. *Dibelius M.* From Tradition to Gospel, 1972.

VI

СЛОВАРИ И СПРАВОЧНИКИ

(Перечень словарей и справочников по всей Библии
см. в кн.: Э. Светлов. Вестники Царства Божия.)

1. *Гильдебрандт П. А.* Справочный и объяснительный словарь к Новому Завету. СПб., 1882—1885, т. 1—6.
2. Греческий словарь на Евангелие от Матфея. М., 1870.
3. *Гречулевич В.* Алфавитный указатель предметов, содержащихся в четырех святыях Евангелиях (б. г.).
4. Над Евангелием (Словарь евангельских фраз и выражений). Белая Церковь (б. г.).
5. Предметный указатель к святому Четвероевангелию. М., 1899.
6. *Léon-Dufour X.* Dictionnaire du Nouveau Testament. Paris, 1975.

VII

ЕВАНГЕЛЬСКАЯ ИСТОРИЯ

В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В дополнение к списку трудов историков, экзегетов и богословов предлагаем краткий обзор попыток воссоздать события земной жизни Христа средствами художественной литературы.

Попытки эти начали предприниматься давно, еще в древности; к ним следует отнести почти все апокрифы, авторы которых стремились домыслить и дорисовать повествование четырех евангелистов. Больше всего ранние апокрифы уделяют место тем лицам, о которых в Писании сказано мало: Деве Марии, Иосифу, волхвам, Никодиму, Варавве, Пилату. (Русские переводы древних апокрифов указаны выше в разделе I Библиографии.). Как правило,— это наивные сказания, бесконечно уступающие строгому стилю канонических Евангелий. Однако народ читал их охотно, о чем свидетельствуют отзвуки апокрифов в богослужении и храмовом

* Звездочкой отмечены книги, рекомендуемые начинающим изучать Евангелие. Список литературы, посвященной историческому фону Евангелий и библейской религии последних веков до н. э., см. в кн.: Э. Светлов. На пороге Нового Завета.— Брюссель. Жизнь с Богом, 1950.

искусстве (См. *Е. В. Барсов. О воздействии апокрифов на обряд и живопись. ЖМП, 1885, № 12, BTS, 1973, № 154, р. 12—21*).

Апокрифы продолжали появляться и в Средние века, в Византии, Европе и на Руси, все более приобретая чисто фольклорный характер. Из Средневековой литературы этого рода следует отметить миракли (действия), поэму «Страждущий Христос», которую приписывают св. Григорию Богослову, а также знаменитый гимн *Stabat Mater* (о Деве Марии, стоявшей у креста).

В XVII веке была написана поэма Джона Мильтона об искушении Христа («Возвращенный рай», русск. пер. 1899). В XVIII веке евангельская история послужила темой для эпической поэмы немецкого писателя Ф. Г. Клопшток «Мессиада» (русск. пер. 1785—1787).

В XIX веке отдельным моментам жизни Христа были посвящены многочисленные стихотворения, поэмы и драмы, в частности «Грешница» А. Толстого, «Царь Иудейский» К. Романова (К. Р.), «Самарянка» Э. Ростана, «Саломея» О. Уайльда, «Мария Магдалина» М. Метерлинка и др.

Перу Ч. Диккенса принадлежит изложение евангельской истории для детей, которое на русский язык не переводилось.

Со времени выхода в свет книги Ренана «Жизнь Иисуса Христа» возникла потребность в разработке исторического аспекта темы. Начало было положено повестью Г. Флопера «Иродиада» (1877, русск. пер. 1947). В ней изображены конфликты при дворе Ирода Антипы, приведшие к гибели Крестителя. Далее следует указать новеллу А. Франса «Прокуратор Иудеи», которая повествует о Пилате.

Сцену Распятия мы находим в повести «Пойдем за Ним» Г. Сенкевича, который также вывел апостолов Петра и Павла в своем романе «Камо грядеши?» (1896, Нобелевская премия 1905 г.; есть несколько русских переводов). Обстановку в Иудее в годы перед Рождеством Христовым изобразил русский романист Д. Л. Мордовцев («Ирод», СПб., 1914). Некоторую популярность в свое время имели два, впрочем, весьма посредственных, романа «Варавва» М. Корелли и «Бен-Хур» Л. Уоллеса (оба есть в русск. пер.). Последний был недавно экранизирован и прошел с большим успехом. Уоллес рассказывает о судьбе современника Христа, иудейского офицера, ставшего христианином. Португальский писатель Эса де Кейрош в своем романе «Реликвия» (1887, русск. пер. 1922) придал евангельской теме резко антицерковное звучание.

В начале XX века шведская христианская писательница С. Лагерлёф возродила жанр апокрифов («Легенды о Христе», 1904, русск. пер. 1911). Немецкий литератор Г. Френсен включил беллетризированное жизнеописание Христа в роман «Хеллингенлей» (1905, русск. пер. этой части книги издан под названием «Рукопись» в 1907 г.). Автор стремился изобразить Христа проповедником чистой морали социального освобождения и расплывчатой пантеистической религии. В 1907 году вышла повесть Л. Андреева «Иуда Искариот и другие», содержавшая попытку реабилитировать Иуду. (Сходная тенденция заметна в либретто популярной оперы «Иисус Христос — Сверхзвезда», которая была несколько лет назад экранизирована. По Евангелиям вообще создано немало фильмов, имевших большой успех. Наиболее известные из них: «Евангелие от Матфея» Пазолини и «Иисус Назарянин» Дзефирелли). Более объективно история предателя реконструирована в книге шведа Т. Гедберга (Хедберга) «Иуда» (есть русск. пер. в «Универсальной библиотеке»).

И. А. Бунин, много путешествовавший по Востоку, составил ряд очерков о Галилее и Иудее, которые являются своего рода иллюстра-

циями к евангельскому повествованию (И. А. Бунин. Храм Солнца, Пг., 1917).

Чешский писатель К. Чапек в 20-х и 30-х годах опубликовал ряд новелл, вошедших позднее в его сборник «Апокрифы» (русс. пер. 1977). Рассказы модернизируют евангельскую историю с целью заострить современные нравственные и общественные проблемы. В те же годы писался знаменитый роман М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» (закончен в 1940 г.). Вставная повесть о Пилате у Булгакова, как и у Чапека, представляет собой апокриф, весьма далекий от Евангелия. Главной задачей писателя было изобразить человека, «умывающего руки», который тем самым предаёт себя. Другой русский писатель Д. С. Мережковский уже в эмиграции создал оригинальную по замыслу книгу «Иисус Неизвестный» (Белград, 1932), сочетав в ней жанр исторического исследования с жанрами богословского и литературного эссе. В книге есть ряд беллетристических глав, которые сам автор назвал «апокрифами».

Евангельские темы занимают значительное место в поэзии XX века. Укажем хотя бы на стихотворения И. А. Бунина, М. А. Волошина, Р. М. Рильке, О. Э. Мандельштама и особенно на цикл стихов Б. Л. Пастернака в его романе «Доктор Живаго».

В 1943 году вышел роман израильского писателя Шолома Аша «Человек из Назарета», где Христос изображен глазами правоверного иудея, хотя и с большой симпатией. Отметим также книгу шведского романиста П. Ф. Лагерквиста «Варавва» (1950), получившего за нее Нобелевскую премию 1951 г. В последние годы широкую известность приобрел роман польского писателя Я. Дображинского «Письма Никодима» (1971), который переведен на многие языки. С большой достоверностью обстановка, в которой протекали евангельские события, изображена в беллетризованном жизнеописании Христа у польского поэта Р. Брандстеттера «Иисус из Назарета» (*Roman Brandstaetter. Jesus z Nazarethu. Warszawa, 1972, t. 1—4*).

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ

АВОТ, или **ПИРКЕ АВОТ** (евр. «Изречения отцов»), — сборник афоризмов, принадлежащих иудейским мудрецам периода Второго храма (см.) и примыкающей к нему эпохи. Наиболее ранняя часть Талмуда (см.).
АГРАФЫ (греч.) — не записанные в Евангелиях изречения Христа.

АМ-ХААРЕЦ (евр. «народ земли») — в евангельскую эпоху презрительная кличка, означающая деревенщину, невежду в Законе.

АПОКАЛИПТИКА (от греч. *апокалипсис*, откровение) — книги, написанные в форме откровения тайн истории. Расцвет А. приходился на II-I вв. до н. э. Некоторые книги пророков (или их части) относятся к жанру А. Христианским апокалипсисом является Откровение Иоанна.

АПОКРИФЫ (греч. «сокровенные») — произведения, притязавшие на авторитет, равный Св. Писанию, но не включенные в канон (см.) Библии. Начиная со Средних веков А. стали называться свободные литературные вариации на библейские темы.

АРАМЕЙСКИЙ ЯЗЫК — язык арамеев, народа, жившего в Сирии и Месопотамии. В последние века до н. э. А. Я. был разговорным среди иудеев Палестины.

АРХИЕРЕЙ (греч.) — термин означает: а) первосвященника, б) представителя высшего духовенства в Иудее, в) епископа Греческой и Русской Церквей.

БИБЛИЯ (греч. «книги») — собрание священных Писаний иудаизма и христианства. Дохристианская часть Б. состоит из трех сборников: Закона, или Пятикнижия (см. Тора), Пророков и Писаний (или Учительных книг). Христиане именуют этот раздел Б. Ветхим Заветом (см. Завет). Христианская часть Б., или Новый Завет, состоит из 4-х Евангелий, Деяний Апостолов, Посланий и Откровения Иоанна. Создавалась Б. с XIII в. до н. э. по I в. н. э. (см. канон).

ВОЛХВЫ — см. маги.

ВТОРОГО ХРАМА ЭПОХА — период между 516 г. до н. э. и 70 г. н. э., когда существовал Второй иерусалимский храм. Первый — был разрушен в 587 г. до н. э.

ГАЛАХА (евр.) — правовые и церковно-канонические нормы иудаизма.

ГЕЕННА (евр. *Генном*) — долина к ю/з от Иерусалима. В эпоху царей там совершались ритуальные убийства в честь языческих богов. Впоследствии Г. была превращена в свалку, где постоянно поддерживали огонь. Начиная со II в. до н. э. Г. стала символом загробного воздаяния за грехи.

ГЕННИСАРЕТ (евр. Киннёрет) — одно из названий Галилейского озера (Тивериадского моря) и области к западу от него («земля Геннисаретская»).

ДЕКАЛОГ (греч. «десятословие») — десять заповедей Моисея (Исх 20, 2—17; Втор 5, 6—21).

ДЕКАПОЛИС (греч. «Десятиградие») — союз заиорданских городов: Пеллы, Диона, Каната, Рафаны, Скифополиса (Бет-Шана), Гиппоса, Гадары, Герасы (Гергесы), Дамаска, Филадельфии (Раббат-Аммона, нынешнего Амана). Д. был населен преимущественно язычниками.

ДИАСПОРА (греч. «рассеяние») — термин, обозначающий иудейские общины, которые обитают вне Палестины.

ЕССЕИ, или **ЭССЕНЫ** (от араб. *хасайя*, «благочестивые»), — члены полумонашеского ордена, возникшего в иудаизме ок. 150 г. до н. э. Само-название Е.: «Сыны света», «Простецы», «Избранники» и др. Большинство Е. жило обособленными колониями в пустынях (см. Кумран), но некоторые селились и в городах.

ЗАВЕТ (слав.) — союз, или договор, между Богом и Общиной верных Ему людей, согласно которому Община обязуется соблюдать заповеди Господни, а Бог обещает (см. Обетование) не оставлять ее. Слово З. означает также единение Творца с человеком в богооткровенной религии. **ЗАКОН** — синоним пяти первых книг Библии (Пятикнижие). См. Тора. **ЗЕЛОТЫ** (греч.), или **КАНАИТЫ** (арам.), «ревнители», — партия воинствующих мессанистов; отрицавших любую власть над народом Божиим, кроме власти Самого Бога. З. призывали к вооруженной борьбе против Римской империи. Партия З. возникла в первые гг. н. э. Сторонники ее радикального крыла — *сикари* (кинжальщики) — избрали путь террористических действий.

ИДУМЕИ, или **ЭДОМИТЫ**, — племя, родственное израильтянам. И. жили у южного побережья Мертвого моря. В период царей И. воевали с Израилем. В евангельскую эпоху они были уже обращены в иудаизм. **ИСКУПЛЕНИЕ** (слав.) — выкуп из рабства, дарование свободы. Этим термином в Библии часто обозначается спасение Богом от зла.

КАНОН (греч. «правило») — словом К. обозначаются книги Св. Писания (см. Библия), принятые Церковью. Ветхозаветный К. был установлен в конце I в. н. э. Новозаветный — был в основном определен к концу II в., а окончательно лишь в начале V в. В широком смысле слова К. означает также церковный устав, или правило.

КЕСАРЬ, или **ЦЕЗАРЬ** (лат.), — титул римских императоров, ведущих свое происхождение от имени Г. Ю. Цезаря. В некоторых случаях слово К. употребляется как синоним государственной власти вообще. **КНИЖНИК** (евр. *софёр*) — термин, означающий: а) переписчика Библии, б) летописца, в) толкователя Писания, г) хранителя Предания (см.). Среди книжников были саддукеи (см.), фарисеи (см.) и лица, не входившие ни в какую группировку.

КУМРАН, или **ХИРБЕТ-КУМРАН**, — местность у с/з берега Мертвого моря, где находился один из главных поселков ордена ессеев (см.). Название К., вероятно, происходит от имени г. Гоморры, который был некогда расположен в этом районе.

КУЩЕЙ ПРАЗДНИК (евр. *Суккот*) — иудейский праздник, связанный с воспоминаниями о странствиях Израиля в пустыне. В послемонееву эпоху считался также праздником урожая. Справлялся с 15 по 22 число месяца тишри (сентябрь — октябрь). В дни К. паломники жили в шалашах (сукках), сделанных из ветвей.

ЛЕВИТ — человек, происходящий из израильского колена Леви (Левия). В эпоху Второго храма Л. были в нем младшими служителями. **МАГИ** (иранск.) — жрецы персидской религии (магизма). В более широком смысле слова М. — знатоки заклинаний, тайных обрядов и астрологии. Синадальный перевод передает слово М. в Мф 2, 1 сл. славянским словом «волхвы».

МЕСИТ (арам.) — совратитель, лжеучитель, обманщик.

МЕССИЯ — см. Христос.

МИЦВОТ (евр.) — заповеди Торы (см.) и Предания (см.).

МИШНА — см. Талмуд.

МЫТАРЬ (евр. *габай*) — сборщик имперских налогов в Палестине. **НАГОРНАЯ ПРОПОВЕДЬ** — собрание речений Христовых, помещенных в 5—7 гл. Мф. Названо так потому, что евангелист отнес эти речи к проповеди Иисуса на одной из гор Галилеи (5, 1). Параллели Н. П. есть у Лк. Н. П. обычно считается наиболее полным выражением религиозно-нравственных основ Евангелия.

НИСАН, или **АВИВ**, — весенний месяц иудейского календаря. Соответствует марту — апрелю. В древности был первым месяцем года.

ОБЕТОВАНИЕ (слав. «обещание») — то или иное библейское пророчество, которое содержит весть о грядущих дарах Божиих.

ОККУЛЬТИЗМ (лат.) — доктрины о способах познания сокровенных духовных миров. К оккультным учениям древности относятся: орфизм, пифагорейство, гностицизм. В новое время традиции О. продолжают теософия, антропософия и т. п.

ОПРЕСНОК (слав.) — пресный хлеб (маца), выпекаемый в виде тонких лепешек. Пастушеский праздник Опресноков существовал до Моисея: а с XIII в. до н. э. он стал связываться с праздником Пасхи (см.)

Справлялся с 15 до 21 нисана.

ОСАННА (евр. *Хошиана* — «спасай нас») — возглас, которым в Иудее приветствовали царей.

ПАСХА (арам.), или ПЕСАХ (евр.) — буквально — «переход». Название главного ветхозаветного праздника. Установлен Моисеем во время исхода из Египта в память об этом событии. П. праздновалась в первое весеннее полнолуние, с вечера 14 по вечер 15 нисана. В христианской Церкви П. — праздник Воскресения Христова.

ПЛОТЬ (слав.) — слово, обозначающее в Библии: а) человека, б) его психофизическую природу.

ПРЕДАНИЕ — в иудаизме и христианстве религиозное учение, которое передается устно от учителя к учителю. Словом П. обозначается также сам дух и сущность вероучения, хранимые в Общине Церкви.

ПРЕТОРИЯ (лат.) — резиденция римского военачальника.

ПРЕФЕКТ (лат.) — римский правитель города или области, а также военачальник. Титул П. Иудеи носил прокуратор (см.) Понтий Пилат.

ПРОЗЕЛИТ (греч.) — принявший иудейскую религию иноплеменик.

ПРОКУРАТОР (лат.) — римский чиновник, отвечавший за сбор податей в провинциях.

ПЯТИДЕСЯТНИЦА (евр. *Шавуот*, «недели») — праздник, справляющийся через 7 недель после ветхозаветной Пасхи (см.). Посвящен воспоминанию о Божиих благодеяниях, в частности о даровании Закона на Синае. В христианской Церкви П. — праздник сошествия Духа Божия на апостолов.

РАВВИ (евр. рабби), или РАВВУНИ (арам. *раббони*), «мой учитель» — почтительное обращение к наставнику веры среди иудеев. Иоанна Крестителя и Иисуса Христа называли Р.

САДДУКЕИ (евр. *цадоким*) — религиозно-политическая прослойка, состоявшая из иудейских аристократов и высшего духовенства. С. отрицали устное предание (см.), веру в воскресение мертвых, в ангелов и последний Суд. С. держались буквы Библии, преимущественно Торы (см.). В евангельские времена С. составляли большинство в Синедрионе (см.). САМАРЯНЕ — жители палестинской области Самарии (Шомрона). Происходят от смешения израильтян с колонистами из Сирии и Двуречья. Религия С. основана на Торе (см.). В IV в. до н. э. С. полностью обособились от иудеев. В настоящее время осталось всего несколько сот С. Их религиозный центр находится на горе Гаризим, где прежде был самарийский храм.

СЕПТУАГИНТА (греч.) — так наз. «перевод семидесяти». Первый перевод Библии на греческий язык, осуществленный в Александрии в III—I вв. до н. э. Согласно легенде, перевод был выполнен 70-ю толкователями из Иерусалима. Перевод С. был принят христианской Церковью для употребления с первых же лет ее существования.

СИНАГОГА (греч. «сообщество»), или БЕТ-ХАКНЕСЕТ (евр. «дом собрания») — молитвенный дом в иудейской религии. С. появились ок. VI—V вв. до н. э.

СИНЕДРИОН (евр. *Санхедрин*, или *Бет-дин*, т. е. «дом суда»).— В эпоху Второго храма С. назывались: а) советы старейшин в городах Иудеи, б) центральный Совет богословов во главе с «наси», председателем-раввином, в) иерусалимский религиозно-политический трибунал, или Великий С. Последний включал 72 человека. В экстренных случаях собирався Малый С. (23 чел.). Главой трибунала был первосвященник. Перед войной 66—70 гг. в этом С. были представлены и саддукейская и фарисейская группировки.

СИНОПТИКИ — три первых евангелиста: Матфей, Марк, Лука.

СЛАВА — в Библии — синоним Богоявления.

СОТЕРИОЛОГИЯ (греч.) — учение о спасении.

СУККОТ — см. Кушей праздник.

СЫН ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ (арам. *Бар-наша*) — в Библии и апокрифах (см.): а) синоним человека, смертного, б) один из титулов Мессии.

ТАЛМУД (евр. «учение») — сборник документов иудейского гражданского и церковного права, богослужебных уставов, этических норм, афоризмов, притч и легенд. Создавался Т. в среде раввинов-таннаев (см.), преемников фарисеев (см.), в первые века н. э. Т. делится на *Мишну* («повторение»), *Тосефту* (комментарий к Мишне) и две Гемары («завершение») — Иерусалимскую и Вавилонскую. Трактаты, входящие в Мишну и Гемары, имеют одинаковые названия. При цитировании главы Мишны указываются латинскими цифрами, а разделы Гемар — арабскими.

ТАННАИ (от арам. *тени*, «учитель») — законоведы иудаизма I—III вв. н. э.

ТЕТРАРХ (греч. «четверовластник») — правитель одной из четырех областей страны. В эпоху проповеди Христа тетрархами Палестины были Лисаний и сыновья Ирода: Антипа и Филипп. Четвертой областью правил римский прокуратор.

ТЕФИЛЛИН (от евр. *тефилла*, «молитва»), или **ХРАНИЛИЩА** — небольшие тексты из Торы (см.), которые укрепляются на лбу при помощи ремешков. Считаются составной частью богослужебной одежды в иудаизме.

ТОРА (евр. «наставление») — одно из названий Пятикнижия (см. Библия), или Закон. По верованиям позднего иудаизма, кроме письменной Т. Моисею была дана Богом и устная Т. (см. Предание).

ТОСЕФТА — см. Талмуд.

ТРИБУН (лат.) — один из высших чинов римского офицерского состава.

ФАРИСЕИ (евр. *перушим*, арам. *перушайя* — «отделившиеся») — религиозная партия или группировка (евр. *хабурот*, от *хабер*, «товарищ»), возникшая в Иудее во II в. до н. э. Ф. были толкователями и ревностными исполнителями Закона (см.), верили в воскресение мертвых, в ангелов, скорый приход Мессии и последний Суд. Ф. делились на консервативных (учеников Шаммая) и более либеральных (учеников Гиллеля).

ХАЛЛЕЛ (евр.) — пасхальные иудейские молитвословия, состоящие из псалмов с припевом «Аллилуя» (Халлелуйа).

ХАНУКА — иудейский праздник Обновления храма, или праздник Огней. Был установлен с 164 г. до н. э. в честь освобождения храма от язычников. Х. справлялся 8 дней, начиная с 25 кислева (ноябрь — декабрь).

ХАСМОНЕИ (евр. *Хашмоним*, «потомки Хашмона») — династия иерусалимских царей-первосвященников, основанная братьями Иуды Маккавея. Правила со 140 по 63 гг. до н. э.

ХРИСТОС (греч., или **МЕССИЯ** (евр. *Маши'ах*, араб. *машиха*), — помазанник. Лицо, посвященное Богом на служение Ему: пророк, или чаще всего — царь. В узком смысле слова Х. — обетованный в ВЗ Спаситель. Христианство исповедует веру в то, что Иисус Назарянин есть Х.Спаситель.

ШАВУОТ — см. Пятидесятница.

ШЕХИНА (араб. «пребывание вблизи») — богословский термин, означающий пребывание Бога в мире. Понятие Ш. возникло в иудаизме ок. I в. н. э.

ЭКЗЕГЕТИКА (греч.) — изучение и толкование библейского текста.

ЭСХАТОЛОГИЯ (греч. «учение о конце») — система представлений о последних судьбах мира и о посмертной участи человека.

ХРОНОЛОГИЯ

Годы до н. э.	События и лица
Ок. 1900—1600	Авраам и патриархи
Ок. 1250	Моисей. Исход из Египта
Ок. 1200	Иисус Навин. Вторжение Израиля в Ханаан
Ок. 1000	Воцарение Давида
966	Построение Первого (Соломонова) храма
931	Разделение еврейского царства на Израиль и Иудею
Ок. 850	Пророк Илия
VIII—VI вв.	Эпоха пророков-писателей
721	Падение Израильского царства
587	Падение Иудейского царства. Вавилонский плен
538	Возвращение иудеев из Вавилона. Восстановление Иерусалима
516	Построение Второго храма
170—160	Гонение Антиоха IV Епифана и восстание Маккавея
142—63	Хасмонейская династия
Ок. 140	Основание есеевского ордена
63	Помпей присоединяет Иудею к Римской империи
37	Ирод Великий становится царем автономного Иудейского царства
7—6	РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО
4	Смерть Ирода Великого. Восстание в Иудее. Архелай, Антипа, Филипп правят в Палестине
Годы н. э.	
6	Низложение Архелая. Иудея вновь превращена в римскую провинцию. Восстание zelотов. Двенадцатилетний Иисус в храме
6—15	Первосвященник Ханан (Анна)
14	Смерть Августа. Воцарение Тиберия
18	Иосиф Кайафа назначен первосвященником
26	Пилат назначен прокуратором Иудеи
27	Проповедь Иоанна Крестителя. Крещение Иисуса. Начало Его служения. Первые ученики, Иисус в Капернауме
Весна 28	Второе посещение Иисусом Иерусалима
Осень 28	Избрание Двенадцати. Смерть Крестителя
Весна 29	Умножение хлебов близ Вифсаиды. Иисуса хотят провозгласить царем. Иисус в Финикии, Десятиградии и в тетрархии Филиппа

Лето 29	Исповедание Петра и Преображение
Осень 29	Иисус на празднике Кушей. Борьба против Него книжников
Декабрь 29	Иисус на празднике Ханука. Его пребывание за Иорданом
Весна 30	Воскрешение Лазаря. Последнее путешествие из Заиордания в Иерусалим
Суббота	
1 апреля 30	Иисус в Вифании
Воскресенье	
2 апреля	Торжественный въезд Христа в Иерусалим
Среда	
5 апреля	Пророчество о конце. Предательство Иуды
Четверг	
6 апреля	Тайная вечеря. Взятие Христа под стражу. Допрос у Ханана
Пятница	
7 апреля	Приговор Синедриона. Суд и приговор Пилата. РАСПЯТИЕ ИИСУСА ХРИСТА
Воскресенье	ВОСКРЕСЕНИЕ ХРИСТОВО
9 апреля	Ученики отправляются в Галилею
14 апреля	Возвращение апостолов в Иерусалим. Последнее явление им Иисуса (Вознесение)
18 мая	

РИСК И НЕИЗБЕЖНОСТЬ ПЕРЕСКАЗА

Этой истории две тысячи лет без малого.

Для одних — самая реальная реальность, с которой, при свете которой живешь изо дня в день.

Для других — чуть подальше: то, во что полагается верить людям верующим.

Для третьих — еще дальше: один из компонентов культурной традиции, «мотив», «образ», метафора для описания вещей посторонних. Очень емкая метафора.

Для четвертых, наконец, — вредный вздор, который необходимо всеми дозволенными и недозволенными приемами изгладить из памяти человечества.

Но ни первые, ни вторые, ни третьи, ни даже четвертые не могут позабыть, успокоиться, жить, как будто ничего не было. «Огонь пришел Я низвести на землю»; этот огонь обжигает до сих пор. Старую историю будут передумывать снова и снова.

Четыре древних повествователя изложили ее очень сжато, с тревожащими наше воображение лакунами, с загадочными умолчаниями, а главное — не позволяя себе никаких мотиваций, даже никаких оценочных эпитетов. Каждое их слово как будто погружено в молчание, омывается молчанием, как остров — океаном. То, что они рассказали, требует толкователей, но своего собственного истолкования в себе не содержит. Что может быть менее похоже на обычную религиозную литературу, например, на традиционные жития святых? Там-то все разъяснено, растолковано, там на каждом шагу словно расставлены дорожные указатели, сообщающие, какая дорога ведет в рай, а какая — в ад, там за каждым движением героя и его антагонистов указаны мотивы. В Евангелиях — ничего подобного.

Вот, что Иисус «во время оно» сделал. Вот, что сказал. И точка.

«Во время оно»... Последовательность эпизодов прерывна, что ощущается резче всего, конечно, у Марка, но неизбежно в различной мере и для других евангелистов. Деление евангельского текста на главы и «стихи» — позднее, искусственное и не очень вразумительное (хотя и удобное для практики цитирования); само по себе повествование членится именно на эти обособленные эпизоды, «перикопы», как они были названы в церковной практике. И расстояние от одного эпизода до другого не заполнено ничем, кроме молчания.

Сказано заведомо «не все». «Всего» не скажешь, как ни старайся. «Если бы писать о том подробно, то, думаю, и самому миру не вместить бы написанных книг. Аминь». Такими словами заканчивается Евангелие, стоящее в каноне последним.

Толкователи пришли очень скоро. И в числе их — толкователи особого рода, которых можно назвать пересказчиками.

Уже в IV в. наследники римской образованности перелагали латинскими гекзаметрами сводное Евангелие, основывая традицию, которая была продолжена в IX в. древнесаксонским эпосом «Гелианд», в XVII в. — «Возвращенным раем» Мильтона, в XVIII в. — «Мессиадой» Клопштока. За поэтами последовали пересказчики в прозе, одни — благоговейные, другие — не очень. Нам сейчас трудно понять успех «Жизни Иисуса» Ренана (1863 г.); чересчур самодовольное красноречие и размягченное воображение оскорбляют наш вкус, а двусмысленность позиции оттолкнет в наши дни как верующего, так и атеиста. Но своевременность книги была угадана Ренаном верно, ничего не скажешь. В XX столетии был трехтомник Мережковского «Иисус Незвестный»,

где прорывы живой человеческой реакции на конкретность данных археологии и филологии (правда, уж очень по-дилетантски воспринятых) перемежаются, увы, с тяжеловесными красотами символистской неоромантики. Была «Жизнь Иисуса» известного католического романиста Мориака, с интересными психологическими домыслами. Был умный, на английский лад эмоционально сдержанный цикл из двенадцати радиопьес Дороти Сэйерс «Тот, Кто был рожден царствовать»... Всего не перечислишь.

Всякий рассказчик идет на огромный риск, просто потому, что, как бы хорошо он ни сказал, его речь все равно будет несравнимо слабее, чем первоизданное слово и первоизданное молчание первоисточника. Но этот риск, который люди избрали и изберут для себя снова и снова, побуждаемые внутренней необходимостью, и едва ли останутся на пути риска и неизбежности пересказа.

Эта, безусловно, талантливая книга, написанная с незаурядной компетентностью, с серьезным учетом новых данных науки, а также, добавим, с необходимым при контакте с наукой чувством пропорций, нигде не гипнотизирующая читателя эрудицией, но дающая ему возможность ориентироваться в еще не обжитом пространстве,— она берет на себя смиренную служебную роль проводницы к первоисточнику, к подлинному евангельскому тексту. И лучшее, что можно пожелать ее читателю, верующему или неверующему,— это с новой подготовленностью и потому с новой остротой восприятия перечитать четыре Евангелия.

С. С. Аверинцев

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ АВТОРА	9
ПРОЛОГ	17

Часть первая

ОТ ВИФЛЕЕМА ДО КАПЕРНАУМА

1. «Во дни царя Ирода»	37
2. Назарет	42
3. Предтеча. Иисус в пустыне	48
4. Галилея. Первые ученики	55
5. Благая Весть	62
Небесный Отец и богосыновство	63
Заповедь любви	68
Старое и новое	71
Земная жизнь и жизнь Вечная	80
Царство Божие	84
«А Я говорю вам...»	91

Часть вторая

МЕССИЯ

6. «Не мир, но меч...»	95
7. Знамения Царства	102
8. Двенадцать апостолов. Смерть пророка	110
9. «Хлеб жизни»	115
10. Тайна Сына Человеческого	120
Мессия: Царь и Спаситель	123
Сын Божий	127
Искупитель	129
Ученики перед тайной	132

Часть третья

НАВСТРЕЧУ ГОЛГОФЕ

11. Много званых — мало избранных	137
12. Час близится	148
13. Виноградник Отца	155
14. Суд Мессии	162
15. Пасха Нового Завета	173
16. Ночь в Гефсимании	180

Часть четвертая

ЧЕРЕЗ СТРАДАНИЯ И СМЕРТЬ К ВЕЧНОМУ ТОРЖЕСТВУ

17. Саддукейский трибунал	187
18. Суд прокуратора	190
19. Голгофа	195
20. После распятия	200
21. Победа над смертью	203
22. «Я посылаю вас...»	212
ЭПИЛОГ	219

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Миф или действительность?	222
Мифологическая школа	222
Почитался ли когда-нибудь «бог Иисус»?	224
Нечто о «прототипах» Христа в мифах, легендах и истории	227
«Молчание века»	232
«Кто-то существовал...»	239
«Клубок противоречий и ошибок»	241
Когда и кем были написаны Евангелия	246
Евангельская история и вера	254
2. Иконография Христа и загадка Туринской плащаницы	261
3. Евангелие, Закон и фарисейство	268
ПРИМЕЧАНИЯ	278
БИБЛИОГРАФИЯ	301
СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ	327
ХРОНОЛОГИЯ	331
С. С. Аверинцев. РИСК И НЕИЗБЕЖНОСТЬ ПЕРЕСКАЗА	333

Мень Александр СЫН ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ

Ведущий редактор *М. В. Сергеева*
Художник *А. Ф. Быков*
Технический редактор *Н. Л. Неретина*
Корректоры *Т. П. Костенко, Н. Л. Юдина*

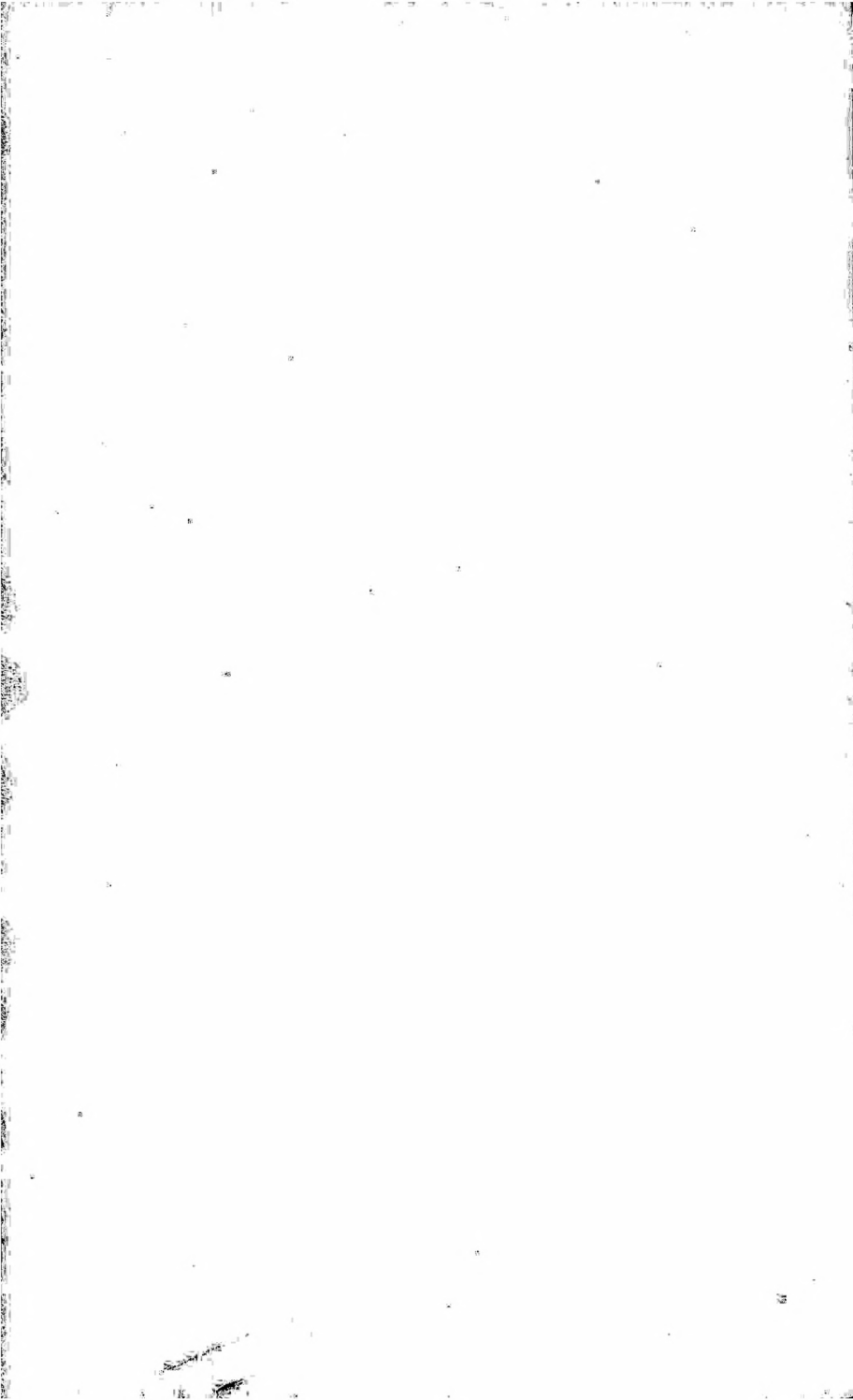
В набор 12.04.91. Подп. в печ. 12.06.91. Формат 84×108/32. Бумага
Гарнитура таймс. Офсет. Печ. л. 10,5. Усл. печ. л. 17,64. Уч.-изд.-л. 22,9.

Зак. 428. Тираж 100 000 экз. Цена 12 руб.

ИПЦ «Вита»

103009. Москва, Козицкий пер., 1а.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии № 1.
220041, г. Минск, Ленинский пр. 79.

Протоиерей
АЛЕКСАНДР МЕНЬ
родился 22 января 1935 г.
в Москве.

С 1953 г. изучал биологию в институтах Москвы и Сибири.

Рукоположен 1 июня 1958 г.,
параллельно с приходской работой
окончил Ленинградскую семинарию
и Московскую Духовную Академию.

Кандидат богословия.

Печататься начал с 1959 г.

Основные труды — «Сын Человеческий», «Истоки религии»,
«Магизм и Единобожие», «У врат молчания»,
«Дионис, Логос, Судьба», «Вестники Царства Божия»
под псевдонимами А. Боголюбов и Э. Светлов —
вышли в брюссельском издательстве «Жизнь с Богом».
9 сентября 1990 г.

Александр Мень был убит по дороге в Храм...

Дорогой читатель!

Более половины средств, вырученных от издания
этого последнего варианта
книги «Сын Человеческий»
(законченного автором
за три с половиной месяца до гибели),
поступит в фонд общества
«Культурное возрождение» имени Александра Менья.

Готовятся к изданию:
«Лекции» и «Проповеди» протоиерея Менья,
а также сборник
«Воспоминания об отце Александре».

АЛЕКСАНДР МЕЛ
ПЕРВООБРАЗНИКЪ